Социология

ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

9
2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Кравченко А.И. Теория городской метафоры 6

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Абдурагимов З.Е. Инструменты «мягкой силы» в профилактике терроризма 10

Волков Ю.Г. Восстановление исторической справедливости и обеспечение государственно-гражданской интеграции поликультурного российского общества в условиях новой территориальности 16

Павлюченко Д.С. Образ киногероя в современных российских фильмах в контексте национальной идентичности России (на примере фильмов «Легенда № 17», «Экипаж» и «Движение вверх») 23

Эшимбекова Н.С. Нарративные образы и укрепление государственности: теоретико-методологический обзор подходов к нации, памяти и политическому мифу 30

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Агаммедов Р.М. Становление цифрового доверия в российском обществе 35

Баев П.А. Неуплата налогов как показатель трансформации экономического сознания трудящейся молодежи 39

Бызова М.А. Человеко-машинное взаимодействие в эргатических системах 44

Горбунов Д.И. Дискурсивные и риторические стратегии легитимации управленческих инноваций: кейс Agile-трансформации 52

Дидушко М.М. Ролевая неопределенность в виртуальных командах: социологический анализ 58

Журавлева И.А., Волгина У.А., Маликова А.И. Мотивация поступления на государственную гражданскую службу 65

Ли А.В. Этнокультурные особенности миграционных потоков на Дальнем Востоке: сравнительный анализ 73

Потемкин В.К. Солипсизм как форма воспроизведения в сознании человека конфликтных ситуаций и их преодоление в общественных практиках 79

Савгачев В.В., Плещёв И.Е., Шубин Л.Б., Ермошина М.Е. Обучение студентов медиков на блоке травматологии и ортопедии 88

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: **Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация**

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2, «Издательство «КноРус»
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
*http://*soziologi.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кравченко Альберт Иванович, доктор социологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Желтов Виктор Васильевич,** доктор философских наук, профессор; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы,** доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Петров Владимир Николаевич,** доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; **Силласте Галина Георгиевна,** доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; **Багдасарьян Надежда Гегамовна,** доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Рахманов Азат Борисович,** доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Грабельных Татьяна Ивановна,** доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; **Добренькова Екатерина Владимировна,** доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Бурмыкина Ирина Викторовна,** доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; **Маршак Аркадий Львович,** доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Осипов Александр Михайлович,** доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Афонин Юрий Алексеевич,** доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан,** профессор, факультет философии, Университет Черногории

Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; **Митрович Любиша,** профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; **Титаренко Лариса Григорьевна,** доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; **Фарро Антимо Луиджи,** профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; **Чжан Шухуа,** доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; **Соколова Галина Николаевна,** доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Институт социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; **Скворцов Николай Генрихович,** доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; **Осипова Надежда Геннадьевна,** доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Иванов Вилен Николаевич,** член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; **Хунагов Рашид Думаличевич,** доктор социологических наук, профессор; **Волков Юрий Григорьевич,** доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; **Ивченков Сергей Григорьевич,** доктор социологических наук, профессор, зав.кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **Дзуцев Хасан Владимирович,** доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тел.: +7(495) 741-46-28

Тираж 300 экз. Формат А4. *Подписано в печать:* 30.09.2025 *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Ардашев Р.Г. Кибербуллинг как форма моральной деградации 94

Корелин М.Н. Молодежь и спорт: патриотическое воспитание в условиях социокультурных трансформаций 100

Корнева М.И., Крылова В.Д. Гигиена как механизм формирования общественной идентичности в глобализированном мире 105

Матвеев Д.В., Плещёва Т.Н., Хахалина А.А. Социальные нормы как адаптивный инструмент: психологические механизмы их усвоения в межкультурном взаимодействии 111

Савгачев В.В., Ермошина М.Е., Шубин Д.Л. Плагиат в медицине: пути решения проблем 116

Салахутдинов В.Р. Структура политической коммуникации в российском сегменте социальных сетей как отражение изменений в социальной стратификации и конфигурации общественных групп ... 121

Саликов Р.Р. Взаимосвязь концепции заботы о себе и традиционных ценностей России, их значение для общества и личности 128

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Максимова К.С. Когнитивные инструменты неклассической логики и квантовых вычислений в технологии искусственного интеллекта 134

Сорокина М.А. Проблематичность публичной научной коммуникации: истоки и современность 140

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Давыденко Э.Н. Абрис неопределенности в трансгуманистической парадигме: философский аспект 147

Фатиев Н.И. Постмодернизм как нарративизм в современной философии истории 156

Чжан Юньфэй. Инь-Ян как механизм ценностной преемственности и культурной саморегуляции в китайской традиции 161

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Емелькина И.В., Мочалов Е.В. Совесть как регулятив в контексте культуры России 165

Курилов С.Н., Налимова А.С. Теоретико-методологические аспекты гуманистической парадигмы высшего образования в эпоху цифровизации 169

Тылик А.Ю. Философские основания персонализированных моделей общего образования 173

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Волкова Л.В., Свиридов И.А. Система оценки персонала в организации как компонент корпоративной культуры 180

Кельсиев В.Л. Ключевые этапы институционализации английской эстетической мысли в британской философской теории (XVII–XX вв.) 186

Кох И.А., Ладыжникова Е.В. Неоинституциональные аспекты деятельности малого и среднего предпринимательства 193

Хван Д.А. Алгоритм анализа цифровых форм политической мобилизации и участия 203

Чжан Ваньтай. Анализ стратегии доместикации при переводе логоэпистем в сборниках «Басни» И.А. Крылова 212

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Kravchenko A.I. Theory of urban metaphor 6

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

Abduragimov Z.E. Soft power instruments in terrorism prevention 10

Volkov Yu.G. Restoring historical justice and ensuring the state- civil integration of multicultural russian society in the context of the new territoriality 16

Pavlyuchenko D.S. The image of a film hero in modern Russian films in the context of Russia's national identity (based on the films "Legend № 17", "Crew" and "Going Vertical") 23

Eshimbekova N.S. Narrative images and strengthening statehood: a theoretical and methodological review of approaches to nationhood, memory, and political myth 30

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Agammedov R.M. The formation of digital trust in Russian society 35

Baev P.A. Tax evasion as an indicator of the transformation of economic consciousness of working youth 39

Byzova M.A. Human-Machine Interaction in Ergonomic Systems 44

Gorbunov D.I. Discursive and rhetorical strategies for legitimizing managerial innovations: a case of agile transformation 52

Didushko M.M. Role ambiguity in virtual teams: a sociological analysis 58

Zhuravleva I.A., Volgina U.A., Malikova A.I. Motivation for joining the state civil service 65

Lee A.V. Ethnocultural features of migration flows in the Far East: comparative analysis 73

Potemkin V.K. Solipsism as a form of reproduction in human consciousness of conflict situations and their overcoming in social practices 79

Savgachev V.V., Shubin L.B., Pleshchev I.E., Ermoshina M.E. Medical student education in the trauma and orthopedics module 88

Founded in March 2004. Published 12 times a year
Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Russian Sociological Association**
The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.

Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226

Editorial address: 117218, Moscow, Kedrova St., 14, Bldg. 2, KnoRus Publishing House
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru

CHIEF EDITOR

Albert Ivanovich Kravchenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zheltov Viktor Vasilievich,** Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali KulamOgly,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna,** Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna,** Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich,** Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmykina Irina Viktorovna,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich,** Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich,** Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhsutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazIITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan,** Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro
Kropp Fredric, Dean of Faculty, University of Monterrey, USA; **Mitrovic Ljubisa,** professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi,** professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua,** Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Social Sciences Abroad"; **Sokolova Galina Nikolaevna,** Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilievich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadievna,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich,** corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich,** Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house: Ruscience LLC, 117218, Moscow, st. Kedrova, 14, bldg. 2
Tel.: +7(495) 741-46-28

Circulation 300 copies. A4 format. *Signed for printing:* 09/30/2025 *Free price*

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

SOCIOLOGY OF CULTURE

Ardashev R.G. Cyberbullying as a form of moral degradation 94

Korelin M.N. Youth and sports: patriotic education in the context of socio-cultural transformations 100

Korneva M.I., Krylova V.D. Hygiene as a mechanism of public identity formation in a globalized world 105

Matveev D.V., Pleshcheva T.N., Khakhalina A.A. Social norms as an adaptive tool: psychological mechanisms of their assimilation in intercultural interaction 111

Savgachev V.V., Ermoshina M.E., Shubin D.L. Plagiarism in medicine: ways to solve problems 116

Salakhutdinov V.R. The structure of political communication in the Russian segment of social networks as a reflection of changes in social stratification and configuration of social groups 121

Salikov R.R. The Relationship between the Concept of Self-Care and Traditional Russian Values, Their Significance for Society and the Individual 128

ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Maksimova K.S. Cognitive tools of non-classical logic and quantum computing in artificial intelligence technology 134

Sorokina M.A. The problematic of public communication of science: origins and contemporaneity 140

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Davydenko E.N. The outline of uncertainty in the transhumanist paradigm: the philosophical aspect 147

Fatiev N.I. Postmodernism is the narrativism in the contemporary philosophy of history 156

Zhang Yunfei. In-Yang as a mechanism of value continuity and cultural self-regulation in Chinese tradition 161

SOCIAL PHILOSOPHY

Emelkina I.V., Mochalov E.V. Conscience as a regulatory in the context of Russian culture 165

Kurilov S.N., Nalimova A.S. Theoretical and methodological aspects of the humanistic paradigm of higher education in the era of digitalization 169

Tylik A.Yu. Philosophical Foundations of Personalized Models of General Education 173

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Volkova L.V., Sviridov I.A. The personnel assessment system in an organization as a component of corporate culture 180

Kelsiev V.L. Key stages of the institutionalization of English aesthetic thought in British philosophical theory (XVII–XX centuries) 186

Koh I.A., Ladyzhnikova E.V. Neo-institutional aspects of small and medium-sized enterprises 193

Khvan D.A. An algorithm for analyzing digital forms of political mobilization and participation 203

Zhang Wantai. Analysis of the domestication strategy in translating linguistic-cultural units in I.A. Krylov's Fables 212

Теория городской метафоры

Кравченко Альберт Иванович,
д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В отечественной и зарубежной литературе известно немало работ, посвящённых анализу роли и функций метафоры в научном исследовании. Джордж Лакофф полагал, что метафоры в науке не разукрашивают текст, а дисциплинируют мышление, помогая более точно провести процедуру концептуализации. Метафору он считал фактом мышления, а не языка. Благодаря метафорам расплывчатые абстрактные понятия науки превращаются в конкретные визуальные образы. Их совокупность в конкретной предметной области или целой дисциплине формирует conceptual mappings, т.е. нечто вроде научной картины мира.
Все это потребовало переосмысления сущности и роли метафоры в науке и философии. К примеру, в философии постмодернизма можно встретить такие метафоры, которые невозможно себе представить в теоретическом корпусе классической философии, а именно: коллаж, пространство репрессии, открытость разбитого, разломы, дискурс легитимации, плагиаризм, симулякр, карнавализация, перспективизм, габитус и т.д. Развитие современной науки и техники стимулировало появление специальных терминов для обозначения новой дидактики.

Ключевые слова: метафора, город, социология, теория, ассамбляж.

Теория – логически взаимосвязанная и упорядоченная система понятий, объясняющих большую совокупность эмпирических фактов. Города как и теории могут возникать на основе хорошо продуманного плана с учетом всех достижений человеческой мысли, а могут стихийно, подобно сорнякам. Очень много псевдо-теорий, квази-теорий, ложных и устаревших теорий, теорий одного случая и т.п. Точно также есть города-призраки, мертвые города, города только по названию и т.д. Все они – примеры пустых множеств, у которых есть имя, но нет ни фактов, ими объясняемых, ни людей, в них живущих.

Города, как и теории, бывают удачные и неудачные, расположенные в благоприятном климате или напротив, имеющие развитую инфраструктуру и без таковой. Теории и города могут притягивать к себе или отталкивать от себя. У них есть плохие и хорошие последствия. Их применение вызывает прогресс или становится большой ошибкой для человечества.

В абстрактном смысле наука есть не что иное, как упражнение развитого восприятия. Ее метафоры и теории направляют наше внимание на конкретные явления, информируя о тех вещах, которые мы должны игнорировать. Первый шаг любой науки, когда она подходит к неизвестному явлению и концептуализирует его, – это размышление о нем в терминах известных метафор [1].

Метафоры – средство транспортировки смыслов и миграции знаний из одной сферы в другую. Это как поезд, везущий продовольствие из плодородного района в голодающий. Привёз, разгрузили, теперь все сытые и довольные – будут жить. Но это не совсем удачная моя метафора метафоры. Можно иначе: пересадить растение из горшка в открытый грунт, где оно получает наибольший расцвет. Пример – дыра. Другие образы трансфера – мигранты, иноземцы, пришлые, переселенцы. Но образ перекати-поле не подходит, хотя это самое мобильное, потому что у него нет укорененности в родной почве. Оно везде будет странником. Метафора совсем другое дело.

Метафоры помогают открыть новые горизонты и ответить на оставшиеся без ответа вопросы в научной области. Как пишет Ф. Нюссель: «Удачные метафоры, т.е. те, которые представляют новую перспективу в какой-либо отрасли науки, обычно захватывают воображение целого поколения ученых, которые принимают их основной смысл и применяют вновь созданные идеи к ранее нерешенным проблемам… Научные револю-

ции часто основываются на новых метафорах, которые отвергают метафоры вытесненной теории» [2]. О том, что новая метафора может вызвать научную революцию, говорил еще Томас С. Кун [3]. Научные парадигмы состоят, в том числе, из символических обобщений, таких как $E = mc^2$ Эйнштейна, которые, без участия метафор, превращающих формулы в визуальные картины сознания, например, в виде искривления пространства в случае приближения к сверхмассивному космическому объекту или времени при световой скорости, бессильны. Как только ученые обнаружили расширение вселенной со сверхсветовой скоростью, как возникли новые космологические парадигмы, в частности мультивселенной.

Метафора используется как прием «образной рациональности», который позволяет невидимое сделать видимым, неизвестное – известным, непонятное – понятным. Новые метафоры дают новое понимание старым явлениям и «старое» понимание новым явлениям потому, что метафора – это операция переноса, а переносить можно только то, что ты уже имеешь. Вслед за новыми образами приходят новые реальности. Метафора – это фундаментальная эвристика, поддерживающая когнитивные перемещение понятий вдоль научно-исследовательского и инженерно-проективного поля.

Рис. 1. Соты – структурообразующая метафора современного мегаполиса

Они (рис. 1) по горизонтали запечатлены в жилых кварталах и по вертикали в архитектуре домов. Соты – пример фрактала, ибо все ячейки одинаковые.

Нередко для одного и того же понятия ученые используют разные метафоры, что Лакофф и Джонсон называют «согласованными наборами метафор» [4]. Примером служит город, который как только не называют: тюрьмой, инкубатором, айсбергом, сэндвичем и др. Не отстают от него общество, время, культура, человек и другие абстрактные категории. Французский социолог Р. Вормс уподобил общество организму, трактуя функции государства, сословий, церкви или денежного обращения наподобие функций головного мозга, мускулатуры, кровообращения в теле человека.

Чем выше уровень логического обобщения, тем более широкое множество эмпирических референтов оно охватывает, соответственно тем больше у него может быть метафор. Они прорастают, как грибы в лесу, не все сразу. То, что кажется сегодня наилучшей метафорой для города, завтра будет превзойдено еще более креативным его образом.

Согласованный набор метафор для понятия помогает дисциплинировать дальнейшие исследования, не разбрасываясь на мелочи, сосредоточив усилия по главным направлениям, что позволяет от экстенсивного поиска переходить к интенсивному. Вот почему в городской социологии так важно установить главные и второстепенные метафоры. Сразу замечу: одни городские метафоры сильно отличаются друг от друга, другие противоречат одна другой, например, одновременно как организма и механизма, сакрального и греховного пространства, третьи пересекаются либо согласуются между собой. Многие метафоры, как и понятия, несовместимы друг с другом. Пытаться действовать только в терминах последовательного набора метафор, значит, скрывать многие аспекты реальности. Успешное функционирование науки требует постоянной смены метафор. Использование множества несовместимых друг с другом метафор признано необходимым шагом [5].

Города распределены по частям света, материкам и странам. Теории – по областям знаний, научным дисциплинам и субдисциплинам. Города-миллионики подобны теориям-миллионникам, скажем теории Ньютона или Эйнштейна, которые притягивают к себе (сфера применения и сферы определения) сотни тысяч и миллионы людей и фактов.

Технические термины по преимуществу инвазивны – в отечественной архитектуре им строительстве применяется огромное число иностранных слов-терминов. Но метафоры по преимуществу не инвазивны, они местные, они изобретены самим народом для своего внутреннего пользования без оглядки на запад. Новый Арбат – вставная челюсть столицы (рис. 2) – убедительный пример. При строительстве Нового Арбата была уничтожена большая часть исторической застройки и проспект Калинина потерял привычный вид.

Метафора – не просто языковая сингулярность в виде отдельного слова. Каждая ссылка на соседнюю или связанную метафору создает длинную метафорическую цепочку, все звенья которой притягиваются общим объектом, например зданием, или предметом, скажем, парадигмой или теоретическим взглядом, как это обстоит в символическом интеракционизме. Таков и эффект домино в строительстве, где каждый элемент соединяется и влияет на другой.

Рис. 2. Вставная челюсть Москвы

Но не все слова вызывают у нас взрыв эмоций и игру воображения, как не все нуждаются в расшифровке, описании или дальнейшем развитии. Но метафоры именно таковы. Они порождают или сопровождаются текстом. Ю.М. Лотман писал о метафорах: «Предполагается, что читатель развернёт эти зёрна структурных конструкций в тексты» [6]. Метафорический текст формирует такое сообщение, которое может дополнять или даже трансформировать исходное зерно [7], т.е. слово, от которого оно произошло: дыра в заборе – исходный технический термин, черная дыра – глобальный научный и социальный образ, который постоянно растет и расширяется, завоевывая новые области своего применения. Появляются черные дыры в бюджете, в сознании, культуре. Биологический термин «организм» превратился метафору общества как организма и города как организма, где есть артерии-улицы, внутриквартальные проезды, линии метро и трамвая, по которым текут особые «кровяные тельца». Там иногда появляются тромбы – автомобильные пробки, узкие места и людские заторы. Взгляд на город как беспрерывный поток всех и всего во всех направлениях тут же вызывает метафору текучей современности З.Баумана, а та влечет за собой новые ряды ассоциаций и образных параллелей.

Ассамбляж – одно из ключевых понятий и метафора в философии Ж. Делёза и Ф. Гваттари – используется в городской социологии для создания теории ассамбляжа и модели города как точки сбора (*assemblage point*) – сборный пункт разных сил, ресурсов, силовых полей, усилий, т.е. коллективно создаваемый архитектурный проект, в котором периодически происходит перемонтаж, перестройка, реконструкция и пересборка [8]. Ассамбляж связан с понятиями сети, множественности, эмерджентности и неопределенности. Теория ассамбляжа предлагает онтологию *снизу вверх.* В некотором смысле ассамбляжи являются основными продуктами «потоков желания» и жизненных сил, причем разнонаправленных и противоречивых, в частности власти и народа. «Лондон – это коллаж мест».

Метафора развертывается, расширяется, разрастается до системы метафорических полей и областей. Вот московский пример: «…узкие» места в структуре – стопроцентная аналогия с тромбами в кровеносной системе. Такие места – у гостиницы «Аврора» на Петровке, у гостиницы «Армения» на Неглинной, у бизнес-центра «Коперник» на Долгоруковской – их много» [9]. Единичные метафоры становятся точками сбора окружающих их смыслов и образов.

Эмиграция европейцев в США в XX веке придала новый смысл метафоре «старосветские». Повесть Н.Гоголя «Старосветские помещики» из цикла «Миргород», написанная в 1835 г., описывает рутинную жизнь двух пожилых провинциалов. Прилагательное «старосветские» может иметь несколько значений, в том числе старомодные, допотопные, принадлежащий к старому миру, придерживающиеся старых нравов, нечто неспешное, спокойное, наивное. Другое значение: в произведении описан быт помещиков отдаленных деревень, которых в Малороссии (Украина) обыкновенно называют (называли) старосветскими. И вот в Америку из Старого Света хлынул поток искателей счастья. Один из пунктов – Бервин, штат Иллинойс, один из ближайших пригородов Чикаго, поселение среднего класса, состоящее из бежевых кирпичных бунгало. Столетие назад Бервин, куда нахлынули волны чехов, итальянцев, поляков и ирландцев, устраивающихся работать на литейные предприятия, был известен как ворота для иммигрантов. Но времена изменились, пишет Майкл Вайс [10], фабрики закрылись, а «старосветские жители Бервина» постарели. Прилагательное «старосветские» приобретает новый, географический, смысл – приезжие из другой части земного шара. Но не только географический. Старая Европа в начале XX века отставала от передовой Америки во всех отношениях, и не только в индустриальном. Прилагательное стало метафорой носителей научно-технической отсталости и представителей другого географического региона одновременно.

Метафора превращается в модель – систему или совокупность взаимосвязанных понятий, терминов, идей и представления. Понятий – вершины графа, представления о том, как они связаны, что между ними общего – это ребра графа. В итоге получаем сетевой подход к сложным и насыщенным метафорам. Пример таких крупных метафор-моделей: город-организм, город-механизм (город-машина). Внутри первой модели сердце, печень, мозг, артерии.

Как оказалось, больше всего людей привлекает порядок, предсказуемость и смысл – в случайных событиях окружающей жизни. Научная теория имеет множество проявлений, в том числе, как связная совокупность схем, моделей и метафор. С ее помощью люди пытаются осмыслить свой

мир, т.е. увидеть в необычном и новом знакомое и привычное. Метафоры и есть способ переноса на неизвестное привычного и знакомого – этакий «переносчик заразы». К примеру, сравнив мегаполис с гудящим ульем, мы сразу получаем точную и впечатляющую картину современного города. И уже не требуется дополнительных разъяснений. Они – лишь технические уточнения при дальнейшем углублении в тему. Заинтересовался подробностями, иди дальше. Но яркий образ города вначале пути послужит схемой лабиринта, который рассматривают туристы перед его посещением.

Литература

1. Theoretically framing the sociology of the road thinking (and observing) metaphorically. – URL: http://www.trinity.edu/mkearl/hwtheory.html
2. Nuessel F. Figurative Language: Semiotics // A. Barber & R.J. Stainton (Eds.), Concise Encyclopedia of Philosophy of Language and Linguistics. Amsterdam: Elsevier, 2010, p. 240.
3. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980, p. 219.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980, p. 221.
6. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 77.
7. Симоненко М.А. Роль метафоры в понимании архитектурных текстов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, № 3–2 (23). 2012. С. 146.
8. Kamalipour H., Peimani N. Assemblage Thinking and the City: Implications for Urban Studies // Current Urban Studies 2015. 03(04):402–408.
9. Симоненко М.А. Роль метафоры в понимании архитектурных текстов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, no. 3–2 (23). 2012. С. 147.
10. Weiss Michael J. The Clustered World: How We Live, What We Buy, and What It All Means About Who We Are. Boston: Little, Brown, 2000.

THEORY OF URBAN METAPHOR

Kravchenko A.I.
Professor, Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

In Russian and foreign literature, there are many works devoted to the analysis of the role and functions of metaphor in scientific research. George Lakoff believed that metaphors in science do not decorate the text, but discipline thinking, helping to more accurately carry out the conceptualization procedure. He considered metaphor to be a fact of thinking, not language. Thanks to metaphors, vague abstract concepts of science are transformed into specific visual images. Their combination in a specific subject area or an entire discipline forms conceptual mappings, i.e. something like a scientific picture of the world.

All this required a rethinking of the essence and role of metaphor in science and philosophy. For example, in the philosophy of postmodernism one can encounter metaphors that are impossible to imagine in the theoretical corpus of classical philosophy, namely: collage, space of repression, openness of the broken, faults, discourse of legitimation, plagitarism, simulacrum, carnivalization, perspectivism, habitus, etc. The development of modern science and technology has stimulated the emergence of special terms to designate new didactics.

Keywords: metaphor, city, sociology, theory, assemblage.

References

1. Theoretically framing the sociology of the road thinking (and observing) metaphorically. – URL: http://www.trinity.edu/mkearl/hwtheory.html
2. Nuessel F. Figurative Language: Semiotics // A. Barber & R.J. Stainton (Eds.), Concise Encyclopedia of Philosophy of Language and Linguistics. Amsterdam: Elsevier, 2010, p. 240.
3. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980, p. 219.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980, p. 221.
6. Lotman Yu.M. Articles on the Semiotics of Culture and Art. St. Petersburg: Academicheskiy proekt, 2002. P. 77.
7. Simonenko M.A. The Role of Metaphor in Understanding Architectural Texts // Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. № 3–2 (23). 2012. P. 146.
8. Kamalipour H., Peimani N. Assemblage Thinking and the City: Implications for Urban Studies // Current Urban Studies 2015. 03(04):402–408.
9. Simonenko M.A. The Role of Metaphor in Understanding Architectural Texts // Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. № 3–2 (23). 2012. P. 147.
10. Weiss Michael J. The Clustered World: How We Live, What We Buy, and What It All Means About Who We Are. Boston: Little, Brown, 2000.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Инструменты «мягкой силы» в профилактике терроризма

Абдурагимов Заур Елшадович,
председатель, Федерация служебно-прикладной подготовки силовых структур «К-9» и специалистов органов безопасности «Кремль-9»
E-mail: abduragim.zaur@gmail.com

Использование «жесткой силы» в борьбе с терроризмом в обстоятельствах новых политических реалий оказывается нерезультативным, неэффективным методом предотвращения глобальной угрозы. Для того чтобы бороться с терроризмом эффективно, недостаточно лишь реагировать на его проявления – необходимо принять меры по его профилактике. Анализ результатов использования военной силы приводит к нахождению новых способов профилактики и борьбы с терроризмом, в частности применение концепции «мягкой силы». Это требует включения в политику инструментов «мягкой силы», способных нейтрализовать угрозы, проистекающие из искаженного восприятия культуры, ненависти и враждебности. В ближайшей перспективе страны будут полагаться на эту концепцию политических технологий при рассмотрении долгосрочных потенциальных террористических актов. В качестве факторов успешной политики «мягкой силы» могут выступать идеология, религия, обмен информацией, посредничество, образование, международное сотрудничество государств, которые будут содействовать развитию стратегии в борьбе с терроризмом. Данный подход помогает разрушить источники радикализации и создать устойчивую основу для долгосрочной безопасности, избегая конфронтации и насилия. Статья посвящена рассмотрению основных инструментов «мягкой силы» с целью профилактики терроризма как России, так и других стран.

Ключевые слова: терроризм, мягкая сила, профилактика, государства, страна, угроза.

Введение

В современное время рассмотрение концепции «мягкой силы» как метода профилактики терроризма выходит значимой проблемой как в теоретическом, так и в практическом плане. Это обуславливается тем, что не существует единых трактовок данного термина, расплывчато его содержание. Помимо этого, в мире нет единой стратегии для предотвращения угроз странам. Для каждого государства свойственен свой перечень методов, средств профилактики и противодействия терроризму, которые учитывают разные факторы: социокультурный, исторический, политический, географический, психологический [2].

Трансформации, происходящие сейчас в геополитической обстановке мира, интенсивное формирование новых технологий в разных областях деятельности человека оказывает сильное воздействие на состояние национальной безопасности России. При этом современные угрозы общественной и государственной безопасности страны остаются не только актуальными, но и имеют перспективы развития. Это обусловлено во многом использованием на практике разных политических технологий и стратегий воздействия на государства для дестабилизации в них социально-экономической обстановки при участии разных деструктивных сил, в том числе экстремистских и террористических организаций [5].

Материалы и методы исследования

С целью изучения воздействия инструментов «мягкой силы» на профилактику терроризма были использованы материалы социологических и политических исследований. Вместе с тем применялись теоретические методы исследования, включающие сравнение, анализ, оценку, обобщение информации.

Сущностная характеристика «мягкой силы»

С конца двадцатого столетия в политических и дипломатических словарях появился термин «мягкая сила», разработанный Дж. Наем и описываемый как форма политической власти, позволяющая государству достигать желаемых результатов за счет добровольного участия, привлекательности и симпатии. Основатели этой стратегии предполагают

использование нематериальных ресурсов, методов убеждения, культурных достижений и политических идеалов для воздействия на население других стран без опоры на традиционные методы военного или силового давления [3].

Сущность «мягкой силы» состоит в том, что субъект может воздействовать на результат от другого субъекта с помощью проявления последним желания принять практики и правила поведения первого, в том числе следовать его примеру. В таком обстоятельстве субъекты представляют собой государства, какие в процессе международных отношений оказывают друг на друга конкретное воздействие, вследствие какого некоторые государства желают следовать за доминирующим государством, соглашаются с нормами и одобряют его институты. Данное обстоятельство реализуется не за счет принуждения, а по разработке своего имеджевого образа и доведения его до субъекта влияния. В узком понимании «мягкая сила» есть ресурс, которым государство должно уметь пользоваться для достижения своей цели [12].

Использование «мягкой силы» странами

Широкое использование концепции «мягкой силы» прослеживается в национальной стратегии США и даже закреплено в официальной терминологии страны. Согласно этому определению, «мягкая сила» представляет собой совокупность экономических, дипломатических, военных, политических, культурных, юридических инструментов ненасильственного воздействия на ситуацию в зарубежных странах с целью оказания влияния, соответствующего национальным интересам и обеспечивающего безопасность США». Примеров использования «мягкой силы» в данной стране достаточно много: негласная поддержка экстремистских организаций, политические и экономические санкции, инициирование революций, помощь неправительственных организаций в перечне стран [6].

В современное время «мягкая сила» применяется некоторыми западными странами в качестве инструмента их политики. «Мягкая сила» государства подразумевает способность оказывать воздействие на иные государства для поиска союзников в конкретных областях, создание повестки дня для достижения желаемого результата. Нужно отметить, что зачастую инструменты «мягкой силы» оказываются более сильным оружием в сравнении с военной силой, поскольку возможности государства применять традиционные силовые механизмы для получения внешнеполитических целей снижаются [16].

Инструменты реализации «мягкой силы» предполагают осуществление ее двумя способами: прямое и косвенное воздействие. Прямое воздействие подразумевает, что лидеры государств изменяют свое направление политики под влиянием убеждений иных лидеров и привлекательности их установок, ценностей. При косвенном воздействии инструменты «мягкой силы» нацелены на изменение третьих сторон и общественное мнение, обуславливающих решения, принимаемые политическими лидерами [14].

Терроризм – одна из главных угроз странам

Терроризм представляет собой довольно стандартный набор мировоззренческих установок, инструментов, идей и действий, используемых отдельными группами, замкнутыми сообществами или государствами для достижения своих экономических, политических или этноконфессиональных целей. На всех стадиях своего действия он постоянно показывал себя в разных обличиях, формах, цветах, под различными лозунгами, знаменами, применяя свойственные лишь ему инструменты, тактику, приемы подавления и устрашения своих противников [4].

Сущность терроризма остается с годами неизменной – это публичное проявление насилия, направленное на людей с целью внедрения определенных идеологий, духовных, экономических, общественных или политических догматов. Такой подход обеспечивает более эффективный контроль над населением внутри страны. Наиболее опасные террористические организации часто возникают в религиозных конфессиях и изолированных регионах, где решения задач достигаются гораздо быстрее и проще за счет социального и культурного отступления.

О значении терроризма в политической и духовной истории человечества, жизни разных народов и стран, существует немало информации, проведено множество исследований. Но это не помогло государствам сплотиться перед данной угрозой. В настоящее время у мирового сообщества нет четкого определения терроризма, что может свидетельствовать о существовании различий в концепциях различных стран и их политических классов к анализу терроризма и наличии интереса к применению его в своих стратегических и текущих целях [11].

Инструменты «мягкой силы» в профилактике терроризма

Первым нормативно-правовым актом в Российской Федерации, определяющим организационную основу профилактики и борьбы с терроризмом, стал указ Президента России № 116 «О мерах по противодействию терроризму» от 15 февраля 2006 года. В рамках его принятия был создан Национальный антитеррористический комитет (НАК), руководимым директором Федеральной службы безопасности (ФСБ РФ). Для обеспечения координации действий федеральных органов исполнительной

власти, субъектов Российской Федерации и местных органов власти в области предотвращения терроризма, а также по минимизации и ликвидации его последствий, были учреждены антитеррористические комиссии на уровне субъектов страны [13].

Поскольку система управления политикой не включает в себя собственные силовые структуры, основная роль государства заключается в реализации концепции «мягкой силы», которая выражается через развитие программ профилактики и противодействия терроризму, предлагаемых различными странами. Эти инициативы направлены на решение таких задач, как контроль за границами, предотвращение радикализации, обеспечение авиационной безопасности и исключение террористических актов.

В профилактике терроризма важно применять не только меры вооруженных сил, но и рационально использовать инструменты «мягкой силы». Одним из ключевых инструментов данной стратегии является использование интернета и цифровых технологий. В то же время, террористические организации активно используют возможности виртуального пространства для достижения своих целей, что делает проблему транснациональной и требует внедрения целостных концепций по профилактике терроризма. Террористические группы используют сеть для вербовки новых сторонников, распространения экстремистских идей, подстрекательства к насилию, обучения, сбора финансовых средств и планирования новых актов, обуславливающих их деятельность в цифровой среде [17].

Особое значение придается потенциалу цифровых технологий в области профилактики террористических актов. Эти инструменты позволяют осуществлять сбор разведывательных данных, своевременно выявлять угрозы, принимать меры по недопущению и подавлению террористической деятельности, а также собирать доказательства, необходимые для юридического преследования преступников. Использование цифровых решений становится главным источником в профилактике и борьбе с терроризмом, расширяя возможности правоохранительных органов и разведывательных служб.

Контртеррористические идеи применения «мягкой силы» в области профилактики терроризма включают стратегические коммуникации и инновационные взгляды, направленные на противодействие распространению экстремизма, которые могут стать источником террористических актов [15].

Учитывая вышесказанное, высокую значимость имеет проведение совершенствования национальных правовых механизмов, направленных на профилактику и пресечение террористической деятельности в онлайн-пространстве. Эффективная законодательная база, которая криминализирует подстрекательство к экстремистским действиям и другим формам пропаганды насилия, становится одним из главных инструментов «мягкой силы» в профилактике терроризма. Такой подход не только укрепляет правовые основы безопасности, но и помогает предупредить внезапные проявления экстремизма, снижая вероятность реализации террористических актов [9].

Необходимо предоставить правоохранительным органам расширенные полномочия для проведения расследований, связанных с террористической деятельностью в социальных сетях и интернете с целью профилактики терроризма. Важным элементом является тесное сотрудничество операторов связи и интернет-провайдеров с государственными структурными подразделениями для эффективного мониторинга и пресечения противоправных действий онлайн. К примеру, учитывая факты использования интернет-кафе террористами для организации и планирования преступлений, некоторые государства с целью профилактики терроризма вводят обязательные меры: требование к владельцам заведений собирать и хранить личные данные клиентов, включая удостоверяющие личность документы, контактную информацию и адреса. Данные меры значительно облегчают работу правоохранительных органов и позволяют вовремя пресекать угрозы, не нарушая основные принципы безопасности и конфиденциальности.

Таким образом, на сегодняшний день необходимо разработать тщательно продуманную стратегию профилактики терроризма. Важно учитывать использование «мягкой силы» со средоточием на реализации комплексных программ, охватывающих политические, социальные и идеологические аспекты, с учетом мнений и интересов населения разных стран. Не менее значима роль активного взаимодействия и работы всех слоев общества и различных институтов, которые заинтересованы в устранении угрозы терроризма [1].

Государственные структуры должны активнее внедрять и развивать неформальные способы обмена информацией на международной арене, дополняя традиционные официальные каналы. При решении трудностей, возникающих при расследовании дел, связанных с терроризмом, требуют сотрудничества между странами и согласования методов и средств сбора доказательств, которые могут находиться на территории нескольких государств. Данный процесс обуславливает необходимость достижения межгосударственных соглашений, чтобы обеспечить предоставление материалов в суды и следственные органы [7].

Одними из эффективных инструментов «мягкой силы» в международной профилактике терроризма могут стать специально созданные совместные следственно-оперативные группы. Мож-

но привести пример результативности такого сотрудничества: в сентябре 2015 года государства Сирия, Ирак, Иран и Россия приняли решение учредить информационный центр, в который вошли представители командных структур армий. Эта структура предназначена для сбора, обработки и анализа данных о ситуации на Ближнем Востоке, а также их распространения между участниками с целью координации совместных боевых операций против ИГИЛ – организации, запрещенной в России. Результат показывает, как объединение усилий и обмен информацией может значительно повысить эффективность профилактики и борьбы с террористическими группировками на международном уровне.

Вышеуказанный альянс и центр утвердили важное значение в обмене информацией, данными по вопросам безопасности военного характера между четырьмя странами. Центр способствовал укреплению сотрудничества между сторонами в профилактике и борьбе с терроризмом [8].

Для повышения эффективности использования «мягкой силы» в профилактике терроризма важно создать и постоянно совершенствовать подходы к организации деятельности власти в таких ключевых сферах, как: информационной, правовой, политической и идеологической. Не менее значимым является развитие и оптимизация работы специальных информационно-профилактических, оперативных, профилактических мероприятий, а также проведение военных и политических расследований [10].

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что с целью профилактики терроризма необходима комплексная работа, включающая эффективное взаимодействие органов государственной власти, силовых ведомств, особенных служб с религиозными, общественными и научными кругами. Результативность приведенной комплексной работы может быть получена при использовании в политике стран «мягкой силы». При этом источником влияния на потенциальных участников радикальных идеологий должно стать обучение, содержащее в себе как перечень конкретных знаний, так и систему мировоззренческих установок, исключающих радикализацию граждан. Важнейшей задачей является устранение возможностей для распространения пропаганды радикальных религиозных, националистических, расистских и шовинистских идей в информационном пространстве, особенно в сети «Интернет» и социальных медиа. Особое значение имеет активизация действий неправительственных организаций, занимающихся антитеррористической деятельностью, в регионах с наибольшими угрозами терроризма: на Ближнем Востоке, в Центральной и Юго-Восточной Азии.

Заключение

В заключении нужно отметить, что в настоящее время должны быть разработаны активные и превентивные меры по пресечению терроризма в странах, основывающиеся на системном подходе, включающем инструменты «мягкой силы» по противодействию террористических угроз. Расстановка приоритетов правительства зависит от меры социально-политической неустойчивости в каком-либо государстве и имеющихся у них возможностей. В России с целью профилактики терроризма представляется возможным определить общие тенденции деятельности войск национальной гвардии при использовании «мягкой силы»:

– в границах формирования гражданского общества участие: в формировании молодежных неполитических и некоммерческих организаций, в культурных выставках и фестивалях, в программах по формированию гражданского общества и его безопасности, в продвижении образовательных инициатив, в налаживании сотрудничества с отечественными научными, образовательными и аналитическими центрами, в содействии социализации инвалидов;
– в пределах формирования и популяризации российской идеологии участие: в патриотическом воспитании граждан, в противодействии искажению истории, в укреплении духовно-нравственных ценностей граждан, в развитии положительного образа вооруженных сил;
– по вопросам укрепления позиции Российской Федерации на международной арене участие: в кооперации с научной сферой стран-партнеров, в культурном обмене, в международных конференциях в сфере обеспечения национальной безопасности, в продвижении обучения в странах-партнерах, в содействии выходу образования на внешние рынки.

Литература

1. Авакьян М.В., Болвачев М.А., Волчецкая Т.С., Осипова Е.В. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2023. 44 с.
2. Авцинова Г.И., Воронина Е.Ю. Факторы «мягкой силы» в борьбе с терроризмом в Африке // PolitBook. 2021. № 2. С. 6–18.
3. Алещенко П.С. Soft power, hard power: соотношение понятий // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов. 2023. С. 11–16.
4. Амирджанян И.Г., Керейтова Э.Э. Терроризм // Вести научных достижений. 2020. № 10. С. 17–21.
5. Батчаев К.Р., Тулегенов А.Ш. Основные векторы трансформации современных политиче-

ских процессов в области обеспечения национальной безопасности России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3(76). С. 178–188.
6. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «Мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 20. № 1. С. 130–144.
7. Гатауллин Р.А. Взаимодействие государственных органов власти и органов субъектов Российской Федерации в сфере противодействия терроризму // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 2(34). С. 79–87.
8. Джавиш Р. Особенности политических технологий, направленных на профилактику распространения терроризма (на примере вооруженного конфликта в Сирии) // / Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 3А. С. 152–159.
9. Каменчук И.Л., Гуськова Е.А. Совершенствование работы в общеобразовательных организациях региона по профилактике идеологии терроризма и экстремизма: методические рекомендации. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2023. 24 с.
10. Методические рекомендации для субъектов Российской Федерации по планированию и информационному сопровождению мероприятий в рамках выполнения комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы. М., 2021. С. 1–37.
11. Михеев И.Р. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение // Владивостокский центр исследований организованной преступности при Юридическом институте ДВГУ. 2020. С. 1–43.
12. Наумов А.О., Белоусова М.В. Теория и методология управления // Вестник Московского университета. Управление (государство и общество). 2022. № 2. С. 3–23.
13. «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 года № 116 «О мерах по противодействию терроризму» и в состав оперативного штаба в субъекте Российской Федерации, за исключением Чеченской Республики, по должностям, утвержденным этим Указом»: указ Президента РФ от 10 ноября 2009 года № 1267 // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93614/ (дата обращения 23.09.2025).
14. Опенько Е.В. От традиционной дипломатии к использованию «мягкой силы»: дис. канд. ист. наук. Томск, 2012. 270 с.
15. Суслонов П.Е., Старостин А.Н., Назаров В.Л. Применение информационных технологий в профилактике экстремизма в молодежной среде: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 140 с.
16. Тонких В.А. «Мягкая сила» США и «мягкая сила» России: основы и особенности // Молодой ученый. 2022. № 50 (445). С. 371–375.
17. Эргашев Б.И. Кибербезопасность и противодействие кибертерроризму и экстремизму в странах Центральная Азия на современном уровне: результаты, проблемы и перспективы. Ташкент: Нисо Полиграф, 2020. 104 с.

SOFT POWER INSTRUMENTS IN TERRORISM PREVENTION

Abduragimov Z.E.
Federation of Service and Applied Training for Law Enforcement Agencies "K-9" and Security Specialists "Kremlin-9"

The use of "hard power" in the fight against terrorism in the context of new political realities is proving to be an ineffective and inefficient method of preventing a global threat. To effectively combat terrorism, it is not enough to simply respond to its manifestations; preventive measures are also necessary. An analysis of the results of the use of military force leads to the identification of new methods for preventing and combating terrorism, in particular the application of the concept of "soft power." This requires the inclusion of soft power tools in policy, capable of neutralizing threats stemming from distorted cultural perceptions, hatred, and hostility. In the near term, countries will rely on this concept of political technologies when considering long-term potential terrorist attacks. Factors in a successful soft power policy can include ideology, religion, information exchange, mediation, education, and international cooperation among states, which will contribute to the development of a strategy in the fight against terrorism. This approach helps to disrupt the sources of radicalization and create a sustainable foundation for long-term security, avoiding confrontation and violence. This article examines the main soft power tools used to prevent terrorism in Russia and other countries.

Keywords: terrorism, soft power, prevention, states, country, threat.

References

1. Avakian M.V., Bolvachev M.A., Volchetskaya T.S., Osipova E.V. Methodological recommendations for the prevention of the spread of the ideology of terrorism and extremism. Kaliningrad: BFU named after I. Kant, 2023. 44 p.
2. Avtsinova G.I., Voronina E.Y. Factors of "soft power" in the fight against terrorism in Africa // PolitBook. 2021. № 2. pp. 6–18.
3. Aleshchenko P.S. Soft power, hard power: the relationship of concepts // Culture and the nature of political power: theory and practice: collection of scientific papers. 2023. pp. 11–16.
4. Amirjanyan I.G., Kereitova E.E. Terrorism // Keep track of scientific achievements. 2020. № 10. pp. 17–21.
5. Batchaev K.R., Tulegenov A. Sh. The main vectors of transformation of modern political processes in the field of ensuring national security of Russia // The Caspian region: politics, economics, culture. 2023. № 3(76). pp. 178–188.
6. Bratersky M.V., Skriba A.S. The concept of "Soft power" in the US foreign policy strategy // Bulletin of International Organizations: education, Science, New Economy. 2014. Vol. 20. № 1. pp. 130–144.
7. Gataullin R.A. Interaction of state authorities and authorities of the subjects of the Russian Federation in the field of counter-terrorism // Science. Society. State. 2021. Vol. 9. № 2(34). pp. 79–87.
8. Javish R. Features of political technologies aimed at preventing the spread of terrorism (on the example of the armed conflict in Syria) // / Theories and problems of political research. 2022. Volume 11. № 3A. pp. 152–159.
9. Kamenchuk I.L., Guskova E.A. Improving the work in educational institutions of the region on the prevention of the ideology

of terrorism and extremism: methodological recommendations. Saratov: GAU DPO “SOIRO”, 2023. 24 p.
10. Methodological recommendations for the subjects of the Russian Federation on planning and information support of events within the framework of the implementation of the comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019–2023. Moscow, 2021. pp. 1–37.
11. Mikheev I.R. Terrorism: concept, responsibility, prevention // Vladivostok Center for Research on Organized Crime at the Law Institute of the Far Eastern State University. 2020. pp. 1–43.
12. Naumov A.O., Belousova M.V. Theory, and methodology of management // Bulletin of the Moscow University. Management (state and society). 2022. № 2. pp. 3–23.
13. “On amendments to Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2006, № 116 “On measures to combat terrorism” and to the composition of the operational headquarters in the Subject of the Russian Federation, with the exception of the Chechen Republic, in the positions approved by this Decree”: Decree of the President of the Russian Federation of November 10, 2009, № 1267 // Consultant Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93614 / (accessed 09/23/2025).
14. Openko E.V. From traditional diplomacy to the use of “soft power”: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Tomsk, 2012. 270 p.
15. Suslonov P.E., Starostin A.N., Nazarov V.L. The use of information technologies in the prevention of extremism among young people: an educational and methodological guide. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2021. 140 p.
16. Tonkikh V.A. “Soft power” of the USA and “soft power” of Russia: fundamentals and features // Young Scientist. 2022. № 50 (445). pp. 371–375.
17. Ergashev B.I. Cybersecurity and countering cyberterrorism and extremism in Central Asian countries at the present level: results, problems, and prospects. Tashkent: Niso Polygraph, 2020. 104 p.

Восстановление исторической справедливости и обеспечение государственно-гражданской интеграции поликультурного российского общества в условиях новой территориальности

Волков Юрий Григорьевич,
заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Цель исследования заключается актуализации исторической справедливости как фактора, являющегося необходимым в процессе консолидации общества, а также оказывающего прямое воздействие на государственно-гражданскую интеграцию граждан в условиях новой территориальности.
Методологической основой исследования выступают труды отечественных ученых в исследовании исторической справедливости. Эмпирическую базу исследования составляют социологические опросы прошлых лет.
Результатом исследования является проведенный анализ социологических исследований, а также рекомендации по использованию инструментов для поддержания исторической справедливости в гражданском сознании. Практическая значимость исследования заключается в актуализации исторической справедливости в научном сообществе. Рекомендации, представленные в исследовании, имеют практическую ценность в рамках внедрения в систему образования.
Перспективы исследования заключаются в развитии знания об исторической справедливости как фактора, обеспечивающего консолидацию российского общества в период социально-политической нестабильности.

Ключевые слова: историческая справедливость; социальная справедливость; поликультурное государство; консолидация общества; инструменты восстановления исторической справедливости.

Введение

На сегодняшний день российское общество претерпевает значительные изменения не только в контексте новой территориальности, но и в контексте изменения социально-политических процессов, системы национальной и международной безопасности. Так как изменения касаются переосмысления социальной реальности, российское общество приобретает мобилизационный тип развития, особенностью которого является формирование новых ценностей, а также стратегий, адаптирующих повседневность граждан под новые реалии. Таким образом, особое значение приобретает социальная справедливость, сохранение исторического наследия России. Для регулирования общественных процессов в условиях кризиса, идеологических и ценностных противоречий необходимо определить специфику восприятия исторической справедливости гражданами России. Таким образом, цель исследования заключается в рассмотрении исторической справедливости как фактора, определяющего успешность государственно-гражданской интеграции поликультурного российского общества в условиях новой территориальности на примере Республики Крым и Юга России.

В виду того, что российское общество приобретает мобилизационный тип развития, сопровождающийся кризисом угрозы национальной безопасности, государственному суверенитету, дестабилизация российского общества является причиной возникновения у населения страхов- социальной тревожности, что в последствии разрушает социокультурное пространство России. Таким образом, возникает потребность в нахождении новых «точек опоры», стабилизирующих социально-политические процессы России. В рассматриваемых условиях дальнейшее развитие общества невозможно без консолидации. Именно социальная и историческая справедливость выступают инструментами, регулирующими общественные процессы, обеспечивающими стабильность общества и его процессов.

Методология исследования

В качестве теоретико-методологической основы исследования выступают труды отечественного ученого Волкова Ю.Г. в аспектах определения исто-

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» (Государственное задание Министерства науки и высшего образования РФ, внутренний номер ГЗ0110/23–14-РГ). Проект выполняется в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

рической и социальной справедливости как факторов консолидации поликультурного российского общества. Эмпирическую базу исследования составляют труды Верещагиной А.В., Бинеевой Н.К. и Войтенко В.П., в рассмотрении социальной справедливости как фактора, определяющего развитие полиэтнической сферы Республики Крым. Помимо представленных трудов, особое значение для исследования имеют труды отечественных ученых в области поликультурной интеграции и адаптации граждан российского общества, в том числе граждан из новых регионов РФ, а также в контексте поиска инструментов и ресурсов, способствующих консолидации российского общества, формировании межгруппового доверия.

Результаты исследования

Стоит начать рассуждение с определения ключевой для исследования категории – государственно-гражданской интеграции. Итак, государственно-гражданская интеграция – это процесс, который направлен на отождествление индивида с гражданами страны, государственной территорией. Особое значение в исследовании государственно-гражданской интеграции, консолидации общества, имеет гражданская идентичность- чувство общности с гражданами государства, готовность принимать активное участие в развитии государства, приобщение к общепринятым ценностям, нормам и законам.

Государственно-гражданская интеграция осуществляется за счет следующих инструментов [5]: обеспечение равенства гражданских прав этнических общностей на уровне государства – данный инструмент предполагает регулирование и минимизацию межнациональных конфликтов, обеспечение межэтнического согласия, формирование российского общества; историческая справедливость и ее восстановление – приоритетное направление социальной политики государства, направленное на формирование государственной идентичности граждан России. В условиях новой территориальности, социально-политических вызовов, перечисленные категории имеют особое значение в консолидации российского общества и обеспечении национальной безопасности. Необходимо отметить, что гражданской идентичности как особому феномену, присущи две характеристики: субъективная и объективная сторона [8]. Так, субъективность гражданской идентичности заключается в межличностном взаимодействии граждан, солидарности, взаимности и сосуществования на одной территории. Объективная сторона основана на принципах нормативно-правовой целостности. Так, консолидация общества не может быть осуществлена только с субъективной или объективной стороны, только в совокупности сторон.

Как уже было упомянуто ранее, актуальность выбранной проблематики обоснована новой социальной реальностью российского общества, связанной с этими рисками. Также рассматриваемая в исследовании проблематика является привлекательной для научного сообщества. Выявление реальных угроз межнациональной безопасности сопровождается поиском эффективных инструментов и механизмов консолидации общества и гармонизации межэтнических отношений [6]. Так, к подобным механизмам стоит социальную и историческую справедливость, приобщение к духовно-нравственной культуре.

Необходимо отметить, что важным средством поликультурного взаимодействия народов является общий язык. На сегодняшний день современные молодые люди сталкиваются с ложной информацией и подменой понятий. Изучение рисков позволит выявить стратегии их преодоления.

Возвращаясь к рассуждениям о консолидации общества, стоит отметить, что в данном аспекте, в отношении формирования гражданской идентичности важным инструментом является историческая память. Так, историческая память представляет собой систему знаний о прошлом государства, значимых событиях в истории, культурных традиций, коллективного опыта, истории семей. К особенностям исторической памяти стоит отнести сохранение памяти о событиях прошлого, а также трансляцию опыта и знаний следующим поколениям [11]. Именно историческая память определяет Россию как уникальное государство, со своей неповторимой историей становления. В свою очередь, историческая память имеет несколько видов [1]: коммуникативная история – представляет собой историческую память трех поколений, характеризуется воспоминаниями малых социальных групп, таких как семья; культурная история – охватывает давнее прошлое, имеет форму памятников, писем, торжеств, памятных мест и дат; «мягкая» история- субъективная память человека, личные дневники; «жесткая» история- исторические факты, которые имеют документальное подтверждение. К функциям исторической памяти стоит отнести следующее [5]: способствует формированию общегражданской идентичности – принадлежности индивида к общности – народу, государству; ретроспектива прошлого, осмысление настоящего позволяет «строить» будущее, не допуская ошибок, совершенных в прошлом; формирование банка культурного наследия – музеи, памятники. Рассуждая о механизмах исторической памяти, необходимо отметить, что рассматриваемый феномен формировался стихийно, за счет создания «мест памяти», взаимодействии народов в процессе обмена опытом и собственной истории. Важную роль также занимают образовательные структуры, которые служат механизмом передачи исторической памяти.

Историческая память, в свою очередь, напрямую связана с исторической справедливостью.

Данный феномен имеет ключевое значение для исследования, потому его необходимо рассмотреть. Итак, историческая справедливость рассматривается со стороны двух концепций. Концепция Р. Нозика [10] связывает историческую справедливость существующего с историей его происхождения. Теория конструктивизма предполагает анализ мнений населения в контексте исторической справедливости. Стоит отметить, что историческая справедливость является дискуссионным понятием в виду неопределенности субъектов справедливости и проблемы нетождественности, то есть не в полной мере определяет преемственность знаний. Феномен исторической справедливости основан на ретроспективном анализе исторических событий. В данном контексте важным фактором является мнение граждан о важных исторических событиях, которые оказывают влияние на настоящее. Данное положение обосновано тем, что будущее напрямую зависит от того, ка люди воспринимают и трактуют прошлое. Историческая память и историческая справедливость связаны, так как стремление сохранить исторически достоверное знание является чувством исторической справедливости, стремлением ее восстановить.

Таким образом, стремление восстановить историческую справедливость является поликультурным составляющим российского общества. Необходимо отметить, что поликультурное общество – общество, в котором сосуществуют несколько культур. Для русского общества, являющегося поликультурным, установление исторической справедливости является консолидирующим фактором в виду того, что народ России прошел через трагичные события, главным из которых является Великая Отечественная война. Таким образом, характеристиками исторической справедливости является [7]: установление нравственных принципов; закон; практический опыт применения норм и принципов в общественной жизни. Принцип справедливости в историческом контексте определяет равенство прав граждан этнических общностей России. Особенность исторической справедливости заключается в поиске мер по регулированию прав общностей или групп людей в связи с их нарушением в прошлом. Таким образом, социальная справедливость также имеет эмоциональный аспект и субъективность. Тем не менее, установление фактов нарушения прав является социологической категорией, что приобретает объективность.

В 2023 году научным коллективом в рамках реализации проекта «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» был проведен масштабный социологический опрос в Республике Крым [2]. Выбранная тематика, следующая: гражданская идентичность; историческая справедливость; социальные проблемы; адаптация жителей Республика в статусе граждан России. Так, основными вопросами, составляющими социологический вопрос были вопросы, касающиеся мнения жителей Республики Крым, касательно справедливости присоединения новых территорий в 2023 году. Стоит отметить, что апелляция к тематика исторической справедливости присоединения новых территорий к РФ поднималась в региональных СМИ, в Ростовской области – 3,9% [2], в федеральных СМИ – 0,6% [2]. Стоит отметить, что отсутствие апелляции федеральных СМИ составляет 93,2% [2]. В ЛНР и ДНР данный показатель отсутствует на 100% [2].

Рассуждая о поликультурном пространстве российского общества, необходимо отметить, что особенностью взаимодействия культур в России является гармоничным взаимодействием, что во многом повышает гражданскую интеграцию, а также способствует эффективному формированию гражданского сознания.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что традиции и передача исторической памяти в кругу семьи являются значимым фактором в формировании общегражданской идентичности. Таким образом, в условиях Российской реальности, поликультурное взаимодействие представляет собой формирование единого стиля поведения, формирование общей исторической памяти. Передача традиций и исторической памяти являются средством стабилизации социокультурных отношений в обществе, способствует социальной интеграции [3].

В условиях социально-политической нестабильности Россия сталкивается с различными вызовами – обстоятельствами, нарушающими систему социальных взаимодействий, что приводит к появлению рисков и угроз безопасности страны и ее граждан. Так, для России, как для полиэтнического и поликультурного государства характерны следующие риски [9]: возрастающее социальное неравенство; нестабильность рынка труда; спекуляции на тему достоверности истории России; разрушение традиций; разрыв между поколениями и распад семей; искажение подлинных фактов истории и развития России как государства; распад системы образования, сокращение часов на дисциплины общественного профиля; противопоставление эпох развития России.

Стоит отметить, что продвижение традиционных ценностей, сохранение подлинных исторических фактов является необходимым условием для консолидации общества. Национальными инструментами в данном аспекте выступают СМИ, культура, органы власти, общеобразовательные и образовательные учреждения, ВУЗы, которые

направлены на продвижение идей патриотизма, гармонизации отношений за счет общих традиций и ценностей. Важным фактором уникальности России как поликультурного государства являются этносы- народы, которые проживают на территории государства, что определяет фактор консолидации общества как основной в контексте развития России. Восстановление исторической памяти является приоритетным вектором в социальной политике государства [12]. Потому практическая значимость исследования заключается в разработке и предложении мер, направленных на консолидацию этносов России и восстановление исторической справедливости. Выявленные социокультурные вызовы, дестабилизирующие Российское общество, требуют все новых методов, направленных на поддержание консолидирующего фактора.

Следующим немаловажным фактором, который оказывает значительное влияние на консолидацию общества России является социальная справедливость. В виду того, что 29 сентября 2022 года в состав Российской Федерации вошли Луганская и Донецкая народные республики, поддержание народного единства является приоритетным в условиях новой территориальности. Для проведения анализа отношения граждан ЛНР и ДНР к историческому прошлому России, как фактору консолидации общества, необходимо рассмотреть социологический опрос, проведенный исследователями В.П. Войтенко и В.Г. Пантелеевым в 2024 году. В социологическом опросе приняли участие 1754 человека [4]. Из Донецкой народной республики – 827 чел. [4], из Луганской народной республики – 927 чел. [4]. Выборка опроса по возрасту и гендерному различию, в процентном соотношении, следующая: в опросе в Донецкой народной республике в 28,8% участие приняли мужчины, в 71,2% [4] – женщины. Среди молодых людей в возрасте от 18–24 лет – 16,2% [4]; 25–29 лет – 9,2% [4]; 30–35 лет – 9,8% [4]. Следующая возрастная категория – 36–40 лет – 10,6% [4]; 41–45 лет – 14,8% [4]; 46–50 лет – 10,8% [4]; 51–59 лет – 15,8% [4]. Жители ДНР из числа пожилых людей и пенсионеров приняли участие в следующих возрастных категориях: 60–69 лет – 10% [4]; 70 и старше – 3% [4]. Рассматриваемый социологический опрос был представлен в онлайн-формате.

Необходимо отметить, что как для жителей ЛНР, так и для жителей ДНР ценности в отношении сохранения подлинной исторической памяти имеют схожую тенденцию. Итак, в ходе социологического опроса респондентам было предложено выбрать наиболее важные для них гражданские ценности: мир, спокойствие, безопасность; права и свободы граждан; сильное государство; патриотизм; справедливость; историческая память и преемственность поколений. По результатам опроса, сохранение исторической памяти и преемственности поколений, среди представленных ценностей занимает шестую позицию как среди опрошенных из Луганской народной республике, так и среди респондентов-представителей Донецкой народной республики. Ведущей позицией в числе гражданский ценностей для жителей ЛНР и ДНР занимает мир, спокойствие, безопасность – около 65% [4] среди опрошенных выбрали данный вариант ответа. Стоит отметить, что выбранный вариант ценностей является актуальным для жителей ЛНР и ДНР еще с начала существования республик и в последствии, во время вхождения в состав Российской Федерации. Вероятно, данная позиция не занимала бы ведущее место, если бы не трагические события, которые пережил народ Луганской и Донецкой народных республик в период конфликта и развернувшихся боевых действий на территории. С точки зрения повседневности, действительно сравнивать мир, безопасность и свободу с исторической памятью неуместно. Тем не менее, сохранение исторической памяти является не только наследием страны и определяющим фактором в ее будущем, но также является условием консолидации общества и формирования гражданской идентичности.

Следующий блок вопросов включает в себя опрос касательно консолидирующего фактора жителей ЛНР и ДНР с гражданами России. В рассматриваемом случае, около 60% [4] респондентов выбрали историческую память как фактор консолидации с гражданами РФ, что свидетельствует о том, что для жителей ЛНР и ДНР историческая память имеет весомое значение. Но, среди перечисленных категорий: ответственность за судьбу страны; родная земля, территория, природа; культура, обычаи, праздники; историческое прошлое; русский язык; общее государство, на первом месте для респондентов оказалось общее государство, как фактор, объединяющий жителей ЛНР и ДНР с гражданами РФ. Далее, категории «русский язык», «культура, обычаи и праздники» занимают ту же позицию, что и общее историческое прошлое. Разница между общим государством и историческим прошлым, как факторами консолидации составляет 5% [4]. Необходимо отметить, что не случайно культура, обычаи и праздники, а также русский язык занимают ту же позицию, что и историческое прошлое. Действительно, обычаи и праздники являются частью культуры и исторического наследия страны, которые формировались на протяжении многих веков. Русский язык также является элементом многонациональной культуры нашей страны, также он служит средством общения многонационального народа на государственном уровне.

Далее в социологическом опросе представлен блок, где респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов. Вопрос оставался тем же – что для Вас является фактором, консолидирующим

народ ЛНР и ДНР с гражданами РФ? В данном были представлены следующие факторы: «родная земля»; «сильное государство»; «общая победа, защита Донбасса»; «общая культура»; «историческая память». В более 65% [4] процентах случаев жители ЛНР и ДНР в своих ответах указывали, что именно общее историческое общество объединять их и россиян. Следующей категорией по частоте выбора оказался русский язык, сильное государство, победа в СВО.

Заключение

На основании вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что в современной России, в условиях новой территориальности, переосмысления ценностей, фактор консолидации общества, восстановление исторической справедливости, является приоритетным направлением внутренней политики страны. Стоит отметить, что в период внешнеполитической нестабильности России как никогда важно сохранить свое историческое наследие. Восстановление исторической справедливости необходимо для будущего страны, потому ответственность за восстановление возложена на граждан России. Инструментом восстановления исторической справедливости является курс «Истории России», который предусмотрен как в школьной программе, так и в программах высших учебных заведений. Стоит отметить, что эффективность усвоения материала молодыми людьми во многом зависит от следующих факторов: морально-этического; духовнонравственного, правового, социально-политического. Курс «Истории России» помогает молодым людям не только изучить прошлое страны, но и переосмыслить различные пути формирования российского общества на протяжении веков, и в каждую эпоху аспект восстановления социальной справедливости имеет особое значение в жизни народа России. Стоит отметить, что аспект исторической справедливости также рекомендуется рассматривать и в других гуманитарных дисциплинах, таких как социальная философия, культурология и политология отдельным блоком. Развитие чувства патриотизма также напрямую связано со стремлением восстановить историческую справедливость. Воспитание патриотизма необходимо в условиях социально-политической нестабильности и стремления сохранения культурного наследия России. Мероприятия по воспитанию патриотических чувств направлены на привлечение молодежи к участию в культурно-исторических экскурсия, посещения мест памяти. С недавнего времени в ВУЗах действует программа по привлечению молодежи к социальному проектированию по созданию и реализации социально-значимых проектов.

Следующим инструментом восстановления исторической справедливости являются научные исследования, направленные на изучение прошлого страны и ее настоящего. В контексте научных работ историческая справедливость может быть представлена в следующих аспектах: карательная справедливость – установление ответственности за события исторические события прошлых лет. По-другому данный феномен называют Нюрнбергский процесс. За счет него и переосмысления событий прошлого возможно установить историческую справедливость. Далее, в научных исследования рассматривается возмещающая справедливость – рассмотрение компенсации за причиненный вред, которая может иметь как экономический, так и моральный характер. Также в работах рассматривается транзитивная справедливость – примирение обществ, которые ранее находились в конфликте.

Установление исторической справедливости также происходит за счет действующего законодательства. Так, исторически, территории ЛНР и ДНР входили в состав России.

В системе образования в контексте восстановления исторической справедливости рекомендуется использовать современное оборудование для проведения интерактивных выставок, наглядно демонстрирующих события прошлых лет. Также рекомендуется в «Историю России» включать блок об исторической справедливости, где содержится информация о преступлениях, связанных со стремлением подделать исторические факты и уничтожить наследие многонационального народа России. Создание новых музеев и мест памяти может служить образовательной платформой для молодежи, что отразится на общем интересе молодых людей к сохранению исторической справедливости. Эмоциональная окраска, связанная с трагичными событиями истории нашей страны также влияет на приобщение молодых людей к сохранению исторической памяти. Потому в образовательном процессе рекомендуется использовать художественные произведения, посвящённые различным историческим периодам России, что способствует привлечению молодежи не только изучать историю своей страны, но и сохранять ее.

Предложенные в исследовании рекомендации направлены на поддержание исторической справедливости в обществе, актуализации рассматриваемой проблематики в научном сообществе в виду социально-политической нестабильности общества.

Литература

1. Акимова А.А. Курс отечественной истории как механизм восстановления исторической справедливости в российском обществе // История. Культурология. Политология. 2024. № 3. С. 13–19.
2. Верещагина А.В. Социальная справедливость в развитии полиэтничного регионально-

го пространства Республики Крым: результаты массового опроса // Социология. 2021. № 6. С. 122–131.
3. Верещагина А.В. Консолидирующий потенциал социальной справедливости в полиэтничном пространстве Юга России // Консолидирующий потенциал российского общества в условиях современных вызовов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Майкоп, 13–14 марта 2023 года. Майкоп: Электронные издательские технологии, 2023. С. 22–27.
4. Войтенко В. П., Пантелеев В.Г. Историческое прошлое как гражданская ценность и фактор консолидации: противоречия в оценках населения новых субъектов РФ (по материалам социологического опроса в ДНР и ЛНР) // Гуманитарий Юга России. 2024. Том 13. № 6. С. 130–144.
5. Волков Ю.Г. Восприятие гражданами исторической справедливости в современном социокультурном и политическом контекстах // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 155–170.
6. Волков Ю.Г. Полиэтнический российский социум: этнические основания интеграционных процессов // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 36–41.
7. Волков Ю.Г. Социальная справедливость в укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России // Россия: единство и многообразие: К 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16–17 ноября 2022 года. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2023. С. 187–203.
8. Волков Ю.Г. Региональная и гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 3. С. 14–24.
9. Волоков Ю.Г. Государственно-гражданская интеграция населения регионов Юга России в условиях новой территориальности: монография. М.: КноРус, 2024. 208 с.
10. Клочихина В.С. Интеллектуальная собственность и социальная справедливость: Роберт Нозик versus Джон Ролз // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4(36). С. 385–403.
11. Ковалев А.А. Нарушение исторической справедливости как угроза национальному менталитету // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 5. С. 4–11.
12. Узунов В.В. Региональная специфика Крыма и проблемы социальной консолидации полиэтничного пространства Юга России // Социальные трансформации в контексте пространственного развития России: Материалы Второго Крымского социологического форума, Ростов-на-Дону – Симферополь, 28–29 сентября 2020 года / Отв. редакторы Ю.Г. Волков, В.В. Узунов, В.А. Чигрин. – Ростов-на-Дону – Симферополь: Фонд науки и образования, 2020. С. 21–28.

RESTORING HISTORICAL JUSTICE AND ENSURING THE STATE- CIVIL INTEGRATION OF MULTICULTURAL RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE NEW TERRITORIALITY[1]

Volkov Yu.G.
Southern Federal University

The purpose of the study is to actualize historical justice as a factor that is necessary in the process of consolidating society, as well as having a direct impact on the state- civil integration of citizens in the context of the new territoriality.
The methodological basis of the research is the works of Russian scientists in the study of historical justice. The empirical basis of the research consists of sociological surveys from previous years.
The result of the study is an analysis of sociological research, as well as recommendations on the use of tools to maintain historical justice in the civic consciousness.
The practical significance of the research lies in the actualization of historical justice in the scientific community. The recommendations presented in the study have practical value as part of their implementation in the education system.
The prospects of the research are to develop knowledge about historical justice as a factor ensuring the consolidation of Russian society during the period of sociopolitical instability.

Keywords: historical justice; social justice; multicultural state; consolidation of society; tools for restoring historical justice.

References

1. Akimova A.A. The course of national history as a mechanism for restoring historical justice in Russian society // History.Cultural studies.Political science. 2024. № 3. pp. 13–19.
2. Vereshchagina A.V. Social justice in the development of the multiethnic regional space of the Republic of Crimea: results of a mass survey // Sociology. 2021. № 6. pp. 122–131.
3. Vereshchagina A.V. Consolidating potential of social justice in the multiethnic space of Southern Russia // Consolidating potential of Russian society in the context of modern challenges: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Maykop, March 13–14, 2023. Maikop: Electronic Publishing Technologies LLC, 2023. pp. 22–27.
4. Voitenko V. P., Panteleev V.G. The historical past as a civic value and a factor of consolidation: contradictions in the assessments of the population of the new subjects of the Russian Federation (based on the materials of a sociological survey in the DPR and LPR) // Humanities of the South of Russia. 2024. Vol. 13, № 6. pp. 130–144.
5. Volkov Yu.G. Citizens' perception of historical justice in modern sociocultural and political contexts // Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. Volume 15. № 4. pp. 155–170.

[1] The article was prepared within the framework of the project "State-civil integration of the Russian multicultural society and adaptation practices of the population in the context of new territoriality and national policy of restoring historical justice" (State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, internal number GZ0110/23–14-RG). The project is being implemented as part of a research program related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (head, Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).

6. Volkov Yu.G. Polyethnic Russian society: ethnic foundations of integration processes // Socio-humanitarian knowledge. 2023. № 11. pp. 36–41.
7. Volkov Yu.G. Social justice in strengthening the national identity of the population in the South of Russia // Russia: unity and diversity: On the 10th anniversary of the formation of the Council under the President of the Russian Federation on Interethnic Relations: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, November 16–17, 2022. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2023. pp. 187–203.
8. Volkov Yu.G. Regional and civic identity as a factor of consolidation of Russian society // Humanities of the South of Russia. 2024. Vol. 13, № 3. pp. 14–24.
9. Volokov Yu.G. State-civil integration of the population of the regions of Southern Russia in the context of the new territoriality: monograph. Moscow: Limited Liability Company "KnoRus Publishing House", 2024. 208 p.
10. Klochikhina V.S. Intellectual property and social justice: Robert Nozick versus John Rawls // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. № 4(36). pp. 385–403.
11. Kovalev A.A. Violation of historical justice as a threat to national mentality // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2022. Vol. 22, № 5. pp. 4–11.
12. Uzunov V.V. Regional specifics of Crimea and problems of social consolidation of the multiethnic space of Southern Russia // Social transformations in the context of spatial development of Russia: Proceedings of the Second Crimean Sociological Forum, Rostov-on-Don – Simferopol, September 28–29, 2020 / Editors Yu.G. Volkov, V.V. Uzunov, V.A. Chigrin. Rostov-on-Don – Simferopol: Limited Liability Company "Foundation for Science and Education", 2020, pp. 21–28.

Образ киногероя в современных российских фильмах в контексте национальной идентичности России (на примере фильмов «Легенда № 17», «Экипаж» и «Движение вверх»)

Павлюченко Денис Сергеевич,
аспирант, кафедра социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет
E-mail: isitcool@yandex.ru

Кинематограф – один из доступных видов искусств; он отражает события каждодневной жизни россиян. По этой причине автору статьи показалось не только интересным, но и важным посмотреть каким образом современный отечественный кинематограф способен оказывать воздействие на общество. Главный акцент был сделан на рассмотрении героя страны в современных отечественных кинофильмах прежде всего по той причине, что готовый кинообраз, который легко может запомниться и воспроизводиться представителями национальной общности. Цель нашего исследования – анализ образа героев в современных российских кинофильмах в контексте национальной идентичности России. Автором статьи был проведен персонализированного онлайн-интервью взрослого населения России (апрель 2024 года, n = 90, целевая модель выборки). В исследовании было выявлено, что облик киноперсонажа (в отобранных кинофильмах) способен оказать влияние на национальную идентичность россиян, стать примером для россиян.

Ключевые слова: российский кинематограф, национальная идентичность, образ россиянина, киногерой, герой страны.

Введение

Кинематограф за свою вековую историю стал одним из самых распространённых видов искусства и досуга; в настоящее время представить жизнь человека без кино едва ли возможно [18, с. 122].

К настоящему моменту кинематограф выполняет ряд очень важных и значимых общественных функций. Кино стало «средством социальной коммуникации» [13, с. 86]. Зрители не только с большим желанием смотрят за жизнью других людей, но и способны представлять себя на их месте: они охотно «идентифицируют себя с вымышленным персонажами» [19, с. 76], показанными на экране. Кино «создаёт собственную реальность – кинореальность, которая оказывается в какой-то степени более влиятельной, чем реальность как таковая» [1, с. 27]. Кроме того, важно отметить, что человек не остановится на одном только поиске себя в фильме, он со временем станет сохранять и транслировать усвоенные в нём компоненты. Т. Эльзессер и М. Хагенер в книге «Теория кино» выявили, что «фильм работает как алгоритм, который зритель, поняв однажды, воспроизводит» [31, с. 97] в дальнейшем.

Наряду с кинематографом функцию социальной коммуникации выполняет культурное наследие страны. По мнению Э. Смита, британского историка и социолога, нация благодаря всему культурному и историческому наследию создаёт прочный фундамент для целостного и устойчивого развития страны [29, с. 464]. Национальная идентичность для учёного – это одна из основных составляющих идентичностей личности, что «включает чувство политической общности, истории страны, её территории, гражданства, ценностей и традиций» [4, p. 9]. По мнению английского исследователя, нации «должны обладать определенной долей культуры, идеологии набором общих представлений и устремлений, которые объединяют все население, проживающее на одной территории» [4, p. 11]. Современный российский социолог В.А. Тишков продолжал мысль Смита, добавляя, что «где бы ни были россияне … они легко узнают друг друга по языку общения, по надписям и символам на одежде, по песенно-фольклорному репертуару, поведенческим манерам и вкусовым предпочтениям» [30, с. 359]. Выходит, что благодаря социальной идентичности человек способен

понять не только самого себя, но и окружающих его людей, даже в искусственно созданной кинореальности. Но встаёт вопрос: как определить насколько сформирована идентичность человека, насколько он разделяет культурные ценности нации? Отвечая на этот вопрос, Л. Дробижева полагала, что устойчивая национальная идентичность должна включать три базовых компонента: когнитивный (знания о нации), аффективный (эмоциональное отношение к самой нации) и поведенческий (следование нормам и ценностях, разделяемых этой общностью) [10, с. 7].

Б. Андерсон полагал, что общество может конструировать национальную идентичность в обществе [6, с. 31]. Отечественные исследователи Т. Евгеньева и В. Титов также в этом убеждены. Они полагали, что в настоящий момент общество способно целенаправленно влиять и управлять идентичностью благодаря выработанной системе политической социализации [11, с. 123].

Но возможно ли влиять на эти механизмы, сделав кинематограф одним из каналов построения национальной идентичности россиян? Современные исследователи идентичности россиян уверены, что фильмы более чем способны на это. Например, О.В. Рябов считает кинематограф самостоятельным актором символической политики, создающим и транслирующим национальные идеи и ценности в государстве [1, с. 30]. Е. Савельева, В. Буденкова также отмечали, что экранные образы влияют на восприятие мира через призму «Свой-Другой» [25], а значит способны оказать влияние на возникновение чувств национальной идентичности. Таким образом, мы можем предполагать, что современные фильмы, став одним из каналов социализации, способны формировать единое гомогенное общество благодаря созданию определенной кинореальности с необходимыми символами и общественными установками.

Так Г. Хофстеде полагал, что культура народа состоит из совокупности параметров таких элементов как «герои», «символы», «ценности», «ритуалы» [3 p. 94]. Причём культуролог уточнял, что это эти компоненты необязательно должны быть реальными. Герои могут быть и вымышленными, и нести собирательный образ. Главное в этом случае, чтобы эти компоненты культуры были понятны обществу [3 p. 94]. Такие образы, на наш взгляд, могут воссоздаваться механизмами кинематографа и в дальнейшем выступать образцами для формирования национальной идентичности граждан страны.

Развитие кинематографа, также как и его изучение, началось ещё в начале прошлого века. Большая роль в анализе кинематографа с социологической точки зрения отводилась главному герою фильма и его влиянию на конечного зрителя. Э. Смит отмечал, что для существования нации необходимо существование её национального героя [29, с. 49]. Как известно, кино предоставляет своему зрителю готовый героический образ, который легко может запомниться [9, с. 279], по этой причине возможности кинематографа как механизма социального воздействия были очень интересны. М. Жабский полагал, что киногерой олицетворяет принятую социальную культуру, разделяемую большинством населения [12, с. 128]. По этой причине анализ образа киногероя представляется важным инструментом для понимания ценностей и социальных установок, ведь образ героя – совокупность черт и образцов поведения героя, которыми хотело обладать подавляющее большинство представителей социальной общности.

Цель нашего исследования – социологический анализ образа героев в современных российских кинофильмах в контексте национальной идентичности России. Для достижения поставленной нами цели мы, во-первых, охарактеризуем типичный портрет россиянина (ценности, представления, отличия от представителей других наций и др.); во-вторых, выясним составляющие элементы кинообразов главных героев фильмов, сопоставив его с выявленным нами портретом типичного россиянина; в-третьих, выявим степень влияния на аффективный уровень идентичности зрителей страны. Объектом исследования стали совершеннолетние граждане России. Материалами для нашего исследования стали результаты персонализированного онлайн-интервью взрослого населения России (апрель 2024 года, n = 90, целевая модель выборки (из участников ранее реализованных нами исследований)).

Результаты теоретического анализа

Прежде чем обратиться к образу национального героя в кинофильмах, следует кратко рассмотреть, каким видится гражданам страны образ современного россиянина.

Социологическое исследование, проведенное ВЦИОМ в 2018 году под названием «Русский характер» показало представления россиян о русских. Позитивными чертами «русского характера» граждане страны назвали мужество, упорство, стойкость, целеустремленность, терпимость и взаимовыручку [22]. Эти данные совпадают с результатами исследований, проведенных учеными ранее (Например, исследования З. Сикевич [28], Ю. Аллик, Р. Мыттус, А. Реало [16] и др.). В работе С. Рыжовой показано изменение ценностей россиян в 90-е годы XX века. Помимо традиционных ценностей (сильное государство, религия, историческое прошлое), появились и новые ценностные ориентиры (экономическая и политическая свобода, гражданские права) [23]. По данным Г. Борщевского, в последнее время в России показали положительную динамику индикаторы ценностей гуманизма и милосердия, защита прав и свобод

человека [7, с. 69]. В массовом сознании, полагают исследователи, у россиян превалируют чувство непринятия социальной несправедливости, потребность в сильном государстве, сохранения культуры и национальных ценностей страны [17, с. 59]. В работе С. Кортунова так охарактеризованы национальные характеристики русских: коллективизм, устремленность в будущее, справедливость, приоритет небесного над земным. Весь золотой век русской культуры был построен именно на этих ценностях. Советская культура, включая и кинематограф, также сохранила эти ценностные и культурные ориентиры [17, с. 49]. Эти и ценностные ориентиры должны находить отражение и в том числе в образе главных героев кинофильмов.

Помимо ценностей, следует учитывать представления о характеристиках человека как участника национальной общности, включая черты характера; исследование этих вопросов привлекало внимание в последние десятилетия многих ученых (З. Сикевич и А. Федорова [28], А. Здравомыслов [14], Ю. Аллик, Р. Мыттус, А. Реало [16] и др.). Национальный герой современной России, согласно точке зрения Д. Гиллеспи, изучавшего современные российские военные кинофильмы, – мужчина, способный пожертвовать собой ради своей семьи и страны. Это образ сильного мужественного героя, способного противостоять внешнему врагу (как внутри страны, так и за её пределами) [2]. Анализирующие каноны национальной мужественности Е. Цалко и Т. Рябова показали, что русские мужчины, с одной стороны, наделяются характеристиками, которые входят в западный стандарт мужественности (сильные, защитники и кормильцы), а с другой стороны характеристиками, которые традиционно считаются национальными (сострадательные, милосердные, терпеливые, выносливые) [24]. Согласно исследованию А. Ваньке и И. Тартаковской, в обществе стал формироваться новый тип маскулиности. Он включает в себя материальный достаток, карьерный успех, привлекательный внешний вид [8, с. 150].

Для того, чтобы понять роль образа национального киногероя в российской национальной идентичности, следует учитывать обоснованное исследователями положение о роли значимого Другого в формировании и поддержании национальной идентичности. Таким значимым другим для России в последнее столетие был Запад [14]; россияне сравнивают свои ценности с западными, русского / российского человека с западным человеком.

В основе западных ценностей лежит индивидуализм, рациональность, правовое сознание, свободный рынок, демократия и т.п. Причем, западная идентичность не гомогенна. США культивирует индивидуальные достижения и личный успех, смелость и финансовое благосостояние; «Старая» Европа ориентируются на ценности справедливого государства [27, с. 47]. По данным ВЦИОМ, к западным ценностям россияне также относят, с одной стороны, «ответственность, умение держать себя, уважение друг к другу и к закону, прагматизм и рациональность», с другой, «любовь к деньгам, расчетливость, меркантилизм, прагматизм» [22]. Причём половина россиян считает, что между россиянами и западными людьми больше различий, чем сходства [22]. Подобное противопоставление, как мы предполагаем, будет заметно в фильмах, в которых подчеркивается специфика современного российского героя.

Таким образом, даже краткий анализ облика россиянина позволяет нам сказать, что современный гражданин страны разительно отличается от представителей Западной цивилизации. С одной стороны, он сочетает общемировые ценности современности (материальное благополучие, карьера), но при этом сохраняет и традиционные ценностные ориентиры (семья, патриотизм, культурное наследие) России. В личностном плане его отличает доброта, упорство, стойкость, целеустремленность и взаимовыручка.

Результаты эмпирического исследования

На основе выявленных нами характеристик будем сравнивать кинообразы россиян с полученным типичным портретом представителя российской нации.

Для нашего анализа, мы отобрали три российских игровых кинофильма, которые показывают заглавных персонажей, подходящих под выявленный нами портрет национального героя – В. Харламов («Легенда № 17» (2012), А. Гущин («Экипаж» (2016)), В. Гаранжин («Движение вверх» (2017)). Кроме того, согласно данным сайта «Кинопоиск», указанные фильмы входят в список самых кассовых отечественных кинофильмов [21]. Одним из показателей их широкого успеха и признания является и тот факт, что прокат данных фильмов был не только в нашей стране, но и в ряде стран Европы и мира, купивших права трансляции для зрительской аудитории в этих странах.

Кроме того, важно отметить, что несколько лет назад Президентом страны были сформулированы основные ценности россиян, основные из которых – служение Отечеству, семья, традиции страны, права и свободы человека и т.п. [5]. В основу нашего исследования мы положили именно этот список с целью сопоставления ценностных ориентиров россиян с ценностями героев кинофильмов.

Перейдем к решению второй задачи нашего исследования. Начнем с описания характеров и поведения персонажей отобранных нами кинофильмов. В российском кинофильме «Легенда № 17» показывается профессиональное становление выдающегося советского хоккеиста В. Харламо-

ва (образ создан по реальному прототипу). Спортсмен состоял в сборной команде СССР и готовился к выступлениям на мировой арене.

Информанты оценили образ спортсмена в целом хорошо, его образ был сопоставим с портретом привычного россиянина [22] (респонденты не отметили у персонажа таких характеристик, как доброту, эмпатичность и душевность, что традиционно относят к чертам русского человека), при этом информанты отметили остальные черты (мужество, упорство, стойкость, целеустремленность) героя. Ценности, разделяемые героем, по мнению респондентов, также позволяют соотносить персонажа кинофильма с ценностными ориентирами современного россиянина [26, с. 88]. Полученные нами результаты в целом сопоставимы с результатами исследования Е. Исаева и И. Пожидаевой, которые отметили, что честность, упорство, преданность и воля к победе – основные жизненные принципы героя кинофильма «Легенда № 17» [15, с. 133].

Главная роль в фильме «Движение вверх» отведена персонажу В. Гаранжина, являющегося по сюжету киноленты тренером сборной команды СССР по баскетболу, который смог привести команду страны к победе на Олимпийских играх 1972 г.

Опрошенные информанты высоко оценили героя В. Гаранжина (выше других отобранных нами персонажей). По мнению опрошенных информантов, внешний облик В. Гаранжина как тренера соответствует представлением россиян о внешнем облике спортсмена. Молодые люди (до 30 лет) дали высокие оценки герою. Так, почти все из них заявили, что персонаж фильма – трудолюбивый, любит свою Родину и спортивную команду. Люди среднего возраста (31–50 лет) отметили эти же качества, добавив также, что герой ценит и любит жизнь, уважает человеческое достоинство. Представители третьей возрастной группы (51 год и старше) отметили все те же черты, но уже добавив почти все ценности из списка ценностей (кроме приоритета духовного над материальным и милосердия).

Для сопоставления ценностей, обнаруженных у киногероев фильмов «Легенда № 17» и «Движение вверх», мы обратились к данным по ценностным ориентирам граждан (исследование 2015 г.) граждан. А. Селезнева выделила такие политические ценности современных россиян в качестве основных: мир, общественная безопасность, порядок, права человека, свобода [26, с. 88]. Таким образом, можно сказать, что главные ценности героя «Движение вверх», с точки зрения информантов, сопоставимы с политическими ценностями россиян.

Опрошенные видели в тренере Гаранжине и типичные черты русского человека – сильный, уверенный, честный, справедливый и сострадательный; мы видим, что это те черты, которыми, согласно общероссийским опросам, в том числе и упомянутому выше опросу ВЦИОМ, наделяются русские люди.

Перейдем к последнему отобранному нами кинофильму. Главный герой «Экипажа» – лётчик А. Гущин, который вопреки требованиям безопасности смог провести спасательную операцию в небе и спасти пассажиров другого лайнера от гибели.

Несмотря на то, что оценка героя была высокой, ценности А. Гущина лишь частично соотносятся с ценностями современных россиян, при этом образ персонажа воспринимался информантами как достоверный.

Десятая часть опрошенных респондентов высоко оценили ценности, транслирующиеся в фильме и характеризовали заглавного персонажа фильма как россиянина (хотя большинство опрошенных были уверены, что ценности кинофильма ближе к общечеловеческим, чем к национальным). При этом участники интервью не смогли назвать отличительные национальные особенности лётчика.

Таким образом, можно сказать, что в наибольшей степени чертами национального героя наделялся персонаж фильма «Движение вверх» тренер Гаранжин, который воспринимался людьми справедливым, порядочным и трудолюбивым человеком, преданным своей Родине, что ставит собственные интересы ниже интересов спортивной команды.

Персонажи В. Харламова («Легенда № 17») и А. Гущина («Экипаж»), в целом соотносятся с представлениями людей о герое страны. При этом самобытные особенности россиян, в оценках опрошенных информантов, отражены у персонажей не в полном объеме.

Перейдем к решению последней поставленной нами задачи. Нужно выявить степень идентификации современных россиян с героями лент. Этот вопрос представляется очень актуальным, по той причине, что два отобранных нами кинофильма показывают образы прошлого. Нужно определить, насколько россияне идентифицируют себя с советскими людьми, с советской действительностью («Движение вверх», «Легенда № 17»). На наш взгляд, это также является индикатором аффективного уровня идентичности, так как человек перенимает на себя чувства персонажа, испытывает с ним подсознательную связь. Это представляется нам важным компонентом, ведь, как мы показали ранее, этот уровень – один из основных в структуре идентичности личности. В нашем опросе индикатором наличия возникновения взаимосвязи между героями и кинозрителями является использование зрителями личных местоимений таких как – «мы», «наши», «они» – в отношении главных персонажей отобранных кинофильмов. Для решения этой задачи мы просили дать оценку не только

главным действующим лицам, но и их окружению или возможным соперникам.

Информанты изначально отрицали возникновение чувств сопричастности киногероям. Однако уже при обсуждении спортивного состязания между сборными США и СССР («Движение вверх») эти чувства стали проявляться; участники опроса при описании спортивного матча стали употреблять личные местоимения [20], а также произошла подмена понятий. Вместо прилагательного «советская» информанты стали использовать слова «русская» или «российская». Мы оцениваем данный переход в речи информантов как проявление чувств сопричастности, отделение «своих», «привычных» от «других», «чужих» или «вражеских». Американская сборная для информантов репрезентировала образ Запада (информанты наделяли её больше соответствующими чертами), когда как сборная команда СССР представляла образ нашей страны. Обсуждая кинофильм «Легенда № 17», информанты никак не отреагировали на показываемые спортивные баталии, показ матча сборной СССР против сборной Канады не вызвал никаких эмоций у информантов. По нашему мнению, показ спортивных состязаний был скорее необходим для раскрытия личности хоккеиста. Кроме того, информанты сказали, что при просмотре отрывков фильмов испытывали радость и гордость за сборную СССР («Легенда № 17», «Движение вверх»), т.е. произошло возникновение чувства «Великой нации». При анализе результатов исследования мы обнаружили, что оценки фильма «Экипаж» сопоставимы с полученными нами результатами анализа киноленты «Легенда № 17». Также, как и в «Легенде № 17», информанты, дали достаточно высокую оценку герою и его выдающему поступку, при этом наличие внешних обстоятельств (в лице командования и диспетчеров) никак не повлияло на чувства опрошенных информантов, т.е. аффективная сторона национальной идентичности не была нами выявлена в ходе бесед с информантами.

Таким образом, давая общую оценку формированию национальной идентичности во всех трёх фильмах, мы можем сказать, что главные персонажи кинолент – герои нации (этот вывод можем сделать после анализа ответов информантов, так и по анализу чужих исследований с полученными нами данными). При этом только персонаж В. Гаранжина («Движение вверх») полностью соотносится с представлениями граждан о том, каким является современный россиянин – его внешний облик, верность профессии, но ещё важнее его ценности, что делает его «своим» в глазах опрошенных нами информантов. По этой причине, на наш взгляд, аффективный уровень идентичности был ярко проявлен именно после обсуждения фильма «Движения вверх». Это позволяет нам говорить о том, что подобных кинофильмов должно быть больше, чтобы кинематограф мог влиять на все уровни национальной идентичности граждан страны.

Заключение

Кинематограф способен оказать влияние на национальную идентичность россиян. По этой причине изучение образа национального героя представляет достаточно большой интерес. Образ героя страны – совокупность черт и образцов поведения, которыми хотело обладать подавляющее большинство членов общества. В настоящий момент герой российского кино – мужчина, способный пожертвовать собой ради своей семьи и страны, с превалирующими ценностями справедливости, коллективизма и приоритетом духовного над материальным.

Современный гражданин современной России разительно отличается от представителей Западной цивилизации. С одной стороны, этот облик сочетает в себе как общемировые ценности (материальное благополучие, карьера и т.п.), но также и традиционные ценностные ориентиры (семья, патриотизм, культурное наследие, сильное государство и др.) России. По характеру современный россиянин отличается целеустремленностью, упорством, стойкостью, добротой и взаимовыручкой. Результаты анализа оценки россиянами национальных характеристик главных героев трех популярных российских фильмов («Легенда № 17», «Экипаж», «Движение вверх») показали, что только облик героя В. Гаранжина (кинофильм «Движение вверх») полностью соотносится с мнением людей, каким является современный россиянин – внешний облик, верность профессии, а также разделяемые им ценности, что делает его «своим» в глазах информантов исследования. Это говорит о том, что облик киноперсонажа способен оказать влияние на национальную идентичность россиян, стать примером для национальной общности страны. По этой причине, на наш взгляд, неслучайно, что аффективный уровень идентичности ярко был проявлен только после обсуждения фильма «Движение вверх».

Литература

1. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
2. Gillespie D. Defence of the Realm: the “New” Russian Patriotism on Screen // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2005. № 3. P. 103–115.
3. Hofstede G. Culture and Organization: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 1997. 306 p.
4. Smith A. National Identity. London: Penguin Books, 1991. 227 p.
5. Адамович О. Владимир Путин впервые утвердил в России 17 традиционных ценностей. –

URL: https://www.kp.ru/daily/27469/4675139/ (дата обращения: 01.07.2023).
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.
7. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 57–70.
8. Ваньке А. В., Тартаковская И.Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 4. С. 136–153.
9. Вейц М. Стратегии реконструирования советской повседневности и телесности в современном российском кинематографе // Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 276–290.
10. Дробижева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 3 (18). С. 6–21.
11. Евгеньева Т. В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. Т. 19. № 4. С. 122–134.
12. Жабский М.И. Кинематограф – зеркало или молот? / Общ. ред. М.И. Жабского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 536 с.
13. Жабский М. И., Тарасов К.А. Постановка вопроса о кино как средстве классовой консолидации масс // Вестник российской медиаиндустрии. 2023. № 1 (33). С. 79–104.
14. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1999. 286 с.
15. Исаев Е. М., Пожидаева И.В. Популярная история в современной России: мифы, образы и представления о прошлом в спортивном историческом фильме // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 4. С. 128–135.
16. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому / Ю. Аллик, Р. Мыттус, А. Реало [и др.] // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 2–18.
17. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 589 с.
18. Мартыненко Т.С. Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа // Вестник Московского университета. Социология и политология. 2023. Сер. 18. Т. 29. № 2. С. 120–138.
19. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной; науч. ред. А. Черноглазов. изд. 2-е. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 334 с.
20. Об аналогичных тенденциях идентификации при просмотре популярных советских кинокартин см. Рябова Т.Б., Панкратова Е.В. «Cold warriors» глазами современных россиян: рецепция кинообразов маскулинности американских военных периода Холодной войны // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 29–40.
21. Россия: Самые кассовые фильмы. – URL: https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/box-russia-dollar/ (дата обращения: 24.12.2024).
22. Русский характер. 24.08.2020. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkij-kharakter (дата обращения: 09.02.2025.).
23. Рыжова С.В. Ценностные опоры российской идентичности в условиях внешних вызовов // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 56–66.
24. Рябова Т. Б, Цалко Е.О. «Русский мужик»: О роли гендерных маркеров в национальной идентификации // Europe-Russia: Images, Contexts, Discourses / Ed. Irina Novikova. Riga, 2011. С. 206–220.
25. Савельева Е. Н., Буденкова В.Е. Образ другого как отражение национально-культурной идентичности в советском и постсоветском кино // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 114–119.
26. Селезнева А.В. Ценностные основание российской национально-государственной идентичности // Вестник российской нации. 2017. № 4 (56). С. 82–94.
27. Семененко И. С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–59.
28. Сикевич З. В., Фёдорова А.А. «Мы – русские» (ассоциативные этнические образы молодых петербуржцев) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 3. С. 40–56.
29. Смит Э.Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Зашашвили. М.: Праксис, 2004. 464 с.
30. Тишков В.А. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021. 416 с.
31. Эльзессер Т., Хагенер М. Теория кино. Глаз, эмоции тело. СПб: Сеанс, 2018. 440 с.

THE IMAGE OF A FILM HERO IN MODERN RUSSIAN FILMS IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S NATIONAL IDENTITY (BASED ON THE FILMS "LEGEND № 17", "CREW" AND "GOING VERTICAL")

Pavlyuchenko D.S.
Ivanovo State University

Cinematography is one of the simplest forms of modern art; it reflects the events of usual life of Russians. For this reason, the author of the article has found it not only interesting, but also important to

understand how modern Russian cinema is able to influence the society. The main focus was on the portrayal of the nation hero in modern Russian films, because a ready-made film image can be easily remembered and reproduced by members of the national community. The purpose of the work is to analyze the portrayal of heroes in modern Russian films in the context of Russia's national identity. The author has conducted a personalized online interview with the adult population of Russia (April 2024, n = 90, target sample model). The study has revealed that the appearance of a movie character (in the selected movies) could influence the national identity of Russians and serve as an example for them.

Keywords: Russian cinematograph, national identity, the image of a Russian, the image of Russian, movie hero, hero of the country.

References

1. "Enemy number one" in the symbolic politics of the cinematographies of the USSR and the USA during the Cold War period / edited by O.V. Ryabov. Moscow: Aspect Press, 2023. 400 p.
2. Gillespie D. Defence of the Realm: the "New" Russian Patriotism on Screen // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2005. № 3. P. 103–115.
3. Hofstede G. Culture and Organization: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 1997. 306 p.
4. Smith A. National Identity. London: Penguin Books, 1991. 227 p.
5. Adamovich O. For the first time, Vladimir Putin has established 17 traditional values in Russia. – URL: https://www.kp.ru/daily/27469/4675139 / (date of access: 07/01/2023).
6. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: CANON-press-Ts, Kuchkovo Pole, 2001. 288 p.
7. Borshchevsky G.A. Traditional Russian values and social practices: the experience of empirical verification // Sociological research. 2024. № 3. pp. 57–70.
8. Vanke A.V., Tartakovskaya I.N. Transformations of masculinity of Russian workers in the context of social mobility // The world of Russia. Sociology. Ethnology. 2016. Vol.25. № 4. pp. 136–153.
9. Weitz M. Strategies for reconstructing Soviet everyday life and physicality in modern Russian cinema // Visual anthropology: adjusting optics / edited by E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov. Moscow: Variant; TSPGI, 2009. pp. 276–290.
10. Drobizheva L.M. Consolidating identity in the all-Russian, regional and ethnic dimensions // The prospects. Electronic journal. 2018. № 3 (18). pp. 6–21.
11. Evgenieva T. V., Titov V.V. Formation of national and state identity of Russian youth // Polis. Political research. 2010. Vol. 19. № 4. pp. 122–134.
12. Zhabsky M.I. Cinematography – mirror or hammer? / General ed. by M.I. Zhabsky. Moscow: Canon+ ROOI "Rehabilitation", 2010. 536 p.
13. Zhabsky M. I., Tarasov K.A. Raising the question of cinema as a means of class consolidation of the masses // Bulletin of the Russian Media Industry. 2023. № 1 (33). pp. 79–104.
14. Zdravomyslov A.G. Interethnic conflicts in the post-Soviet space / 2nd ed. Moscow: Aspect Press, 1999. 286 p.
15. Isaev E. M., Pozhidaeva I.V. Popular history in modern Russia: myths, images and representations of the past in a sports historical film // Humanitarian vector. 2016. Vol. 11. № 4. pp. 128–135.
16. Constructing a national character: personality traits attributed to a typical Russian / Yu. Allik, R. Myttus, A. Realo [et al.] // Cultural and historical psychology. 2009. № 1. pp. 2–18.
17. Kortunov S.V. National identity: Comprehension of meaning. Moscow: Aspect Press, 2009. 589 p.
18. Martynenko T.S. Cinema as a subject of sociological analysis: features of modern cinema // Bulletin of the Moscow University. Sociology and political science. 2023. Series 18. Vol. 29. № 2. pp. 120–138.
19. Metz K. An imaginary signifier. Psychoanalysis and cinema / translated from French by D. Kalugin, N. Movnina; scientific ed. by A. Chernoglazov. ed. 2. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013. 334 p.
20. For similar identification trends when watching popular Soviet films, see Ryabova T.B., Pankratova E.V. "Cold warriors" through the eyes of modern Russians: reception of film images of masculinity of the American military during the Cold War // Woman in Russian society. 2019. № 4. pp. 29–40.
21. Russia: The highest-grossing films. – URL: https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/box-russia-dollar / (date of access: 12/24/2024).
22. Russian character. 08/24/2020. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkij-kharakter (date of access: 02/09/2025.)
23. Ryzhova S.V. Value pillars of Russian identity in the context of external challenges // Sociological research. 2024. № 9. pp. 56–66.
24. Ryabova T. B., Tsalko E.O. "The Russian peasant": On the role of gender markers in national identification // Europe-Russia: Images, Contexts, Discourses / Ed. Irina Novikova. Riga, 2011. pp. 206–220.
25. Savelyeva E. N., Budenkova V.E. The image of another as a reflection of national identity- Cultural identity in Soviet and post-Soviet cinema // Bulletin of Tomsk State University. History. 2017. № 45. pp. 114–119.
26. Selezneva A.V. Value foundations of the Russian national-state identity // Bulletin of the Russian Nation. 2017. № 4 (56). pp. 82–94.
27. Semenenko I. S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Identity in the coordinate system of world development // Political studies. 2010. № 3. pp. 40–59.
28. Sikevich Z. V., Fedorova A.A. "We are Russians" (associative ethnic images of young Petersburgers) // Sociological science and social practice. 2019. № 3. pp. 40–56.
29. Smith E.D. Nationalism and modernism: a critical review of modern theories of nations and nationalism / Translated from English by A.V. Smirnova, Yu.M. Filippova, E.S. Zashashvili. Moscow: Praxis, 2004. 464 p.
30. Tishkov V.A. The National Idea of Russia. Moscow: AST, 2021. 416 p.
31. Elsesser T., Hagener M. Theory of cinema. The eye, the emotions, the body. St. Petersburg: Session, 2018. 440 p.

Нарративные образы и укрепление государственности: теоретико-методологический обзор подходов к нации, памяти и политическому мифу

Эшимбекова Нурсулуу Сарыбаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: nursuluusarybaevna@gmail.com

Концепт «укрепления государственности» трудно мыслить вне культурно-символических оснований.
Статья представляет собой научный обзор концептов, объясняющих, как нарративные образы формируют и поддерживают государственность. В фокусе – пересечение теорий «воображаемых сообществ», культурной памяти и «банального национализма» с исследованиями политического мифа, социальных/социотехнических воображаемых и нарративного анализа политики. Проводится сопоставление классических работ по нации и памяти (Б. Андерсон, П. Нора, Я. и А. Ассман, М. Биллинг) с более прикладными рамками (Narrative Policy Framework; дискурсивные коалиции М. Хайера) и разработками в области социотехнических воображаемых (Ш. Джасанофф, С.-Х. Ким). Обсуждается, как через памятные места, институциональные рутины, «малые» повседневные репрезентации и программные политические истории государства конструируют легитимность, мобилизацию и способность к коллективному действию. Завершается обзор методологическими рекомендациями по исследованию нарративов государственности.

Ключевые слова: государственность; нарратив; культурная память; политический миф; воображаемые сообщества; социальные воображаемые; социотехнические воображаемые; банальный национализм; дискурсивные коалиции; Narrative Policy Framework.

Введение

Государство поддерживает легитимность и управляемость не только через институты и право, но и через нарративные образы – устойчивые повествовательные схемы о «нас», «прошлом» и «общем будущем». Теоретическая линия, берущая начало в идее нации как «воображаемого сообщества», показала, что коллективная принадлежность опирается на медиа-опосредованные повествования, стандартизированные практики и ритуалы, делающие абстрактное «мы» зримым и чувственно-доступным [1]. Одновременно исследования памяти раскрыли, как сообщества стабилизируют идентичность через «места памяти», институты хранения и ритуализации прошлого [3]. Эти основания дополняются идеей «банального национализма» – повседневной, «низовой» репрезентации нации, постоянно «подмигивающей» гражданам через языковые, медийные и материальные маркеры [5].

Цель данного обзора – систематизировать теоретические подходы к нарративным образам, сопряжённым с укреплением государственности, и предложить методологические ориентиры для их эмпирического анализа.

Теоретические основания: нация, память, миф, воображаемые

Концептуальное ядро обсуждаемой проблематики задаёт идея нации как «воображаемой политической общности», в которой принадлежность конституируется не прямыми межличностными связями, а общими повествованиями, циркулирующими через печать, стандартизированный язык и единые режимы времени; именно печатный капитализм и календарная темпорализация обеспечивают эффект одновременности и, как следствие, горизонт коллективной солидарности [1]. Из этого вытекает ключевой методологический тезис: нарративные образы – не внешняя «надстройка» над институтами, а условие воспроизводства политического порядка, поскольку они делают возможной идентификацию «мы» и нормализуют ожидания лояльности.

Этно-символистский подход уточняет онтологию этого «воображаемого», показывая, что долговечность наций опирается на связки мифов происхождения, символических репертуаров и «глубоких» исторических воспоминаний, которые придают коллективу ощущение непрерывности и уникальности [14]; в этом смысле механизм

«изобретённых традиций» фиксирует, как через повторяемые практики и ритуалы закрепляются желаемые ценности и нормы поведения, институционализируя прошлое как ресурс легитимации настоящего [9].

Культурная память структурирует это поле: «места памяти» – не только памятники и топография, но также тексты, даты, церемонии – кристаллизуют переживание общего прошлого и выступают инфраструктурой символической долговременности в эпохи разрыва и ускорения [3]. Различение «коммуникативной» и «культурной» памяти позволяет аналитически разделить краткоживущие повседневные рассказы и долговременные формы хранения/трансляции, поддерживаемые институтами, медиа и ритуалами [2]; именно в этом промежутке и разворачивается политика отбора, канонизации и «переписывания» прошлого, включая режимы культурной травмы, когда через переинтерпретацию событий и распределение ответственности формируется новая конфигурация коллективной идентичности [4; 7].

Политический миф в этой рамке не редуцируется к «ложи» или идеологеме, но понимается как процесс – «работа над общим нарративом», который придаёт смысл многообразию опыта и задаёт схемы коллективного действия, переводя память в мобилизационные истории о происхождении, миссии, угрозах и спасении [6]. Однако нарративная «склейка» государственности невозможна без фона разделяемых воображаемых: социальные воображаемые формируют горизонты того, «как» мыслится совместная жизнь, какие практики считаются нормальными и какие ожидания – оправданными, связывая макросюжеты с повседневной координацией [15].

В условиях техно-научной модерности этот фон получает специфическую государственную артикуляцию в виде социотехнических воображаемых – коллективно разделяемых, институционально стабилизированных и публично разыгрываемых видений желательных будущих (например, «цифровой суверенитет», «энергетический переход»), которые связывают цели развития с допускаемыми формами социальной организации и тем самым направляют траектории политики и права [10]. В совокупности эта логика задаёт непрерывную цепочку: воображаемое сообщество → символически «изобретённая» традиция → институционально оформленная культурная память (в том числе через работу с травмой) → миф как процесс смыслопорождения → социальные и социотехнические воображаемые как сценарии будущего; именно на этой цепочке и держится способность государственности укреплять себя через производство, циркуляцию и закрепление нарративных образов, обеспечивающих согласование прошлого, настоящего и ожидаемого будущего.

Механизмы нарративной поддержки государственности

Механизмы нарративной поддержки государственности проявляются, прежде всего, в повседневных, почти незаметных практиках «подсветки» нации, которые превращают принадлежность в фоновую норму и снижают издержки легитимации. Как подчёркивал М. Биллинг, «подмигивание флагом» не ограничивается праздничными моментами: «Флаги не ограничиваются спортивными страницами, так же как нация не исчезает между моментами коллективного празднования» (перевод наш – Н. Э.) [5, с. 126]. Именно эта банальная, регулярно воспроизводимая маркировка – флаги на зданиях, рутинные медиашаблоны, языковые формулы – поддерживает постоянную «активацию» национальной идентичности без мобилизационных всплесков, делая чувство «мы» само собой разумеющимся [5, с. 126].

Следующий контур – институционализированная культурная память, через которую государство «прошивает» большие сюжеты в материальную и организационную ткань: памятные даты, музеи, учебники, церемонии и топонимические политики формируют устойчивые узлы смысла и задают канон интерпретаций. У П. Норы эта логика схвачена формулой: «Существуют места памяти, sites of memory, потому что больше нет сред памяти, milieux de mémoire» (перевод наш – Н.Э.); «места памяти» – такие формы, где «память кристаллизуется и выделяется» [3, с. 7]. Отсюда вытекает аналитический шаг: через инфраструктуры памяти государства не просто фиксируют прошлое, но и выстраивают интерпретационные рамки конфликтных эпизодов, включая травматические, формируя «моральные карты» настоящего и ожидаемые линии ответственности; в этом помогают различение режимов памяти и анализ их социального действия [4, с. 333–336], исследования культурной травмы как коллективной переинтерпретации шоковых событий [7, с. 1–5], а также наработки Narrative Policy Framework о том, как повествования структурируются и транслируют «мораль рассказа» (контекст, персонажи-герои/жертвы/злодеи, сюжет, нормативная развязка) [13, с. 330–333].

Наконец, политические мифы выполняют работу смысловой «свёртки» сложной реальности до управляемых образов-сюжетов («основание», «спасение», «великое возвращение»), указывая направление коллективного действия; в трактовке Ч. Боттиччи миф – это «the work on a common narrative», непрерывный процесс переработки общего нарратива, отвечающий на запрос значимости и неотделимый от социальной воображаемости [6, с. 14]. В совокупности эти механизмы – банальная маркировка, институционализированная память, нарративная структура публичной политики и мифопоэтическая «свёртка» – обеспечивают сцепле-

ние прошлого, настоящего и проектируемого будущего, превращая нарративные образы в ключевой ресурс устойчивости и управляемости государственности.

Нарративы в публичной политике: от дискурсивных коалиций к Narrative Policy Framework (NPF)

В логике «аргументативного поворота» публичная политика понимается как борьба интерпретаций, где устойчивость практик обеспечивается не только ресурсами и нормами, но и тем, как они «сшиты» сторилайнами – краткими, убедительными сюжетами, связывающими проблему, причинность и решение. М. Хайер вводит аналитический инструмент «дискурсивной коалиции» как «группы акторов, разделяющих социальную конструкцию», благодаря которой «неопределённые обстоятельства» обретают смысл в политическом процессе [8, с. 53]. В его формулировке «подход дискурсивной коалиции» показывает, что как только оформляется новый дискурс, он «порождает сторилайны по конкретным проблемам», причём сама коалиция – это «ансамбль сторилайнов, акторов, их произносящих, и практик, соответствующих этим сторилайнам» [8, с. 55]. Важен и критерий доминирования: коалиция становится ведущей лишь при выполнении двух условий – «дискурсивной структуризации» (речевая сила сторилайна убеждает центральных акторов) и «институционализации дискурса» (фактические процедуры начинают осуществляться в его понятиях) [8, с. 56]. Эти положения задают операциональный мост к анализу государственной устойчивости – сторилайны «прошивают» институты, превращаясь в рутинные практики, а потому измеримы через их следы в нормотворчестве, бюджетах и администрировании.

NPF радикализует эту линию, утверждая, что политические истории поддаются систематическому эмпирическому анализу. Уже в программной статье М. Джонса и М. МакБета сформулировано: «мы утверждаем, что политические нарративы могут изучаться с использованием систематических эмпирических подходов и вводим “Narrative Policy Framework” (NPF) для дальнейшей разработки и эмпирического тестирования; NPF определяет структуру и содержание нарратива» [12, с. 329]. При этом дано операциональное определение самих историй: «нарратив – это рассказ с темпоральной последовательностью событий…, разворачивающийся в сюжете, населённый драматическими моментами, символами и архетипическими персонажами и завершающийся “моралью рассказа” (policy solution)» [12, с. 329–330]. В практическом приложении это означает возможность «разложения» укрепляющих (или подрывающих) государственность сюжетов на элементы – контекст (setting), персонажей (герои/жертвы/злодеи), ход событий (plot) и нормативную развязку (moral) – с последующей проверкой их влияния на установки граждан, коалиционную динамику и исходы политики (от легитимации до имплементации).

Тем самым связка Хайера и NPF задаёт последовательность анализа: во-первых, выявить дискурсивные коалиции и их сторилайны; во-вторых, проверить, трансформируются ли эти сторилайны в институциональные практики; в-третьих, операционализировать элементы нарратива по NPF и оценить их причинное воздействие на решения и результаты. В совокупности это предлагает воспроизводимую процедуру измерения того, как именно нарративы становятся инфраструктурой публичной политики и механизмом поддержания государственности [8, с. 53, 55–56; 12, с. 329–330].

Социальные и социотехнические воображаемые государства

В русле Ч. Тейлора социальные воображаемые следует понимать не как набор идей, а как «то, что делает возможными – через придание смысла – практики общества» [15, с. 16]. Это определение важно тем, что выдвигает воображаемые в ранг «фона» нормативных ожиданий и привычных схем действия, на котором уже выстраиваются экономические практики, публичная сфера и представления о самоуправлении. Тем самым государственность опирается не только на нормы и институты, но и на коллективно разделяемые образы должного порядка, которые «делают видимыми» и оправданными сами институциональные формы.

В современных условиях значительная часть этих образов сопрягается с научно-технологическим развитием. В программном введении к коллективному труду под редакцией Ш. Джасанофф и С.-Х. Кима предложено уточнённое определение: «в этом томе мы переопределяем социотехнические воображаемые как коллективно разделяемые, институционально стабилизированные и публично разыгрываемые видения желательных будущих, оживляемые общими представлениями о формах общественной жизни и социального порядка, достижимых и поддерживаемых развитием науки и технологий» [11, с. 11–12]. Авторы подчёркивают и операциональные признаки: такие воображаемые «коллективны, долговечны, способны к публичному исполнению», объединяя «нормативность воображения» с «материальностью сетей» [11, с. 26–27]. Для анализа государственности это означает, что стратегические курсы – энергетический переход, цифровой суверенитет, биомедицинская безопасность – работают не только как набор инструментов, но и как «разыгрываемые» видения будущего, задающие допустимые формы общественного порядка.

Эмпирически связка «воображаемые ↔ политика» прослеживается на примере национальных энергетических стратегий. Показательно наблюдение Ш. Джасанофф и С.-Х. Кима: «радикальные

изменения в топливном обеспечении, вероятно, трансформируют социальные инфраструктуры, изменяя установившиеся модели жизни и труда» [11, с. 190]. При этом сами «воображаемые… – это “коллективно воображаемые формы общественной жизни и социального порядка, отражённые в дизайне и осуществлении специфичных для нации научно-технологических проектов”» (с отсылкой к раннему определению 2009 г.) [11, с. 190]. Такой подход показывает, почему государства по-разному распределяют риски и выгоды инноваций, различаются в режимах регулирования и в трактовках «общественного блага»: различие коренится не только в ресурсах или институтах, но и в воображаемых будущего, которые они стремятся «сделать реальностью». Для исследователя государственности вывод двоякий: во-первых, выявление и атрибуция социотехнических воображаемых становятся ключом к объяснению траекторий политики; во-вторых, оценивать устойчивость и легитимность этих траекторий следует с учётом их «публично разыгрываемой» природы – от стратегий и законов до символических практик и инфраструктурных решений.

Заключение

В статье показано, что нарративные образы составляют не внешнюю «оболочку», а структурное условие воспроизводства государственности. Сквозная логика выстраивается от нации как «воображаемого сообщества» через «изобретённые традиции» и инфраструктуры культурной памяти к политическому мифу и «банальному национализму», а далее – к социальным и социотехническим воображаемым, которые придают этим сюжетам направленность в будущее. На уровне публичной политики эта связка институционализируется в сторилайнах дискурсивных коалиций и поддаётся операциональному анализу средствами Narrative Policy Framework: нарративы структурируют проблемы, приписывают причинность и предлагают «мораль рассказа», переводя коллективную идентичность в координацию действий, нормотворчество и управленческие практики.

Отсюда вытекает методологическая программа оценки вклада нарративов в укрепление государственности: во-первых, многоуровневый корпус (правовые и стратегические тексты, учебники, музейные экспозиции, медиаматериалы) для реконструкции «мест памяти» и канона прошлого; во-вторых, нарративная разметка по NPF (контекст, персонажи, сюжет, нормативная развязка) с отслеживанием дискурсивных коалиций и их институционализации; в-третьих, картирование «банальных» маркеров принадлежности в повседневной среде; в-четвертых, выявление социальных и социотехнических воображаемых в стратегиях развития; и, в-пятых, сопоставление нарративов с измеримыми исходами (законопроекты, бюджеты, индикаторы доверия/участия). Перспективы дальнейших исследований – сравнительные и лонгитюдные дизайны, мультимодальные методы (текст, визуальные знаки, ритуалы), а также этическая оценка границы между легитимирующим нарративом и манипуляцией. Такая рамка позволяет последовательно диагностировать, при каких условиях нарративные образы усиливают интеграцию и устойчивость государства, а при каких – утрачивают эффективность.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. – Перераб. изд. – London; New York: Verso, 2006. – 240 с.
2. Ассман Я.; Чаплицка Д. Коллективная память и культурная идентичность // New German Critique. – 1995. – № 65. – С. 125–133.
3. Нора П. Между памятью и историей: места памяти // Representations. – 1989. – № 26. – С. 7–24.
4. Alexander J. C.; Eyerman R.; Giesen B.; Smelser N.J.; Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley: University of California Press, 2004. – 336 p.
5. Billig M. Banal Nationalism. – London: SAGE, 1995. – 224 p.
6. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 264 p.
7. Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 212 p.
8. Hajer M. Discourse Coalitions and the Institutionalization of Practice: The Case of Acid Rain in Great Britain // Fischer F., Forester J. (eds.). *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*. – Durham, NC: Duke University Press, 1993. – P. 43–76.
9. Hobsbawm E.; Ranger T. (eds.). *The Invention of Tradition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 320 p.
10. Jasanoff S.; Kim S.-H. (eds.). Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. – Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 368 p. – DOI: 10.7208/chicago/9780226276663.001.0001. URL: https://www.bibliovault.org/BV.landing.epl? ISBN=9780226276663 (дата обращения: 13.09.2025).
11. Jasanoff S.; Kim S.-H. Sociotechnical Imaginaries and National Energy Policies // *Science as Culture*. – 2013. – 22(2). – P. 189–196. – DOI: 10.1080/09505431.2013.786990. URL: https://www.researchgate.net/publication/273701064 (дата обращения: 13.09.2025).

12. Jones M. D.; McBeth M.K. A Narrative Policy Framework: Clear Enough to Be Wrong? // *Policy Studies Journal*. – 2010. – 38(2). – P. 329–353.
13. Olick J.K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. – 1999. – Т. 17, № 3. – С. 333–348.
14. Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. – Oxford: Blackwell, 1986. – 352 p.
15. Taylor Ch. Modern Social Imaginaries. – Durham, NC: Duke University Press, 2004. – 232 p. – DOI: 10.1215/9780822385806. URL: https://read.dukeupress.edu/books/book/881/Modern-Social-Imaginaries (дата обращения: 13.09.2025).

NARRATIVE IMAGES AND STRENGTHENING STATEHOOD: A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL REVIEW OF APPROACHES TO NATIONHOOD, MEMORY, AND POLITICAL MYTH

Eshimbekova N.S.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsina

The concept of “strengthening statehood” is difficult to think about outside of cultural and symbolic foundations.
This article is a scientific review of concepts explaining how narrative images shape and sustain statehood. It focuses on the intersection of theories of ‘imagined communities,’ cultural memory, and ‘banal nationalism’ with studies of political myth, social/sociotechnical imaginaries, and narrative analysis of politics. It compares classical works on nation and memory (B. Anderson, P. Nora, J. and A. Assmann, M. Billing) with more applied frameworks (Narrative Policy Framework; M. Hayer’s discursive coalitions) and developments in the field of socio-technical imaginaries (S. Jasanoff, S.-H. Kim). It discusses how states construct legitimacy, mobilisation and the capacity for collective action through memorial sites, institutional routines, “small” everyday representations and programmatic political histories. The review concludes with methodological recommendations for researching narratives of statehood.

Keywords: statehood; narrative; cultural memory; political myth; imagined communities; social imaginaries; socio-technical imaginaries; banal nationalism; discursive coalitions; Narrative Policy Framework.

References

1. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised edition. London; New York: Verso, 2006. 240 pp.
2. Assmann, J.; Chaplicka, D. Collective Memory and Cultural Identity // New German Critique. – 1995. – № 65. – P. 125–133.
3. Nora, P. Between Memory and History: The Sites of Memory // Representations. – 1989. – № 26. – P. 7–24.
4. Alexander J. C.; Eyerman R.; Giesen B.; Smelser N.J.; Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley: University of California Press, 2004. – 336 p.
5. Billig M. Banal Nationalism. – London: SAGE, 1995. – 224 p.
6. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 264 p.
7. Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 212 p.
8. Hajer M. Discourse Coalitions and the Institutionalisation of Practice: The Case of Acid Rain in Great Britain // Fischer F., Forester J. (eds.). The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning. – Durham, NC: Duke University Press, 1993. – P. 43–76.
9. Hobsbawm E.; Ranger T. (eds.). The Invention of Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 320 p.
10. Jasanoff S.; Kim S.-H. (eds.). Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. – Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 368 p. – DOI: 10.7208/chicago/9780226276663.001.0001. – URL: https://www.biblio-vault.org/BV.landing.epl? ISBN=9780226276663 (accessed: 13.09.2025).
11. Jasanoff S.; Kim S.-H. Sociotechnical Imaginaries and National Energy Policies // Science as Culture. – 2013. – 22(2). – P. 189–196. – DOI: 10.1080/09505431.2013.786990. – URL: https://www.researchgate.net/publication/273701064 (accessed: 13.09.2025).
12. Jones M. D.; McBeth M.K. A Narrative Policy Framework: Clear Enough to Be Wrong? // Policy Studies Journal. – 2010. – 38(2). – P. 329–353.
13. Olick J.K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. – 1999. – Vol. 17, № 3. – P. 333–348.
14. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford: Blackwell, 1986. – 352 p.
15. Taylor Ch. Modern Social Imaginaries. – Durham, NC: Duke University Press, 2004. – 232 p. – DOI: 10.1215/9780822385806. – URL: https://read.dukeupress.edu/books/book/881/Modern-Social-Imaginaries (accessed: 13.09.2025).

Становление цифрового доверия в российском обществе

Агаммедов Рамиль Мубаризович,
аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: agaramil@yandex.ru

Проблематика цифрового доверия является неотъемлемой частью социологической науки XXI века, которая усложняется и преобразуется по мере технологического развития общества. Оставляя в стороне естественно-научные детерминанты поведения, социальные аспекты доверия исследуют, прежде всего, социологи и экономисты. В статье в рамках социологического подхода рассматривается процесс формирования цифрового доверия в России, его взаимосвязь со стремительным развитием и распространением информационных технологий в социуме. Актуальность проблемы доказывает тот факт, что за последние годы устоявшиеся подходы к пониманию важности доверия в обществе изменились в сторону усиления роли цифрового доверия, то есть доверия к инструментам цифровой сферы.
В ходе исследования автором выявлены тенденции и вызовы, с которыми сталкивается российское общество в условиях цифровой экономики, предложены рекомендации по повышению цифрового доверия среди граждан. Результатом исследования служит выявление характерных черт цифрового доверия, границы его управляемости и риски, сопутствующие цифровизации. Сформулированные автором выводы могут использоваться исследователями для дальнейших теоретических изысканий и проведения эмпирических исследований.

Ключевые слова: цифровое доверие, информация, цифровые финансовые инструменты, культура доверия, кризис доверия, искусственный интеллект.

Введение

Современная цифровая экономика базируется на использовании инновационных технологий в области цифровых финансов, когда финансовые услуги предоставляются пользователям через технические устройства с целью минимизации транзакционных издержек и максимизации финансовой доступности. При этом изменению подвергается сама институциональная основа финансов, ведь к традиционным финансовым инструментам добавляются новые, которые являются посредниками между индивидами и институтами.

Проникновение искусственного интеллекта в банковские, страховые и телекоммуникационные пространства позитивно влияет на скорость и качество оказания соответствующих услуг, тем самым провоцируя увеличение их глобального потребления. Так зарождается цифровое доверие, которое наряду с личным и институциональным выделяются в отдельную форму доверия в социологической науке [1]. При этом само цифровое доверие институционализируется, а межличностное доверие опосредуется благодаря распространению информации, которая делает результаты взаимодействия акторов общедоступными.

В качестве основной проблемы работы исследователь рассматривает недостаточную систематизацию исследований по тематике цифрового доверия в России. В целях её устранения автор обобщает и прорабатывает научные воззрения исследователей по выбранной проблематике, систематизирует подходы к изучению цифрового доверия в России. За счёт выявления сфер общественной жизни, в которых новый тип цифрового доверия видоизменяет сложившиеся социально-экономические отношения, исследователь обозначает риски цифровизации и возможности для минимизации их негативных последствий.

Для достижения поставленной цели в рамках социологического подхода автором преимущественно был использован метод сравнительного анализа вторичных данных, то есть систематизация и переосмысление накопленных учёными знаний по исследуемой проблеме. Для углублённой проработки вопроса становления цифрового доверия в России автором использовались в том числе и те исследования, которые не затрагивают проблематику доверия в информационном обществе напрямую, но позволяют лучше понять предпосылки трансформации традиционных моделей доверия в его современные вариации. Теоретиче-

скими методами, на которые опирался исследователь в работе, являются сравнительный анализ, абстрагирование, индукция, обобщение накопленных знаний в научно-исследовательской форме.

Основная часть

Для понимания сущности цифрового доверия необходимо сперва разобраться с определением термина «доверие». Поскольку однозначно устоявшегося определения в российской социологической науке не выработано, можно согласиться, что в общем виде доверие представляет из себя «универсалию» и неотъемлемый атрибут, с помощью которого человек взаимодействует с окружающим миром [7]. В цифровом мире личное и институциональное типы доверия проецируются на плоскость онлайн-сферы, позволяя индивиду адаптировать своё поведение к различным жизненным ситуациям и формируя у него цифровое доверие.

В общем виде цифровое доверие можно определить как доверие, которое формируется у субъектов цифровой среды во время использования ими любых цифровых технологий. Доверие пользователей к цифровым технологиям формируется по причинам их удобства, доступности, криптографической защищенности, а также благодаря целенаправленной экономической политике государства. Так, цифровизация экономики в России закреплена в стратегии цифровой трансформации до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р.

В настоящее время большинство государственных институтов и компаний имеют цифровые каналы коммуникаций, что способствует распространению товаров, услуг и информации, к которым у акторов формируется доверие (или недоверие). В этой связи российские исследователи распространили подходы социологии доверия на экономические институты, в частности – на цифровые инструменты онлайн-сферы. Было доказано, что такие инструменты повышают доверие к совершаемым на их базе транзакциям и к социальной системе в целом [3]. Напротив, неполная прозрачность транзакционного процесса оставляет возможность для мошенничества и киберпреступлений, снижает цифровое доверие акторов к технологиям. С переходом большинства финансовых взаимодействий в сетевое пространство отдельные категории населения с невысокой цифровой грамотностью (пенсионеры, инвалиды) рискуют быть отрезанными от полноценной экономической жизни. Несмотря на это, отмечается тенденция к увеличению числа пользователей онлайн-сервисов, что связано с растущей эффективностью и удобством цифровых коммуникаций [3].

Исследования показывают, что главным стимулом для формирования цифрового доверия является убеждённость пользователей в безопасности используемых сервисов. Эта убеждённость как бы нивелирует риски использования ИИ, отводя первостепенную роль факторам эффективности и удобства цифровых платформ [2]. В 2024 году аналитический центр НАФИ оценил лояльность и доверие клиентов к розничным банковским услугам в России. Исследование охватило 1600 клиентов, при его проведения использовался метод Net Promoter Score (NPS) для оценки степени лояльности [10]. Индекс составил 55 пунктов, что на один пункт ниже исторического максимума 2023 года (56 пунктов). Данное значение указывает на то, что большинство клиентов остаются лояльными своим банкам, свидетельствует о приспособленности населения и банков к санкционным ограничениям и улучшению клиентского сервиса. Важную роль играет также постоянная работа банков по достижению устойчивости и удержанию клиентской базы.

Рост цифрового доверия в онлайн-среде может достигаться за счёт появления новых каналов коммуникации в сферах семейного и детского банкинга, внедрения и регулирования элементов дополненной реальности в банковские экосистемы. При этом многие фундаментальные сторонники криптовалют полагают, что их преимущества позволят со временем отказаться от любых форм финансового посредничества, а также от монополии государства на централизованное денежно-кредитное регулирование экономики [5]. В ответ на это большинство государств и традиционных банков противятся бесконтрольному распространению криптовалют.

На сегодняшний день в России складывается неокорпоративная модель цифрового доверия, когда институты власти определяют цифровые взаимодействия в отношении общества и бизнеса. Уже сейчас управляемые цифровые технологии начинают переформатировать ценностные установки и идентификацию людей в обществе. При этом даже контролируемая цифровизация может приводить к росту неопределённости в общественных отношениях [6]. Для избежания негативных эффектов государственная система управления должна адаптировать традиционные механизмы управления под новую социальную реальность. Перспективные цифровые финансовые инновации, такие как внедрение криптовалют в банковской сфере, требуют изменений в правовом поле государства, которое должно обеспечиваться институтами государственной власти – Центральным Банком и Правительством РФ [5].

Доверие к новым технологическим продуктам создаётся рекламой, которая формирует у потребителей стереотипное восприятие банка как надежного финансового института [9]. Такой компонент информации, как «надёжность», является важнейшим свойством, формирующим доверие. Понимание надёжности зависит от персональ-

ных предпочтений пользователей [4]. Чаще всего надежной является объективная, достоверная, полная, точная и актуальная информация. В зависимости от вида информации атрибуты надежности меняют свою значимость для пользователя. Так, важная информация в первую очередь должна быть достоверной, а вот для шуточно-развлекательной информации атрибут актуальности может быть не менее значимым, чем истинность. Поскольку для учёных достоверность информации является приоритетным атрибутом, её отсутствие при использовании цифровых методов исследования (таких как Big Data) влечёт возможное недоверие к интерпретации полученных результатов, в том числе из-за проблем алгоритмизации машинного обучения и киберпреступности [8].

Заключение

По итогам анализа ряда исследований по проблеме становления цифрового доверия в российском обществе автор делает вывод, что ускоряющаяся цифровизация всех сторон общественной жизни влечёт за собой как риски, так и возможности для дальнейшей коммуникации акторов и формирования «культуры цифрового доверия» в информационном обществе. Несмотря на очевидные плюсы цифровизации, связанные со снижением финансовых рисков и неудобств для пользователей, изнанка цифровых инноваций остается малопонятной для среднестатистического пользователя услуг. Повысить доверие в экономической плоскости может повышение прозрачности операций, совершенствование трудового и налогового законодательств, здоровый баланс технологического и общественного развития.

В рамках цифровой трансформации российской экономики государство стремится повысить доверие к цифровой среде, однако достижение этой цели сильно затрудняют утечки персональной информации и растущие возможности для киберпреступлений. Представляется, что на сегодняшний день основную угрозу представляет не сам искусственный интеллект, а недобросовестное использование связанных с ним технологических уязвимостей в корыстных целях. Доверие людей к элементам цифровой экономики, как и к ИИ в целом, не стоит путать с познавательным интересом или попыткой спекулятивного заработка на популярных технологиях.

Вкупе с социальной изоляцией, которая, как ни парадоксально, присуща цифровому миру с его социальными сетями, цифровое доверие не сможет полностью заменить традиционные формы доверия. Исторически социальные институты брали на себя функции социализации и передачи знаний, поддерживали сплоченность в обществе, и с развитием цифровых технологий эти институты не должны пострадать. На взгляд автора, для нивелирования негативных последствий цифровизации и формирования здоровых форм цифрового доверия люди, управляющие процессом цифровизации на государственном и корпоративном уровнях, обязаны координировать свои усилия, прислушиваться к мнению исследователей и общественности.

Литература

1. Веселов, Ю.В. Доверие в цифровом обществе / Ю.В. Веселов // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2020 года / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2020. – С. 299–306. – EDN RQCPZW.
2. Ерохина, О.В. Модель формирования цифрового доверия в России / О.В. Ерохина, Д.С. Коваленко // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 21–26. – DOI 10.26794/2226–7867–2023–13–3–21–26. – EDN QVNXXL.
3. Карапетян, Р.В. Доверие к цифровым инструментам финансовой сферы: экономико-социологический подход / Р.В. Карапетян, С. А.Р. Карапетян // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 122–131. – DOI 10.35854/1998–1627–2022–2–122–131. – EDN VRJFPM.
4. Купрейченко, А.Б. Доверие к информации как фактор доверия к электронным масс-медиа / А.Б. Купрейченко, Е.В. Шляховая // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2012. – № 1. – С. 370–380. – EDN OYPZHT.
5. Митюченко, Л.С. Банковская система в условиях развития цифровой коммуникации / Л.С. Митюченко, А.А. Барсук // Экономика. Социология. Право. – 2022. – № 2(26). – С. 19–25. – DOI 10.22281/2542–1697–2022–01–02–19–25. – EDN UZCOOW.
6. Потемкин, В.К. Информационные и цифровые технологии как фактор ценностно-смысловых ориентаций человека в управлении предприятиями и организациями / В.К. Потемкин // Новые императивы устойчивого развития социально-экономической системы: сборник докладов профессорско-преподавательского состава по материалам XI Национальной научно-практической конференции Института магистратуры с международным участием, Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. – С. 77–83. – EDN EUQQAZ.

7. Скрипкина, Т. Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии / Т. Скрипкина // Развитие личности. – 2011. – № 3. – С. 111–131. – EDN QANBPT.
8. Фабрикант, М.С. Большие данные в кросс-культурных исследованиях: доверие к информации и доверие к результатам / М.С. Фабрикант // Большие данные и проблемы общества: Сборник статей по итогам Международной научной конференции, Киров, 19–20 мая 2022 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2022. – С. 150–156. – EDN RHBDXB.
9. Шадрин, В.Г. Мобильные приложения банков как важнейший инструмент цифровых маркетинговых коммуникаций в финансовой сфере / В.Г. Шадрин, М.А. Кузин // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 9. – С. 3473–3486. – DOI 10.18334/ce.16.9.116302. – EDN AYDIJU.
10. NPS-2024. Лояльность пользователей розничных банковских услуг / НАФИ. – 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://nafi.ru/projects/finansy/nps-2024-loyalnost-polzovateley-roznichnykh-bankovskikh-uslug/ (дата обращения: 10.09.2025).

THE FORMATION OF DIGITAL TRUST IN RUSSIAN SOCIETY

Agammedov R.M.
Saint-Petersburg State University of Economics

The issue of digital trust is an integral part of the sociological science of the 21st century, which is becoming more complex and transformed with the technological development of society. Leaving aside the natural scientific determinants of behavior, sociologists and economists primarily study the social aspects of trust. Within the framework of a sociological approach, the article examines the process of digital trust formation in Russia, its relationship with the rapid development and spread of information technologies in society. The relevance of the problem is proved by the fact that in recent years, established approaches to understanding the importance of trust in society have changed towards strengthening the role of digital trust, that is, trust in the tools of the digital sphere.
During the research, the author identifies trends and challenges faced by Russian society in the digital economy and offers recommendations for increasing digital trust among citizens. The result of the study is the identification of the characteristic features of digital trust; the limits of its manageability and the risks associated with digitalization. The conclusions formulated by the author can be used by researchers for further theoretical research and empirical research.

Keywords: digital trust, information, digital financial instruments, culture of trust, crisis of trust, artificial intelligence.

References

1. Veselov, Yu.V. Trust in a digital society / Yu.V. Veselov // Digital society – a new format of social reality: structures, processes and development trends: proceedings of the All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, November 12–14, 2020 / Editors: N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – Saint Petersburg: Scythia-print LLC, 2020. – pp. 299–306. – EDN RQCPZW.
2. Erokhina, O.V. The model of digital trust formation in Russia / O.V. Erokhina, D.S. Kovalenko // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2023. – Vol. 13, № 3. – pp. 21–26. – DOI 10.26794/2226–7867–2023–13–3–21–26. – EDN QVNXXL.
3. Karapetyan, R.V. Trust in digital financial instruments: an economic and sociological approach / R.V. Karapetyan, S.A.R. Karapetyan // Economics and management. – 2022. – Vol. 28, № 2. – pp. 122–131. – DOI 10.35854/1998–1627–2022–2–122–131. – EDN VRJFPM.
4. Kupreichenko, A.B. Trust in information as a factor of trust in electronic mass media / A.B. Kupreichenko, E.V. Shlyakhovaya // Psychological science and education www.psyedu.ru. – 2012. – № 1. – pp. 370–380. – EDN OYPZHT.
5. Mityuchenko, L.S. The banking system in the context of the development of digital communication / L.S. Mityuchenko, A.A. Barsuk // Economy. Sociology. The right. – 2022. – № 2(26). – Pp. 19–25. – DOI 10.22281/2542–1697–2022–01–02–19–25. – EDN UZCOOW.
6. Potemkin, V.K. Information and digital technologies as a factor of human value and semantic orientations in the management of enterprises and organizations / V.K. Potemkin // New imperatives of sustainable development of the socio-economic system: collection of reports of the teaching staff based on the materials of the XI National Scientific and Practical Conference of the Institute of Magistracy with International Participation, St. Petersburg, April 21–22, 2022. – Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2022. – pp. 77–83. – EDN EUQQAZ.
7. Skripkina, T. The antinomy of trust in the world and self-trust in human life / T. Skripkina // Personality development. – 2011. – № 3. – pp. 111–131. – EDN QANBPT.
8. Fabrikant, M.S. Big data in cross-cultural research: trust in information and trust in results / M.S. Fabrikant // Big data and problems of society: Collection of articles on the results of the International Scientific Conference, Kirov, May 19–20, 2022. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2022. pp. 150–156. EDN RHBDXB.
9. Shadrin, V.G. Mobile applications of banks as the most important tool of digital marketing communications in the financial sector / V.G. Shadrin, M.A. Kuzin // Creative economy. – 2022. – Vol. 16, № 9. – pp. 3473–3486. – DOI 10.18334/ce.16.9.116302. – EDN AYDIJU.
10. NPS-2024. Loyalty of users of retail banking services / NAFI. – 2024 [Electronic resource]. – URL: https://nafi.ru/projects/finansy/nps-2024-loyalnost-polzovateley-roznichnykh-bankovskikh-uslug / (date of access: 09/10/2025).

Неуплата налогов как показатель трансформации экономического сознания трудящейся молодежи

Баев Павел Анатольевич,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье фиксируется зависимость неуплаты налогов и новых особенностей функционирования экономического сознания. На примере трудящейся молодежи показывается роль неуплаты налогов в разрушении налоговой морали и фискальных отношений в обществе. Первый трудовой опыт позволяет молодым людям принять решение о легитимном или нелегитимном поведении в виде соблюдения или нарушения налогового комплайенса. Делаются выводы о социальных трансформациях общественного развития и перспективах изменения налоговой морали и количества тех, кто не платит налоги.

Ключевые слова: неуплата налогов, налоговая мораль, экономическое сознание, трудящаяся молодежь, налоговый комплайенс.

Вступление молодых людей в трудовые отношения приводит к тому, что они сталкиваются с необходимостью платить налоги. Налоговая мораль выступает частью общества и при преемственности социального развития, уплата налогов считается нормой. Но если происходит нарушение социального воспроизводства, то усиливаются процессы неуплаты налогов.

Неуплата налогов – это показатель трансформации роли государства в социальном воспроизводстве, ставится под сомнение сам принцип доверия власти и справедливого распределения налогового бремени. Неуплата налогов – это не только экономико-правовой аспект социального развития, но и норма морально-этичного перехода, опирающегося на социокультурные и психологические трансформации личности и целых социальных сообществ.

Неуплата налогов может проявляться в разных формах:

– в виде неформальной экономики (рыночные отношения не фиксируются официальными органами);
– формальная неуплата (уклонение от уплаты);
– сокрытие доходов (занижение того, что подвергается налогообложению);
– противоречия законодательства;
– социального одобрения ухода от налогов.

Эти формы могут существовать только при условии определенного экономического сознания, опирающегося на ценностях и мотивах, отношениях и представлениях к справедливости распределения социальных благ, деления общества на бедных и богатых, отношение к власти и государству в целом и т.д.

В современном обществе, новые практики (в том числе практики неуплаты налогов) влияют на принятие или отторжение социальной ответственности человека перед собой, сверстниками, поколением, потомкам и проч. Тут же проявляются особенности обеспечения социальной инфраструктуры и общих социальных благ.

Между неуплатой налогов и экономическим сознанием существует целый ряд социальных связей:

– доверие / не доверие к социальным институтам, особенно к институту власти (снижение доверия к власти, приводит к повышению неуплаты налогов);
– непрозрачная система налогообложения;

– увеличение значимости неформальной экономики (изменение равновесия между легальными и теневыми областями развития региона);
– представления о справедливости, заложенные на ментальном уровне, опирающиеся на социокультурные нормы и традиции;
– показательные публичные наказания (в медийном пространстве) за неуплату налогов.

В исследованиях указываются различные направления изучения неуплаты налогов. В социально-экономических работах чаще фигурируют регрессивные модели для выделения факторов уклонения от налогов в зависимости от возраста, пола, доходов, сектора, региона, уровня доверия к органам власти и проч. (В.А. Бубнов и М.С. Севастьянова [4], М.О. Климова [5]). Через статистические данные исследуются сводные данные о сборах налогов в зависимости от СВО, экономических санкций, инфляции, положения экономики в отдельных секторах и т.д. (А.Г. Санина [23, 24], Е.В. Палащенко [6–15], Д.Ю. Федотов [31]). Также присутствуют исследования с использованием качественных показателей, интервью и фокус-группы с предпринимателями и экспертами в сфере налогов и общественной активности, контент-анализ положений и особенностей юрисдикций (И.Б. Бовина и Б.Г. Бовин [3], М.Е. Сачкова, Е.Б. Березина, Н.В. Дворянчиков и др. [25]). Отдельного интереса заслуживают исследования временных рядов и панельных данных, указывающие на особенности неформальной экономики, влияние цифровизации или виртуализации, трансформации после реформ на количество налогов (Р.Г. Ардашев [1, 2], О.А. Полюшкевич [16–22], В.А. Скуденков [26–30]).

Особенности исследования

Это все стало основой нашего исследования, которое построено на комплексной методологии, сочетает количественные и качественные методы. Мы провели опрос трудящейся молодежи в возрасте от 18 до 35 лет (55% работает и 45% учится и работает). Наличие официального рабочего места было одной из квот выборки (помимо пола, возраста и региона проживания). Всего опрошено 1500 человек в разных регионах России, из них 55% девушек и 45% юношей. Погрешность выборки 2,4.

Также мы провели 6 фокус-групповых интервью среди работающей молодежи в Иркутске и Красноярске. В фокус-групповом интервью приняло участие 55 человек в возрасте от 18 до 35 лет, 55% девушек и 45% юношей. Выборка участников фокус-групп осуществлялась пропорционально основным квотам выборки работающей молодежи при опросе, для уточнения и фиксации более глубоких комментариев и оценок результатов опроса.

Все материалы фокус-группового исследования декретировались и анализировались в программе Atlas.ti, результаты опроса анализировались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Трудящаяся молодежь, относительно недавно вступившая в рабочие отношения обладает недостаточным уровнем информированности о налогах, которые она должна платить и налогах, которые в целом изымаются с населения. 25% признались, что не знают, какие налоги должны платить, а 39% указало на общее понимание налогов и примерное понимание того, сколько они должны платить. И только треть опрошенных – 31% заявили, что знают какие налоги они должны платить и они это отслеживают. 5% затруднились с какой-либо оценкой налоговой нагрузки в стране в целом и на них в частности.

Трудящаяся молодежь, в 56% уверена, что налоги должны платить «богатые», а не они (рядовые сотрудники). Этот факт свидетельствует о правовой и социальной необразованности (о чем также находятся данные в исследованиях Е.В. Палащенко [13, 14]). Во время фокус-группового интервью, звучали поддерживающие и раскрывающие данное положение идеи:

Все не могут платить одинаковые налоги, у кого денег больше, тот и должен больше платить. (Н. Ю., работник торговли, 25 лет). *У крупного бизнеса денег много – пусть они и обеспечивают всю социальную сферу, а с простого народа и взять нечего.* (Н. Г., секретарь, 27 лет).

Тут молодые люди указывают на регрессивную налоговую базу, применяемую в странах запада уже давно и в России только набирающую обороты. Налог на богатство в больше мере находит поддержку среди трудящейся молодежи (82%). При этом, молодые люди уверены, что они сами не будут платить этот налог, так как *такими* богатыми никогда не станут.

На вопрос о том, какие налоги вы знаете, трудящиеся молодые ответили следующим образом: НДФЛ – 55%, налог на автотранспорт – 30%, налог на недвижимость – 15%.

Я не задумываюсь, какие налоги плачу, я ведь не начальник – пусть у него голова болит. (Т. А., сантехник, 29 лет). *Налоги на недвижимость плачу в ноябре, а остальное платит бухгалтерия, я только выписки вижу – сколько куда пересилили.* (И. Д., водитель, 33 года).

Взаимодействие с налоговыми органами есть только у 33% опрошенных. Они обращались в налоговые органы, чтобы оформить налоговый вычет из-за покупок в сфере здравоохранения (лечение зубов, путевки в санатории), образования (оплата обучения детей), жилища (покупка квартиры в ипотеку) и т.д. А также получить какую-то справочную информацию. Это показывает, что трудящейся молодежи не хватает знаний и необ-

ходимо повышать уровень налоговой культуры и налоговой грамотности.

Зачем мне идти в налоговую, кроме как получить налоговый вычет? Это их обязанность и мое право – получить свое. (Е. Е., мастер-маникюра, 26 лет). *В налоговой я только справки беру для банков, если оформляю кредит или еще какие-то инстанции требуют информацию.* (А. А., повар, 30 лет).

Это также указывает на низкий уровень налоговой, да и в целом, финансовой грамотности. Невозможность использовать все особенности взаимодействия с налоговыми органами ограничивают молодых людей в их правах, возможностях и конечно, обязанностях.

Неуплата налогов восприниматься ка позитивное явление, которое позволяет более успешным и адаптивным уйти от налоговой системы (66%). Фактически – они ее оправдывают. Это провоцируется или определяется их финансовым инфантилизмом и патерналистскими установками.

В жизни могут быть разные обстоятельства, когда платить налоги просто невозможно. Надо всегда входить в положение тех, кто выбирает нарушить закон – не платить налоги. (С. С., социальный работник, 34 года). *Возможность не платить налоги в нашей стране, это возможность стать на ступень выше. Это нелегитимный социальный лифт, который позволяет получить билет в новое социальное положение, но не всегда позволяет там удержаться. Именно с этим связаны скандалы с неуплатой налогов различных шоу-звезд и последующей за этим ситуацией обреченности.* (М. Н., швея, 32 года).

Полагаем, реальная картина тех, кто поддерживает неплательщиков налогов в разы хуже, то есть в 2–3 раза больше таких представителей молодежи, да и не только ее.

При этом, причинными неуплаты налогов, трудящаяся молодежь считает:

- сложности с заработком (39%);
- личные и социальные неприятности (проблемные коммуникации) – 27%;
- принадлежность к социально диванному сообществу (инвалиды, ветераны, многодетные семьи и проч.) – 35%.

Это все установки патерналистской идеологии, так как сохраняется вера населения в то, что государство решит все проблемы или кто-то другой.

Мы живем в социальном государстве, поэтому оно и должно о нас заботиться. (Г. Е., скульптор, 26 лет). *Те, кто принимают реальные решения, способные изменить повседневный уклад жизни, должны понимать сложность нашей ситуации, а после будем принимать решения.* (Т. Д., экономист, 30 лет).

Эти данные указывают, что уровень знаний у трудящейся молодежи достаточно низкий. Рекомендации по увеличению количества сознательных налогоплательщиков:

– прозрачность, простота и лаконичность налоговой системы (с повышением легитимности, повышается доверие к власти);
– повышение качества оказываемых государственных слуг (распределение налогов на эффективную работу социальных институтов и всей инфраструктуры);
– эффективное правоприменение (выработка санкций или особых периодов для отдельных секторов экономики для восстановления потенциала);
– цифровизация экономических услуг (от регистрации бизнеса до подачи деклараций, от получения кредита к цифровым решениям по анализу и учеты финансов);
– комбинирование репрессивных и просветительских механизмов повышения уплаты налогов;
– образовательные и просветительские программы для повышения экономической грамотности, налоговой культуры и социальной ответственности.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
3. Бовина И. Б., Бовин Б.Г. Нормы и их нарушение: классические и современные исследования. Современная зарубежная психология, 2021. № 10(3), 21–31. https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302
4. Бубнов В. А., М.С. Севастьянова Влияние налоговой политики Российской Федерации в современных условиях на функции налогов. – DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(3).1273–1286. EDN IGQDML // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 3. С. 1273–1286.
5. Климова М. О. К вопросу о проблеме идентификации уклонения от уплаты налогов // Известия Иркутской государственной экономической академии. Электронный научный журнал. 2013. № 1. С. 4–4.
6. Палащенко Е.В. Ментальные установки как причина неуплаты налогов // Социология. 2023. № 6. С. 35–41.
7. Палащенко Е.В. Налоговая культура в экорегиональном развитии // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах. Материалы научно-практической конференции с международным

участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2025. С. 93–97.
8. Палащенко Е.В. Налоговая мораль среди российских студентов // Социология. 2024. № 7. С. 27–31.
9. Палащенко Е.В. Налоговый комплайенс в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 189–191.
10. Палащенко Е.В. Неуплата налогов как подрыв человеческого потенциала региона // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 386–388.
11. Палащенко Е.В. Неуплата налогов предпринимателями и процессы дезинтеграции общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 489–493.
12. Палащенко Е.В. Неуплата налогов предпринимателями и процессы дезинтеграции общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 489–493.
13. Палащенко Е.В. Неуплата налогов: критерий социального неравенства // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 246–249.
14. Палащенко Е.В. Нормы и их нарушение: на примере неуплаты налогов // Социология. 2025. № 8.
15. Палащенко Е.В. Теория социального действия Т. Парсонса: через призму неуплаты налогов и несоблюдения налогового контроля // Социология. 2023. № 3. С. 120–127.
16. Полюшкевич О.А. Борьба между правосудием и справедливостью в общественном сознании россиян // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. 2018. С. 702–704.
17. Полюшкевич О.А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 96–103.
18. Полюшкевич О.А. Нормы права в оценках общественности // Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 84–89.
19. Полюшкевич О.А. Правовая культура и ментальные установки современников // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 367–369.
20. Полюшкевич О.А. Социальная справедливость/несправедливость в современных реалиях // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 171–175.
21. Полюшкевич О.А. Социальное доверие как основа просоциальных практик: экспертный анализ // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 126–129.
22. Полюшкевич О.А. Угрозы и риски утраты социального доверия в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 101–106.
23. Санина А.Г. Уклонение от уплаты налогов (опыт анализа социально-экономических практик с позиций системной теории Т. Парсонса) // Социологические исследования. 2007. № 4 (276). С. 121–127.
24. Санина А.Г. Уклонение от уплаты налогов как социальный феномен и проблема управленческой практики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 5. № 23. С. 73–76.
25. Сачкова М. Е., Березина Е.Б., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Нормы и их нарушение: от научного мышления к обыденному (поисковое исследование на выборке российской молодежи) // Культурно-историческая психология, 2021. № 17(4), 128–136. https://doi.org/10.17759/chp.2021170414
26. Скуденков В.А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250–255.
27. Скуденков В.А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. № 2. С. 280–283.
28. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
29. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.

30. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 г.) // Социология. 2018. № 2. С. 118–122.
31. Федотов Д.Ю. Исторические предпосылки уклонения от уплаты налогов в предпринимательской среде // Известия Иркутской государственной экономической академии. Электронный научный журнал. 2012. № 6. С. 4–4.

TAX EVASION AS AN INDICATOR OF THE TRANSFORMATION OF ECONOMIC CONSCIOUSNESS OF WORKING YOUTH

Baev P.A.
Baikal State University

The article records the dependence of tax evasion and new features of the functioning of economic consciousness. The example of working youth shows the role of tax evasion in the destruction of tax morality and fiscal relations in society. The first work experience allows young people to decide on legitimate or illegitimate behavior in the form of compliance or violation of tax compliance. Conclusions are made about social transformations of public development and the prospects for changing tax morality and the number of those who do not pay taxes.

Keywords: tax evasion, tax morality, economic consciousness, working youth, tax compliance.

References

1. Ardashev R.G. Irrational space of legal ideas of Russians // Mission of confessions. 2020. Vol. 9. № 2 (43). P. 255–258.
2. Ardashev R.G. Irrationality of public opinion: fears of interaction with government officials // Mission of confessions. 2020. Vol. 9. № 3 (44). P. 340–344.
3. Bovina I. B., Bovin B.G. Norms and their violation: classical and modern studies. Modern Foreign Psychology, 2021. № 10 (3), 21–31. https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302
4. Bubnov V. A., M.S. Sevast'yanova The influence of the tax policy of the Russian Federation in modern conditions on the functions of taxes. – DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(3).1273–1286. EDN IGQDML // Baikal Research Journal. 2024. Vol. 15, № 3. Pp. 1273–1286.
5. Klimova M.O. On the problem of identifying tax evasion // Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. Electronic scientific journal. 2013. № 1. Pp. 4–4.
6. Palashchenko E.V. Mental attitudes as a reason for non-payment of taxes // Sociology. 2023. № 6. P. 35–41.
7. Palashchenko E.V. Tax culture in ecoregional development // The role, traditions and potential of social and psychological disciplines in the formation of eco-cities and eco-territories in Russian regions. Proceedings of the scientific and practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, 2025. P. 93–97.
8. Palashchenko E.V. Tax morality among Russian students // Sociology. 2024. № 7. P. 27–31.
9. Palashchenko E.V. Tax compliance in Russia // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. P. 189–191.
10. Palashchenko E.V. Tax evasion as an undermining of the human potential of the region // Social dynamics of the population and human potential. Proceedings of the VI International scientific and practical conference. Moscow, 2024. Pp. 386–388.
11. Palashchenko E.V. Tax evasion by entrepreneurs and the processes of social disintegration // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 489–493.
12. Palashchenko E.V. Tax evasion by entrepreneurs and the processes of social disintegration // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 489–493.
13. Palashchenko E.V. Tax evasion: a criterion of social inequality // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the IX international scientific and practical Internet conference. Vologda, 2024. Pp. 246–249.
14. Palashchenko E.V. Norms and their violation: on the example of tax evasion // Sociology. 2025. № 8.
15. Palashchenko E.V. The theory of social action by T. Parsons: through the prism of tax evasion and non-compliance with tax control // Sociology. 2023. № 3. Pp. 120–127.
16. Polyushkevich O.A. The struggle between justice and fairness in the public consciousness of Russians // Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world. Collection of materials. 2018. P. 702–704.
17. Polyushkevich O.A. Trust in legal institutions // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the I All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2019. P. 96–103.
18. Polyushkevich O.A. Legal norms in public assessments // State, civil society and law: theoretical and applied issues of correlation and development. Proceedings of the International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2019. P. 84–89.
19. Polyushkevich O.A. Legal culture and mental attitudes of contemporaries // I East Siberian Legal Forum. Collection of materials of the XXX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. P. 367–369.
20. Polyushkevich O.A. Social justice/injustice in modern realities // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 171–175.
21. Polyushkevich O.A. Social trust as the basis for pro-social practices: expert analysis // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second international scientific and practical conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 126–129.
22. Polyushkevich O.A. Threats and risks of loss of social trust in modern society // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2023. № 14. Pp. 101–106.
23. Sanina A.G. Tax Evasion (an attempt to analyze socio-economic practices from the standpoint of T. Parsons's system theory) // Sociological Research. 2007. № 4 (276). P. 121–127.
24. Sanina A.G. Tax evasion as a social phenomenon and a problem of management practice // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2006. Vol. 5. № 23. Pp. 73–76.
25. Sachkova M. E., Berezina E.B., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Norms and their violation: from scientific thinking to everyday life (an exploratory study on a sample of Russian youth) // Cultural and Historical Psychology, 2021. № 17 (4), 128–136. https://doi.org/10.17759/chp.2021170414
26. Skudenkov V.A. The Role of Economic Sanctions in Changing the Quality of Life and Socioeconomic Aspirations of Russians (using the Irkutsk Region as an Example) // Sociology. 2018. № 3. Pp. 250–255.
27. Skudenkov V.A. Social Symbols of Cash in Everyday Life // Sociology. 2019. № 2. Pp. 280–283.
28. Skudenkov V.A. Transformation of Young People's Life Goals under the Influence of Economic Sanctions against Russia // Sociology. 2020. № 1. Pp. 341–344.
29. Skudenkov V.A. Economic Aspirations in the Context of Mobilization // Sociology. 2022. № 5. P. 80–87.
30. Skudenkov V.A. Changing ideas about success and well-being in the minds of Russians (from 2014 to 2017) // Sociology. 2018. № 2. P. 118–122.
31. Fedotov D. Yu. Historical prerequisites for tax evasion in the business environment // Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. Electronic scientific journal. 2012. № 6. P. 4–4.

Человеко-машинное взаимодействие в эргатических системах

Бызова Милена Андреевна,
институт проблем управления имени В.А. Трапезникова
Российской академии наук
E-mail: milena-byzova@mail.ru

В статье рассматриваются философские аспекты взаимодействия человека с беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) в контексте эргатических систем. Исследование акцентирует внимание на изменениях в восприятии человеческой роли и ответственности в условиях быстрого технологического прогресса. Анализируются ключевые концепции, такие как агентность, идентичность и моральная ответственность, и исследуем, как автоматизация трансформирует традиционные представления о принятии решений. Первая задача заключалась в анализе философских вопросов, возникающих из интеграции БПЛА в военную сферу, что выявило многослойность ответственности за действия автоматизированных систем, включая операторов, разработчиков и сами машины. Вторая задача касалась этических дилемм, связанных с агентностью и ответственностью в условиях автоматизации. Результаты исследования подчеркивают необходимость создания новых норм и стандартов для справедливого распределения ответственности. В условиях постиндустриальной эпохи важно не только адаптироваться к новым технологиям, но и критически осмысливать их влияние на наше самосознание и социальные отношения. В заключение, взаимодействие между людьми и автономными машинами ставит перед нами серьезные этические вызовы, требующие нового уровня понимания и ответственности в принятии решений, от которых зависит жизнь и смерть.

Ключевые слова: эргатическая система, агентность, идентичность, фоновые отношения, самосознание, эмпатическое сближение, инаковость.

Введение

В условиях стремительного технологического прогресса и интеграции автоматизированных систем в различные сферы человеческой деятельности философские аспекты человеко-машинного взаимодействия становятся предметом глубоких размышлений и научного анализа, особенно в контексте эргатических систем, где взаимодействие человека и машины осуществляется в рамках совместного выполнения сложных задач. Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) служат ярким примером таких систем, находя применение как в гражданских, так и в военных областях. Актуальность исследования обусловлена не только увеличением роли технологий в повседневной жизни, но и возникновением новых этических, социальных и когнитивных вопросов, требующих переосмысления традиционных представлений о человеческой агентности и ответственности. В условиях, когда машины становятся не просто инструментами, а полноценными участниками процессов принятия решений, необходимо выяснить, какова роль оператора: является ли он лишь исполнителем алгоритмических команд или сохраняет свою субъектность и активное участие в процессе. Эти вопросы требуют внимательного анализа, поскольку их ответы могут существенно повлиять на формирование новых норм и стандартов в области использования технологий. Цель статьи заключается в исследовании философских аспектов взаимодействия человека и БПЛА в рамках эргатических систем с акцентом на изменения восприятия человеческой роли и ответственности под влиянием таких технологий. В рамках исследования будут рассмотрены ключевые концепции, такие как агентность, идентичность и моральная ответственность, с акцентом на применяемость БПЛА в военной сфере. Стремление внести вклад в дискуссию может быть реализовано через предложение философской концепции, способствующей более глубокому пониманию тонкостей взаимодействия человека и робота, а также соответствующих гибридных систем. Следуя реляционному подходу, необходимо сосредоточиться на изменениях в самосознании человека, его свободе воли и инаковости. Хотя ни одна технология не ставит совершенно новых вопросов, следует рассматривать технологию дронов как своего рода «переломный момент», даже если новизна скорее эволюционная, чем революционная. В постиндустриальную эпоху мы должны научиться читать и интерпретировать дроны, чтобы понять, как продвинутые технологии и искусствен-

ный интеллект могут изменить наш мир – и нас самих. Именно в этом процессе мы обнаруживаем, что дроны – не просто устройства, а целые системы, отражающие развитие человеческого мышления и творчества.

Задачи исследования включают в себя несколько ключевых направлений, которые направлены на глубокое исследование философских аспектов взаимодействия человека и машин в контексте эргатических систем. Первой задачей является анализ философских вопросов, которые возникают в результате интеграции беспилотных летательных аппаратов в военную сферу. Здесь необходимо рассмотреть такие категории, как агентность, субъективность и моральная ответственность, а также то, как автоматизация меняет традиционные представления о роли человека в процессе принятия решений. Вторая задача – обсуждение этических дилемм, связанных с ответственностью и агентностью в условиях автоматизации. Важно определить, кто несет ответственность за действия, совершенные БПЛА: оператор, разработчик программного обеспечения или сама машина? Таким образом, статья стремится внести вклад в понимание сложных взаимосвязей между человеком и машиной в эргатических системах, подчеркивая необходимость философского осмысления этих процессов для формирования более ответственного подхода к использованию технологий в современном обществе.

Эргатические системы, объединяющие человека и машину, становятся все более значимыми в современном мире. Их понимание требует анализа взаимодействия человека и технологий, включая управление и взаимное влияние. В контексте разработки БПЛА и развития искусственного интеллекта происходит переход от дистанционного управления к частичной автоматизации. Дебаты о полной автономии дронов, включая принятие решений о жизни и смерти, поднимают вопросы самосознания, агентности и инаковости. Растущая автономность роботов меняет их статус как моральных агентов и трансформирует отношения между людьми и технологиями. Например, смартфоны изменяют коммуникацию, а медицинские технологии влияют на экзистенциальные решения. Мы воспринимаем «вещи» через «технологии», что делает постфеноменологию «модифицированной феноменологией». Она исследует роль технологий в социальной и культурной жизни через эмпирические исследования. Этот подход требует «эмпирического поворота» [1], который включает несколько ключевых аспектов.

1. Необходимо учитывать разнообразие технологий в философской рефлексии, отказываясь от упрощенных представлений о «технологии» как едином целом.

2. Взаимодействие людей с миром, которое опосредовано технологиями, требует изучения отношений между человеком и окружающей средой, что формирует «(меж)реляционную онтологию [2]».

3. Технологии не существуют изолированно; они обретают смысл только в контексте человеческого восприятия и действия. Например, мы не можем понять, что такое технологии в области финансов, если знаем только, как они работают. Мы не поймем эти технологии, пока не опишем, как они меняют финансовые стратегии и жизненные планы людей; как они могут изменять социальные и экономические модели; как использование алгоритмической торговли может создавать новые формы неравенства на финансовых рынках и так далее. Соответственно, технологии не являются нейтральными: «Технологии меняют и преобразуют ситуации, пусть даже незначительно».

4. Необходимо переосмыслить отношения между субъектом и объектом. Считается, что «активные» субъекты используют «пассивные» технологические объекты для достижения целей. Постфеноменология стремится преодолеть эту дихотомию, акцентируя внимание на отношениях и рассматривая технологии как агентов. Она рассматривает взаимодействие людей и технологий как неразрывное, подчеркивая концепцию «мультистабильности» – технологии могут восприниматься по-разному в зависимости от контекста. Автор [2] вводит понятие «материальной герменевтики», расширяющей интерпретацию на технические артефакты, и выделяет четыре основных типа отношений между людьми и технологиями.

1. Воплощение – мы интегрируем технологии и воспринимаем их через наши физические тела.

2. Герменевтические отношения – технологии формируют наше восприятие мира и самих себя.

3. Инаковость – технологии воспринимаются как «инаковое».

4. Фоновые отношения – технологии становятся частью нашей повседневной жизни без осознания этого.

Эти уровни взаимосвязаны, например, герменевтические отношения влияют на восприятие инаковости. Модель постфеноменологии систематизирует сложные взаимодействия человека и технологий, предлагая глубокое понимание их философских последствий, что отсутствует в существующих дискуссиях.

Современные технологии требуют философского осмысления, учитывающего как текущее состояние, так и потенциальные достижения в области автономии дронов. Особенно критичным является взаимодействие между оператором и технологией в контексте боевых действий. Оператор, находясь на большом расстоянии от поля боя, не подвергается риску, что привело к термину «бестелесный воин» [3]. Технологический прогресс создает асимметрию в конфликтах, позволяя действовать на безопасном расстоянии. Технологии

наблюдения позволяют оператору ощущать близость к цели, что может привести к «эмпатическому сближению». Некоторые авторы [3, 4] утверждают, что операторы дронов способны действовать более этично, потому что они не испытывают стресса на поле боя, где они могут стать свидетелями смерти сослуживца и принять необдуманное решение. С другой стороны, визуальная близость может создавать «интимность», где преобладает взгляд «охотника-убийцы», что делает последствия более смертоносными. Это вызывает дебаты о том, можно ли считать операторов дронов «героями» или «трусами», а также о том, как это влияет на понятие войны и роли солдата. Вопросы о новом виде «боевого стресса» у операторов дронов также становятся актуальными, поскольку их переживания отличаются от традиционного посттравматического стрессового расстройства. Таким образом, различия между «охотой» и «военными действиями» становятся важными для этических обсуждений и самопонимания операторов дронов.

Потенциальные изменения в самосознании операторов дронов в связи с всемогуществом их оружия – лишь один из заслуживающих внимания аспектов. Философский интерес вызывает вопрос о том, насколько далеко может простираться человеческий разум. Исследования Энди Кларка и Дэвида Чалмерса о «расширенном разуме» [5] и концепции воплощённого, встроенного и расширенного познания [6] поднимают вопросы о том, в каком смысле БПЛА является «частью» сознания оператора. Операторы могут действовать не только в виртуальном мире экранов, но и ощущать расширение своего сознания до удалённых мест. Важно выяснить, как управление дроном влияет на их восприятие, мышление и принятие решений. Данные вопросы остаются недостаточно изученными, что создает новые перспективы для анализа личностных характеристик операторов дронов.

В обсуждении БПЛА часто упускается их способность не только обеспечивать пользователям иллюзию всеведения, но и предоставлять стратегическое преимущество невидимости. Это создает параллели между концепциями невидимости, неуязвимости и сверхчеловеческой силы, позволяя операторам действовать издалека и избегать ответных действий противника. Современные технологии наблюдения трансформируют динамику власти, где операторы становятся активными участниками, а невидимость – мощным оружием. Это порождает новые этические и философские вопросы о власти и ответственности: каковы последствия для тех, кто остается скрытым в условиях конфликта?

Постоянное присутствие дронов в зонах боевых действий создает атмосферу страха и неопределенности для местных жителей, осознающих, что их действия находятся под наблюдением, что влияет на их повседневную жизнь и восприятие угрозы. В этом контексте можно говорить о «гипервидимости» – состоянии, когда технологии наблюдения формируют новые представления о власти и контроле. Таким образом, БПЛА становятся не просто инструментами войны, а символами новой эпохи, в которой невидимость и видимость переплетаются в сложной игре человеческих отношений и технологий. Этот феномен наблюдается не только в зонах конфликтов, но и в рамках государственного контроля. Например, в Китае наблюдается использование БПЛА для обеспечения общественного порядка, где дроны с видеонаблюдением и динамиками контролируют движение транспорта и пешеходов. Технологии создают атмосферу постоянного наблюдения, усиливающего государственный контроль и формирующего у граждан осознание их действий под пристальным вниманием. В результате возникает новая социальная динамика, где страх перед наблюдением влияет на поведение людей, заставляя их действовать более осторожно. Поэтому БПЛА становятся не только инструментами безопасности, но и средствами формирования общественного порядка через гипервидимость, что изменяет представления о свободе и личной неприкосновенности. С постфеноменологической точки зрения анализ силы режимов видимости связан с экзистенциальной философией, где видимость играет ключевую роль в формировании идентичности. Г. Блюменберг подчеркивает, что мы воспринимаем себя через взгляды других, однако анонимный «всеведущий» взгляд технологий наблюдения заменяет этот «другой» [7]. Создается новый режим видимости, который «механизирует» и «колонизирует» самовосприятие, превращая людей в «цели» и влияя на их поведение в публичном пространстве. Технология наблюдения становится коварной, манипулируя самовосприятием в соответствии с логикой контроля.

Потенциальная автономность беспилотных летательных аппаратов вызывает вопросы о том, усугубит ли это ситуацию с наблюдением. Важно рассмотреть интерфейс между человеком-оператором и автоматизированной системой. Исследования этических аспектов различных систем наблюдения показывают, что частичная автоматизация может быть наиболее эффективной и этически оправданной [8, 9]. Полностью автономные системы, вероятно, не будут внедрены, но «гибридные глаза» станут более распространенными. Важно рассмотреть статус этих систем: отличается ли наблюдение человека в союзе с частично автоматизированной системой от традиционного человеческого взгляда? Проблема «гибридного глаза» подводит нас к новым герменевтическим отношениям между человеком и технологией, где данные, генерируемые системой, помогают идентифицировать потенциальные цели. Технология

наблюдения обеспечивает постоянный доступ к высококачественным изображениям, которые интерпретируются командой из старших офицеров, аналитиков, юристов, политиков и т.д. Эту цепочку можно рассматривать как распределённую систему, включающую людей и практики, которые формируют особые типы субъектов. Эта социально-техническая система порождает эпистемологические вопросы о достоверности знаний, получаемых в рамках сложной сети, принимающей важные решения на сомнительной правовой основе.

Визуальная одометрия и распознавание действий человека по видеозаписи, снятым дроном, является утомительной и психологически тяжелой задачей [9–11]. Операторы, определяющие, является ли объект на снимке террористом или мирным гражданином, сталкиваются с этическими вопросами и сложной интерпретацией данных. Технология наблюдения формирует специфическую логику восприятия, где цели анализируются на основе поведения для выявления подозрительной активности. Герменевтическое отношение подразумевает, что изображение на экране интерпретируется как потенциальная цель, а не как человек. Это создает риск слияния реального человека с виртуальной целью, что с феноменологической точки зрения вызывает вопросы о восприятии и ответственности операторов. В традиционных военных системах решения принимались людьми, которые оценивали ситуацию на основе своего опыта и интуиции. Однако с внедрением дронов и автоматизированных систем наблюдения роль человека начинает изменяться. Операторы дронов теперь должны интерпретировать не только данные, полученные от сенсоров, но и выводы, сделанные алгоритмами машинного обучения. Эти алгоритмы способны обрабатывать огромные объемы информации, выявляя паттерны и потенциальные угрозы, которые могут быть неочевидны для человеческого глаза. Но такая зависимость от машинных интерпретаций создает новые риски. Операторы могут столкнуться с ситуациями, когда система предлагает решение, которое они не могут полностью понять или которому не доверяют. Все это создает необходимость в реализации системы с обратной связью, где человек продолжает играть ключевую роль в процессе принятия окончательных решений, но должен делать это на основе данных, которые могут быть как достоверными, так и ошибочными. Списки для уничтожения и базы данных, используемые в таких системах, представляют собой социотехнические артефакты, которые влияют на процесс принятия решений [12]. Эти списки могут содержать информацию о подозреваемых в террористической деятельности или других целях, но они также подвержены ошибкам и предвзятости. Например, алгоритмы могут неправильно классифицировать людей или ситуации, что может привести к трагическим последствиям. Алгоритмы машинного обучения поднимают важные эпистемологические вопросы о том, как мы понимаем и интерпретируем данные. Разделение труда между людьми и машинами становится более сложным: кто несет ответственность за ошибки? Каковы границы доверия к алгоритмам? Эти вопросы становятся особенно актуальными в контексте военных действий, где каждое решение может иметь серьезные последствия.

Несмотря на то, что тем самым предполагается минимизация жертв среди гражданского населения за счет точности ударов, реальность использования дронов в конфликтах часто оказывается иной. Данные показывают, что применение беспилотников может приводить к значительным потерям среди мирных жителей [13]. Это ставит под сомнение эффективность и этичность таких технологий. Можно ли оправдать высокую степень автоматизации в условиях, когда человеческие жизни находятся на кону? Реально ли вообще запрограммировать правила международного гуманитарного права, такие как разграничение гражданских лиц и комбатантов, и сможем ли мы когда-нибудь найти чёткое вычислимое определение «гражданского лица» [14]? Принцип соразмерности станет еще труднее реализовать в надежных алгоритмах. Для этого важно объединить постфеноменологические и герменевтические подходы с исследованиями науки и технологий. В частности, изучение концепции «значимого человеческого контроля» в автономных системах вооружения может стать ключом к интеграции человеческого контроля в их разработку. В то же время повышение уровня автономии не всегда снижает надежность процессов принятия решений.

Анализ герменевтических отношений требует понимания, как объединить человеческий опыт с данными, полученными от алгоритмов. Важно обсудить, как традиционные человеческие компетенции, такие как ситуационное знание и практическая мудрость, могут помочь в этических аспектах использования искусственного интеллекта. Люди способны действовать в сложных моральных ситуациях, опираясь на комбинацию моральных установок и опыта. Однако, несмотря на возможность ошибок, мы можем простить человека за неудачи. Вопрос остается: сможем ли мы когда-либо простить машины, действующие по своим «этическим алгоритмам»?

Различение человеческой инаковости и технологической инаковости представляет собой важный аспект нашего понимания человеко-машинного взаимодействия в эргатической системе. В контексте использования БПЛА мы сталкиваемся с уникальной динамикой, где операторы дронов имеют дело как с другими людьми, так и с машинами. Человеческая инаковость, в пер-

вую очередь, связана с тем, как мы воспринимаем других людей. Когда операторы дронов смотрят на свои экраны, они видят цели, которые представляют собой «других». Однако это восприятие часто становится односторонним и упрощенным. Такой подход может привести к деиндивидуализации и обесцениванию жизни, когда цели становятся просто пикселями на экране, а не живыми людьми с собственными историями и судьбами. Философия Э. Левинаса предлагает глубокое понимание инаковости [15]. Для автора «другой» – источник этической реакции, который призывает нас к ответственности и вниманию. Данное понимание подчеркивает важность того, чтобы видеть в другом человеке не только объект наблюдения, но и субъект, обладающий своим собственным опытом и чувствами. Когда технологии наблюдения позволяют анонимному «другому» становиться конкретным человеком с «лицом», это может значительно изменить отношение операторов дронов к своим целям. Когда цели становятся не просто абстрактными объектами, а конкретными людьми с лицами и историями, это может вызвать эмоциональную реакцию и заставить операторов задуматься о моральных последствиях своих действий. Операторы начинают осознавать, что за каждым нажатием кнопки стоит человеческая жизнь, что может привести к внутреннему конфликту между выполнением приказа и этическими соображениями.

Человеко-машинное взаимодействие с технологиями наблюдения требует от нас глубокого осознания инаковости – как человеческой, так и технологической. Мы должны не упрощать восприятие других людей и не редуцировать их до статусов или ролей в системе, а видеть их как полноправных субъектов. В условиях все более технологизированного мира, где границы между человеком и машиной становятся размытыми, процесс «очеловечивания» нашего восприятия становится не просто необходимым, но и предвестником симбиотической связи между людьми и технологиями [16]. Симбиоз предполагает не просто сосуществование, а глубокое взаимодействие, в котором обе стороны – человек и машина – учатся друг у друга и дополняют друг друга. Данная связь подразумевает, что технологии не только служат нам, но и требуют от нас ответственности за их использование. Однако для того, чтобы это взаимодействие было по-настоящему эффективным и этичным, необходимо осознание человеческой инаковости. Беспилотные технологии представляют собой сложное взаимодействие между близостью и дистанцией, где человеческая инаковость проявляется в контексте анонимности и бюрократизации убийств, а также в новых формах наблюдения. Это создает сбивающее с толку ощущение, когда конкретный человек становится лишь мишенью на экране.

С позиции постфеноменологии беспилотные летательные аппараты могут рассматриваться как «машинные другие» и «искусственные моральные агенты». С увеличением уровня их автономности возникает вопрос о моральной ответственности таких машин, что поднимает необходимость обсуждения их морального статуса. В будущем морально обученные БПЛА могут участвовать в процессе принятия решений о целенаправленных действиях, действуя как партнеры человека. Однако, это создает проблемы, связанные с доверием к технологиям. Феномен «предрасположенности к автоматизации» указывает на то, что операторы могут чрезмерно доверять машинам, что может снизить их готовность вмешиваться в процесс, даже если возникают проблемы.

Существует несколько уровней автономности беспилотных систем.

1. Управляемая человеком: не имеет автономного управления.

2. Делегированное управление: может выполнять функции независимо, когда это делегировано человеком, но требует его активации.

3. Контролируемая человеком: выполняет действия при получении разрешений от человека, при этом оба могут инициировать поведение на основе данных, но в рамках текущих задач.

4. Полностью автономные дроны: получают цели от человека и выполняют задачи без его участия, хотя вмешательство возможно в экстренных ситуациях.

Поэтому, важно сосредоточиться на отношениях между людьми и машинами в контексте совместного принятия решений. Современные системы БПЛА обладают «автономией» лишь в ограниченном смысле, но всё равно будут запрограммированы для принятия решений в этически значимых ситуациях. Если эти решения основаны на алгоритмах обучения, можно говорить о некоторой степени автономности роботов.

В социальных науках происходит значительная переоценка традиционных взглядов на технологии и их роль в человеческом опыте. Инструментальная теория технологий, которая рассматривает технологии как простые инструменты для достижения человеческих целей, оказывается недостаточной для описания сложных человеко-машинных. В этой новой парадигме акцент смещается на «расширенные» и «распределённые агенты» [17], что подразумевает, что технологии, такие как дроны и другие искусственные агенты, не просто пассивные инструменты, а активные участники взаимодействия.

Вернер Раммерт [18] поднимает важный вопрос о том, как современные технологии становятся более чувствительными к контексту и способны к сотрудничеству с людьми. Машины, такие как БПЛА, не просто выполняют команды, но адаптируются к условиям и участвуют в совместной деятельно-

сти, используя сенсоры и алгоритмы для анализа среды и принятия решений. Это изменение в восприятии технологий требует пересмотра понятия человеческого субъекта, поскольку традиционная автономия человека размывается в контексте взаимодействия с «разумными» машинами. Автор подчеркивает, что взаимодействие между людьми и машинами представляет собой интерактивный процесс, где действия являются результатом сложных комбинаций агентов. Следовательно, требуется новый подход к пониманию взаимодействий, учитывающий не только человеческие намерения, но и уникальные свойства технологий, влияющие на взаимодействие. Беспилотные технологии не только передают информацию, но и изменяют поведение человека, выступая в роли «агента-партнёра» в принятии решений. В будущем возможно синхронизированное взаимодействие человеческой и машинной ответственности для оптимизации сотрудничества. Новое понимание взаимодействия осложняет осмысление возможностей беспилотных боевых действий и связанных с ними нормативных вопросов, предлагая переосмысление архитектуры «господин – слуга» как процесса взаимозависимости между человеком и технологией.

Использование дронов в боевых действиях создает сложные отношения между технологиями и войной. Операторы дронов, находясь в офисах, управляют боевыми действиями дистанционно, что приводит к противоречию: они участвуют в войне, но возвращаются к обычной жизни, как офисные работники. Тем самым меняется общественное восприятие войны, позволяя минимизировать риски для солдат и повышать эффективность операций [19]. В результате война становится новой формой насилия, происходящей преимущественно на экранах. Формируется «дроновая культура», отражающая нашу зависимость от данных и автоматизации [20]. Технологии дронов переосмысляют традиционные представления о войне и подчеркивают необходимость пересмотра этических и социальных аспектов их использования в конфликтах, что требует дальнейшего обсуждения.

Заключение

Исследование философских аспектов человеко-машинного взаимодействия в рамках эргатических систем подчеркнуло важность осмысления изменений в восприятии человеческой роли и ответственности в условиях технологического прогресса. Анализ интеграции БПЛА в военную сферу показал, что новые технологии не только открывают новые возможности, но и ставят под сомнение субъектность оператора, который продолжает играть активную роль в принятии решений в измененном контексте. Этические дилеммы ответственности и агентности в условиях автоматизации требуют создания новых норм для справедливого распределения ответственности между операторами, разработчиками и самими машинами. Философское осмысление этих процессов необходимо для формирования ответственного подхода к технологиям в современном обществе. В условиях постиндустриальной эпохи важно критически осмысливать влияние новых технологий на самосознание и социальные отношения. БПЛА становятся не просто инструментами, а важными участниками сложных систем взаимодействия, что требует нового уровня понимания и ответственности. Взаимодействие с автономными машинами, обладающими моральной ответственностью, ставит перед нами серьезные вызовы, особенно в контексте этичных алгоритмов, влияющих на принятие решений. Основная задача заключается в том, чтобы гарантировать, что человек сможет учитывать сложные факторы и не поддаваться предвзятости автоматизации при принятии решений, от которых зависит жизнь и смерть.

Литература

1. Achterhuis H. American Philosophy of Technology. An empirical twist. Bloomington and Indianapolis //Indiana University Press. – 2001. – P. 5–25.
2. Ihde D. Postphenomenology and technoscience. Lectures at Peking University. Albany //State University of New York Press. – 2009. – P. 42–47.
3. Enemark K. Armed drones, and the ethics of war. Military prowess in the post-heroic ag //London and New York: Routledge. – 2014. – P. 85–92. – DOI: 10.4324/9780203107218
4. Strawser B.J. Moral predators. The obligation to use unmanned aerial vehicles //Journal of Military Ethics. – 2010. – Vol. 9. – № 4. – P. 342–368. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1080/15027570.2010.536403 (дата обращения: 15.08.2025).
5. Clark A., Chalmers, D.J. Expanded mind //Analysis. – 1998. – Vol. 58. – P. 7–19. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7 (дата обращения: 11.07.2025).
6. Menari R.A. Introduction to the special issue dedicated to cognition 4E //Phenomenology and cognitive Sciences. – 2010. – Vol. 9. – № 4. – P. 459–463. – DOI: https://doi.org/10.1007/s11097-010-9187-6
7. Blumenberg H. Description of a person. // Frankfurt am Main: Surkkamp. – 2006. – P. 875–896.
8. McNish K. Unblinking eyes: the ethics of surveillance automation // Ethics and information technology. – 2012. – Vol. 14. – P. 151–167.
9. Путилин М.С. Влияние психологической усталости, связанное с выполнением задач по предназначению, у операторов БПЛА различных типов на систему распознавания движения глаз // Журнал психолого-педагогических ис-

следований. – 2024. – № 3. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-psihologicheskoy-ustalosti-svyazannoe-s-vypolneniem-zadach-po-prednaznacheniyu-u-operatorov-bpla-razlichnyh-tipov-na (дата обращения: 10.08.2025).
10. Караяни А.Г., Караваев, А.Ғ. Психологические и психофизиологические особенности деятельности операторов боевых беспилотных летательных аппаратов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – № 1 (84). [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-i-psihofiziologicheskie-osobennosti-deyatelnosti-operatorov-boevyh-bespilotnyh-letatelnyh-apparatov (дата обращения: 10.07.2025).
11. Першин Ю.Ю. Психоэмоциональные расстройства операторов БПЛА (по материалам иностранных источников): презентация проблемы // Вопросы безопасности. – 2017. – № 3. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihoemotsionalnye-rasstroystva-operatorov-bpla-po-materialam-inostrannyh-istochnikov-prezentatsiya-problemy (дата обращения: 10.06.2025).
12. Weber J. Keep adding: Suicide Lists, drone Warfare, and Database Politics // Environment and Planning D: Society and Space, special issue “List Politics: Law, Security, Technology.” – 2016. – Vol. 34. – № 1. – P. 107–125.
13. Vargaski R. The drone war in the United States and civilian casualties: a comparison of the administrations of Obama, Trump, and Biden // Eagleton Political Journal, – 2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://eagletonpoliticaljournal.rutgers.edu/us-the-world/u-s-drone-warfare-and-civilian-casualties/ (дата обращения: 11.06.2025).
14. Sharkey N. Murder has become easier: from joysticks to politics // Lin P., Abney K., Becky G.A., eds., Ethics of robotics: ethical and social consequences of robotics, Cambridge: MIT Press. – 2012. – P. 11–128.
15. Levinas E. Other than being, or beyond the essence. Pittsburgh: Duquesne University Press. – 1998. – № 3. – P. 111–128.
16. Мигачев А.Н., Бызова М.А. Философские аспекты киборгирования людей // Философия и науковедение. – 2024. – Т. 16. – № 2. – С. 1935–1959. [Электронный ресурс]. – URL: https://na-journal.ru/2–2024-filosofiya/8955-kiborgirovanie-lyudei-filosofskie-aspekty-issledovaniya-simbioza-tekhnologii-i-cheloveka (дата обращения: 15.06.2025).
17. Hanson F.A. Beyond the Skin bag. On the moral responsibility of extended agencies // Ethics of information technology. – 2009. – Vol. 11. – P. 91–99. – DOI: https://doi.org/10.1007/s10676-009-9184-z
18. Rammert W. Where the action takes place: Distributed Control between people, machines, and Programs // Seifert W., Kim J.H., Moore A. (eds.) Paradoxes of Interactivity. Bielefeld. – 2008. – P. 62–91.
19. Соколова М.Е. БПЛА: Технология, Этика, Право // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. – 2020. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bpla-tehnologiya-etika-pravo (дата обращения: 12.06.2025).
20. Чубаров И., Апполонова Ю. «Старых войн» не было, или этика дронов (комментарий к статье Николая Ссорина-Чайкова) // Философско-литературный журнал «Логос». – 2022. – № 3 (148). [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/staryh-voyn-ne-bylo-ili-etika-dronov-kommentariy-k-statie-nikolaya-ssorina-chaykova (дата обращения: 09.06.2025).

HUMAN-MACHINE INTERACTION IN ERGONOMIC SYSTEMS

Byzova M.A.
V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences

This article explores the philosophical aspects of human interaction with unmanned aerial vehicles (UAVs) in the context of ergatic systems. The study focuses on the changing perception of human role and responsibility in the face of rapid technological advancements. It analyzes key concepts such as agency, identity, and moral responsibility, and examines how automation is transforming traditional notions of decision-making. The first task was to analyze the philosophical issues arising from the integration of UAVs into the military sphere, which revealed the multi-layered nature of responsibility for the actions of automated systems, including operators, developers, and the machines themselves. The second task focused on the ethical dilemmas associated with agency and responsibility in an automated environment. The findings highlight the need for new norms and standards to ensure fair distribution of responsibility. In the post-industrial era, it is important not only to adapt to new technologies, but also to critically reflect on their impact on our self-awareness and social relationships. In conclusion, the interaction between humans and autonomous machines presents us with significant ethical challenges that require a new level of understanding and responsibility in making decisions that affect life and death.

Keywords: ergatic system, agency, identity, background relationships, self-awareness, empathetic convergence, and otherness.

References

1. Achterhuis H. American Philosophy of Technology. An empirical twist. Bloomington and Indianapolis //Indiana University Press. – 2001. – P. 5–25.
2. Ihde D. Postphenomenology and technoscience. Lectures at Peking University. Albany //State University of New York Press. – 2009. – P. 42–47.
3. Enemark K. Armed drones, and the ethics of war. Military prowess in the post-heroic ag //London and New York: Routledge. – 2014. – P. 85–92. – DOI: 10.4324/9780203107218
4. Strawser B.J. Moral predators. The obligation to use unmanned aerial vehicles //Journal of Military Ethics. – 2010. – Vol. 9. – № 4. – P. 342–368. [Electronic resource]. – URL: https://doi.org/10.1080/15027570.2010.536403 (accessed: 15.08.2025)
5. Clark A., Chalmers, D.J. Expanded mind //Analysis. – 1998. – Vol. 58. – P. 7–19. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7 (accessed on 11.07.2025).

6. Menari R.A. Introduction to the special issue dedicated to cognition 4E //Phenomenology and cognitive Sciences. – 2010. – Vol. 9. – № 4. – P. 459–463. – DOI: https://doi.org/10.1007/s11097-010-9187-6
7. Blumenberg H. Description of a person. // Frankfurt am Main: Surkkamp. – 2006. – P. 875–896.
8. McNish K. Unblinking eyes: the ethics of surveillance automation // Ethics and information technology. – 2012. – Vol. 14. – P. 151–167.
9. Putilin M.S. The Effect of Psychological Fatigue Associated with the Performance of Mission-Specific Tasks on the Eye Movement Recognition System of UAV Operators of Various Types // Journal of Psychological and Pedagogical Research. – 2024. – № 3. [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-psihologicheskoy-ustalosti-svyazannoe-s-vypolneniem-zadach-po-prednaznacheniyu-u-operatorov-bpla-razlichnyh-tipov-na (date of access: 10.08.2025).
10. Karayani A.G., Karavaev A.F. Psychological and Psychophysiological Features of the Activities of Operators of Combat Unmanned Aerial Vehicles // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. – 2021. – № 1 (84). [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-i-psihofiziologicheskie-osobennosti-deyatelnosti-operatorov-boevyh-bespilotnyh-letatelnyh-apparatov (accessed: 10.07.2025).
11. Pershin Yu.Yu. Psychoemotional Disorders of UAV Operators (Based on Foreign Sources): Presentation of the Problem // Security Issues. – 2017. – № 3. [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihoemotsionalnye-rasstroystva-operatorov-bpla-po-materialam-inostrannyh-istochnikov-prezentatsiya-problemy (accessed: 06/10/2025).
12. Weber J. Keep adding: Suicide Lists, drone Warfare, and Database Politics // Environment and Planning D: Society and Space, special issue “List Politics: Law, Security, Technology.” – 2016. – Vol. 34. – № 1. – P. 107–125.
13. Vargaski R. The drone war in the United States and civilian casualties: a comparison of the administrations of Obama, Trump, and Biden // Eagleton Political Journal, 2022. [Electronic resource]. – URL: https://eagletonpoliticaljournal.rutgers.edu/us-the-world/u-s-drone-warfare-and-civilian-casualties / (accessed: 06/11/2025).
14. Sharkey N. Murder has become easier: from joysticks to politics // Lin P., Abney K., Becky G.A., eds., Ethics of robotics: ethical and social consequences of robotics, Cambridge: MIT Press. – 2012. – p. 11–128.
15. Levinas E. Other than being, or beyond the essence. Pittsburgh: Duquesne University Press. – 1998. – № 3. – P. 111–128.
16. Migachev A.N., Byzova M.A. Philosophical Aspects of Human Cyborging // Philosophy and Science Studies. – 2024. – Vol. 16. – № 2. – P. 1935–1959. [Electronic resource]. URL: https://na-journal.ru/2–2024-filosofiya/8955-kiborgirovanie-lyudei-filosofskie-aspekty-issledovaniya-simbioza-tekhnologii-i-cheloveka (accessed: 15.06.2025).
17. Hanson F.A. Beyond the Skin bag. On the moral responsibility of extended agencies // Ethics of information technology. – 2009. – Vol. 11. – P. 91–99. – DOI: https://doi.org/10.1007/s10676-009-9184-z
18. Rammert W. Where the action takes place: Distributed Control between people, machines, and Programs // Seifert W., Kim J.H., Moore A. (eds.) Paradoxes of Interactivity. Bielefeld. – 2008. – P. 62–91.
19. Sokolova M.E. UAVs: Technology, Ethics, and Law // Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 3, Philosophy: Abstract Journal. – 2020. – № 4. [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bpla-tehnologiya-etika-pravo (accessed: 12.06.2025).
20. Chubarov I., Appolonova Yu. “There Were No Old Wars, or the Ethics of Drones” (commentary on Nikolai Ssorina-Chaykov’s article) // Logos Philosophical and Literary Journal. – 2022. – № 3 (148). [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/staryh-voyn-ne-bylo-ili-etika-dronov-kommentariy-k-statie-nikolaya-ssorina-chaykova (accessed on 09.06.2025).

Дискурсивные и риторические стратегии легитимации управленческих инноваций: кейс Agile-трансформации

Горбунов Дмитрий Игоревич,
аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: gorbunovdmitry9@gmail.com

В статье исследуются дискурсивные и риторические стратегии, которые используют институциональные предприниматели для легитимации управленческих инноваций на примере внедрения Agile-подхода в российской организационной среде. На основе теоретической рамки неоинституциональной теории и концепции фрейминга анализируется кейс легитимации Agile-подхода как новой организационной логики. Показано, что успешная легитимация новой управленческой парадигмы требует не только институциональных изменений, но и активного использования риторических стратегий, направленных на деконструкцию старой логики и конструирование новой. Делается вывод о ключевой роли дискурсивных практик в преодолении сопротивления изменениям и обеспечении поддержки инноваций.

Ключевые слова: институциональное предпринимательство, неоинституционализм Agile-трансформация, легитимация, риторические стратегии, управленческие инновации, социология управления.

Высокий темп цифровой трансформации повышает потребность организаций внедрять управленческие инновации, способные обеспечить необходимый уровень гибкости при реализации инновационных проектов. Однако, зачастую, их внедрение наталкивается на различные институциональные барьеры, такие как бюрократическая инерция, ритуализация практик или сопротивление со стороны сотрудников. В связи с чем, ключевая роль по внедрению управленческих инноваций переходит к институциональным предпринимателям, под которыми в неоинституциональной теории понимаются акторы, способные преодолевать подобные барьеры и изменять устоявшиеся институты.

В настоящее время можно констатировать недостаточную изученность дискурсивных механизмов и нарративных практик, которые используются институциональными предпринимателями при реализации изменений. В данной статье рассматриваются и анализируются ключевые нарративные тактики институциональных предпринимателей для легитимации управленческих инноваций на примерах внедрения Agile подходов в российских компаниях.

Организационные изменения долгое время рассматривались неоинституциональной теорией, в основном, через призму структурного детерминизма [7, 8]. Так, например, в классических работах Джона Мейера и Брайан Роуэна описывали изменения в организациях, как результат стремления к легитимности, под которой они понимают соответствие действий и структур социально признанным нормам, ценностям и культурным схемам. В этом контексте, действия организаций и менеджеров фактически определяются институциональными ограничениями – доминирующими «мифами» и «ритуалами» в конкретной среде [12]. Позднее Пол ДиМаджио и Уолтер Пауэлл развили эту идею при помощи концепции изоморфизма – процесса, в результате которого связанные организации становятся структурно и функционально похожими [9]. В раннем неоинституционализме, организация и ее менеджеры предстают скорее, как результат воздействия исключительно институционального давления, однако такой подход не давал полноценной объяснительной схемы для процесса организационных изменений. Ключевым методологическим вопросом для неоинституциональной теории стал вопрос о том, каким обра-

зом акторы, чьи действия, интересы и сама «рациональность» обусловлены институтами, могут эти институты изменять. Этот вопрос был обозначен как проблема встроенной агентности и подробно рассмотрен в более поздних работах П. ДиМаджио, а также Джули Баттилианы, которые предложили концепцию институционального предпринимательства [7, 8]. ДиМаджио и Баттилиана описывают институциональных предпринимателей, как акторов (это может быть индивид, группа или организация) которые инициируют и активно участвуют в процессе изменения устоявшихся норм и институтов. Для решения парадокса встроенной агентности Баттилиана использует несколько подходов: теорию Энтони Гидденса, из которой следует, что институты и действия взаимно конституируют друг друга, критический реализм и реляционную социологию, которые позволяют учитывать социальные позиции и ресурсы акторов, а также прагматизм, утверждающий способность акторов использовать доступные инструменты (дискурс, нарративы) для легитимации изменений [6]. Именно дискурсивные и нарративные практики, которые становятся ключевыми элементами легитимации изменений для институциональных предпринимателей наиболее интересно рассмотреть в рамках данной статьи.

В процессе внедрения изменений и инноваций институциональные предприниматели сталкиваются с рядом сложностей. В первую очередь, это состояние институциональной встроенности других акторов и сопротивление со стороны защитников статус-кво, которое особенно сильно в случаях, когда изменения приводят к потере организационных привилегий и текущего положения в организационной иерархии [7]. Конечно, институциональные предприниматели в некоторых ситуациях способны навязывать организационные изменения без необходимости привлекать на свою сторону несогласных, однако подобный сценарий маловероятен, поскольку требует совпадения широкого ряда факторов – высокого положения институционального предпринимателя в организационном поле, наличия достаточных ресурсов для проведения изменений, кризисной ситуации или нестабильности и так далее. В большинстве случаев, доминирующие акторы заинтересованы в поддержании институтов, от которых они получают выгоду. В таком случае институциональные предприниматели сталкиваются с необходимостью сформулировать видение будущих изменений и мобилизовать союзников для поддержки в процессе их реализации. Для описания этого процесса Баттилиана предлагает концепцию фрейминга социолога Ирвинга Гофмана [7].

По И. Гофману, «фрейм – это интерпретация культурных и смысловых значений, способ расшифровки ситуации. С одной стороны, это согласование некоторого опыта, подчиненное принципам социальной организации событий; с другой – определение ситуаций в соответствии с субъективной вовлеченностью в них» [2]. Баттилана выделяет несколько вариантов фрейминга которые могут быть использованы институциональными предпринимателями вместе или отдельно друг от друга. Во-первых, это диагностический фрейминг, который стремится выявить недостатки в существующей организации, определить проблемы в текущих институционализированных практиках, а также назначить виновных. Во-вторых, это прогностический фрейминг, призванный предложить решение, которое представляется лучшим в сравнении с текущим состоянием. Основная задача прогностического фрейминга – лишить легитимности существующие практики и легитимизировать предложенную альтернативу в восприятии заинтересованных лиц и потенциальных союзников. В-третьих, это мотивационный фрейминг который предполагает предоставление убедительных причин для поддержки предлагаемого нового видения, апелляция к интересам и ценностям потенциальных союзников [7].

Фрейминг позволяет институциональным предпринимателям сформулировать и представить целостное видение будущих изменений, после чего, когда такое видение сформировано, институциональные предприниматели используют определенные риторические стратегии, чтобы сообщить о новом видении и перспективах внедрения изменений [13].

Эти риторические стратегии одновременно связывают инновационные институциональные изменения со знакомыми шаблонами и необходимостью перемен. Можно выделить несколько таких риторических стратегий. Например, использование устоявшихся институциональных словарей – терминов, слов и выражений, которые ассоциированы с устоявшимися институтами и логиками. В результате чего, институциональный предприниматель «упаковывает» новую идею в старую и знакомую обертку, чтобы вызвать больше доверия и упростить восприятие. Похожей стратегией выступают аналогии, через которые институциональный предприниматель проводит явные параллели между новым и непонятным явлением и чем-то известным и легитимным. Помимо использования устоявшихся словарей и аналогий, институциональные предприниматели могут прибегать к приему теоретизации, в результате которой происходит перевод отдельной локальной истории на более абстрактный и рациональный уровень. К примеру, когда локальный успех одной организации представляется как универсальная модель, которую могут применять другие организации.

Институциональные предприниматели также могут выстраивать цельные нарративы, в которых структурируют все прошлые события в цельный сюжет, в котором определены «герои» – те, кто

поддерживают изменения и «злодеи», которые защищают статус-кво или являются причиной проблемы. Нарративы позволяют обеспечить эмоциональное вовлечение аудитории и создать коллективную идентичность вокруг изменений, например, через использование культурно укорененных сюжетов о «спасении» организации или отрасли от кризиса, через внедрение инноваций [13].

Теперь, когда мы рассмотрели теоретическую часть, связанную с использованием фреймов, риторических стратегий и нарративов для легитимации изменений проведем анализ этих процессов на примере внедрения Agile в российских компаниях. Agile (англ. «гибкий») представляет собой целостную управленческую парадигму, основанную на философии адаптивности, гибкости, итеративного развития и ориентации на клиента. В отличие от классических линейных моделей управления проектами, которые предполагают реализацию проекта при строго фиксированных требованиях и прохождение через последовательные этапы, Agile основан на многочисленных итерациях и приветствует изменения требований на протяжении всего периода жизненного цикла продукта. Истоки данного подхода можно проследить в критике традиционных и избыточно бюрократизированных подходах к управлению проектами по разработке программного обеспечения. В традиционной «водопадной» модели управления проектами работа начинается с документирования полного набора требований, но начиная с середины 1990-х годов такой подход активно подвергался критике [11]. Окружающая среда и технологии меняются в процессе реализации проекта и требования к конечному продукту быстро устаревают, первичные планы теряют свою актуальность. В результате, в сфере разработки программного обеспечения был выработан Agile подход, который принимал как данность высокие темпы изменений в окружающей среде. Появление Agile как набора принципов, на которых строятся гибкие методологии управления проектами принято отсчитывать с февраля 2001 года, когда 17 представителей существующих «легких» методологий разработки одобрили и подписали документ под названием «agile manifesto». Данный манифест содержит в себе набор ценностей и принципов лежащих в основе гибких методологий разработки. В манифесте перечисляются следующие ценности.

1. Люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов.
2. Работающий продукт важнее исчерпывающей документации.
3. Сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта.
4. Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану.

При этом авторы отмечали, что не отрицают важности процессов, инструментов, исчерпывающей документации, согласования условий контракта и следования плану, но больше ценят людей, взаимодействие, работающий продукт, сотрудничество с заказчиком и готовность к изменениям [10].

С момента публикации манифеста практики гибких методологий управления проектами активно распространились в различных компаниях и со временем вышли за пределы сферы разработки программного обеспечения и стали применяться в промышленности и госуправлении [3]. Что касается российского контекста, то в данном случае можно проследить несколько этапов проникновения и адаптации Agile подходов в российское бизнес пространство. На первом этапе, идеи гибких методологий управления проникали через российские филиалы западных компаний и компании предоставляющие аутсорс-услуги в сфере разработки программного обеспечения для иностранных заказчиков. Однако, такие практики казались другим участникам рынка скорее маргинальными и не находили должного отклика. Фактически, применение Agile подхода было в большей степени распространено в небольших компаниях в сфере разработки ПО, крупные игроки не проявляли достаточного интереса к этой управленческой парадигме. Как отмечает сооснователь одной из консалтинговых компаний, занимающихся консультациями и обучением в области применения Agile Алексей Пименов, особый всплеск интереса возник после выступления главы Сбербанка Германа Грефа на Гайдаровском Форуме в 2016 году. К гибким методологиям стали проявлять интерес достаточно консервативные компании, в том числе те, которые работали с госсектором, а также производственные предприятия, например, гибкими методологиями заинтересовались крупные компании химической отрасли [6]. На примере выступления Г. Грефа особенно интересно рассмотреть ключевые дискурсивные и риторические стратегии, используемые для легитимации Agile как новой организационной логики, поскольку это выступление оказало сильное влияние на формирование восприятия гибких методологий в России.

В данном кейсе Г. Греф выступает как институциональный предприниматель, в терминах Джули Баттиланы и Пола ДиМаджио, так как не просто управляет изменениями, а реализует внедрение практик, которые радикально расходятся с существующим статус-кво. Для российского бизнеса и особенно для государственных компаний характерны иерархические, вертикальные структуры управления, бюрократизированные процессы, а в качестве доминирующей методологии управления проектами принята «водопадная» модель. В этом контексте глава Сбербанка активно внедряет логику, которая вступает в противоречие со сложившимся статус-кво. В процессе внедрения Agile происходит переход от вертикальных

отделов к кросс-функциональным и самоуправляемым командам, вместо долгосрочного планирования и прописанных требований внедряются итеративные циклы. Эти изменения, фактически, не просто вносят улучшения, а ломают фундаментальные принципы существующей системы.

Г. Греф обладает высокой социальной позицией, которая позволяет оказывать серьезное воздействие на изменение институтов, поскольку является главой крупнейшего системообразующего банка страны. В этом статусе он имеет возможность влиять на стратегию компании и при этом легитимизировать изменения в восприятии других участников рынка, выступая на профессиональных конференциях, форумах и управляя коммуникациями Сбербанка. Его деятельность представляет интерес и является готовым кейсом для анализа того, как отдельные акторы могут выступать катализаторами глубоких институциональных изменений даже в условиях систем склонных к инерции.

В основе методологии анализа данного кейса лежит анализ дискурсивных и риторических стратегии которые использовались при легитимации Agile как новой организационной логики, которая вступала в противоречие с традиционной иерархической культурой. В фокусе анализа – выявление нарративных тактик, соответствующих теоретической рамке фрейминга (диагностический, прогностический, мотивационный), предложенной Баттиланой и соавторами, а также отдельных риторических стратегий на примере публичного выступления на Гайдаровском форуме в 2016 году [1].

Анализ риторических стратегий легитимации Agile

Диагностический фрейминг (конструирование кризиса).

Г. Греф в своем выступлении использует риторическую стратегию конструирования кризиса, чтобы лишить легитимности существующую организационную логику, в рамках этой стратегии идет не просто констатация проблем, а выстраивается нарратив о существовании экзистенциальной угрозы.

Экзистенциальные угрозы и бинарные оппозиции.

Г. Греф использует риторику угроз и бинарных оппозиции и вводит резкие противопоставления, например, «страны-победители» противопоставляются «странам-дауншифтерам», которые ассоциируются по схеме «будущее» против «прошлого». В этом фрейме Agile представляется как единственный подход позволяющий избежать участи проигравшего в гонке технологий, что создает среди ключевых игроков ощущение необходимости безотлагательных изменений.

Использование сравнений для лишения легитимности.

В своем выступлении Г. Греф упоминает конкретные показатели, по которым сравнивает Сбербанк с крупнейшей американской компанией в сфере электронной коммерции Amazon: «В этом году мы (Сбербанк) сделаем 41 тысячу изменений нашей платформы в год. В общем, мы очень сильно гордимся этим … Amazon делает 10000 изменений своей платформы в день». С помощью такого приема продвигается нарратив, что даже самые успешные результаты в рамках традиционных подходов оказываются недостаточными при сравнении с новой реальностью. Происходит обесценивание статус-кво и указание на необходимость изменений.

Прогностический фрейминг (представление Agile как новой парадигмы управления).

В рамках прогностического фрейминга, Г. Греф переопределяет Agile из узкой методологии управления IT-проектами в новую парадигму управления всей организацией.

Расширение границ понятия.

Глава Сбербанка утверждает: «agile в IT – это ничего, если у тебя нет agile всей организации» и эта фраза становится центральной в его нарративе. Agile представляется, не как прикладной инструмент управления проектами, а как мета-логика, которая определяет все аспекты работы организации, включая процессы, структуру и особенно культуру.

Построение связей с дискурсом современности.

Г. Греф связывает Agile с другими понятиями, ассоциированными с современным состоянием окружающих условий. Многократно упоминает «скорость» и «гибкость» которые необходимы организациям. Так Agile вписывается в образ желаемого будущего для организаций.

Мотивационный фрейминг (персонализация изменений).

Для мобилизации поддержки глава Сбербанка активно использует стратегию, которую можно обозначить как «персонализация» – обращение к индивидуальной ответственности и возможностям, а также представление себя, как такого же участника сложного процесса трансформации.

Позиционирование себя как рядового участника изменений.

Г. Греф использует прием, в котором позиционирует себя как непосредственного участника сложного процесса, что делает его аргументы более искренними и показывает личную вовлеченность в процесс трансформации. Он говорит: «мне нужно менять самого себя, если я сам себя не поменяю, ничего в компании не изменится». Также он использует визуальную и нарративную метафору, когда подмечает в зале руководителя одной из компаний сидящего на ступеньках, сравнивая себя с этим человеком и своим новым положением в компании – вне классической иерархии.

Выводы

Проведенный анализ выступления Г. Грефа позволяет утверждать, что эффективность в продвижении управленческой инновации связана с использованием риторических стратегий и выстраиванием дискурса для легитимации новой логики. Успех Г. Грефа в качестве институционального предпринимателя обусловлен последовательным применением диагностического, прогностического и мотивационного фрейминга. Можно заключить, что нарративы, которые выстраивает глава Сбербанка служат одним из ключевых инструментов его институциональной работы. Использованные риторические стратегии позволили поэтапно разрушить и лишить легитимности старую логику, а затем конструировать и легитимизировать новую. Анализ данного кейса демонстрирует, что успешное внедрение управленческих инноваций, которые расходятся с институциональным статус-кво зависят от способностей институционального предпринимателя не только инициировать изменения, но и управлять смыслами и нарративами, которые позволяют легитимизировать инновации.

Литература

1. Выступление Германа Грефа на Гайдаровском форуме [Видео] // Ведомости. – 2016. – 15 янв. – URL: https://www.vedomosti.ru/economics/video/2016/01/15/624203-gref-izmenyat-vse-gosudarstvennie-sistemi (дата обращения: 10.09.2025).
2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ.; под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 752 с.
3. Громова Е.А. Agile механизм как драйвер для генерирования знаний в промышленности // Евразийский гуманитарный журнал. – 2023. – № 5 (49). – С. 12–19.
4. Лобасев Д.В. Agile-подход к разработке программных продуктов: истоки и перспективы // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 11. – С. 254–258.
5. Семенова Д.М., Кудрявцев С.А. Динамика развития AGILE в России в 2017–2022 гг. // Современный город: власть, управление, экономика: сборник научных статей / редкол.: А.И. Кулябин [и др.]. – Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2024. – С. 18–23.
6. Семеркин, А. Как идеи Agile проникли в Россию и завоевали рынок [Электронный ресурс] // Forbes. – 2023. – 17 окт. – URL: https://www.forbes.ru/club/539174-kak-idei-agile-pronikli-v-rossiu-i-zavoevali-rynok (дата обращения: 12.09.2025).
7. Battilana J., Leca B., Boxenbaum E. How actors change institutions: Towards a theory of institutional entrepreneurship // The Academy of Management Annals. – 2009. – Vol. 3, № 1. – P. 65–107.
8. DiMaggio P.J. Interest and agency in institutional theory // Institutional patterns and organizations: Culture and environment / ed. by L.G. Zucker. – Cambridge, MA: Ballinger, 1988. – P. 3–22.
9. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. – 1983. – Vol. 48, № 2. – P. 147–160.
10. Fowler M., Highsmith J. The Agile Manifesto // Software Development. – 2001. – Vol. 9, № 8. – P. 28–35.
11. Highsmith J. Agile Software Development Ecosystems. – Boston, MA: Addison-Wesley, 2002. – 404 p.
12. Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // American Journal of Sociology. – 1977. – Vol. 83, № 2. – P. 340–363.
13. Suddaby R., Greenwood R. Rhetorical Strategies of Legitimacy // Administrative Science Quarterly. – 2005. – Vol. 50, № 1. – P. 35–67.

DISCURSIVE AND RHETORICAL STRATEGIES FOR LEGITIMIZING MANAGERIAL INNOVATIONS: A CASE OF AGILE TRANSFORMATION

Gorbunov D.I.
St. Petersburg State University of Economics

The article examines the discursive and rhetorical strategies used by institutional entrepreneurs to legitimize managerial innovations, using the implementation of the Agile approach in the Russian organizational environment as a case study. Based on the theoretical framework of neo-institutional theory and the concept of framing, the study analyzes the case of legitimizing the Agile approach as a new organizational logic. It is shown that the successful legitimization of a new managerial paradigm requires not only institutional changes but also the active use of rhetorical strategies aimed at deconstructing the old logic and constructing a new one. The conclusion highlights the key role of discursive practices in overcoming resistance to change and ensuring support for innovations.

Keywords: institutional entrepreneurship, neo-institutionalism, Agile transformation, legitimation, rhetorical strategies, managerial innovations, sociology of management.

References

1. Speech by German Gref at the Gaidar Forum [Video] // Vedomosti. – 2016. – January 15. – URL: https://www.vedomosti.ru/economics/video/2016/01/15/624203-gref-izmenyat-vse-gosudarstvennie-sistemi (date of access: September 10, 2025).
2. Goffman I. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Everyday Experience / trans. from English; edited by G.S. Batygin, L.A. Kozlova. – Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2004. – 752 p.
3. Gromova E.A. Agile Mechanism as a Driver for Knowledge Generation in Industry // Eurasian Humanitarian Journal. – 2023. – № 5 (49). – P. 12–19.
4. Lobasev D.V. Agile approach to software development: origins and prospects // Innovations and investments. – 2022. – № 11. – P. 254–258.

5. Semenova D.M., Kudryavtsev S.A. Dynamics of AGILE development in Russia in 2017–2022 // Modern city: power, management, economy: collection of scientific articles / editorial board: A.I. Kulyabin [et al.]. – Perm: Publishing house of PNRPU, 2024. – P. 18–23.
6. Semerkin, A. How Agile ideas penetrated Russia and conquered the market [Electronic resource] // Forbes. – 2023. – October 17. – URL: https://www.forbes.ru/club/539174-kak-idei-agile-pronikli-v-rossiu-i-zavoevali-rynok (date of access: 09/12/2025).
7. Battilana J., Leca B., Boxenbaum E. How actors change institutions: Towards a theory of institutional entrepreneurship // The Academy of Management Annals. – 2009. – Vol. 3, № 1. – P. 65–107.
8. DiMaggio P.J. Interest and agency in institutional theory // Institutional patterns and organizations: Culture and environment / ed. by L.G. Zucker. – Cam-bridge, MA: Ballinger, 1988. – P. 3–22.
9. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Socio-logical Review. – 1983. – Vol. 48, № 2. – P. 147–160.
10. Fowler M., Highsmith J. The Agile Manifesto // Software Development. – 2001. – Vol. 9, № 8. – P. 28–35.
11. Highsmith J. Agile Software Development Ecosystems. – Boston, MA: Addison-Wesley, 2002. – 404 p.
12. Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // American Journal of Sociology. – 1977. – Vol. 83, № 2. – P. 340–363.
13. Suddaby R., Greenwood R. Rhetorical Strategies of Legitimacy // Administrative Science Quarterly. – 2005. – Vol. 50, № 1. – P. 35–67.

Ролевая неопределенность в виртуальных командах: социологический анализ

Дидушко Максим Максимович,
аспирант кафедры социологии и управления персоналом,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: maks.didushko@yandex.ru

В статье рассматривается феномен ролевой неопределённости в виртуальных командах в условиях цифровизации и трансформации организационных структур. На основе социологического анализа отечественных и зарубежных исследований, а также эмпирических данных онлайн-опроса 220 сотрудников организаций IT-сектора, выявлены ключевые факторы, усиливающие и смягчающие проявления ролевой неопределённости. Показано, что отсутствие формализованных карт ролей, нерегулярность управленческих практик и недостаток обратной связи формируют устойчивый «климат неопределённости», влияющий на мотивацию, моральный дух и психологическую безопасность работников. В то же время институционализированные механизмы распределения обязанностей, культура доверия и использование цифровых инструментов способны снижать деструктивные последствия ролевой двусмысленности. Полученные результаты позволяют рассматривать ролевую неопределённость как структурное свойство современных форм занятости, требующее комплексных управленческих решений на уровне организационной политики и культуры.

Ключевые слова: ролевая неопределённость, виртуальные команды, социология управления, цифровизация, психологическая безопасность, доверие.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется глубокой цифровизацией управленческих процессов и трансформацией организационных структур, что обусловливает широкое внедрение удалённых и гибридных форм занятости. Наряду с очевидными преимуществами данного формата – повышением гибкости, оптимизацией издержек и расширением возможностей доступа к человеческому капиталу – наблюдается возрастание спектра социальных и управленческих вызовов. Одним из них является феномен ролевой неопределённости (role ambiguity), понимаемой как неясность целей, функций, границ ответственности и критериев оценки деятельности сотрудников.

В научном дискурсе ролевую неопределённость обоснованно связывают с усилением внутрикомандной конфликтности, снижением уровня доверия к руководству и коллегам, ослаблением психологической безопасности, а также с падением вовлечённости и продуктивности трудовых коллективов. Особенно выраженные проявления данного феномена фиксируются в условиях виртуального взаимодействия, где объективно ограничены неформальные каналы коммуникации, отсутствует феномен физического соприсутствия и существенно сокращены возможности спонтанного обмена опытом и обратной связью. При этом остаётся дискуссионным вопрос о том, насколько существенно различаются проявления ролевой неопределённости в традиционных (офисных) и виртуальных командах, а также в какой мере современные управленческие практики способны нивелировать её деструктивные последствия.

Актуальность изучения ролевой неопределённости обусловлена совокупностью взаимосвязанных факторов. Во-первых, её социальная значимость выражается в том, что сотрудники, сталкивающиеся с неясностью ролевых ожиданий, демонстрируют более низкий уровень удовлетворённости трудом, повышенную уязвимость к профессиональному выгоранию и склонность к дезинтеграции организационных идентичностей. Во-вторых, организационные последствия ролевой неопределённости приобретают стратегический характер, поскольку эффективность командной деятельности непосредственно зависит от согласованности действий и прозрачности распределения ролей. В-третьих, в теоретико-

методологическом отношении феномен ролевой неопределённости представляет собой эвристически значимый инструмент для социологического осмысления трансформации механизмов социального взаимодействия в новых форматах труда.

Литературный обзор

Феномен ролевой неопределённости в организационном контексте был впервые зафиксирован в классических исследованиях К. Кана, Д. Вульфа, Р. Куинна и Р. Снека, которые показали, что неясность обязанностей и критериев оценки труда является системным источником организационного стресса [10]. Развитие этих идей получили в работах Дж. Риззо, Р. Хауса и С. Лиртца, обосновавших проблему методологически [14]. Б. Биддл обобщил и систематизировал подходы к теории ролей, подчеркнув, что неопределённость имеет как структурные, так и когнитивные измерения [4].

В обзоре Г. Хертеля, С. Гайстера и У. Конрадта [9] подчёркивается, что виртуальные команды по своей природе усиливают ролевую неопределенность: пространственная разобщённость и высокая автономность участников усложняют координацию. Эмпирические данные зарубежных исследователей также показывают: нечеткость распределения ответственности в виртуальных командах усиливает психологическое отчуждение и препятствует эффективной коммуникации [5]. Мвакюса и коллеги показали, что неопределённость ролей и ролевые конфликты статистически значимо коррелируют с эмоциональным истощением [13]. Подобные результаты получили С. Вонг, Т. Браун, выявившие, что субъективное ощущение изоляции в распределённых командах связано с ростом тревожности и снижением вовлечённости [16]. Коулстон и соавторы трактуют ролевую ясность как ресурс, смягчающий требования виртуальной среды: ясное понимание задач и ожиданий снижает стресс и поддерживает адаптацию [6].

Виртуальные команды нередко межфункциональны, их состав может меняться, а проекты требуют разнообразных навыков. В таких условиях роли частично формируются стихийно в ответ на текущие потребности. Исследования показывают, что успешные виртуальные команды обладают высокой степенью ролевой гибкости – участники готовы временно брать на себя нетипичные функции для закрытия пробелов в ресурсах [7]. В то же время слишком размытые границы между ролями несут риски: когда неформальное перераспределение обязанностей происходит хаотично, возможны конфликты и когнитивные искажения [8]. Например, сотрудники могут непреднамеренно параллельно выполнять одну и ту же задачу или, наоборот, считать её вне своей зоны ответственности, если явно не оговорено иное. Эмпирические наблюдения подтверждают такие случаи: участники опросов признают, что, когда за одну и ту же задачу в команде отвечают несколько человек, это может приводить к беспорядку, а некоторые важные задачи и вовсе остаются без внимания, поскольку неясно, кто должен их выполнять [17]. Подобные ситуации указывают на необходимость более чёткого механизма формирования и распределения ролей.

Особое внимание уделяется влиянию управленческих практик на снижение ролевой неопределённости. Д. Лейн, Б. Балтес и Дж. Холленбек показывают, что современные коммуникационные технологии становятся важным посредником в формировании общей когнитивной картины команды [11]. В контексте гибридной работы Й. Лоринг и коллеги указывают, что асинхронность взаимодействия и неоднородные режимы присутствия приводят к хроническому размыванию ролевых границ [12]. М. Вартиайнен подчёркивает необходимость явной артикуляции зон ответственности в смешанных командах для сохранения их целостности и эффективности [15].

В отечественной литературе проблема ролевой неопределенности в виртуальных командах затрагивается фрагментально. Л. Кожевникова подчёркивает важность прозрачности процедур и удалённого лидерства как факторов преодоления коммуникативных издержек и рисков [1]. В. Пронин связывает управленческие проблемы дистанционного формата с социально-ролевой организацией труда [3]. М. Красностанова делает вывод о том, что регулярные неформальные практики и стандартизация коммуникации в виртуальных коллективах позволяют компенсировать недостаток формализации обязанностей и поддерживать командную сплочённость [2].

Несмотря на накопленный массив исследований, направленных на выявление возможностей повышения эффективности удалённой занятости, в научной литературе сохраняется существенный пробел, связанный с анализом механизмов преодоления ключевых трудностей, возникающих в процессе дистанционного взаимодействия. Особую значимость приобретает изучение организационных практик в IT-секторе, где удалённый формат работы уже институционализирован и рассматривается как норма. Опыт таких организаций может служить эмпирической базой для адаптации и внедрения эффективных управленческих стратегий в иных сферах, где виртуальная занятость пока носит преимущественно вынужденный или частичный характер. В условиях углубляющейся цифровизации и постпандемийных трансформаций можно предположить, что распространение виртуальных и гибридных форм организации труда будет лишь усиливаться, что объективно повышает актуальность анализа феномена ролевой неопределённости и поиска способов его социологически обоснованного преодоления.

Материалы и методы

В рамках пилотного исследования ролевой неопределённости в удаленных и традиционных коллективах был проведён онлайн-опрос сотрудников, занятых в организациях IT-сектора (преимущественно AdTech, FinTech, EdTech, медиа и телекоммуникации). Всего в исследовании приняли участие N = 220 респондентов, представляющих широкий спектр должностей: аналитики данных, бизнес-аналитики, разработчики, менеджеры по работе с клиентами, преподаватели и другие специалисты. Выборка включала сотрудников с разным опытом работы в командах: от менее трёх месяцев до более трёх лет, а также представителей различных форматов занятости (офисный, удалённый, гибридный). Большинство участников работали в командах численностью от 3 до более 15 человек, что позволило выявить различия восприятия ролевой структуры в малых и крупных коллективах, а также дифференцировать восприятие неопределенности в офисе и на удаленке.

Для выявления субъективного восприятия границ ответственности использовался блок вопросов о ясности целей, приоритетности задач, понимании собственной зоны ответственности и стыковочных задач. Дополнительно изучалась специфика коммуникаций: регулярность индивидуальных встреч с руководителем (от еженедельных до реже одного раза в месяц), наличие процедур согласования ролей в спорных ситуациях, а также субъективное ощущение ясности конечного лица, принимающего решения.

Операционализация ключевых категорий в социологическом исследовании выступает методологическим узлом, обеспечивающим переход от абстрактно-теоретических конструкций к эмпирически наблюдаемым индикаторам. Именно на этом этапе задаётся логика последующей проверки гипотез и формируется система измерений, позволяющая соотнести теоретические предпосылки с фактическими данными. В рамках проведённого исследования операционализация понятий ролевой неопределённости была реализована через разработку анкетных инструментов, включавших вопросы, построенные преимущественно на основе 5-балльной шкалы Ликерта. Такой формат дал возможность респондентам выражать степень согласия или несогласия с утверждениями.

Применение шкалы Ликерта обеспечило не только количественную сопоставимость ответов, но и выявление латентных тенденций, позволяющих судить о выраженности ролевой неопределённости в разных социальных группах. Сопоставление шкальных данных с социально-демографическими переменными (возраст, пол, формат занятости, опыт работы в распределённых коллективах) позволило проанализировать структурные различия и выделить закономерности, определяющие специфику восприятия ролевой ясности в виртуальных командах. Структура операционализации, отражающая взаимосвязь понятийного аппарата и выбранных индикаторов, представлена в таблице 1.

Таблица 1. Операционализация понятий

Понятие	Измерения	Индикаторы (примеры утверждений / вариантов ответа)
Блоки опроса, оценивающиеся по 5-балльной шкале Ликерта		
Ролевая неопределённость	1. Цели и задачи 2. Зона ответственности 3. Процедуры и полномочия 4. Критерии оценки 5. Ролевые ожидания	– «Мне ясно, какие конкретные цели стоят передо мной» – «Приоритетность задач для моей роли бывает неочевидной» – «В спорных ситуациях непонятно, кто принимает решение» – «Я получаю противоречивую обратную связь» – «Разные коллеги по-разному понимают мои обязанности»
Доверие в команде	1. Надёжность 2. Соблюдение обязательств 3. Компетентность 4. Открытость и поддержка	– «Я могу полностью положиться на коллег в сложных задачах» – «В нашей команде принято выполнять обещания вовремя» – «Я уверен в компетентности коллег» – «Я могу открыто делиться сомнениями без страха негативной реакции»
Психологическая безопасность	1. Открытость коммуникации 2. Отношение к ошибкам 3. Уважение мнений 4. Комфортность вопросов	– «В нашей команде можно открыто высказывать идеи» – «Ошибки обсуждаются без страха наказания» – «Коллеги уважительно относятся к разным точкам зрения» – «Я могу задавать вопросы, не опасаясь осуждения»
Эффективность команды	1. Результативность 2. Соблюдение сроков 3. Слаженность 4. Качество работы	– «Наша команда достигает поставленных целей» – «Задачи выполняются в сроки» – «Мы работаем согласованно» – «Качество нашей работы оценивается как высокое»
Управленческие практики	1. Регулярность коммуникаций 2. Формализация ролей 3. Прозрачность процессов	– «У нас регулярно проходят планёрки/ретроспективы» – «В команде закреплены и доступны описания ролей» – «Информация о задачах прозрачна и доступна»

Окончание

Понятие	Измерения	Индикаторы (примеры утверждений / вариантов ответа)
Фактологический блок опроса		
Социальный опыт и стаж	Длительность пребывания	Стаж работы в текущей команде
Формат работы команды	Пространственный режим	– Полностью офисный – Гибридный – Полностью удалённый

Для минимизации эффекта стереотипных ответов в анкету были включены также обратные формулировки утверждений (например, «мне не всегда понятно, что входит в мои обязанности»). При обработке данных такие пункты подвергались инверсии, что обеспечивало корректность статистического анализа и позволило избежать искажения итоговых показателей. Сочетание прямых и обратных пунктов усилило надёжность инструмента и повысило валидность измерений уровня ролевой неопределённости.

Таким образом, методологический дизайн исследования позволил зафиксировать не только структурные характеристики команд (размер, формат работы, отрасль), но и субъективное восприятие ролевой определённости сотрудниками. Полученные данные дают возможность провести последующий социологический анализ факторов, усиливающих или, напротив, снижающих уровень ролевой неопределённости в виртуальных командах.

Результаты

Анализ данных, полученных в ходе опроса 220 сотрудников организаций, выявил ряд закономерностей, позволяющих глубже понять специфику проявления ролевой неопределённости в виртуальных и гибридных командах. По формату работы выборка распределилась следующим образом: 52% участников работают преимущественно в офисе, 30% – полностью удалённо, и 18% – в гибридном режиме.

Особый интерес представляют данные о субъективной ясности ролей. Значительная часть участников указала, что им не всегда очевидно, входит ли конкретная задача в их обязанности или должна выполняться другими членами команды. При этом около трети респондентов признали, что в их практике регулярно возникают ситуации дублирования обязанностей. Эти данные указывают на существование своеобразного «климата ролевой неопределённости» в командах, когда неопределённость воспринимается не как исключение, а как рутинная характеристика организационного процесса. В социологической перспективе это означает, что сама культура распределённых коллективов пока не выработала достаточных нормативных механизмов преодоления двусмысленности.

Одним из ключевых индикаторов выступало наличие формализованной «карты ролей» (например, матрицы RACI или описаний в корпоративной базе знаний). Результаты показали, что 57% респондентов заявили об отсутствии такого инструмента в их командах, ещё 19% не знали о его существовании, и лишь 24% подтвердили его наличие. Иными словами, в 3 из 4 команд распределение ролей не имело закреплённой формализации.

Анализ ответов демонстрирует, что в отсутствие документированной схемы сотрудники сталкиваются с ситуациями, когда несколько человек выполняют одну и ту же задачу или, напротив, отдельные задачи остаются без внимания. Подобные случаи не только снижают эффективность взаимодействия, но и формируют основу для внутрикомандных конфликтов, так как каждый сотрудник исходит из собственного представления о границах своей ответственности. Важно подчеркнуть, что даже в тех командах, где формализованная карта ролей существует, не все сотрудники могут быть осведомлены о её наличии или содержании. Это свидетельствует о том, что формализация ролей сама по себе не является достаточной мерой: необходима регулярная коммуникация и закрепление этих правил в повседневной практике. Полученные данные позволяют рассматривать ролевую неопределённость не как изолированный феномен, а как многомерный результат взаимодействия организационных практик, коммуникационных процедур и восприятия сотрудниками социальной среды.

Немаловажным оказался фактор регулярности управленческих практик. Респонденты, чьи руководители систематически проводили индивидуальные встречи и ретроспективы, демонстрировали более высокие оценки ясности ролей и реже сообщали о проблемах с определением ответственного лица в спорных ситуациях. Таким образом, институциональная поддержка и коммуникативное сопровождение напрямую снижают риск неопределённости.

Параллельно выявилась тесная связь между получением понятной и своевременной обратной связи и общим уровнем доверия в команде. Там, где сотрудники чувствовали, что их работа оценивается прозрачно и справедливо, отмечалось более высокое согласие с утверждениями о взаимном доверии, уважительном отношении к различным точкам зрения и возможности свободно задавать вопросы. В противовес, отсутствие системной обратной связи порождало не только не-

ясность ролевых границ, но и подрывало ощущение психологической безопасности.

Ещё одна взаимосвязь обнаружена между восприятием ролевой ясности и ощущением психологической защищённости. Сотрудники, которые отмечали, что в их командах можно открыто признавать ошибки или предлагать новые идеи, реже жаловались на неясность обязанностей и противоречивые указания от руководства. Иными словами, институционализация культуры доверия и уважения выполняет функцию компенсатора ролевой неопределённости, снижая её негативные последствия.

Значимым оказался и фактор формата работы. Удалённые сотрудники чаще сталкивались с ситуациями дублирования ролей и отсутствия ясности в определении, входит ли конкретная задача в их обязанности, тогда как офисные работники чаще говорили о противоречивых указаниях от разных лиц. Это указывает на то, что сама пространственная организация труда опосредует восприятие неопределённости, но не устраняет её, а лишь меняет доминирующие формы проявления.

Наконец, выявлена устойчивая корреляция между ясностью целей и восприятием эффективности команды. Там, где респонденты заявляли, что им понятны конкретные цели и критерии оценки, чаще фиксировалась высокая удовлетворённость качеством работы команды и её способность достигать поставленных задач. В свою очередь, дефицит целеполагания и неопределённость критериев успеха напрямую снижали ощущение командной согласованности и результативности.

Сравнительный анализ показал, что именно среди полностью удалённых сотрудников чаще фиксировалось ощущение неясности обязанностей и трудности в определении ответственного лица. В гибридных командах подобные проблемы носили менее выраженный характер, что объясняется наличием хотя бы частичной оффлайн-коммуникации, позволяющей прояснять спорные ситуации. Офисные команды, несмотря на формально более благоприятные условия, также не застрахованы от ролевой неопределённости: при отсутствии формальных карт ролей даже физическое присутствие не устраняет пересечений и дублирования обязанностей.

Обсуждение

Результаты проведённого исследования позволяют комплексно рассмотреть феномен ролевой неопределённости в виртуальных и гибридных командах, выявив его влияние не только на организационную эффективность, но и на субъективное благополучие работников, специфику коммуникаций и динамику корпоративной культуры. Сравнение полученных данных с теоретическими положениями и современными эмпирическими наблюдениями даёт возможность выделить ключевые направления анализа, которые демонстрируют, что ролевую неопределённость следует трактовать не как случайный сбой управленческой системы, а как структурное свойство современных форм занятости.

Одним из центральных выводов является то, что респонденты в условиях виртуальной занятости вынуждены в большей степени полагаться на собственные ресурсы самоуправления и профессионального развития. Молодая возрастная группа (21–30 лет), составляющая подавляющее большинство выборки, чаще фиксировала ситуации неясности в распределении обязанностей, однако именно она демонстрировала и более высокую готовность к освоению новых инструментов и самостоятельному решению проблем. Таким образом, неопределённость роли может парадоксальным образом способствовать личностному росту, формируя у работников навыки адаптации, цифровой компетентности и кросс-функциональной гибкости. Вместе с тем этот рост возможен только в условиях поддерживающей среды: отсутствие институциональной поддержки оборачивается стрессом и выгоранием.

Фактор мотивации проявился в исследовании как тесно связанный с качеством управленческих практик и характером коммуникации. Более половины участников опроса сообщили, что не имеют чётко закреплённых карт ролей; в этих случаях субъективная мотивация была ниже, а готовность брать на себя дополнительные инициативы – ограниченной. Напротив, там, где существовали хотя бы элементы формализации (RACI, распределение в базе знаний), мотивационный фон оказывался более устойчивым. Виртуальная среда объективно лишает работников привычных механизмов социальной поддержки (визуальных сигналов, «коридорных» разговоров, неформальных встреч), поэтому мотивация становится зависимой от регулярной обратной связи, признания заслуг и чёткости организационных ожиданий. Руководитель в таких условиях играет не только координирующую, но и эмоционально поддерживающую роль, укрепляя чувство значимости каждого сотрудника для коллектива

Анализ показал, что моральный дух в виртуальных командах особенно уязвим. В отсутствие формализованных границ ответственности и регулярных личных контактов создаётся ощущение разобщённости: одни респонденты сообщали о дублировании обязанностей, другие – о «ничейных» задачах. Эти результаты подтверждают концепцию «климата ролевой неопределённости», когда ощущение неясности разделяется большинством и становится нормой взаимодействия. В социологическом измерении это ведёт к ослаблению коллективной идентичности: сотрудники перестают воспринимать себя как целостную команду, что

в перспективе чревато ростом текучести кадров и снижением качества совместной работы.

Удалённые команды, как показало исследование, вынуждены функционировать в условиях постоянной трансформации. Неопределённость ролей не всегда имеет исключительно негативный характер: она может способствовать выработке гибкости, способности временно перераспределять обязанности и поддерживать коллег в кризисных ситуациях. Однако позитивный потенциал проявляется только там, где существует культура доверия и открытой коммуникации. В противном случае неопределённость оборачивается хаосом и конфликтами. Таким образом, способность команды адаптироваться и трансформироваться напрямую связана с тем, насколько эффективно она сочетает институционализированные механизмы распределения обязанностей с неформальными практиками взаимопомощи.

Результаты опроса подтвердили, что жёсткие регламенты, характерные для традиционных бюрократических структур, в условиях виртуальной работы оказываются недостаточными. Команды требуют гибких структур управления, допускающих перераспределение задач и временную замену ролей при изменении внешних условий. Вместе с тем гибкость должна сочетаться с прозрачностью: сотрудники подчёркивали, что готовы работать в условиях изменяющихся задач, но им необходимо ясное понимание конечных целей и ожидаемых результатов. Таким образом, оптимальной является модель, сочетающая формализованные «маяки» (описания ролей, карты ответственности) с адаптивными практиками самоуправления.

Обсуждение результатов позволяет заключить, что ролевая неопределённость в виртуальных командах является не только управленческой проблемой, но и социологическим феноменом, затрагивающим идентичность работников, структуру социальных связей и культуру организации. Она влияет на личностный рост, мотивацию, моральный дух и адаптивность команд. Наличие формализованных инструментов распределения обязанностей снижает уровень неопределённости, но не устраняет его полностью; необходим комплексный подход, включающий культивирование доверия, заботу о благополучии сотрудников, развитие корпоративной культуры и гибкое использование цифровых технологий.

Заключение

Таким образом, управление в условиях ролевой неопределенности – это вызов, стимулирующий эволюцию организаций к более гибким, человечно-ориентированным и устойчивым формам. Ролевая неопределенность в удаленных коллективах требует адаптации традиционных моделей власти и подчинения, а также разработки новых стратегий взаимодействия, основанных на доверии, прозрачности и эффективной коммуникации. Будущие исследования могут быть направлены на изучение долгосрочных эффектов цифровых платформ на социальную динамику внутри удаленных команд и выявление оптимальных методик управления виртуальными рабочими процессами.

Литература

1. Кожевникова, Л.В. Формирование виртуальных команд: удалённый тимбилдинг и лидерство // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 4 (95). – С. 291–294.
2. Красностанова М.В. Методы формирования и поддержания сплочённости в виртуальной команде // Российский журнал менеджмента. – 2025. – Т. 23, № 1. – С. 85–102.
3. Пронин, В.Ю. Управленческие проблемы удалённой работы в российских организациях: социально-ролевые и социально-трудовые аспекты // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2022. – № 4. – С. 123–133.
4. Biddle B.J. Role Theory: Expectations, Identities, and Behaviors. New York: Academic Press, 1979. 455 p.
5. Cai, Y.L. Strengthening perceptions of virtual team cohesiveness and effectiveness in new normal: A hyperpersonal communication theory perspective // Asian Business & Management. – 2023. – Vol. 22, № 4. – P. 1649–1682.
6. Coulston, C. A., Shergill, S., Twumasi, R., Duncan, M. Advancing virtual and hybrid team well-being through a JD-R lens // International Journal for Quality in Health & Well-Being. – 2025. – Vol. 20, № 1.
7. Crossman, A., Lee-Kelley, L. Trust, commitment and team working: the paradox of virtual organizations // Global Networks. – 2004. – Vol. 4, № 4. – P. 375–390.
8. Drabble, David. Under the surface and far apart: hidden discord in global virtual teams: Diss. … Ph D. – London: Royal Holloway, University of London, 2023. – 235 P.
9. Hertel G., Geister S., Konradt U. Managing virtual teams: A review of current empirical research // Human Resource Management Review. – 2005. – Vol. 15, № 1. – P. 69–95.
10. Kahn R. L., Wolfe D.M., Quinn R.P., Snoek J.D. Organizational Stress: Studies in Role Conflict and Ambiguity. New York: John Wiley & Sons, 1964. 470 p.
11. Lane J. N., Baltes B.B., Hollenbeck J.R. Teams in the digital workplace: technology's role for team cognition and collaboration // Small Group Research. – 2024. – Vol. 55, № 1. – P. 28–56.
12. Lauring J., Engsig T.T., Pundt A., et al. What is hybrid work? Towards greater conceptual clarity of

an emerging concept // Human Resource Management Review. – 2025. – Vol. 35, № 1.
13. Mwakyusa J. R. P., Nyaboga A.O., Michael T. Role ambiguity and role conflict as predictors of emotional exhaustion among employees // Cogent Psychology. – 2024. – Vol. 11, № 1.
14. Rizzo J. R., House R.J., Lirtzman S.I. Role conflict and ambiguity in complex organizations // Administrative Science Quarterly. 1970. Vol. 15, № 2. P. 150–163.
15. Vartiainen, M., Vanharanta, O. True nature of hybrid work // Frontiers in Organizational Psychology. – 2024. – Vol. 2, Article 2. – P. 1–21.
16. Wong S. I., Braun T., Gümüsay A.A. The negative impact of individual perceived isolation in distributed teams and its possible remedies // Human Resource Management Journal. – 2022. – Vol. 32, № 4. – P. 906–927.
17. Zuofa, T., Ochieng, E.G. Investigating barriers to project delivery using virtual teams // Procedia Computer Science. – 2021. – Vol. 181. – P. 1083–1088.

ROLE AMBIGUITY IN VIRTUAL TEAMS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Didushko M.M.
Saint Petersburg State University of Economics

The article examines the phenomenon of role ambiguity in virtual teams in the context of digitalization and organizational transformation. Based on a sociological analysis of domestic and foreign studies, as well as empirical data from an online survey of 220 employees of IT sector organizations, key factors that reinforce and mitigate manifestations of role uncertainty have been identified. It is shown that the absence of formalized role maps, irregular management practices, and a lack of feedback create a persistent climate that affects employee motivation, morale, and psychological safety. At the same time, institutionalized mechanisms for distributing responsibilities, a culture of trust, and the use of digital tools can reduce the destructive consequences of role ambiguity. The results obtained allow us to consider role ambiguity as a structural feature of modern forms of employment that requires comprehensive management decisions at the level of organizational policy and culture.

Keywords: role ambiguity, virtual teams, sociology of management, digitalization, psychological safety, trust.

References

1. Kozhevnikova, L.V. Formation of virtual teams: remote team building and leadership // The world of science, culture, education. – 2022. – № 4 (95). – P. 291–294.
2. Krasnostanova, M.V. Methods of forming and maintaining cohesion in a virtual team // Russian journal of management. – 2025. – Vol. 23, № 1. – P. 85–102.
3. Pronin, V. Yu. Management problems of remote work in Russian organizations: social-role and social-labor aspects // Bulletin of PNRPU. Social and economic sciences. – 2022. – № 4. – P. 123–133.
4. Biddle, B.J. Role Theory: Expectations, Identities, and Behaviors. New York: Academic Press, 1979. 455 p.
5. Cai, Y.L. Strengthening perceptions of virtual team cohesiveness and effectiveness in the new normal: A hyperpersonal communication theory perspective // Asian Business & Management. – 2023. – Vol. 22, № 4. – P. 1649–1682.
6. Coulston, C. A., Shergill, S., Twumasi, R., Duncan, M. Advancing virtual and hybrid team well-being through a JD-R lens // International Journal for Quality in Health & Well-Being. – 2025. – Vol. 20, № 1.
7. Crossman, A., Lee-Kelley, L. Trust, commitment and team working: the paradox of virtual organizations // Global Networks. – 2004. – Vol. 4, № 4. – P. 375–390.
8. Drabble, David. Under the surface and far apart: hidden discord in global virtual teams: Diss. … Ph D. – London: Royal Holloway, University of London, 2023. – 235 P.
9. Hertel G., Geister S., Konradt U. Managing virtual teams: A review of current empirical research // Human Resource Management Review. – 2005. – Vol. 15, № 1. – P. 69–95.
10. Kahn R. L., Wolfe D.M., Quinn R.P., Snoek J.D. Organizational Stress: Studies in Role Conflict and Ambiguity. New York: John Wiley & Sons, 1964. 470 p.
11. Lane J. N., Baltes B.B., Hollenbeck J.R. Teams in the digital workplace: technology's role for team cognition and collaboration // Small Group Research. – 2024. – Vol. 55, № 1. – P. 28–56.
12. Lauring J., Engsig T.T., Pundt A., et al. What is hybrid work? Towards greater conceptual clarity of an emerging concept // Human Resource Management Review. – 2025. – Vol. 35, № 1.
13. Mwakyusa J. R. P., Nyaboga A.O., Michael T. Role ambiguity and role conflict as predictors of emotional exhaustion among employees // Cogent Psychology. – 2024. – Vol. 11, № 1.
14. Rizzo J. R., House R.J., Lirtzman S.I. Role conflict and ambiguity in complex organizations // Administrative Science Quarterly. 1970. Vol. 15, № 2. P. 150–163.
15. Vartiainen, M., Vanharanta, O. True nature of hybrid work // Frontiers in Organizational Psychology. – 2024. – Vol. 2, Article 2. – P. 1–21.
16. Wong S. I., Braun T., Gümüsay A.A. The negative impact of individual perceived isolation in distributed teams and its possible remedies // Human Resource Management Journal. – 2022. – Vol. 32, № 4. – P. 906–927.
17. Zuofa, T., Ochieng, E.G. Investigating barriers to project delivery using virtual teams // Procedia Computer Science. – 2021. – Vol. 181. – P. 1083–1088.

Мотивация поступления на государственную гражданскую службу

Журавлева Ирина Александровна,
кандидат философских наук, доцент, директор Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

Волгина Ульяна Алексеевна,
студент Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: volgina@mail.ru

Маликова Ангелина Игоревна,
студент Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: malikova@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы мотивации поступления на государственную гражданскую службу. На основе исследования, проведённого среди жителей Иркутской области, о мнении граждан о поступлении на гражданскую службу, включая возможности трудоустройства/включения в кадровый резерв, осведомленность граждан об имеющихся вакансиях/кадровом резерве через разные источники получения информации, были выявлены основные мотивы и разработаны уровни развития мотивации поступления на гражданскую службу.

Ключевые слова: гражданские служащие, мотивация, общественное мнение, информированность населения, просвещенность.

Отношение к государственным гражданским служащим в обществе не однозначное, с одной стороны – они обладают властью, особыми правами, льготами и привилегиями, с другой выступают на передовой при любых кризисах и социальных катаклизмах и поэтому подтверждены особому риску. Не всегда позитивная оценка государственных служащих в медийном пространстве – накладывает отпечаток на рядовых служащих, формируя негативные социальные стереотипы. Поэтому, важно внимательно подходить к вопросу мотивации государственных гражданских служащих.

Сегодня, вопросы мотивации государственных служащих, имеют приоритетную роль в развитии государства. Гражданские служащие выступают представителями власти, способными регулировать любые вопросы, связанные с организацией социального порядка в обществе.

Эффективные стратегии мотивации могут привлечь лучших и профессиональных специалистов, позволят раскрыть и повысить свой потенциал и создать комфортные условия для самореализации. Мотивация также повышает работоспособность государственных гражданских служащих. Но не менее важно понимать мотивацию тех, кто только приходит на государственную гражданскую службу. Это случается в разном возрасте, и у мужчин и у женщин. Одно дело, что думают будущие гражданские служащие о своей работе и другое – как меняется мотивация в процессе профессиональной деятельности. Выявление этой разницы может быть сигналом изучения: имиджа (общественного мнения) и реальной государственной службы; реальных и идеальных представлений о государственной службе; личных и социальных мотивов будущих и уже настоящих сотрудников государственной гражданской службы.

Вопросам мотивации государственных и муниципальных служащих посвящены работы А.М. Абдуллаева [1], Э.Р. Бирюкова [9], Д.Д. Донникова и П.В. Дурновцевой [10], А.И. Петровой [16] и С.И. Сотниковой [21], О.А. Полюшкевич [17–19] и О.А. Абдрашитовой [20], Н.Д. Стрекаловой [22], А.А. Максимова [14] и других. Различные аспекты имиджа государственных служащих и вопросы социальной безопасности отражены в работах Р.Г. Ардашева [2–5] и Р.В. Иванова [11, 12]. Трансформация труда и мотивов труда в новых условиях отражается в работах П.А. Баева [6, 7] и Е.В. Зиминой [8].

Особенности исследования

В целях оценки уровня открытости, полноты и доступности информации о поступлении на государственную гражданскую службу Иркутской области, выявления заинтересованности граждан в трудоустройстве в органы государственной власти, государственных гражданских служащих Иркутской области (далее соответственно – гражданская служба, гражданский служащий) в продолжении гражданской службы управлением Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по государственной гражданской службе, кадрам и государственным наградам с 7 по 28 апреля 2025 года проведен опрос по теме «Поступление на государственную гражданскую службу Иркутской области» на платформе обратной связи федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

Опрос направлен на изучение мнения граждан о поступлении на гражданскую службу, включая возможности трудоустройства/включения в кадровый резерв, осведомленность граждан об имеющихся вакансиях/кадровом резерве через разные источники получения информации (портал госслужбы, информационно-правовые системы, от знакомых/родственников, официальный сайт правительства Иркутской области, официальный сайт органа государственной власти Иркутской области и собственный ответ).

Всего в опросе приняло участие 2518 респондентов. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Распределение респондентов по полу: 2192 женщин (87,1%); 326 мужчин (12,9%).

Женщин на гражданской службе 887 человека из числа опрошенных (87,1%), мужчин – 131 (12,9%). Данные показатели демонстрируют, что гражданская служба в Иркутской области является преимущественно женской сферой занятости (данное распределение практически совпадают с официальными данными, опубликованными Иркстатом о гендерном составе гражданских служащих, так по состоянию на 2022 год женщин – 78,3%, мужчин – 21,7%). Это может быть связано:

– с традиционным преобладанием женщин на гражданской службе;
– большей заинтересованностью женщин в стабильности и социальных гарантиях.

Мы смогли установить различные причины поступления на государственную гражданскую службу в разном возрасте.

1. 36–45 лет – 35,6%.

Для данной возрастной группы гражданская служба привлекательна по следующим причинам: стремление к стабильности, так ответило 246 респондентов, желание работать по специальности – 80 респондентов, служение на благо Родины, на благо общества – 65 респондентов.

2. 46–55 лет – 22,4%.

Причины: гарантии занятости перед пенсией, социальные льготы.

3. 26–35 лет – 18,7%.

Причины: карьерные амбиции, переход в коммерческие организации.

4. 18–25 лет – 13,3% (низкий показатель).

Причины: предпочтение коммерческой деятельности, продолжение образования, высокие требования гражданской службы.

5. Старше 55 лет – 9,9%.

Причины: выход на пенсию.

Количество гражданских служащих женщины, прошедших опрос, преобладает во всех возрастных группах, особенно в группах 36–45 лет (40,4%) и 46–55 лет (23,8%).

Молодые мужчины в возрасте 18–35 лет могут реже выбирать гражданскую службу из-за более высокой мобильности и ориентации на высокооплачиваемые сферы.

В предпенсионном возрасте 46–55+ (%) доля мужчин может немного расти из-за привлекательности стабильности.

Гражданская служба наиболее популярна среди женщин в возрасте 36–45 лет, что отражает их стремление к стабильной занятости. Мужчины представлены слабо, возможно, из-за оттока в другие сектора. Молодые люди (особенно мужчины) менее заинтересована в гражданской службе.

Подавляющее большинство опрошенных имеют высшее образование (75,9%), что соответствует требованиям к квалификации гражданских служащих, особенно для должностей категорий «руководители» и «специалисты». Это подтверждает общую направленность на профессионализм на гражданской службе, где наличие высшего образования является практически обязательным условием для карьерного роста.

Однако каждый пятый респондент обладает средним специальным образованием (18,2%), что связано с возможностью замещать должности гражданской службы категории «обеспечивающие специалисты» младшей и старшей групп должностей.

Такое распределение может указывать как на барьеры в доступности высшего образования, так и на достаточность среднего профессионального образования для части позиций.

Минимальная доля респондентов со средним полным образованием (6%) подтверждает, что гражданская служба предъявляет четкие требования к профессиональной подготовке, исключая малоквалифицированные должности.

Что касается рода занятий, то опрос охватил две практически равные группы: гражданских слу-

жащих (40,4%) и наемных работников (41,4%). Это позволяет сравнивать взгляды обеих групп и предполагает, что часть работников коммерческого сектора рассматривает гражданскую службу как возможную альтернативу.

Крайне низкая доля самозанятых (0,3%) и безработных (0,7%) свидетельствует о слабой привлекательности гражданской службы для этих категорий, возможно, из-за бюрократических барьеров или несоответствия ожиданий по доходу.

Студенты (6,7%) представляют собой потенциальный кадровый резерв для гражданской службы, и их включение в опрос важно для оценки будущего притока молодых специалистов.

Кроме того, 10,5% респондентов указали иные варианты занятости, такие как работа в бюджетных учреждениях (в том числе медработники, учителя), пенсионеры и многодетные матери. Это показывает, что гражданская служба воспринимается шире, чем только в рамках классических административных должностей, и включает смежные сферы бюджетного сектора.

Таким образом, уровень образования напрямую связан с возможностью поступления на гражданскую службу: высшее образование открывает доступ к большому количеству вакантных должностей, тогда как среднее специальное образование ограничивает круг доступных должностей.

Отвечая на вопрос, Каким способом Вы поступили на государственную гражданскую службу Иркутской области, мы получили следующие данные:

– по результатам конкурса на замещение вакантной должности гражданской службы – 423 опрошенных;
– назначение из кадрового резерва – 300 опрошенных;
– направили свое резюме на электронную почту в орган государственной власти Иркутской области – 221 опрошенный;
– направили отклик на вакансию на портале госслужбы – 34 опрошенных.

Конкурсный отбор является основным способом поступления на гражданскую службу, что подтверждает соблюдение принципов конкуренции и открытости при замещении вакантных должностей.

Кадровый резерв играет важную роль в обеспечении государственных органов квалифицированными кадрами, что говорит об эффективности работы по формированию и использованию кадрового резерва.

Направление резюме на электронную почту является значимым, но неформальным способом поступления на гражданскую службу, что требует анализа и, возможно, формализации отдельных процедур.

Портал госслужбы требует совершенствования как инструмента привлечения кадров на государственную службу, необходимо повысить его эффективность и информированность граждан о его возможностях.

Рассматриваете ли Вы возможность поступления на государственную гражданскую службу Иркутской области/далее продолжать службу или не рассматриваете поступление на службу?». Ответили следующее: «да» ответили – 1613 респондентов, «нет» – 905. Не рассматривали по следующим причинам: нет возможности проявлять свое творчество, креативность; уровень заработной платы; ограничения и запреты и другое.

Гражданская служба привлекательна для значительной части респондентов, что свидетельствует о ее конкурентоспособности как работодателя.

Существуют значительные факторы, отталкивающие потенциальных кандидатов и способствующие уходу со службы гражданских служащих, что требует проведения мероприятий по повышению привлекательности гражданской службы.

К факторам, снижающим привлекательность гражданской службы респонденты отнесли: ограничения и запреты; уровень заработной платы; отсутствие возможностей для творчества и креативности.

Самозанятые редко заинтересованы в гражданской службе из-за низкой заработной платы, ограничений и запретов.

Безработные не рассматривают гражданскую службу по причинам отсутствия возможности проявлять свое творчество, креативность, а также из-за наличия ограничений и запретов, низкой заработной платы.

Кроме того, не рассматривают поступление на гражданскую службу по причине превышения возраста пребывания на гражданской службе – 65 респондентов, 42 респондента – удовлетворены имеющийся работой, и 13 респондентов отметили наличие большой нагрузки, отсутствие необходимого уровня образования, сложность поступления на гражданскую службу (в том числе трудность прохождения конкурсного отбора).

Результаты опроса показали, что большинство респондентов (1426 человек) знакомы с процедурой поступления на гражданскую службу, тогда как 721 участник исследования указал на отсутствие таких знаний. При этом 371 человек выразил намерение изучить этот вопрос в ближайшее время, что свидетельствует о существующем интересе к государственной службе даже среди недостаточно информированных граждан.

Что касается источников информации, то наиболее популярными оказались официальные ресурсы:

– официальный сайт органа государственной власти Иркутской области (285 ответов);
– портал госслужбы (282 ответа);

– официальный сайт Правительства Иркутской области (184 ответа);
– информационно-правовые системы (278 упоминаний).

Кроме того, 265 респондентов отметили, что источником информации для них являлись личные контакты (знакомые и родственники), 79 респондентов отметили альтернативные каналы, такие как: учебные заведения (ВУЗы), центры занятости, непосредственное обращение в государственные органы.

Уровень осведомленности о порядке поступления на гражданскую службу является достаточно высоким – 56,6%, при этом 28,6% респондентов не обладает необходимой информацией, и 14,7% только планирует ее получить.

Официальные сайты органов государственной власти Иркутской области и Портал госслужбы являются основными источниками информации, однако их эффективность ненамного превышает другие источники, такие как информационно-правовые системы и личные связи.

Роль ВУЗов и работодателей в доведении информации до потенциальных кандидатов о гражданской службе является недооцененной, что подразумевает развитие сотрудничества с органами государственной власти.

Необходимо провести мероприятия по повышению осведомленности граждан о порядке поступления на гражданскую службу.

Факторы привлекательности гражданской службы в зависимости от уровня образования.

Среди респондентов с высшим образованием ключевыми мотивами выступили:
– гарантированная стабильность и надежность (1033 ответа) – наиболее значимый фактор;
– идея служения Родине и обществу (389 ответов) – вторая по популярности причина;
– возможность профессиональной реализации по специальности (366 ответов).

Дополнительно отмечались такие факторы, как: социальные льготы, уровень заработной платы, перспективы карьерного роста. При этом некоторые респонденты указали на отсутствие интереса к гражданской службе (122 ответа).

Для обладателей среднего специального образования (458 человек) привлекает на гражданской службе приоритеты распределились следующим образом.
1. Стабильность и надежность (198 человек) – основной мотив.
2. Работа по полученной специальности (126 ответов).
3. Служение Родине/обществу (99 респондентов).
4. 35 человек выбрали вариант «другое», указав на полное отсутствие заинтересованности.

Респонденты со средним общим образованием (150 человек) руководствовались схожими критериями.
1. Стабильность (66 человек) – ведущий фактор.
2. Патриотические мотивы (41 ответ).
3. Профессиональная деятельность по специальности (37 человек).
4. 6 опрошенных указали, что их ничто не привлекает в госслужбе.

Таким образом, общие тенденции следующие.
– Стабильность остается ключевым преимуществом для всех категорий, независимо от образования.
– Выпускники ВУЗов чаще акцентируют социальную миссию гражданской службы, тогда как обладатели среднего специального образования и среднего общего образования ориентированы на практические аспекты (специальность, гарантии).
– Доля тех, кого не привлекает госслужба, минимальна, но присутствует во всех группах.

Таким образом, стабильность и надежность являются ключевыми факторами привлекательности гражданской службы для респондентов всех образовательных групп, однако их значимость снижается с понижением уровня образования.

Служение на благо Родины/общества сохраняет определенную ценность для респондентов всех образовательных групп, но ее значимость также снижается с понижением уровня образования.

Желание работать по специальности имеет большее значение для респондентов со средним специальным образованием, что может быть связано с ограниченными возможностями трудоустройства по специальности за пределами гражданской службы.

Непривлекательность гражданской службы для отдельных респондентов с более низким уровнем образования может быть связана с отсутствием информации о возможностях и перспективах, а также наличием альтернативных вариантов трудоустройства.

Среди женщин мнения разделились следующим образом:
– 64,1% (1404 респондента) полагают, что поступить на гражданскую службу сложно из-за высоких требований к кандидатам и многоэтапных проверок;
– 35,9% (788 респондентов), напротив, считают процесс достаточно простым, отмечая чётко прописанный алгоритм приёма, прозрачность публикации вакансий и конкретные сроки подачи документов.

Мужчины дали оценку:
– 54,6% (178 человек) указывают на трудности, связанные с бюрократизированной процедурой отбора, обширным пакетом документов и высокой нагрузкой уже в процессе службы – как профессиональной, так и психологической;

– 45,4% (148 человек) оценивают поступление как лёгкое, аргументируя это наличием открытых вакансий, пониманием порядка трудоустройства и отсутствием личных сложностей при оформлении.

Таким образом, восприятие доступности гражданской службы варьируется, но преобладает мнение о её сложности, особенно среди женщин. Ключевыми барьерами респонденты называют строгие критерии отбора и административные процедуры, тогда как сторонники противоположной точки зрения акцентируют структурированность и предсказуемость процесса.

Какие источники вы используете/наиболее доверяете для получения информации об имеющихся вакансиях или о проведении конкурса на замещение вакантной должности/включение в кадровый резерв и каким наиболее удобно получать информацию? Чаще всего доверяют следующим источникам.

1. Портал госслужба – 769 респондентов (29,4%).
2. Официальный сайт органов государственной власти Иркутской области – 742 респондента (28,3%).
3. Сайт по поиску работу – 418 респондента (16,0%).
4. Официальный сайт Правительства Иркутской области – 391 респондент (14,95%).
5. От знакомых/родственников – 233 респондента (8,9%).
6. Другое – 65 респондентов (не интересуются вакансиями, получают рассылки) (2,5%).

Удобными источниками получения информации о вакансиях в государственных органах власти Иркутской области выделяли следующее.

1. Официальный сайт органов государственной власти Иркутской области – 913 (36,3%).
2. Портал госслужбы – 845 (33,6%).
3. Официальный сайт Правительства Иркутской области – 603 (23,9%).
4. Другое – 157 (не интересуются вакансиями, получают рассылки) (6,2%).

Таким образом, сайты органов государственной власти Иркутской области лидируют по удобству, что может быть связано с локальной релевантностью информации. Портал госслужбы также высоко востребован, но немного уступает региональным сайтам. Сайт Правительства Иркутской области менее удобен, чем узконаправленные ресурсы.

Результаты опроса показали, что 1284 респондента умеют осуществлять поиск вакансий на Портале госслужбы, в то время как 1234 – не умеют (предположительно, из-за отсутствия опыта работы с данным ресурсом).

Владеют навыками поиска вакансий на сайте Правительства Иркутской области 1290 респондентов, 1228 – не владеют. Относительно требований для поступления на гражданскую службу, осведомлены 1623 респондента, 895 – не знают о существующих требованиях. Иными словами, значительная часть респондентов владеет навыками поиска вакансий на ключевых Интернет-ресурсах и знает о требованиях для поступления на гражданскую службу, однако велика доля (около 40%), не владеющих этими знаниями.

Большинство респондентов оценили процесс поиска информации как относительно легкий: 2181 человек присвоили ему средний уровень сложности (3–5 баллов по шкале, где 1 – сложно, 5 – легко).

В том числе, 730 респондентов выбрали оценку – 3,780 респондентов выбрали оценку – 4,671 человек – самый легкий уровень – 5. Меньшинство, в количестве 125 и 212 человек, соответственно, посчитали поиск информации сложным, присвоив ему оценки 1 и 2.

Результаты показывают, что в целом процесс поиска информации скорее оценивается респондентами как легкий, чем сложный, хотя и существует группа людей, испытывающих трудности.

По результатам опроса, большинство респондентов (1523 человека) обладают информацией о перечне документов, необходимых для участия в конкурсе на замещение должностей гражданской службы.

Однако, значительное число опрошенных (995 человек) не владеют этой информацией.

Несмотря на то, что большинство респондентов осведомлены о требуемых документах, значительный процент (около 40%) не имеет представления об этом.

В ходе опроса выяснилось, что 497 респондентов принимали участие в конкурсах на замещение вакантных должностей гражданской службы.

Из них, 253 человека оценили участие как сложное, а 240 – как легкое.

532 респондента участвовали в конкурсах на включение в кадровый резерв государственного органа, при этом, сложно было 283 участникам, легко – 233.

Значительная часть опрошенных (1489 человек) не принимала участия в конкурсах по причинам: обучение в ВУЗе, другая профессия, отсутствие интереса и незнание источников информации.

Участие в конкурсах на гражданской службе (как на замещение вакантных должностей, так и на включение в кадровый резерв) для большинства респондентов связано с определенными трудностями, что отражается в практически равном соотношении ответов «сложно» и «легко». Значительное число респондентов (1489) не принимало участие в конкурсах, что обусловлено различными причинами, включая отсутствие интереса, обучение и незнание источников информации.

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить открытость, полноту и доступность ин-

формации о поступлении на гражданскую службу по 5-балльной шкале (где 1 – сложно, 5 – легко).

Открытость информации:

Оценку 1 поставили 124 респондента, 2–259, 3–722, 4–696, 5–717 человек.

Полнота информации:

Оценку 1 выбрали 123 респондента, 2–250, 3–676, 4–724, 5–745 человек.

Доступность информации:

Оценку 1 присвоили 123 респондента, 2–251, 3–682, 4–710, 5–752 человека.

Результаты показывают, что большинство респондентов оценивают открытость, полноту и доступность информации о поступлении на гражданскую службу на среднем и высоком уровнях (оценки 3, 4 и 5). Однако существует значительная группа респондентов (около 15%), испытывающих трудности с поиском и пониманием информации (оценки 1 и 2). Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования системы информирования граждан о поступлении на гражданскую службу с акцентом на упрощение и адаптацию информации для различных целевых аудиторий.

Таким образом, мотивы поступления на государственную гражданскую службу могут отличаться, но все вместе они формируют портрет государственных гражданских служащих, который влияет на имидж гражданской службы и особенности проявления личных качеств потенциальных сотрудников. К уровням развития мотивации поступления на гражданскую службу можно отнести следующие.

Первый уровень – базовый, направлен на обеспечение базовых потребностей и социальных гарантий.

Второй уровень – социально-конструктивный, направлен на применение своих знаний или диплома на практике, получение дополнительный компетенций для последующего трудоустройства в другой сфере.

Третий уровень – социально-мировоззренческий, направлен на реализацию высших идей служения обществу, на благо социального развития.

Каждый из выделенных уровней формирует свой портрет государственного гражданского служащего. Изучение мотивации потенциальных гражданских служащих может дать понимание того, зачем идут на государственную службу и как можно этих сотрудников мотивировать в будущем, создавая условия для максимального раскрытия личных мотивов.

Литература

1. Абдуллаев А.М. Мотивация государственных служащих и пути ее совершенствования // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 3. № 2 (122). С. 33–38.
2. Ардашев Р.Г. Имидж муниципальных служащих в СМИ (на примере Ангарского городского округа) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 335–343.
3. Ардашев Р.Г. Особенности восприятия имиджа муниципальных служащих // Социология. 2021. № 1. С. 75–92.
4. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
5. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
6. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
7. Баев П.А. Трудовые трансформации в условиях виртуализации общества: вызовы и перспективы // Социология. 2025. № 6. С. 30–34.
8. Баев П.А., Зимина Е.В. Труд в ценностной палитре современной России // Социология. 2024. № 4. С. 83–89.
9. Бирюкова Э.Р. Мотивация государственных служащих и ее связь с результативностью их деятельности // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 103–104.
10. Донников Д.Д., Дурновцева П.В. Мотивация государственных служащих в органах власти субъектов Российской Федерации: современное состояние и пути оптимизации // Актуальные проблемы безопасности в техносфере. 2024. № 2 (14). С. 23–27.
11. Иванов Р.В. Влияние организационной культуры на служебную репутацию государственных служащих // Управление человеческими ресурсами в органах государственного и муниципального управления: технологии, инновации, достижения. Материалы. Иркутский государственный университет, Институт социальных наук. 2018. С. 47–50.
12. Иванов Р.В. Трансформация понятий о профессиональном достоинстве и культуре государственного служащего на современном этапе развития российского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, Научно-

образовательный центр «Социо-Интеграл». 2018. С. 315–319.
13. Литвинов Д.В., Иванов Р.В. Социальная мобильность среднего звена государственных служащих: история без перспективы или перспективы истории? // Вестник Иркутского университета. 2020. № 23. С. 68–69.
14. Максимов А.А. Мотивация государственных служащих как управленческая проблема // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 2. С. 73–91.
15. Максимов А.М., Иванов Р.В. Мобильность и преемственность государственной службы в Российской Федерации // Вестник Иркутского университета. 2020. № 23. С. 73–74.
16. Петрова А.И. Экономическая мотивация труда государственных и муниципальных служащих // Экономика и социум. 2019. № 6 (61). С. 711–713.
17. Полюшкевич О.А. Клиентоцентричный подход в государственном и муниципальном управлении как креативная стратегия развития органов власти // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 254–258.
18. Полюшкевич О.А. Место личной реализации в системе цифровой культуры государственного и муниципального служащего // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией И.А. Журавлевой, О.А. Полюшкевич, В.Ю. Митусова. 2020. С. 169–172.
19. Полюшкевич О.А. Особенности корпоративной культуры государственных служащих // Социология. 2023. № 5. С. 134–140.
20. Полюшкевич О.А., Абдрашитова О.А. Особенности нематериальной мотивация государственных гражданских служащих в Иркутской области // Социология. 2022. № 3. С. 100–108.
21. Сотникова С.И. Мотивация трудовой деятельности государственных гражданских служащих: разнообразие и инклюзивность // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 2. С. 399–418.
22. Стрекалова Н.Д. Профессиональная мотивация как фактор профессионального развития государственных гражданских служащих // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 3 (57). С. 14–21.

MOTIVATION FOR JOINING THE STATE CIVIL SERVICE

Zhuravleva I.A., Volgina U.A., Malikova A.I.
Irkutsk State University

The article examines the issues of motivation for joining the state civil service. Based on a study conducted among residents of the Irkutsk region, on the opinion of citizens about joining the civil service, including employment opportunities/inclusion in the personnel reserve, citizens' awareness of available vacancies/personnel reserve through various sources of information, the main motives were identified and levels of development of motivation for joining the civil service were developed.

Keywords: civil servants, motivation, public opinion, population awareness, education.

References

1. Abdullaev A.M. Motivation of civil servants and ways to improve it // Economy and management: problems, solutions. 2022. Vol. 3. № 2 (122). P. 33–38.
2. Ardashev R.G. Image of municipal employees in the media (on the example of the Angarsk urban district) // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the VII International scientific and practical conference. Irkutsk, 2021. P. 335–343.
3. Ardashev R.G. Features of perception of the image of municipal employees // Sociology. 2021. № 1. P. 75–92.
4. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security and social threats in the minds of young people // Sociology. 2025. № 1. P. 26–30.
5. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security of public development // Sociology. 2025. № 7. P. 6–11.
6. Baev P.A. Life crisis or new opportunities: the impact of socio-economic transformations on young people // Sociology. 2024. № 11. P. 27–31.
7. Baev P.A. Labor transformations in the context of virtualization of society: challenges and prospects // Sociology. 2025. № 6. P. 30–34.
8. Baev P.A., Zimina E.V. Labor in the value palette of modern Russia // Sociology. 2024. № 4. P. 83–89.
9. Biryukova E.R. Motivation of civil servants and its connection with the effectiveness of their activities // Eurasian Law Journal. 2022. № 2 (165). P. 103–104.
10. Donnikov D.D., Durnovtseva P.V. Motivation of civil servants in government bodies of the constituent entities of the Russian Federation: current state and ways of optimization // Actual problems of security in the technosphere. 2024. № 2 (14). P. 23–27.
11. Ivanov R.V. The influence of organizational culture on the official reputation of civil servants // Human Resources Management in State and Municipal Government: Technologies, Innovations, Achievements. Materials. Irkutsk State University, Institute of Social Sciences. 2018. P. 47–50.
12. Ivanov R.V. Transformation of the concepts of professional dignity and culture of a civil servant at the present stage of development of Russian society // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk State University, Institute of Social Sciences, Scientific and Educational Center "Socio-Integral". 2018. Pp. 315–319.
13. Litvinov D.V., Ivanov R.V. Social mobility of middle-level civil servants: history without prospects or prospects of history? // Bulletin of Irkutsk University. 2020. № 23. Pp. 68–69.
14. Maksimov A.A. Motivation of civil servants as a management problem // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2017. Vol. 23. № 2. P. 73–91.
15. Maksimov AM, Ivanov RV Mobility and Continuity of Civil Service in the Russian Federation // Bulletin of Irkutsk University. 2020. № 23. P. 73–74.
16. Petrova AI Economic Motivation for the Labor of Civil and Municipal Employees // Economy and Society. 2019. № 6 (61). P. 711–713.
17. Polyushkevich OA Client-centric Approach in Public and Municipal Administration as a Creative Strategy for the Development of Government Bodies // Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social and Cultural Spaces of the Region.

Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. P. 254–258.
18. Polyushkevich O.A. The place of personal realization in the system of digital culture of a civil servant and municipal employee // Transformation of public and municipal administration in the digitalization paradigm. Proceedings of the International scientific and practical conference. General editors: I.A. Zhuravleva, O.A. Polyushkevich, V. Yu. Mitusov. 2020. Pp. 169–172.
19. Polyushkevich O.A. Features of the corporate culture of civil servants // Sociology. 2023. № 5. Pp. 134–140.
20. Polyushkevich O.A., Abdrashitova O.A. Features of non-material motivation of state civil servants in the Irkutsk region // Sociology. 2022. № 3. Pp. 100–108.
21. Sotnikova S.I. Motivation of labor activity of state civil servants: diversity and inclusiveness // Labor Economics. 2022. Vol. 9. № 2. P. 399–418.
22. Strekalova N.D. Professional motivation as a factor in the professional development of state civil servants // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology. 2023. № 3 (57). P. 14–21.

Этнокультурные особенности миграционных потоков на Дальнем Востоке: сравнительный анализ

Ли Ангелина Владимировна,
аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: angelinali1999@gmail.com

Этнокультурные особенности миграционных потоков на Дальнем Востоке России приобретают особую значимость в контексте демографических вызовов региона и необходимости формирования эффективной интеграционной политики. Трансформация этнического состава мигрантских контингентов и их дифференцированное пространственное распределение требуют комплексного социологического анализа для выработки научно обоснованных управленческих решений. Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа этнокультурных характеристик миграционных потоков на территории Дальневосточного федерального округа, выявлении закономерностей расселения различных этнических групп и оценке их влияния на социокультурную среду региона. Исследование базируется на применении системного подхода к анализу миграционных процессов, включающего статистические методы обработки демографических данных, компаративный анализ этнокультурных характеристик мигрантских сообществ, математическое моделирование пространственного распределения этнических групп. Использованы методы структурно-функционального анализа для изучения адаптационных механизмов и социокультурной интеграции. Научная новизна исследования состоит в разработке комплексной типологии этнокультурных особенностей миграционных потоков, выявлении корреляционных зависимостей между этнической принадлежностью мигрантов и их пространственной локализацией, а также в систематизации факторов, детерминирующих успешность социокультурной адаптации различных этнических групп в условиях дальневосточного региона.

Ключевые слова: этнокультурная миграция, этническая структура, пространственная локализация, социокультурная адаптация, межэтническое взаимодействие, Дальний Восток, демографические процессы, интеграционная политика.

Этнокультурная дифференциация миграционных процессов на территории российского Дальнего Востока представляет собой сложнейший многоаспектный феномен, обусловленный специфической геополитической позицией региона, особенностями его социально-экономического развития и историко-культурными детерминантами. Исследование национально-этнической структуры мигрантских контингентов требует комплексного междисциплинарного подхода, учитывающего не только количественные характеристики перемещений населения, но и качественные трансформации этнокультурного ландшафта принимающих территорий [12, с. 220].

Методологические основания изучения этнокультурных аспектов миграционной динамики базируются на системном анализе демографических процессов, включающем применение математических методов моделирования и статистического анализа [2, с. 120]. Современные исследовательские практики предполагают использование сложных алгоритмических решений для выявления закономерностей территориального распределения мигрантских групп различной этнической принадлежности [4, с. 40]. Построение баланса территориального движения населения позволяет осуществлять точную оценку миграционных потоков с учетом этнокультурной специфики [7, с. 75].

Количественная оценка этнической структуры миграционных потоков в дальневосточном макрорегионе выявляет существенные диспропорции в представленности различных национальных групп. Доминирующими этническими сообществами среди прибывающих мигрантов традиционно выступают представители центральноазиатских республик, что обусловлено историческими связями с территориями бывшего Советского Союза и экономическими факторами трудовой мобильности [3, с. 75]. Анализ результатов Всероссийской переписи населения демонстрирует трансформационные тенденции в этническом составе миграционных контингентов, характеризующиеся увеличением представленности определенных национальных групп и снижением доли других [1, с. 12].

Детальный анализ этнической структуры миграционных потоков на территории Дальневосточного федерального округа за период 2020–2024 годов выявляет существенную неоднородность национального состава прибывающих мигрантов. Систематизация статистических данных

позволяет идентифицировать доминирующие этнические группы, их территориальные предпочтения и демографические характеристики [12, с. 225]. Пространственное распределение мигрантов различной этнической принадлежности демонстрирует селективный характер расселения, обусловленный экономическими факторами, историческими связями и наличием этнических сетей поддержки [13, с. 70]. Гендерная и возрастная дифференциация миграционных контингентов отражает специфику трудовой мобильности и семейно-брачных стратегий различных этнических сообществ, табл. 1.

Таблица 1. Этническая структура миграционных потоков на Дальнем Востоке России (2020–2024)

Этническая группа	Доля в общем потоке (%)	Основные регионы концентрации	Преобладающая возрастная группа	Гендерное распределение (М/Ж)
Узбеки	28,5	Приморский край, Хабаровский край	25–35 лет	65/35
Таджики	24,2	Хабаровский край, Амурская область	20–30 лет	70/30
Киргизы	18,7	Сахалинская область, Приморский край	22–32 лет	62/38
Китайцы	12,3	Приморский край, Еврейская АО	30–45 лет	55/45
Казахи	8,1	Республика Саха (Якутия), Магаданская область	25–40 лет	58/42
Армяне	4,8	Приморский край, Хабаровский край	35–50 лет	60/40
Азербайджанцы	3,4	Хабаровский край, Камчатский край	28–42 лет	68/32

Источник: составлено автором на основе данных: [1, с. 15; 12, с. 225; 13, с. 72].

Представленные данные демонстрируют неравномерность этнической структуры миграционных потоков, что обусловливает необходимость дифференцированного подхода к интеграционной политике [12, с. 230].

Пространственная дислокация этнических мигрантских сообществ характеризуется выраженной дифференциацией по административно-территориальным единицам Дальневосточного федерального округа. Концентрация представителей определенных национальностей в конкретных муниципальных образованиях формирует специфические этнокультурные анклавы, влияющие на социокультурную динамику принимающих сообществ [13, с. 70]. Методический инструментарий оценки влияния пространственной локализации на миграционные процессы позволяет выявлять закономерности расселения этнических групп [9, с. 45].

Возрастная структура этнических мигрантских контингентов демонстрирует преобладание экономически активного населения в возрастных когортах от 20 до 44 лет, что соответствует закономерностям трудовой миграции и обусловливает специфику интеграционных процессов в принимающем социуме [12, с. 235]. Динамика и возрастная структура миграционных потоков дальневосточных регионов свидетельствует о селективном характере этнической миграции, при котором различные национальные группы демонстрируют специфические возрастные профили мобильности. Гендерная дифференциация миграционных потоков также обнаруживает существенные различия между представителями различных этнических групп, что детерминирует особенности адаптационных стратегий и социокультурных практик.

Трансформация этнокультурной среды дальневосточных территорий под воздействием миграционных процессов проявляется в формировании полиэтнических социальных пространств, характеризующихся сложным переплетением традиционных и инновационных культурных элементов [5, с. 25]. Данные изменения оказывают многоплановое воздействие на социальную структуру местных сообществ, модифицируя устоявшиеся модели межэтнического взаимодействия. Типология регионов по динамике миграционной привлекательности выявляет дифференцированную способность различных территорий Дальнего Востока аккумулировать мигрантские потоки определенной этнической принадлежности.

Экономические аспекты этнокультурной миграции на Дальнем Востоке тесно связаны с отраслевой специализацией региона и потребностями рынка труда в определенных категориях работников [6, с. 16]. Этническая сегментация трудовых ресурсов приводит к формированию специализированных ниш занятости, где доминируют представители конкретных национальных групп. Подобная профессиональная стратифика-

ция по этническому признаку создает предпосылки для возникновения социально-экономических диспропорций и может способствовать эскалации межгрупповых напряжений. Роль мигрантов в социально-экономическом развитии российских регионов обусловливает необходимость комплексного анализа их вклада в экономический рост [15, с. 14].

Социокультурная адаптация этнических мигрантов в дальневосточном контексте осуществляется через сложную систему институциональных и неформальных механизмов интеграции. Образовательные учреждения, религиозные организации, этнокультурные центры и неправительственные организации выступают в качестве основных агентов социализации, обеспечивающих включение мигрантских сообществ в социальную ткань принимающего общества. Оценка интенсивности и направлений движения населения в регионах позволяет выявлять наиболее эффективные модели интеграции этнических мигрантов [11, с. 330].

Лингвистические аспекты этнокультурной интеграции представляют особую сложность в условиях языкового многообразия миграционных контингентов. Степень владения русским языком существенно варьируется между представителями различных этнических групп, что создает дифференцированные возможности для социально-экономической мобильности и культурной адаптации [14, с. 55]. Образовательная миграция в регионах России демонстрирует специфические закономерности языковой адаптации различных этнических групп.

Социокультурные параметры этнических мигрантских сообществ на Дальнем Востоке характеризуются значительной вариативностью, определяющей дифференцированные траектории адаптационных процессов. Компаративный анализ лингвистической компетентности, конфессиональной принадлежности и профессиональной специализации представителей различных этнических групп позволяет выявить ключевые факторы успешности интеграции в принимающее общество [3, с. 80]. Особое значение приобретает анализ типов расселения мигрантских сообществ, поскольку анклавная организация этнических групп может препятствовать культурной ассимиляции и способствовать консервации традиционных социальных практик [14, с. 58]. Степень культурной дистанции между мигрантскими сообществами и автохтонным населением выступает критическим параметром, определяющим интенсивность межэтнического взаимодействия и потенциал социокультурной интеграции, табл. 2.

Таблица 2. Социокультурные характеристики этнических мигрантских сообществ

Этническая группа	Уровень владения русским языком (балл 1–5)	Религиозная принадлежность (%)	Профессиональная специализация	Тип расселения	Степень культурной дистанции
Узбеки	3,2	Ислам (85%), Светские (15%)	Строительство, торговля	Анклавный	Средняя
Таджики	2,8	Ислам (92%), Светские (8%)	Строительство, сельское хозяйство	Анклавный	Высокая
Киргизы	3,5	Ислам (78%), Светские (22%)	Транспорт, услуги	Смешанный	Средняя
Китайцы	2,1	Буддизм (45%), Светские (55%)	Торговля, производство	Анклавный	Высокая
Казахи	4,1	Ислам (65%), Светские (35%)	Животноводство, торговля	Дисперсный	Низкая
Армяне	4,3	Христианство (88%), Светские (12%)	Предпринимательство, услуги	Смешанный	Низкая
Азербайджанцы	3,7	Ислам (82%), Светские (18%)	Торговля, транспорт	Анклавный	Средняя

Источник: составлено автором на основе данных: [3, с. 80; 14, с. 58; 15, с. 15].

Социокультурные характеристики этнических сообществ определяют специфику адаптационных стратегий и требуют учета при разработке программ социокультурной интеграции [3, с. 85].

Религиозная дифференциация мигрантских сообществ добавляет дополнительное измерение к этнокультурной сложности дальневосточного региона. Присутствие представителей различных конфессиональных традиций требует выработки толерантных подходов к религиозному плюрализму и создания условий для свободного отправления религиозных практик без нарушения светского характера государственного управления. Межрегиональная миграция на Дальнем Востоке России обнаруживает корреляцию с религиозной принадлежностью мигрантов [13, с. 75].

Демографические последствия этнокультурной миграции для Дальнего Востока носят противоречивый характер. С одной стороны, приток молодого трудоспособного населения способствует компенсации естественной убыли и старения автохтонного населения [1, с. 12]. С другой стороны, изменение этнического состава населения может приводить к трансформации традиционной культурной идентичности региона и возникновению идентификационных конфликтов. Демографические проблемы на Дальнем Востоке в условиях частичной мобилизации актуализируют вопросы этнокультурной миграции как компенсаторного механизма [6, с. 18].

Образовательная миграция как специфическая форма этнокультурного перемещения населения играет важную роль в формировании интеллектуального потенциала дальневосточных территорий [14, с. 60]. Привлечение студентов из различных этнических сообществ способствует интернационализации образовательного пространства, однако одновременно создает вызовы для адаптации образовательных программ к потребностям поликультурной аудитории. Статистический подход к анализу образовательной миграции выявляет дифференцированные паттерны мобильности представителей различных национальностей.

Инфраструктурные аспекты размещения этнических мигрантов определяют пространственную конфигурацию межкультурного взаимодействия на дальневосточных территориях. Концентрация мигрантских сообществ в определенных жилых районах может приводить к формированию этнических анклавов, характеризующихся ограниченными контактами с принимающим населением и консервацией традиционных культурных практик [9, с. 48]. Моделирование регистрируемых миграционных потоков между регионами позволяет прогнозировать пространственную дислокацию этнических групп [4, с. 50].

Социально-психологические аспекты этнокультурной адаптации мигрантов включают комплекс процессов идентификации, аккультурации и психологического приспособления к новой социокультурной среде. Успешность данных процессов зависит от множества факторов, включая индивидуальные характеристики мигрантов, особенности принимающего сообщества и эффективность институциональной поддержки интеграционных процессов. Обретение «дома» в процессе дифференциации внутри миграционного потока выступает ключевым фактором формирования идентичности мигрантов из Центральной Азии [3, с. 85].

Межгенерационная передача этнокультурных традиций в мигрантских семьях представляет собой сложный процесс балансирования между сохранением исходной культурной идентичности и адаптацией к доминирующим культурным нормам принимающего общества. Дети мигрантов часто выступают в качестве культурных медиаторов, осуществляющих трансляцию между различными культурными системами и способствующих формированию гибридных идентичностей. Возрастные особенности межрегиональной миграции на Дальнем Востоке России отражают специфику межгенерационной динамики [13, с. 80].

Политико-правовые аспекты регулирования этнокультурной миграции на Дальнем Востоке требуют выработки сбалансированных подходов, учитывающих потребности экономического развития региона, демографические вызовы и необходимость поддержания социальной стабильности [7, с. 80]. Миграционная политика должна обеспечивать селективный отбор мигрантов, способствующий привлечению квалифицированных специалистов и предпринимателей, одновременно предотвращая неконтролируемую миграцию, способную дестабилизировать социальную ситуацию.

Экологические аспекты миграционного воздействия связаны с изменением антропогенной нагрузки на природные экосистемы дальневосточного региона. Концентрация населения в определенных территориальных зонах может приводить к деградации окружающей среды и истощению природных ресурсов, что требует учета экологических факторов при планировании миграционной политики [10, с. 25]. Сравнительный анализ подходов к моделированию миграции должен включать экологические переменные.

Информационно-коммуникационные технологии играют возрастающую роль в поддержании связей между мигрантскими сообществами и странами происхождения, что способствует формированию транснациональных этнокультурных сетей [11, с. 335]. Данные сети обеспечивают циркуляцию культурных смыслов, экономических ресурсов и социального капитала между различными географическими локациями, создавая новые формы культурной гибридности. Численные методы анализа позволяют моделировать динамику транснациональных связей [2, с. 400].

Гендерные аспекты этнокультурной миграции обнаруживают специфические особенности, связанные с различиями в мотивации миграционного поведения, стратегиях адаптации и степени включенности в принимающее общество между мужчинами и женщинами различных этнических групп. Женщины-мигрантки часто сталкиваются с дополнительными барьерами интеграции, обусловленными традиционными гендерными ролями и ограничениями мобильности [3, с. 90].

Культурно-творческий потенциал этнических мигрантских сообществ представляет важный ресурс для развития культурной индустрии дальневосточного региона. Многообразие художественных традиций, ремесленных практик и гастрономических культур создает предпосылки для формирования уникального культурного продукта,

способного стать фактором туристической привлекательности территории [5, с. 28].

Семейно-брачные стратегии этнических мигрантов на Дальнем Востоке демонстрируют сложную динамику между эндогамными предпочтениями и межэтническими союзами. Статистический анализ брачных паттернов выявляет дифференцированные стратегии матримониального поведения среди различных этнических групп [8, с. 150]. Линейная алгебра как инструментарий демографического анализа позволяет моделировать брачно-семейные процессы в мигрантских сообществах.

Конфессиональная структура этнических мигрантских групп на Дальнем Востоке отражает религиозное многообразие стран происхождения и создает специфические вызовы для межконфессионального диалога. Православие, ислам, буддизм и другие религиозные традиции формируют сложную мозаику духовных практик, требующую выработки толерантных подходов к религиозному плюрализму [14, с. 65].

Профессиональная мобильность этнических мигрантов характеризуется выраженной сегментацией по отраслевому и квалификационному критериям. Представители различных этнических групп демонстрируют специфические паттерны профессиональной специализации, что обусловлено как культурными традициями, так и структурными ограничениями рынка труда [15, с. 16].

Социальный капитал этнических сообществ мигрантов выступает важным ресурсом для адаптации и интеграции в принимающем обществе. Этнические сети взаимопомощи и поддержки обеспечивают информационные, материальные и символические ресурсы для успешной адаптации новоприбывших мигрантов [11, с. 338].

Культурная дистанция между этническими группами мигрантов и принимающим населением Дальнего Востока варьируется в зависимости от историко-культурных связей, языкового родства и религиозной близости. Минимизация культурной дистанции способствует более успешной интеграции мигрантов в местное сообщество [12, с. 240].

Перспективы развития этнокультурной ситуации на Дальнем Востоке в контексте миграционных процессов определяются комплексом внутренних и внешних факторов, включающих геополитическую динамику, экономические тенденции и социокультурные трансформации в странах-донорах миграции. Прогнозирование данных процессов требует применения сложных математических моделей, учитывающих множественность переменных и нелинейность взаимосвязей [8, с. 200].

Таким образом, этнокультурные особенности миграционных потоков на Дальнем Востоке представляют собой многомерный феномен, требующий комплексного междисциплинарного анализа и выработки дифференцированных подходов к управлению. Успешность интеграционных процессов зависит от способности региональных властей и местных сообществ создать условия для гармоничного сосуществования различных этнокультурных групп при сохранении социальной стабильности и культурного многообразия.

Литература

1. Андреев, Е.М., Чурилова, Е.В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет / Е.М. Андреев, Е.В. Чурилова // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 4–20.
2. Бахвалов, Н.С., Жидков, Н.П., Кобельков, Г.М. Численные методы / Н.С. Бахвалов, Н.П. Жидков, Г.М. Кобельков. – 3-е изд. – М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2004. – 636 с.
3. Бляхер, Л.Е., Леонтьева, Э.О. Обретение «дома»? Дифференциация внутри миграционного потока как фактор, определяющий формирование идентичности мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России / Л.Е. Бляхер, Э.О. Леонтьева // Мир России. Социология. Этнология. – 2023. – Т. 32. – № 4. – С. 71–95.
4. Вакуленко, Е.С., Мкртчян, Н.В., Фурманов, К.К. Моделирование регистрируемых миграционных потоков между регионами Российской Федерации / Е.С. Вакуленко, Н.В. Мкртчян, К.К. Фурманов // Прикладная эконометрика. – 2011. – № 1 (21). – С. 35–55.
5. Василенко, П.В. Типология регионов России по динамике миграционной привлекательности / П.В. Василенко // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2015. – № 6. – С. 21–31.
6. Городнов, А.В. Оценка принимаемых мер по демографическим проблемам на Дальнем востоке в условиях частичной мобилизации / А.В. Городнов // Экономическая безопасность. – 2023. – № 4. – С. 14–19.
7. Единак, Е.А., Коровкин, А.Г. Построение баланса территориального движения занятого населения (на примере федеральных округов РФ) / Е.А. Единак, А.Г. Коровкин // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 3 (144). – С. 72–85.
8. Ильин, В.А., Позняк, Э.Г. Линейная алгебра / В.А. Ильин, Э.Г. Позняк. – М.: Физматлит, 2004. – 280 с.
9. Козлова, О.А., Макарова, М.Н., Третьяк, А.Н. Методический инструментарий оценки влияния пространственной локализации на миграционные процессы в регионе / О.А. Козлова, М.Н. Макарова, А.Н. Третьяк // Современ-

ные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5.
10. Корепина, Т.А. Сравнительный анализ подходов к моделированию миграции / Т.А. Корепина // Вопросы территориального развития. – 2017. – № 1 (36).
11. Коровкин, А.Г., Синица, А.Л. Оценка интенсивности и направлений движения населения в регионах российской Арктики в 1991–2015 годах / А.Г. Коровкин, А.Л. Синица // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2019. – № 17. – С. 323–340.
12. Кулаков, М.П., Мищук, С.Н. Динамика и возрастная структура миграционных потоков регионов Дальнего Востока / М.П. Кулаков, С.Н. Мищук // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – Т. 18. – № 1. – С. 220–242.
13. Курьян, С.П. Межрегиональная миграция на Дальнем Востоке России: возрастные особенности / С.П. Курьян // Регионалистика. – 2024. – Т. 11. – № 6. – С. 64–88.
14. Питухин, Е.А. и др. Образовательная миграция в регионах России: статистический подход / Е.А. Питухин и др. // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32. – № 8–9. – С. 48–69.
15. Карасева, Д.Н., Попов, Д.А. Выявление роли мигрантов в социально-экономическом развитии России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023 Том 13 № 7А. С. 11–18. DOI: 10.34670/AR.2023.31.76.001

ETHNOCULTURAL FEATURES OF MIGRATION FLOWS IN THE FAR EAST: COMPARATIVE ANALYSIS

Lee A.V.
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The ethnocultural characteristics of migration flows in the Russian Far East acquire particular significance in the context of the region's demographic challenges and the need to form an effective integration policy. The transformation of the ethnic composition of migrant contingents and their differentiated spatial distribution require comprehensive sociological analysis to develop scientifically grounded management decisions. The research objective is to conduct a comparative analysis of ethnocultural characteristics of migration flows in the Far Eastern Federal District, identify patterns of settlement of various ethnic groups, and assess their impact on the sociocultural environment of the region. The study is based on the application of a systematic approach to migration process analysis, including statistical methods for processing demographic data, comparative analysis of ethnocultural characteristics of migrant communities, and mathematical modeling of spatial distribution of ethnic groups. Structural-functional analysis methods were used to study adaptation mechanisms and sociocultural integration. The scientific novelty of the research consists in developing a comprehensive typology of ethnocultural features of migration flows, identifying correlational dependencies between migrants' ethnic affiliation and their spatial localization, and systematizing factors determining the success of sociocultural adaptation of various ethnic groups in the Far Eastern region.

Keywords: ethnocultural migration, ethnic structure, spatial localization, sociocultural adaptation, interethnic interaction, Far East, demographic processes, integration policy.

References

1. Andreev, E.M., Churilova, E.V. (2023). Results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of current population statistics and previous censuses. Demographic Review, 10(3), 4–20.
2. Bakhvalov, N.S., Zhidkov, N.P., Kobelkov, G.M. (2004). Numerical Methods. 3rd ed. Moscow: BINOM, Laboratory of Knowledge, 636 p.
3. Blyakher, L.E., Leontyeva, E.O. (2023). Finding "home"? Differentiation within migration flow as a factor determining identity formation of migrants from Central Asia in the Russian Far East. World of Russia. Sociology. Ethnology, 32(4), 71–95.
4. Vakulenko, E.S., Mkrtchyan, N.V., Furmanov, K.K. (2011). Modeling registered migration flows between regions of the Russian Federation. Applied Econometrics, 1(21), 35–55.
5. Vasilenko, P.V. (2015). Typology of Russian regions by migration attractiveness dynamics. Bulletin of Pskov State University. Series: Natural and Physical-Mathematical Sciences, 6, 21–31.
6. Gorodnov, A.V. (2023). Assessment of measures taken on demographic problems in the Far East under partial mobilization conditions. Economic Security, 4, 14–19.
7. Edinak, E.A., Korovkin, A.G. (2014). Construction of territorial movement balance of employed population (case study of federal districts of RF). Problems of Forecasting, 3(144), 72–85.
8. Ilyin, V.A., Poznyak, E.G. (2004). Linear Algebra. Moscow: Fizmatlit, 280 p.
9. Kozlova, O.A., Makarova, M.N., Tretyak, A.N. (2014). Methodological tools for assessing spatial localization impact on migration processes in the region. Modern Problems of Science and Education, 5.
10. Korepina, T.A. (2017). Comparative analysis of approaches to migration modeling. Issues of Territorial Development, 1(36).
11. Korovkin, A.G., Sinitsa, A.L. (2019). Assessment of intensity and directions of population movement in Russian Arctic regions in 1991–2015. Scientific Works: Institute of Economic Forecasting RAS, 17, 323–340.
12. Kulakov, M.P., Mishchuk, S.N. (2025). Dynamics and age structure of migration flows of Far Eastern regions. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 18(1), 220–242.
13. Kuryan, S.P. (2024). Interregional migration in the Russian Far East: age characteristics. Regionalistics, 11(6), 64–88.
14. Pitukhin, E.A. et al. (2023). Educational migration in Russian regions: statistical approach. Higher Education in Russia, 32(8–9), 48–69.
15. Karaseva, D.N., Popov, D.A. (2023). Identifying the role of migrants in socio-economic development of Russia. Economics: Yesterday, Today, Tomorrow, 13(7A), 11–18.

Солипсизм как форма воспроизведения в сознании человека конфликтных ситуаций и их преодоление в общественных практиках

Потемкин Валерий Константинович,
доктор экономических наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и управления персоналом, Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: dept.ksocupr@unecon.ru

Развитие общественных отношений в современной России характеризуется формированием гражданского общества, развитием человеческого потенциала, ориентацией на инновации, информационные и цифровые технологии, углубленное познание человеческого потенциала и свойств личности, способствующих социально-экономическим трансформациям, придающим человеку достоинство и обеспечивающим его благополучие. Однако из общей парадигмы остается недостаточно исследованными сущностные характеристики солипсизма, явления в общественных практиках, которое сдерживает механизм включения человека в процессы созидательной деятельности и преодоления различного рода конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: солипсизм, человек, сознание, общество, социальная среда, конфликт, интересы, жизнедеятельность, жизнеспособность, жизнеобеспечение, знание, творчество, социальное управление, профессия, развитие, личность, социальная активность.

В практике управления трудовыми коллективами предприятий и организаций исследователи обращают внимание на самые различные конфликтные ситуации в развитии социально-трудовых отношений. М.В. Гнеднёва и Н.И. Леонов в конфликтных ситуациях выделяют как объективные, так и субъективные начала, обусловленные личностными характеристиками акторов взаимодействия в процессе выполнения различных видов работ [5; 13]. Данный тип конфликтных ситуаций, как правило, является: ситуационным и зависит от внутреннего напряжения человека в процессе взаимодействия с другими участниками социально-трудовых отношений; эмоционально-реагирующим на поведение участников выполнения определенных видов работ, которые либо подавляют желание и инициативы индивида, либо являются чрезмерно настойчивыми для изменения позиции человека в его включенности как в организацию, так и управление процессом труда; психозащитным как ограничивающим отстаивание интересов работника, либо связанным с социально-психологической и правовой защитой индивида при выполнении различных видов работ на предприятии. Такого рода конфликтные ситуации в своем большинстве возникают из-за недопонимания взаимных обязательств «руководитель-подчиненный» при осуществлении профессиональных контактов [22]. Заметим, что по определению Д.В. Вельмисовой причиной подобных конфликтных ситуаций могут стать и различия в понимании ценностно-мотивационных смыслов при осуществлении коллективной деятельности на предприятии [4, с. 210]. Подобное утверждение наиболее ярко демонстрируется в диспозиционной концепции В.А. Ядова, в которой и целесообразная деятельность человека, и мотивы его поведения в достижении поставленных результатов зависят от потребностей, ценностных ориентаций и психических установок [27]. Как следствие, ценностно-мотивационные смыслы деятельности человека в общественных и производственных практиках определяют его отношение к окружающей действительности, социально-профессиональной среде, формируют принципы поведения в структуре коллективной деятельности и определяют возможности включения в различные виды конфликтов. При этом необходимо заметить, что чем больше работников вовлечены в конфликтные ситуации без принятия комплекс-

ных мер по их преодолению, тем острее и продолжительнее они становятся и обретают новые черты социальной напряженности и нарастания противоречий в решении общественно значимых задач [10]. В.Ю. Бочаров, исследуя причины социальной напряженности, отмечал, что они являются основанием для усиления противоречий в социально-трудовых отношениях, например, из-за: снижения уровня заработной платы – 67,3%; ухудшения условий труда – 38,3%; задержки выплат заработной платы – 32,4%; незаконного отсутствия доплат, компенсаций за вредные условия труда – 24,2%; незаконного увольнения работников предприятия – 21,5%, незаконного осуществления сверхурочных работ – 14,1% [2]. Длительное невнимание к процессам разрешения конфликтов на предприятиях приводит, как правило, к эскалации конфликтов, которые могут стать и субъективными: аномалия, деформация, социальная болезнь [17], которые становятся неосознаваемыми побудителями сознательных действий работников, то есть ограничениями реальности происходящего в социально-трудовых отношениях на предприятии собственным восприятием человека. В.Ю. Артемов этот процесс назвал «доверие чувствам» [1], в результате чего чувства являются в этом случае не просто единственным источником познания, но единственной неоспоримой достоверностью в восприятии социальной и производственной среды человека. Р. Бейлз, один из исследователей социальной напряженности во взаимоотношениях между людьми, полагает, что метод наблюдения позволяет установить область позитивных эмоций, сферу негативных эмоций, возможности разрешения негативного эмоционального настроя в межличностных и межгрупповых взаимодействиях людей, а также состав программных действий, обеспечивающих эмоциональную устойчивость [18].

Процесс наблюдения за развитием социальной напряженности во взаимоотношениях между людьми сосредотачивается на таких формах как: физическая агрессия, когда происходят вненормативные контакты с использованием физического воздействия; раздражение как форма готовности к проявлению чувственного восприятия социальных действий в виде грубости, вспыльчивости и оговора; обида, которая может быть выражена в виде ненависти, зависти и т.п. как результат поверхностного восприятия поведения и социальных установок, например, участников совместной деятельности; вербальная агрессия, признаками которой становятся формы девиантного поведения. Социальный конфликт в виде повышенной напряженности между участниками социально-трудовых отношений обладает явными и неявными социальными функциями: установление направленности конфликтной ситуации, определение инструментов ее преодоления и ограничения социальных действий без оценки результатов воздействия на сложившуюся конфликтную среду. Социальные функции конфликтов в условиях их определенности могут стать важным стимулом социальных изменений в социально-производственной сфере, раскрывающей процессы жизнедеятельности, жизнеспособности и жизнеобеспеченности работников независимо от их профессионально-квалификационного и статусного положения. Пожалуй, исключением могут стать нереалистические конфликтные ситуации, которые воплощают в себе накопившиеся отрицательные эмоции, обиды, враждебные отношения ко всему происходящему в сфере общественных отношений без предметно-конкретного их восприятия: ценовая и налоговая политика, уровень благосостояния, уровень жизнеобеспечения, которые определяют социальное самочувствие, социальную адаптацию к общественным трансформации и т.п. Трудно представить, что нереалистические конфликты могут стать системным взаимодействием людей, основанным на взаимном информационном обмене, эмоциональном равновесии, ценностно-смысловом восприятии окружающей социальной действительности и общественных практик. Л. Козер отмечал, что нереалистический конфликт без конкретизации мер по его разрешению в сфере коллективной деятельности может стать враждебным, приводящим к полному разрыву социально-трудовых отношений [7]. Нереалистический конфликт воспроизводит в окружении человека социальную реальность, предметы, социальные действия и условия их распознавания посредством фиксации человеком комплекса ощущений или по Д. Локку «человеческого разумения», признаками которых являются вопросы общественного бытия, умножающие споры, которые не приводят ни к какому явному решению, а только поддерживают и увеличивают их сомнения, и в конце концов утверждают их в абсолютном скептицизме [36]. Беспредметный нереалистический конфликт не позволяет увидеть или потрогать какую-нибудь вещь, не позволяет ее действительно ощутить и, как следствие, ощущения, его воспроизводящие, носят абстрактный характер. По Д. Беркли, абстрактные идеи являются иллюзией, выводящий человека за пределы реальных общественных отношений [33]. Подобное понимание или интерпретация конфликтных ситуаций трактуется как солипсизм (от лат. Solus – единственный и ipse – сам) – крайняя форма субъективного идеализма, в котором несомненной реальностью признается только мыслящий субъект, а все остальное объявляется существующим лишь в сознании индивида [31]. Солипсизм как явление в социологической теории объясняет возникновение в процессе участия индивида в общественных практиках воспринимающего сознания («Я») и всё, что воздействует на данное восприятие, например, про-

цессы развития мышления и чувствования в различных ситуациях взаимодействия с социальной средой или фиксированными группами, участниками социальных взаимодействий. Совершенно очевидно, что для солипсиста мир ограничен тем, что он воспринимает как некую действительность, фиксирующую в сознании и оцениваемую как абсолютную истину.

В интерпретации Руперта Спайра среди характеристик солипсиста преобладают: мир своими глазами, мир внутри моей головы, никого другого просто не существует, реален лишь я [28]. Подобные характеристики солипсиста в общественных практиках становятся одной из основных причин смысловой рассогласованности с общественным мнением, структурой и составом социальных действий, направленных на решение общественно значимых задач.

По сути, здесь имеют место рассогласование интересов индивида и общества. Заметим, что по О. Конту общество представляет собой достаточно сложное образование, в котором обозначается и род, и племя, и город, и континентальные и государственные объединения людей [12].

Интересы человека и, тем более, в обществе потребления, всегда соотносятся с условиями жизни, уровнем благосостояния, развитой сферой занятости, социальной рекламы и наличием системы информационного обеспечения общественной жизни. Не утрачивает свои позиции и система государственного устройства, которая призвана обеспечивать жизнедеятельность, жизнеспособность и жизнеобеспечение людей. Однако, развитие солипсизма в общественных отношениях чаще приводит к тому, что в значительной массе людей растет иждивенчество, отсутствует переход от простого к более сложному труду, развивается апатия к различного рода нововведениям в производственных и общественных практиках, формируется в сознании «отвлеченный взгляд» от развития общественных и экономических трансформаций. Следует заметить, что общество состоит не из отдельных индивидов, а из различных систем его обеспечения: политических, экономических, производственных, социальных, информационных и т.п., но не из отдельных его представителей. И в этом контексте по О. Конту «…человек в собственном смысле не существует, существовать может только человечество, так как всем нашим развитием, в каком бы отношении его не рассматривать, мы обязаны обществу» [11]. Рассогласованность поведения и социальных действий солипсиста с определяющими государство общественными практиками проявляются в своеобразной матрице взаимоотношений, где преобладает стремление освободиться от всяких ограничений, опеки, социального порядка, соблюдения общественных норм; формируется интрапунктивность, повышенная потребность в уважении и самоуважении своих личностных качеств; возрастают потребности достижений в труде и стимулировании при снижении затрат физических, энергетических и эмоциональных; развивается эгоизм, состоящий в стремлении ставить личные интересы выше общественных, усиливается потребность оправдания снижения личного участия в решении общественно значимых задач, ослаблен критический анализ своих действий в труде и общественной жизни.

В случае, когда индивид сознательно или бессознательно действует с позиции солипсизма и не оценивает критически свое восприятие социальной действительности, принимает зафиксированные в сознании собственные практики поведения и социальные действия как единственно верные и не требующие осознания собственного несовершенства как субъекта общественных отношений, тогда систематизированное объединение людей, преследующих достижение определенных целей общественного развития и их социальная организация и социальный порядок, поддерживаемые государством, становятся «турбулентным полем» [35], в котором нарушается социальная реальность, представляются «ансамбли невидимых связей», которые формируют пространство позиций внешних по отношению друг к другу и, вместе с тем определяемых одна через другую, а также по их взаимной близости и отдаленности, по соотносительному расположению на вертикали: сверху или снизу, посередине, выше или ниже [3]. Признак турбулентности социального поля по своей сути означает, что социальная ткань взаимодействия различных акторов общественных отношений подвержена риску разрушения, что проявляется в разнонаправленности ценностей и интересов, степени участия в решении общественно значимых задач, в росте напряженности и конфликтности в достижении поставленных целей. Только конфликт, по мнению Г. Зиммеля, является индикатором рассогласованности интересов, потребностей, желаний и осознанности индивидом своего участия в общественных делах [41]. Конфликт одновременно является специфическим социальным полем, в котором происходит борьба за ценности и права на обладание статусом, мощью и ресурсами, в которой цели различных акторов взаимодействия состоят в нейтрализации друг друга, нанесении ущерба или устранении друг друга [34]. Ограничение реальности собственным восприятием человека, признаком которого является солипсизм, приводит к тому, что он не пытается понять степень вовлеченности в конфликтные ситуации и становится их непосредственным слабо фиксируемым участником. В этих случаях сложно определить состояние человека (пассивность, усталость, активность, созерцательность, внутреннее противостояние и агрессия), характер и тип личности, степень самооценки, подвер-

женности внушению и патологические изменения в поведении. Особенно важно обращение к солипсизму в системе общественных отношений в связи с тем, что социально-экономическое развитие ведущих стран мира приобретает «интеллектуальный» характер, в котором не приветствуется отстраненный взгляд, столь присущий солипсистам. Но этот взгляд не является общепринятым. Так Э. Тоффлер полагает, что в результате развития постиндустриального общества все большее число людей будет работать «для себя», а не «для других», и одним из его последствий станет снятие с повестки дня социального конфликта [30]. Его позиция подкрепляется тем, что изменение условий жизни может привести к формированию новой социальной личности, для которой все более привлекательна автономия, адаптация к нововведениям и развитие способностей к принятию управленческих и индивидуальных, независимых от других людей, решений. Этому способствует и формирование информационного общества, создание информационной сети, позволяющее осуществлять обмен информацией различного назначения между значительными группами людей, зачастую не привязанными к какой-либо стране, отрасли, предприятию. Поведенческий контекст развития общественных отношений связан, по мнению К.Г. Юнга, с формированием модели «одномерной личности» и, как следствие, солипсизм стал рассматриваться не как патология, а как естественный и необходимый результат эволюции социума, форма жизнедеятельности. И в этом случае солипсизм как бы становится следствием общественной оценки «норма – отклонение от нормы» [32].

Заметим, что ранее С.А. Оранским был описан процесс жизненного целеполагания, и отмечалась возможность столкновения частных целей, интересов, действий людей, и, как следствие, возникновение непредсказуемых и не ожидаемых результатов общественного развития [16].

Трехмерность современного социального пространства при изучении процессов трансформации общественных отношений фиксировали Т.И. Заславская и В.А. Ядов [9]. Она конструируется на уровне эффективности систем социальных институтов, их целевой ориентации на конструктивное решение общественно значимых задач и создание возможностей реализации потенциала как отдельных индивидов, так и групп в этом контексте; уровень человеческого потенциала общества как микросубъектов и макрофакторов; динамизм формирования социально-трудовой структуры, а также ее легитимность, которые оказывают влияние на степень реализации потенциала, его результативность, возможности его развития. Из этого следует необходимость более детально исследовать возникающие социальные отклонения в поведении, такие как антисоциальность, конформизм, геноцидность, стремление отстраниться от процессов общественного развития, нарциссизм, суицидальность и др., которые могут быть как отвергаемыми, так и разделяемыми.

В преодолении солипсизма в современных общественных практиках значительное внимание отводится процессам формирования новых знаний. Такие группы знаний как ситуативные, развивающие, скрытые, абстрактные, материальные – предопределяют развитие сферы интеллектуального труда, технико-технологическое развитие предприятий и организаций. технологичность производственных и организационных процессов. С. Трасслер [39], С. Макленберг [37] обращали внимание на конкурентные преимущества предприятий, умеющих не только аккумулировать, но и использовать в практических целях знания; необходимость опоры на развитие опыта работников, овладение знаниями, которые предопределяют их творчество, и становятся движущей силой производственного процесса.

Системная реализация процессов управления знаниями на предприятиях и в организациях приводит к объединению знаний, их целевой ориентации посредством: создания внутренней сети распространения информации (49%); формирование базы данных (35%); стимулирование открытых дискуссий в контексте инновационных проектов (40%); стимулирование обмена знаниями между работниками (25%) [20]. Вместе с тем, преимущества применения знаний в современной России, как правило, принадлежат не коллективу, а отдельным представителям управленческой подсистемы и собственникам предприятий и организаций, а сложившаяся система стимулирования приводит к утрате вовлеченности и интереса, конфликтизации социально-трудовых отношений. Похожая ситуация наблюдается на ряде зарубежных предприятий – «фургон трудового процесса (экономика предприятий) сейчас продырявлен и залатан так, что подлежит ремонту» [38]. В сложившейся экономике физических лиц ключевые стратегические и оперативные решения по распределению ресурсов зачастую принимаются в частных, а не организационных интересах, связанных с получением дохода или прибыли, не отражающих интересы работников, направленность на рост качества и уровня их жизни.

В этом случае просматривается солипсизм руководящего звена предприятий, в частности, его собственников, которые участвуют в присвоении большей части доходов в личных целях, полагая, что их вклад в создание товара является предопределяющим. Т. Тайлор и Р. Биес в преодолении подобных фактов видят подавление личных пристрастий чрезмерного обогащения и создания типовых оценочных показателей к профессионально-квалификационным и статусным группам работников [40].

В рамках создания архитектуры знаний необходимо учитывать основное предназначение современных предприятий и возможный их жизненный цикл в развивающейся экономической и технико-технологической среде. Управление архитектурой знаний необходимо осуществлять на основе технологического алгоритма, включающего аудит знаний, их картирование в предметно-технологической деятельности, методы разветвленности профессиональных и межпрофессиональных коммуникаций, системы оценки использования новых технологических решений в практике работы предприятий.

В результате проведенных исследований человекоориентированного управления на предприятиях и в организациях (N177) нами были зафиксированы следующие признаки саморегулирования работников [23]: восприятие действительности такой, как она есть – 82,0%; наблюдательность – 72,0%; соблюдение личной свободы и независимости – 65,0%; противодействие стихийной, непроизвольно возникающей индуцированной социальной напряженности – 72,0%; формирование лидерской позиции – 45,0%. В меньшей степени саморегуляция поведения связана с процессами коллективной деятельности: внутреннее спокойствие в критические моменты – 27,0%; умение подходить к решению проблем с разных точек зрения – 20,0%; готовность к любым неожиданным событиям – 15,0%; чувство меры воздействия поведения на обстоятельства жизнедеятельности – 8,0%; прогнозирование событий – 11,0%; умение извлекать положительный опыт из происходящих событий – 24,0%; стремление понять позицию других лиц – 34,0%; умение подняться над неразрешимой проблемой – 4,0%; эмоциональная зрелость и устойчивость характера в ситуации неопределенности – 42,0%. Заметим, что эмпирические данные практически полностью совпадают с самооценками выпускников вузов – молодыми специалистами предприятий.

Представляет интерес формализованный подход Б.З. Мильнера, сформулированный в результате анализа деятельности таких зарубежных компаний как «Крайслер», «Вестерн электрик», «Проктер энд Гэмбл», «Донелли миррор» и др. по преодолению солипсизма среди персонала на основании разнообразных программ действий, направленных на: повышение вовлеченности работников (создание автономных бригад, «кружков качества»); профессиональное обучение и развитие работников; развитие системы материального стимулирования (участие в прибылях и др.); адаптацию условий труда (гибкий график работы, неполный рабочий день и др.); реконструкцию содержания трудовых обязанностей работников (ротация, расширение набора обязанностей).

Данные программы преодоления солипсизма в коллективе предприятий носят характер, с одной стороны, прямого воздействия на жизнедеятельность человека, а с другой, являются попыткой его приобщения к процессам созидательной деятельности. Видимо, задача преодоления солипсизма в коллективе предприятия этими программами не может ограничиваться и должна включать также обращение внимания на социальную мобильность, экономическую активность, такие понятия как деятельность, способности, роли. Перечисленные понятия составляют основу активной деятельной позиции личности и создают возможности для понимания жизненной позиции человека. Жизненная позиция личности является определенной формой ее включения в общественные отношения, предопределяющей степень участия и в социально-трудовых процессах.

Как отмечал П.Е. Таран условия, в которых находится человек, определяют его жизненную позицию в более развернутом виде как «… осознанное и устойчивое отношение личности к обществу, к другим людям, к себе, понимание своего места в жизни, своей роли и степени личного участия в разрешении возникающих перед обществом задач и обусловленные этим пониманием практические действия, поступки человека» [29]. Личность в системе современных общественных отношений формируется на основе обладания определенным социальным и профессиональным статусом, занимаемой производственной позицией, т.е. производственным статусом, выполняемой социальной функцией. Сформированная «позиция человека выражает его отношение к важнейшим событиям, происходящим в обществе, в ней выражается единство политических и моральных воззрений личности» [6].

Вместе с тем, личность и ее ценность определяется не только фактическим состоянием, но и заложенными в ней возможностями дальнейшего развития, способностями, которые находят проявление в контексте реализации определенного вида профессиональной деятельности и влияют на востребованность, успешность человека [21]. Способности (природные, общие, специальные, учебные, творческие, коммуникативные и др.) проявляются в динамике освоения знаний, умений, навыков применительно к конкретной деятельности.

Кроме этого, деятельная позиция личности в коллективе предприятия предопределяется социальными установками, которые могут в значительной степени различаться: ориентации на удовлетворение собственных материальных потребностей (31%); индивидуализм в деятельности и отстраненная позиция по отношению к коллективным интересам (43%); нейтральная и удовлетворенная позиция независимо от происходящих на предприятии событий (9%); позиция невмешательства в дела коллег (7%); лидеры изменений (10%)[1]. Лидеры изменений направляют свои уси-

[1] Исследование проведено на четырех предприятиях холдинга «Спектр» (N661 – в т.ч.: рабочих – 611, мастеров – 43,

лия на такие направления деятельности как внедрение экономической и социальной ответственности за результаты (81%); усиление творческой составляющей в трудовой деятельности (60%); увеличение самостоятельности в труде (76%). Однако, подобные предложения не всегда определяются составом и содержанием работ на предприятии, в частности, мы обращаем внимание на показатели, среди которых: информирование и стратегических и операционных целях (10%); информирование о влиянии выполняемых задач на достижение целей предприятия (13%); информирование о возможностях профессионального развития и самореализации (6%); информирование о достигнутых результата (11%); доступность информации для всех групп работников (ее документальная фиксация) – 2%.

Информационная доступность, как видно из представленных данных, не способствует целевой ориентации работника и не определяет меры его участия в созидательной деятельности предприятия:

– интенсивная работа в полную меру сил и способностей (23,0%);
– ответственный подход к выполнению производственных заданий (31,2%);
– проявление деловой инициативы (17,0%);
– бережное отношение к материалам, деталям, энергоресурсам (24,6%);
– взаимная требовательность в работе (27,1%);
– овладение основами экономических знаний (10,0%);
– готовность помочь товарищам по работе (36,9%);
– нетерпимость к нарушителям трудовой дисциплины (34,7%);
– стремление реально оказывать на ход дела в коллективе (24,6%);
– уважительное отношение друг к другу (34,1%);
– овладение дополнительными производственными функциями (23,0%) [Информационные и цифровые технологии, 2023: 109].

В более ранних исследованиях нами были зафиксированы такие ограничения развития человеческого потенциала на предприятиях как недостаточность предоставляемых ресурсов (67%); изменяющиеся приоритеты в деятельности (65%); повышенная физическая нагрузка (42%); действия, не относящиеся к производственным, например, бюрократические процедуры, порождающие конфликты в коллективе (22%) [19].

Развитие личности работника, формирование знаний, навыков, компетенций, усиление вовлеченности в производственный процесс, развитие у него экономического мышления и повышенной осознанности в отношении инновационных процессов – становится основным фактором внедрения и использования современных информационно-цифровых технологий. В совокупности эти процессы результируют в формировании социально-профессионального конструкта личности, соответствующего задачам общественного развития.

В преодолении солипсизма в развитии общественных отношений необходимо понять социальный смысл производства, который рассматривается не только относительно производственного продукта, но и производства самого человека и его определенных социально-экономических качеств [8, с. 61]. В деятельности большинства современных предприятий социальное воспроизводство человека предполагает прежде всего организацию его жизнедеятельности, в меньшей степени жизнеспособности, а жизнеобеспечение человека остается без внимания. А ведь к жизнеобеспечению человека относится и жилье, и питание, и одежда, и транспорт, и досуг, включая социокультурное развитие.

Г.В. Мокроносов и А.Т. Москаленко отмечали, что в деятельности предприятий работа на 70% велась по принципу «на себя», что стало основанием парализации не только экономических, но и социальных отношений. [14, с. 70]. При этом в системе общественных отношений воспроизводился обезличенный человек, не обладающий новыми знаниями, не самостоятельно мыслящий, ориентирующийся только на личные интересы и степень удовлетворения материальных потребностей. В этих условиях возникла проблема интеллектуальной насыщенности производственной, экономической деятельности и технико-технологическое отставание от ведущих стран мира. В 90-е годы прошлого века это положение усугубилось тем, что социальная экономика вступила в противоречие с экономикой первичного накопления капитала, целью которого стало извлечение максимальной прибыли, причем любыми путями [26, с. 319]. Как следствие, в деятельности предприятий принижалось значение интеллекта, образованности, профессионализма работников. Это нашло подтверждение в наших исследованиях [24] – доля решений, которые не доходят до исполнителей более 40%; не обеспечены механизмами реализации – 42%; не обеспечены ресурсами – более 50%. Кроме того, анализ экономической направленности различного рода директивных документов показывает, что среди них касаются вопросов стратегического развития – 90,0%, стратегического планирования работы – 70,0%, технического перевооружения и реконструкции предприятия – 50,0%, материально-технического обеспечения – 50,0%, оперативного распорядительства полномочий или делегирования полномочий – 20,0%, производственной дисциплины – 20,0%. А социальные вопросы в более чем 1500 директивных документах вообще не рассматриваются. Совершенно не слу-

начальников участков – 7. В качестве экспертов выступили руководителя высшего и среднего звена управления предприятиями (N19).

чайно из общего числа приказов, указаний и распоряжений выполняются лишь 15,5–20,0%.

В этих условиях социальное поле солипсизма расширялось за счет увеличивающегося разрыва между личными интересами руководителей или руководства предприятия и интересами трудовых коллективов, который стал основой конфликтов при разрешении противоречий. Сама конфликтная среда повлекла за собой неэффективность использования всех видов ресурсов, сформированных за последние несколько десятилетий. Заметим, что К. Маркс писал: «Человек сам является основой своего материального, как и всякого иного осуществляемого им производства. Поэтому все те обстоятельства, которые воздействуют на человека, этого субъекта производства, модифицируют в большей или меньшей степени все его функции и виды деятельности, которые он выполняет как созидатель материального богатства, товаров. В этом смысле можно действительно доказать, что все человеческие отношения… в какой бы форме и в чем бы они не проявлялись, влияют на материальное производство и более или менее определяющим образом воздействуют на него» [15].

Преодоление солипсизма в деятельности коллектива предприятия возможно за счет акцентированного развития социальной активности в профессиональной деятельности: экономической, организационной и социально-психологической.

Экономические параметры социальной активности работников связываются нами с формированием готовности работников осваивать более сложный труд, который характеризуется инновационностью, необходимостью повышения профессиональной квалификации, освоения новых профессиональных ролей, а также с ростом материального положения работников с учетом факторов внутренней и внешней среды, отраслевой и межотраслевой конкуренции.

Организационные параметры социальной активности работников связаны с участием в трансформации организационно-технологического процесса, коллективной деятельности, установлением функциональных основ трудовой деятельности и программы социально-профессиональных действий, целей, задач, потребностей, ориентиров профессионального роста в коллективе предприятия.

Социально-психологические параметры социальной активности работников обусловлены характером и содержанием межличностных и групповых отношений в коллективе; отношениями и доверием к руководящему составу предприятий; состоянием личной приверженности и лояльности к процессам внутрипроизводственного управления, удовлетворенностью распределением работ и методов поощрения в труде.

Представляется важным создание на предприятии модели «жизнеспособной фирмы», построенной в соответствии с законом необходимого разнообразия, оперативного реагирования на конфликтные ситуации, сбалансированного управления и самоуправления производственными процессами, развитием компетенций по цифровой трансформации всех без исключения видов деятельности. Цифровая определенность участия работников в процессе труда является основанием качественного развития личности, самовосприятия стандартов успеха и степени интернационализации соответствующей роли в решении общественно значимых задач.

Литература

1. Артемов В.Ю. Агностический солипсизм как явление философской мысли. М.: Граффити, 1997.
2. Бочаров В.Ю. Роль российских профсоюзов в модернизации института наемного труда. Вестник СПбГУ. Социология, 2017, 10 (1): 4–22.
3. Бурдье П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994.
4. Вельмисова Д.В. Ценностно-смысловое проектирование деятельности работников предприятий в контексте инновационных преобразований. СПб.: Изд-во Инфо-Да, 2025.
5. Гнеднева М.В. Конфликты на предприятиях: структуры и причины возникновения. Материалы Ивановских чтений, 2016, 1 (5): 52–57.
6. Дивитовская Н.А. Позиция личности. Л.: ЛГПИ им А.И. Герцена, 1971.
7. Донцов А.И., Полозова Т.А. Проблема конфликта в западной социальной психологии. Психологический журнал, 1980, 1 (6): 119–123.
8. Ельмеев В.Я. Теория и практика социального развития. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
9. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений. Социологические журнал, 2008, 4: 8–22.
10. Иванов О.И. Социальная напряженность и социальный конфликт. Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения, 2005, 3: 24–30.
11. Конт О. Дух позитивной философии. Западноевропейская социология XIX века. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996.
12. Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д: Феникс, 2003.
13. Леонов Н.И. Конфликтное поведение руководителей. Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2005. [https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnoe-

povedenie-rukovoditeley] (дата обращения: 17.07.2025).
14. Макросов Г.В., Москаленко А.Т. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности. Новосибирск: Наука, 1981.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 26 (1). М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.
16. Оранский С.А. Основные вопросы марксистской социологии. Л.: Прибой, 1929.
17. Парсонс Т. Некоторые проблемы общей теории социологии. М.: ИНИОН РАН, 1994.
18. Парсонс Т., Бейлз Р., Шилз Э. Рабочие тетради по теории действия (фрагменты). Вопросы социальной теории, 2008, II, 1 (2): 247–295.
19. Потемкин В.К. Стратегические принципы деятельности предприятий на региональном потребительском рынке. СПб.: Спец. лит., 2001.
20. Потемкин В.К. Профессиональная мобильность персонала промышленных предприятий. СПб.: Инфо-Да, 2009.
21. Потемкин В.К. Инновационный менеджмент персонала предприятий. СПб.: Изд-во Инфо-Да, 2011.
22. Потемкин В.К. Качество управленческого труда. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015.
23. Потемкин В.К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями. Экономика и управление, 2020, 26 (2): 165–176.
24. Потемкин В.К. (ред.) Управление персоналом. СПб.: Раен, 2002.
25. Потемкин В.К. (ред.) Информационные и цифровые технологии в деятельности предприятий и организаций. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023.
26. Райхлин Э.Н. Основы экономической теории. Экономический рост и развитие. М.: Наука, 2011.
27. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция – М.: ЦСПиМ, 2013.
28. Спайра Р. Природа сознания, трудная проблема сознания. 2014. Аудиокнига [https://yandex.ru/video/preview/16084456811279373320] (дата обращения: 17.07.2025).
29. Таран П.Е. Активная жизненная позиция строителей коммунизма. Вести Московского университета. Сер. 12. Теория научного коммунизма, 1981.
30. Тоффлер Э. Революционная богатство. М.: АСТ, Профиздат, 2008.
31. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энцикл, 1989.
32. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуализации. М.: Наука, 1996.
33. Berkeley G. Il trattato sui principi della conoscenza umana, e Dialoghi tra Hylas e Philonous, a cura di M.M. Possi, Laterza. Buri, 1955.
34. Coser L. The function of social conflict. Glencoe, 1956.
35. Emery F.V., Trist E.L. The causal texture of organizational environments. Human Relations, 1965, 18: 21–31.
36. Locke J. Saggio sull'intelletto umano. a cura di M.N. Abbagnano. Utet: Torino, 1871.
37. Mecklenberg S., Deering A., Sharp D. Knowledge management: a secret engine of corporate growth. Executive Agenda, 1999, 2 (3): 5–15.
38. Storey J. Human Resource Management: a critical text. London: Routledge, 1995.
39. Trussler S. The rules of game. Journal of business strategy, 1998, 19 (1): 16–19.
40. Tyler T.R., Bies R.J. Beyond formal procedures: the interpersonal context of the procedural justice. Hillsdale, N.L.: Erlbaum Associates, 1990.
41. Zimmel G. L'ethica e i problemi della cultura moderna, Napoli, 1968.

SOLIPSISM AS A FORM OF REPRODUCTION IN HUMAN CONSCIOUSNESS OF CONFLICT SITUATIONS AND THEIR OVERCOMING IN SOCIAL PRACTICES

Potemkin V.K.
Saint Petersburg State University of Economics

The development of social relations in modern Russia is characterized by the formation of civil society, the development of human potential, focus on innovation, information and digital technologies, in-depth knowledge of human potential and personality traits that contribute to socio-economic transformations, giving dignity to a person and ensuring his well-being. However, the essential characteristics of solipsism, a phenomenon in social practices that restrains the mechanism of human inclusion in the processes of creative activity and overcoming various kinds of conflict situations, remain insufficiently studied from the general paradigm.

Keywords: solipsism, human, consciousness, society, social environment, conflict, interests, life activity, viability, life support, knowledge, creativity, social management, profession, development, personality, social activity.

References

1. Artemov V. Yu. Agnostic solipsism as a phenomenon of philosophical thought. Moscow: Graffiti, 1997.
2. Bocharov V. Yu. The role of Russian trade unions in the modernization of the institution of hired labor. Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology, 2017, 10 (1): 4–22.
3. Bourdieu P. Principles. Choices dites. Moscow: Socio-Logos, 1994.
4. Velmisova D.V. Value-semantic design of the activities of enterprise employees in the context of innovative transformations. St. Petersburg: Info-Da Publishing House, 2025.
5. Gnedneva M.V. Conflicts at enterprises: structures and causes. Proceedings of the Ivanovo Readings, 2016, 1 (5): 52–57.
6. Divitovskaya N.A. Personality Position. Leningrad: A.I. Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1971.
7. Dontsov A.I., Polozova T.A. The Problem of Conflict in Western Social Psychology. Psychological Journal, 1980, 1 (6): 119–123.
8. Elmeev V. Ya. Theory and Practice of Social Development. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2004.
9. Zaslavskaya T.I., Yadov V.A. Social Transformations in Russia in the Era of Global Change. Sociological Journal, 2008, 4: 8–22.
10. Ivanov O.I. Social Tension and Social Conflict. St. Petersburg State University Bulletin. Series 6. Political Science. International Relations, 2005, 3: 24–30.

11. Kont, O. The Spirit of Positive Philosophy. Western European Sociology of the 19th Century. Moscow: International University of Business and Management Press, 1996.
12. Kont, O. The Spirit of Positive Philosophy (A Word on Positive Thinking). Rostov-on-Don: Phoenix, 2003.
13. Leonov, N.I. Conflict Behavior of Leaders. Bulletin of Udmurt University. Series “Philosophy. Psychology. Pedagogy”, 2005, 1. [https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnoe-povedenie-rukovoditeley] (Accessed: 17.07.2025)
14. Makrosov, G.V., Moskalenko, A.T. Methodological Problems of Studying Social Relations and Personality. Novosibirsk: Nauka, 1981.
15. Marx K., Engels F. Works, 26 (1). Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1962.
16. Oransky S.A. Basic Issues of Marxist Sociology. Leningrad: Priboy, 1929.
17. Parsons T. Some Problems of the General Theory of Sociology. Moscow: INION RAS, 1994.
18. Parsons T., Bales R., Shils E. Workbooks on the Theory of Action (excerpts). Issues of Social Theory, 2008, II, 1 (2): 247–295.
19. Potemkin V.K. Strategic Principles of Enterprise Activities in the Regional Consumer Market. St. Petersburg: Special Literature, 2001.
20. Potemkin V.K. Professional Mobility of Industrial Enterprise Personnel. St. Petersburg: Info-Da, 2009.
21. Potemkin V.K. Innovative Personnel Management of Enterprises. St. Petersburg: Info-Da Publishing House, 2011.
22. Potemkin V.K. Quality of Managerial Work. St. Petersburg: SPbGEU Publishing House, 2015.
23. Potemkin V.K. Human-Centered Management of Enterprises and Organizations. Economics and Management, 2020, 26 (2): 165–176.
24. Potemkin V.K. (ed.) Personnel Management. St. Petersburg: Raen, 2002.
25. Potemkin V.K. (ed.) Information and Digital Technologies in the Activities of Enterprises and Organizations. St. Petersburg: SPbGEU Publishing House, 2023.
26. Raikhlin E.N. Fundamentals of Economic Theory. Economic growth and development. Moscow: Nauka, 2011.
27. Self-regulation and forecasting of individual social behavior: a dispositional concept – Moscow: TsSPiM, 2013.
28. Spira R. The nature of consciousness, the difficult problem of consciousness. 2014. Audiobook [https://yandex.ru/video/preview/16084456811279373320] (accessed: 17.07.2025).
29. Taran P.E. Active life position of the builders of communism. Vesti Moskovskogo Universiteta. Ser. 12. Theory of scientific communism, 1981, 1.
30. Toffler E. Revolutionary wealth. Moscow: AST, Profizdat, 2008.
31. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow: Sov. Encycl, 1989.
32. Jung K.G. The structure of the psyche and the process of individualization. M.: Nauka, 1996.
33. Berkeley G. Il trattato sui principi della conoscenza umana, e Dialoghi tra Hylas e Philonous, a cura di M.M. Possi, Laterza. Buri, 1955.
34. Coser L. The function of social conflict. Glencoe, 1956.
35. Emery F.V., Trist E.L. The causal texture of organizational environments. Human Relations, 1965, 18: 21–31.
36. Locke J. Saggio sull’intelletto umano. a cura di M.N. Abbagnano. Utet: Torino, 1871.
37. Mecklenberg S., Deering A., Sharp D. Knowledge management: a secret engine of corporate growth. Executive Agenda, 1999, 2 (3): 5–15.
38. Storey J. Human Resource Management: a critical text. London: Routledge, 1995.
39. Trussler S. The rules of game. Journal of business strategy, 1998, 19 (1): 16–19.
40. Tyler T.R., Bies R.J. Beyond formal procedures: the interpersonal context of the procedural justice. Hillsdale, N.L.: Erlbaum Associates, 1990.
41. Zimmel G. L’ethica e i problemi della cultura moderna, Napoli, 1968.

Обучение студентов медиков на блоке травматологии и ортопедии

Савгачев Виталий Владимирович,
канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

Плещёв Игорь Евгеньевич,
канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com

Шубин Леонид Борисович,
канд. мед. наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: lbsh@yandex.ru

Ермошина Мария Евгеньевна,
студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: mermoschina@yandex.ru

Роль биоэтики в обучении студентов-медиков чрезвычайно высока, поскольку ее принципы обеспечивают правильное понимание блага пациента, его потребностей и ожиданий. Преподавание в разделе травматологии и ортопедии сопровождается не только объяснением теоретических и практических аспектов дисциплины, но также выработкой у студентов клинической мотивации и способности выбрать самую верную тактику лечения и взаимодействия с пациентом, позволяющую достичь наилучшего клинического исхода. В настоящее время традиционное преподавание дополняется такими эффективными методиками, как проблемно-ориентированное обучение, кейс-стади, виртуальная симуляция, искусственный интеллект, работа с электронными библиотеками и т.д. Все эти методы могут включать биоэтические «головоломки», решение которых позволяет студентам выработать самостоятельное чутье в области деонтологии и биоэтики, что в дальнейшем позволит принимать правильные решения в противоречивых и непростых клинических ситуациях. В настоящей статье рассматриваются современные способы обучения студентов-медиков медицинским дисциплинам, включая травматологию и ортопедию, в свете основных принципов деонтологии и биоэтики.
Целью настоящей статьи является определение значения биоэтики при обучении студентов-медиков в блоке травматологии и ортопедии.

Ключевые слова: биоэтика, деонтология, травматология, проектно-ориентированное обучение, виртуальное обучение.

Введение

В ходе теоретического и практического обучения студенты-медики осваивают необходимые навыки профессионального поведения, базирующегося на культуре биоэтики. Формы обучения могут широко варьировать, включая не только лекции, медицинские манипуляции, но также интерактивные приемы усвоения информации. Биоэтика чрезвычайно важна в работе врача, поскольку привитые в образовательном процессе гуманистические ценности позволяют выбрать оптимальную тактику лечения пациента и взаимодействия с ним, что, в свою очередь, будет способствовать усилению комплаентности и благоприятному исходу заболевания.

Обучение биоэтике в блоке травматологии и ортопедии может затрагивать такие важные аспекты, как адекватное обезболивание, выбор наилучшего метода оказания помощи с максимальным сохранением собственных тканей, восстановление эстетического вида в области медицинского вмешательства, функциональное улучшение поврежденных органов и т.д. Этическое отношение к нуждам больных позволяет достичь наибольшего удовлетворения пациентов результатами лечения, а также профессионального удовлетворения самого врача, осознающего, что он предпринял оптимальную стратегию, учитывающую все ожидания и опасения больного.

Целью настоящей статьи является определение значения биоэтики при обучении студентов-медиков в блоке травматологии и ортопедии.

Материалы и методы

Поиск статей проводился в базах данных Google Scholar и PubMed. В первую очередь представляли интерес работы, сочетающие проблемы биоэтики и обучения студентов-медиков медицинским дисциплинам, в частности травматологии и ортопедии. Были разобраны основные парадоксы биоэтики, актуальные для указанного направления медицины, а также эффективные методы усвоение теоретического и практического материала с их деонтологической и биоэтической оценкой.

Результаты и обсуждение

Развитие биоэтики

По определению Г.Ю. Козиной под биоэтикой понимают «область междисциплинарных исследований этических, философских и антропологических про-

блем, проявившихся в связи с прогрессом биомедицинских наук и адаптацией новых технологических достижений в клиническую практику». В исторической ретроспективе биоэтика родилась в результате общественного обсуждения по поводу наиболее острых проблем медицины, связанных с моральным выбором (боль, трансплантация, эвтаназия и т.д.) и парадоксальными событиями, возникающими на фоне появления новых технологий [1].

Морально-нравственный опыт, накопленный медициной за всю историю развития человечества, можно обозначить (в хронологическом порядке) моделями Гиппократа, Парацельса, деонтологией и биоэтикой. Модель Гиппократа отражена в клятве Гиппократа, однако, еще раньше похожие принципы частично проявлялись в медицине Древнего мира. Модель Парацельса подразумевала установление доверительных отношений между врачом и пациентом, с патернализмом в христианском понимании, и налаживанием положительной психоэмоциональной связи. Деонтология, появившаяся в 40-х годах XX века, сделала своим девизом принцип «делай добро». В травматологии и ортопедии это означает деликатное, бережное отношение к пациенту, с тщательной фильтрацией предоставленной информации с тем, чтобы не усугубить состояние пациента (эмоциональное и физическое). В то же время это означает, что врач не должен пренебрегать профессиональным опытом своих коллег, если это направлено на благо пациента. Биоэтика распространяет гуманистические принципы деонтологии на биологические объекты и природную среду, включая профессионально-нравственные и нормативно-правовые аспекты [2].

На международном уровне первый этап правовой гуманизации выразился в появлении Всеобщей декларации прав человека от 1948 года, которая постулировала право человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Уже в 1982 году в Организацией Объединенных Наций был принят первый документ, в котором регулировались этические положения: «Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания». В России до сих пор не создано адекватного правового регулирования, связанного с прогрессом медицинских технологий, требующих установления положений биоэтики в национальном законодательстве [3].

В травматологии и ортопедии, как и в других направлениях медицины, действует принцип справедливости и доступности. Это означает, что каждый пациент независимо от своего материального или какого-либо другого статуса имеет право на получение медицинской помощи. Кроме того, развитие современной травматологии и ортопедии упирается в некий технологический предел, для преодоления которого требуется проведение научно-экспериментальной работы с использованием лабораторных животных, клеточных культур, апробированием новых протоколов и способов лечения. Эта необходимость пересекается с принципом биоэтики, касающимся гуманного отношения к животным, и принципом «не навреди», когда речь идет об испытании новых методов на людях. К сожалению, национальные законодательства, регулирующие указанные процессы, значительно отстают от научно-технического развития в области медицины. С целью компенсации правового вакуума при научных и медицинских учреждениях создаются комитеты биоэтики, которые одобряют, или отвергают те или иные исследования, основываясь на интересах пациентов, и представлениях о гуманном отношении к экспериментальным животным. При этом эксперты и сами исследователи согласуют свои действия с положениями Хельсинской декларации (с поправками от октября 2024 года) [2]. В последней редакции Хельсинской декларации подчеркивается необходимость включения в исследования уязвимых групп населения (женщин, детей, расовых, этнических меньшинств). Кроме того, указывается на ответственность исследовательской группы за чуткое отношение к потребностям уязвимых участников в области здравоохранения, и гарантию того, что они получат пользу от результатов медицинских исследований [4].

Обучение в блоке травматологии и ортопедии

Обучение в блоке травматологии и ортопедии в медицинских университетах РФ нуждается в значительном реформировании для лучшего освоения компетенций будущими медицинскими специалистами. В этом смысле ориентиром всегда служили западные стандарты обучения. В медицине Европы и США нет отдельного блока травматологии и ортопедии, и лечение данной группы заболеваний относится к хирургии общего профиля. Педагогическая нагрузка преподавателя-хирурга на Западе (в часах) в 4 раза меньше, чем у его коллеги из России и количество студентов также в несколько раз меньше. Это позволяет осуществлять качественное индивидуальное обучение студентов. Кроме того, преподаватели избавлены от необходимости составлять учебные методические рекомендации и писать большое количество отчетов. В то же время количество учебных часов (теория и практика) по хирургии, включая травматологию, в 2 с лишним раза больше на Западе, чем у российских студентов. Значительное время уделяется самостоятельной подготовке. Характерной особенностью являются университетские клиники и госпитали, на базе которых западные студенты-медики проходят практическое обучение. Заведующие таких клиник являются одновременно университетскими сотрудниками, что

снимает значительное количество противоречий между осуществлением клинической деятельности и необходимостью обучать студентов [5]. Привлекательной идеей является создание подобных университетских клиник в России, разгрузка преподавателей в отношении протокольной отчетности, а также уменьшение педагогической нагрузки. Однако все эти намерения тормозятся недостатком финансирования для организации клиник высокого западного образца, нехваткой специалистов, и административными препонами. Отдельной строкой стоит повышение качества самого преподавательского состава. В данном случае следует отдавать предпочтение скорее высокой профессиональной практической компетенции, нежели наличию ученых степеней у соискателя.

В настоящее время в РФ практическая подготовка студентов проводится в государственных клиниках, включая крупные областные учреждения. Так, в Архангельской областной клинической больнице (АОКБ), в составе которой функционирует ортопедо-травматическое отделение, помимо клинической и научно-исследовательской работы проводится обучение студентов, интернов, клинических ординаторов. На базе АОКБ функционируют кафедры Архангельского Государственного Медицинского Института, в том числе кафедры травматологии, ортопедии, военной хирургии [6]. Опрос показал, что российские студенты-медики придерживаются мнения о необходимости расширения учебной программы травматологии и ортопедии (наряду с другими дисциплинами) [7].

На недостаток профессиональной мотивации студента влияет отсутствие видения очевидной связи между изучением клинической дисциплины и будущей профессиональной деятельностью. Устранение разобщенности разных этапов обучения, сближение теории и практики в условиях клиник и госпиталей может преодолеть эмоциональную и интеллектуальную инертность при освоении врачебных навыков. Это может осуществляться через интеграцию разных учебных направлений (теоретических и прикладных) с адаптацией к условиям стремительной цифровизации в медицине [7].

Во всем мире при обучении студентов-медиков широко используются такие инструменты, как обучение на основе кейсов (кейс-стади) и проблемно-ориентированное обучение. Эти инструменты подготавливают студентов к клинической практике, предоставляя для самостоятельного разбора конкретные клинические случаи, и помогают лучше адаптировать теоретические знания к клинической деятельности. Кейс-стади сопровождаются эффективным вмешательством преподавателей, направленным на гуманизацию учебной программы, усвоение этических норм, адаптацию студентов к клиническим ролям. Тем не менее, случаи, представленные в кейс-стади, нередко грешат монопрофессионализмом и недостаточной убедительностью образа пациента. Студенты указывают на то, что описанные ситуации следует сделать более «живыми» и достоверными. Корректировка таких случаев по замечаниям студентов, сделала их лучше воспринимаемыми, что способствовало развитию пациентоориентированности сознания будущих врачей, адаптацией к междисциплинарному взаимодействию, усвоению принципов гуманизма [8].

Проблемно-ориентированное обучение (ПОО) сфокусировано на студенте, который через самомотивированное обучение решает клиническую проблему, то есть самостоятельно приходит к выводу о наиболее оптимальной стратегии лечения. Впервые этот метод был применен в 1969 году в Канаде. В режиме ПОО студенты могут формулировать предположения и определять потребности в обучении, что помогает им лучше понимать проблемы и достигать поставленных целей обучения. ПОО улучшает результаты экзаменационной сессии по сравнению с традиционными видами обучения, благоприятно воспринимается как студентами, так и преподавателями, что значительно усиливает мотивацию обеих сторон учебного процесса [9]. В ходе ПОО могут обыгрываться не только клинические, но и биоэтические моменты и лучшим результатом является самостоятельное «открытие» студентом биоэтических правил в применении к клинической ситуации. ПОО может эффективно дополняться технологиями искусственного интеллекта, в частности, ChatGP T. Такое совместное использование значительно улучшает результаты оценки теоретических знаний и делает более успешным развитие клинических навыков [10]. Использование в обучении студентов программ виртуальной симуляции также повышает успеваемость студентов, и, кроме того, повышает самоэффективность преподавателей медицинских дисциплин [11].

Интерактивные способы освоения принципов биоэтики широко используются при обучении студентов в БГМУ. Здесь активно применяют такие методы, как кейс-стади (изучение конкретного случая), индивидуальная и групповая беседа, дискуссия, написание эссе, игровое обучение, разбор казус-ситуаций [12]. В ходе реализации данных техник студенты самостоятельно приводят аргументы, доказывающие их точку зрения, и делают собственные выводы. Таким образом, практикуется рефлексивно-творческий подход, включающий критическое мышление, логику, рассуждение. Преподаватель плавно подводит обучающихся к формированию собственных суждений и умозаключений в русле биоэтических принципов, осуществляя некоторую коррекцию при неправильном понимании этих принципов.

Многие недостатки отечественной системы медицинского образования отмечаются иностран-

ными студентами. Несоответствие ожиданиям (в частности, международным стандартам обучения) привело к тому, что после достижения пикового числа иностранных обучающихся в 1999–2003 годах их количество неуклонно снижалось. Очевидно, что выполнение условий Болонской системы с аккредитацией в международных организациях могло бы существенно повысить привлекательность российских медицинских вузов. Кроме того, в блоке травматологии и ортопедии следует существенно повышать материально-техническую оснащенность, приобретать учебные муляжи, образцы аппарата Илизарова, а также обеспечивать доступ к электронной библиотеке, виртуальному обучению. Немаловажно участвовать в конференциях, в том числе онлайн-конференциях, осуществлять широкую интеграцию с клиникой, лабораторией, связанными с ортопедией производственными предприятиями и др. [13].

В травматологии и ортопедии, как и в медицине в целом, все большее значение приобретают виртуальные технологии, включая искусственный интеллект (ИИ) в качестве ассистента и виртуального помощника. Кроме того, ИИ внедряется в медицинское образование. В связи с этим существует ряд опасений, связанных, в том числе, с возможным нарушением принципов биоэтики. Исследование восприятия 325 студентами-медиками интеграции ИИ в медицинское образование показало, что большинство участников признают потенциал ИИ для сотрудничества, рассматривая его как ценного союзника, а не замену врачам. При этом 57,2% студентов рассматривали ИИ как вспомогательную технологию для снижения врачебных ошибок, 54,2% указали на способность ИИ повысить точность принятия клинических решений, 49% выразили мысль, что ИИ улучшает доступность здравоохранения. В то же время 37,6% студентов обеспокоены возможной заменой врачей ИИ, а 69,2% боялись уменьшения гуманистического аспекта медицины. Обеспокоились проблемами с доверием 52,9% опрошенных, отношениями между врачом и пациентом 54,5% и нарушением профессиональной конфиденциальности 53,5% студентов. Также студенты заявили о потребности в структурированном обучении ИИ для снижения частоты врачебных ошибок (76,9%) и в области этических вопросов (79,4%) [14]. Таким образом, уже на стадии обучения студенты вполне логично указывают на возможные угрозы нарушения основ деонтологии при использовании ИИ в клинической практике.

Одной из важных проблем биоэтики является применение клеточных технологий (с участием стволовых, эмбриональных клеток) в инженерии костной ткани, регенерации хрящевой и костной тканей. Это актуально при многооскольчатых переломах, плохой регенерации, онкологической патологии костной ткани и др. Аллогенная трансплантация (в том числе на основе клеточных технологий) позволяет устранить крупные дефекты хрящевой ткани. Однако подобные методы порождают вопросы этического характера. Этично ли использование эмбриональных и стволовых клеток? Необходимо ли разрешение донора на использование материала? Следует ли соблюдать анонимность донора? Кроме того, аллотрансплантаты могут вызывать неблагоприятные последствия для иммунной системы. В настоящее время медицинский мир пришел к консенсусу о том, что даже характеризующееся негативными последствиями лечение может быть оправдано, если: оно диктуется благом пациента; вредные последствие не прогнозируемы и не создаются намеренно; вред не является целью, а польза является результатом вреда; положительный эффект преобладает над негативными побочными эффектами [15]. Все эти аспекты можно включить при разработке вариантов кейс-стади и проблемно-ориентированного обучения. Для усвоения принципов биоэтики в применении к клеточным и другим инновационным технологиям было бы полезно создавать ситуационные задачи, которые бы способствовали самостоятельному принятию студентом правильного решения в соответствии с принципами гуманизма и биоэтики.

Обезболивание является чрезвычайно актуальным вопросом в травматологии и ортопедии и биоэтические подходы предлагают разные философские концепции для решения данной проблемы. В основном доминируют два направления: логика выбора и логика заботы. Первый вариант подразумевает либеральное отношение к обезболиванию с практикой, так называемой, пациент-контролируемой аналгезии, когда больной сам принимает решение о введении себе анальгетика. При этом возникает угроза злоупотреблений указанными возможностями. Для их предотвращения были разработаны аппараты, дозирующие анальгетик, и не позволяющие его вводить чрезмерно часто, то есть, была заложена временная пауза между актами введения препарата. Такое решение больше соответствует пациентоориентированной медицине. Логика заботы означает, что решение о введении аналгетика принимает медицинский работник. Считается, что болевые ощущения могут определяться индивидуальными, субъективными восприятиями пациентов и не всегда им можно доверять. Такая тактика диктуется благом пациента и снижает риски и осложнения на долгосрочных этапах лечения. Логика заботы превалирует в российской медицинской практике, так как повторная и/или длительная анальгезия небезопасна для здоровья пациента, а способность к самоконтролю у больного человека снижена [16]. Все эти аспекты обезболивания должны быть проработаны на занятиях со студентами-медиками, обсуждены с использованием кейс-стади и ПОО. Бу-

дущий врач должен быть четко мотивирован и осведомлен о господствующих практических тенденциях обезболивания и каждый раз делать наилучший рациональный выбор в интересах пациента.

Заключение

Биоэтика выделилась из деонтологии не так давно в ответ на новые вызовы, связанные с развитием науки и медицинских технологий. Основные принципы биоэтики все время подвергаются корректировке и отличаются от устоявшихся догм из-за стремительно меняющейся в последнее время технологической среды и расширения возможностей практической медицины. Травматология и ортопедия, как и многие другие дисциплины, сталкиваются с множеством этических парадоксов, которые необходимо решать, ориентируясь на максимальное благо пациента. Наиболее актуальными из выявленных проблем являются, по-видимому, используемые сегодня стратегии обезболивания, применение аллотрансплантатов и клеточных культур. Все затруднения в принятии клинических решений на стадии обучения эффективно устраняются не только традиционными методами преподавания, но также посредством методов кейс-стади, проектно-ориентированного обучения, виртуальной симуляции, использования ИИ, ChatGPT, электронных библиотек и т.д. Указанные способы значительно повышают мотивацию студентов, улучшают их академическую успеваемость, экзаменационные результаты, и практические клинические навыки.

Литература

1. Козина Г.Ю., Борисов Н. Биоэтические проблемы общественного здравоохранения. // XIII Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов: Межвузовский сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции. – Ч. 1. – Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, 2011. – 148 с. – С. 58–77.
2. Гайко Г.В., Бруско А.Т. Основные задачи биоэтики в теоретической и практической травматологии и ортопедии. // Вестник ортопедии, травматологии и протеирования. 2012. № 3. С. 76–79.
3. Брюхина Е.Р., Третьякова Е.С. Теоретико-правовое обоснование биоэтики и биоправа в их взаимосвязи и взаимодействии. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. 4(62). С. 568–589. doi: 10.17072/1995-4190-2023-62-568-589.
4. Chodankar D., Bhatt A., Davis S. Declaration of Helsinki 2024: Too much too late? Perspect Clin Res. 2025. 16(1). P. 1–2. doi: 10.4103/picr.picr_218_24.
5. Савгачев В.В., Плещёв И.Е. Современное медицинское образование сквозь призму этики и деонтологии: цели, пути совершенствования и эффективные решения // Социология. 2025;5:223–228.
6. Петчин И.В., Горский А.С., Быков В.П. Архангельская областная клиническая больницы – медицинский и научно-образовательный центр. // Общественное здравоохранение: традиции, инновации, перспективы: сборник научных трудов / отв. редактор А.Л. Санников. – Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2016. 306 с. С. 105–116.
7. Золин И.Е., Иудин А.А., Иудин Д.И., Иудин А.И. Отношение студентов-медиков к учебной программе подготовки врача. // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2023. 11(1). С. 102–124. doi: https://doi.org/10.33029/2220-8453-2023-14-1-102-124.
8. Al-Bedaery R., Baig S., Khare Y., Sullivan-Mchale J. Humanising case-based learning. // Med Teach. 2024. 46(10). P. 1348–1355. doi: 10.1080/0142159X.2024.2308066.
9. Yang X., Yang Z., Ma S., Yan M., Yang Y. Evaluation of problem-based learning for pharmacology based on a comprehensive analysis in undergraduate students. Medicine (Baltimore). 2024. 103(41). P. e39376. doi: 10.1097/MD.0000000000039376.
10. Hui Z., Zewu Z., Jiao H., Yu C. Application of ChatGPT-assisted problem-based learning teaching method in clinical medical education. // BMC Med Educ. 2025. 25(1). P. 50. doi: 10.1186/s12909-024-06321-1.
11. Chen C.Y., Shi X.W., Yin S.Y., Fan N.Y., Zhang T.Y., Zhang X.N., Yin C.T., Mi W. Application of the online teaching model based on BOPPPS virtual simulation platform in preventive medicine undergraduate experiment. // BMC Med Educ. 2024. 24(1). P. 1255. doi: 10.1186/s12909-024-06175-7.
12. Совостюк Т.А. Методы формирования биоэтических ценностных ориентаций студентов медиков в процессе профессионального образования. // Вышейшая школа (Беларусь). 2024. № 1(159). С. 29–33.
13. Савгачев В.В., Шубин Л.Б. Этика и деонтология в современном медицинском образовании: существующие проблемы и пути их преодоления // Социология. 2025;5:240–245.
14. Jackson P., Ponath Sukumaran G., Babu C., Tony M.C., Jack D.S., Reshma V.R., Davis D., Kurian N., John A. Artificial intelligence in medical education – perception among medical students. // BMC Med Educ. 2024. 24(1). P. 804. doi: 10.1186/s12909-024-05760-0.
15. Дремина Н.Н., Трухан И.С., Шурыгина И.А. Клеточные технологии в травматологии: от клетки до тканевой инженерии. // Acta Biomedica Scientifica. 2020. 5(6). С. 66–76. doi: 10.29413/ABS.2020-5.6.8.

16. Шевченко С.Ю., Лаврентьева С.В. Боль и обезболивание в горизонтах личности, сообщества и системы здравоохранения. // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 5. С. 39–52. doi: 10.17805/ggz.2018.5.4.

MEDICAL STUDENT EDUCATION IN THE TRAUMA AND ORTHOPEDICS MODULE

Savgachev V.V., Shubin L.B., Pleshchev I.E., Ermoshina M.E.
Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of the Russian

The role of bioethics in medical student education is extremely important, as its principles ensure a proper understanding of the patient's well-being, needs, and expectations. Teaching in the trauma and orthopedics section involves not only explaining the theoretical and practical aspects of the discipline but also fostering clinical motivation in students and the ability to choose the most appropriate treatment tactics and patient interaction methods to achieve the best clinical outcomes. Currently, traditional teaching is supplemented by effective methods such as problem-based learning, case studies, virtual simulation, artificial intelligence, working with electronic libraries, and more. All these methods may include bioethical "puzzles," the resolution of which helps students develop independent judgment in the field of deontology and bioethics, ultimately enabling them to make correct decisions in complex and conflicting clinical situations. This article explores modern approaches to teaching medical students medical disciplines, including trauma and orthopedics, in light of the fundamental principles of deontology and bioethics.
The aim of this article is to define the significance of bioethics in medical student education within the trauma and orthopedics module.

Keywords: bioethics, deontology, traumatology, project-based learning, virtual learning.

References

1. Kozina GY, Borisov. Bioethical problems of public health. In: XIII Sociological Readings of Lecturers, Postgraduates and Students: Interuniversity Collection of Scientific Papers Based on Materials of the All-Russian Scientific Conference. Part 1. Penza: Penza State Pedagogical University; 2011. p. 58–77.
2. Gaiko GV, Brusko AT. Main tasks of bioethics in theoretical and practical traumatology and orthopedics. Vestnik of Orthopedics, Traumatology and Prosthetics. 2012;3:76–9.
3. Bryukhina ER, Tretyakova ES. Theoretical and legal justification of bioethics and biolaw in their interrelations and interactions. Vestnik of Perm University. Legal Sciences. 2023;4(62):568–89. doi:10.17072/1995-4190-2023-62-568-589.
4. Chodankar D, Bhatt A, Davis S. Declaration of Helsinki 2024: Too much too late? Perspect Clin Res. 2025;16(1):1–2. doi:10.4103/picr.picr_218_24.
5. Savgachev VV, Pleshchev IE. Modern medical education through the prism of ethics and deontology: goals, improvements and effective solutions. Sociology. 2025;5:223–8.
6. Petchin IV, Gorski AS, Bykov VP. Arkhangelsk Regional Clinical Hospital – medical and scientific-educational center. Public Health: Traditions, Innovations, Perspectives: Collection of Scientific Works / Ed. by AL Sannikov. Arkhangelsk: Northern State Medical University Press; 2016. p. 105–16.
7. Zolin IE, Iudin AA, Iudin DI, Iudin AI. Medical students' attitudes towards the physician training curriculum. Medical Education and Professional Development. 2023;11(1):102–24. doi:10.33029/2220-8453-2023-14-1-102-124.
8. Al-Bedaery R, Baig S, Khare Y, Sullivan-Mchale J. Humanising case-based learning. Med Teach. 2024;46(10):1348–55. doi:10.1080/0142159X.2024.2308066.
9. Yang X, Yang Z, Ma S, Yan M, Yang Y. Evaluation of problem-based learning for pharmacology based on a comprehensive analysis in undergraduate students. Medicine (Baltimore). 2024;103(41): e39376. doi:10.1097/MD.0000000000039376.
10. Hui Z, Zewu Z, Jiao H, Yu C. Application of ChatGPT-assisted problem-based learning teaching method in clinical medical education. BMC Med Educ. 2025;25(1):50. doi:10.1186/s12909-024-06321-1.
11. Chen CY, Shi XW, Yin SY, Fan NY, Zhang TY, Zhang XN, Yin CT, Mi W. Application of the online teaching model based on BOPPPS virtual simulation platform in preventive medicine undergraduate experiment. BMC Med Educ. 2024;24(1):1255. doi:10.1186/s12909-024-06175-7.
12. Sovostyuk TA. Methods of forming bioethical value orientations of medical students in the process of professional education. Vysshei Shkola (Belarus). 2024;1(159):29–33.
13. Savgachev VV, Shubin LB. Ethics and deontology in modern medical education: existing problems and ways to overcome them. Sociology. 2025;5:240–5.
14. Jackson P, Ponath Sukumaran G, Babu C, Tony MC, Jack DS, Reshma VR, Davis D, Kurian N, John A. Artificial intelligence in medical education – perception among medical students. BMC Med Educ. 2024;24(1):804. doi:10.1186/s12909-024-05760-0.
15. Dremina NN, Trukhan IS, Shurygina IA. Cell technologies in traumatology: from cell to tissue engineering. Acta Biomedica Scientifica. 2020;5(6):66–76. doi:10.29413/ABS.2020-5.6.8.
16. Shevchenko SY, Lavrentyeva SV. Pain and analgesia in the horizons of personality, community and healthcare system. Horizons of Humanitarian Knowledge. 2018;5:39–52. doi:10.17805/ggz.2018.5.4.

Кибербуллинг как форма моральной деградации

Ардашев Роман Георгиевич,
доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

В статье рассматривается рост кибербуллинга в современном обществе. Цифровая агрессия и цифровая травля в адрес молодежи становится одним из показателей моральной деградации общества. На основе эмпирических данных выявляются основные стратегии и формы кибербуллинга. Показывается зависимость жертв, агрессоров и наблюдателей буллинга и тем, кто становится жертвой, агрессором и наблюдателем при кибербуллинге. Анализируются особенности и последствия моральной деградации общества. Выявляются социально-деструктивные трансформации ценностно-мировоззренческих основ общественного воспроизводства в молодежной среде.

Ключевые слова: кибербуллинг, кибертравля, киберагрессия, буллинг, виртуальное пространство, цифровое пространство, мораль, нормы, цифровая мораль, моральная деградация.

Развитие виртуального пространства приводит к тому, что не только расширяются возможности и перспективы личного развития, но и увеличивается количество рисков угроз, которые несет в себе цифровизации жизни. Особенно это касается подростков и молодежи, как наиболее вовлеченные группы в разнообразные взаимодействия в виртуальном пространстве.

Жертвами кибербуллинга в России в 2012 году стали 10% подростков [21], в 2022 таких уже 34% [2]. За эти годы увеличилось не только количество жертв, но и формы осуществления кибертравли, киберагрессии. Те же процессы происходят и по всему миру [23, 24].

Кибербуллинг – это *умышленные* вербальные агрессивные действия через цифровое или виртуальное взаимодействие, совершаемые *многократно* (длительное время) в отношении человека или группы лиц. Важными моментами фиксации кибербуллинга как показателя нарушения правовых и моральных норм выступает – умышленность и многократность повторения. В этом контексте, кибербуллинг отличается от буллинга (жестокость в отношении жертвы, осуществляемая длительное время), только тем, что осуществляется через цифровые гаджеты. При буллинге и кибербуллинге жертва или жертвы испытывают давление, негативные переживания и стигматизируются социальной средой.

Те, кто осуществляет буллинг или кибербуллинг стремятся подчинить себе и контролировать поведение жертвы. Ситуативная агрессия проявляется единожды, буллинг и кибербуллинг являются регулярными действиями. Те, кто осуществляют данные деструктивные действия, опираются на собственные желания доминировать и управлять поведением более слабых, повышения собственного авторитета в локальном сообществе.

Но, если при буллинге – всегда известны стороны (кто агрессор, а кто жертва), то при кибербуллинге возможна анонимность обидчика (с неизвестного аккаунта или номера приходят сообщения), а также свидетелями насилия может стать более обширная аудитория (нет локализации распространения информации). Это приводит к повышению тревожности жертвы, так как не ясно, откуда идет угроза. Анонимность агрессоров может привести к ощущению вседозволенности и отсутствию угрозы наказания. Также кибернасилие не имеет ограничений по времени и пространству. В результате того, что нет прямого взаимодействия между обидчиком и жертвой, – могут возни-

кать трудности в коммуникации (смыслы и формы взаимодействия искажаются и интерпретируются в совершенно не подходящем ключе). И это влияет не только на смыслы (когнитивное содержание), но и на эмоции (аффективное содержание) социально-коммуникативного взаимодействия в виде кибербуллинга.

Важность коммуникации для молодых людей определяет зависимость от тех, с кем осуществляется взаимодействие. Кибербуллинг поэтому и выступает механизмом, от которого самостоятельно молодой человек не может уйти, он включен в социальные связи и коммуникативные практики молодежи (от которых в этом возрасте особенная значимость, а также виртуализация коммуникации молодежи в целом – делает отказ от этого вида взаимодействия практически не реальным). Без личного коммуникативного взаимодействия – нет уверенности в себе и понимании того, насколько успешен и встроен в социальные контакты молодой человек. Этот замкнутый круг приводит к тому, что жертвы кибербуллинга сами усиливают негативный сценарий взаимодействия – вовлекаясь в кибервзаимодействие.

На сегодняшний день, кибербуллинг выступает одним из вариантов негативной социализации молодых людей, через который осуществляется механизм контроля агрессии (со стороны агрессора), мотивы и цели этой деятельности, а также способы защиты и противостояния внешней агрессии (со стороны жертвы). Кибербуллинг – это жестокий способ отстоять свое место под солнцем. Это тот механизм, из-за которого моральные нормы человека или группы людей отходят на второй план из-за желания быть более активным, доминирующим, сильным.

Мы говорим о моральной деградации, так как все чаще – побеждает тот, у кого сила, прав тот, у кого власть. Умение манипулировать другими (сегодня уже и в киберпространстве) создает условия для деструктивной социализации. Эти процессы выступают инструментом социальной деградации общества, так как мораль и нормы определяют наиболее гуманистически ориентированные основы социального воспроизводства. Если они разрушаются, то и принцип социального государства, построенного на общественном договоре, с соблюдением принципов уважения, эмпатии и толерантности разрушается.

В наших более ранних работах показаны особенности кибербуллинга и буллинга в образовательных учреждениях [1–3], выявлены взаимосвязи травли в цифровом формате и последующего суицидального поведения молодых людей [4–8]. Те же процессы фиксируют и коллеги: А.А. Бочавер и К.Д. Хломов [11], И.В. Волкова [12]. Также кибербуллинг в школьной среде изучался Г.М. Ракишевой, Д.С. Сабитовой и М.Б. Жантемировой [20], Т.А. Хановым и А.С. Смагуловой [22], И.П. Крепак [13], А.И. Медынцевой [14] и другими. Эти процессы сопровождаются моральными перекосами и трансформацией морально-этических и мировоззренческих установок молодых людей (П.А. Баев [9, 10], О.А. Полюшкевич [15–19]). Работы исследователей подтверждают актуальность и нарастающую масштабность проблем кибербуллинга в молодежной среде. И как следствие – возникает потребность в формировании новых моральных ориентиров, новых ценностей и мировоззрения, способных противостоять агрессии в виртуальном пространстве.

Особенности исследования

Это стало основой для нашего исследования. Целью которого, стало выявление процессов взаимосвязи моральной деградации и кибербуллинга.

В исследовании приняли участие 800 молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, 55% девушки и 45% юноши. Они обучаются в вузах Иркутска и Красноярска. Квотами для участия в исследования стали: пол, возраст, город проживания, обучение в вузе, положительный ответ на вопрос о том, видели / были участником буллинга / кибербуллинга. При отборе респондентов менее одного процента (0,7) не сталкивались лично с данными явлениями. Все остальные в том или ином виде и статусе участвовали в ситуациях, связанных с буллингом и кибербуллингом.

В рамках изучения особенностей кибербуллинга мы использовали авторскую анкету, включающую 28 вопросов о буллинге и кибербуллинге. А также нами использовался опросник распространенности буллинга Д. Олвеуса, где представлены 38 утверждений, раскрывающих особенности ролей респондентов (жертва, агрессор, свидетель буллинга).

Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

С буллингом в качестве жертвы сталкивалось 35% опрошенных, в качестве агрессора 15% и в качестве наблюдателей буллинга 50%. С кибербуллингом в качестве жертвы сталкивалось значительно большее количество молодых людей 53%, агрессора 27%, наблюдателя 20% (рис. 1).

Среди девушек меньше жертв буллинга в два раза, чем среди юношей (34% и 66% соответственно), а показатели кибербуллинга гендерных отличий не выявили (жертвами являлись 52% девушек и 48% юношей). Агрессорами чаще выступают юноши (65% и 35% девушек). Среди наблюдателей явных гендерных отличий не выявлено. Это указывает на более пассивные роли и стремление к комфортному не конфликтному поведению в целом у девушек. Юноши более активны,

поэтому проявляют свою агрессивность более напористо.

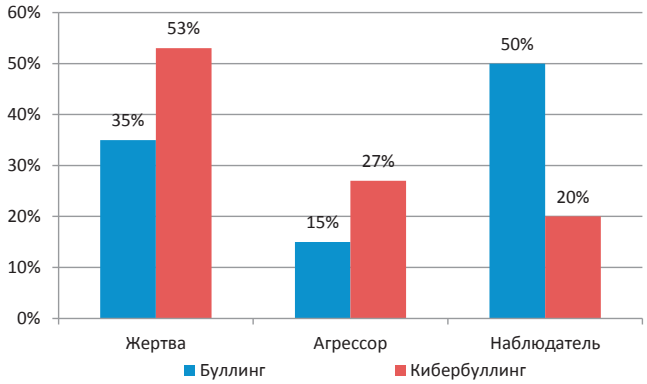

Рис. 1. Распространенность буллинга и кибербуллинга

Отвечая на вопрос о том, почему происходит травля жертвы, и агрессоры себя ведут не гуманно – сами жертвы, и те, кто был агрессором, и те, кто наблюдал эти ситуации со стороны – отвечали одинаково: это способ повысить свой статус и самоутвердиться за счет более слабых / не таких как все / иных и т.д. (46%). Вторым по значимости ответом было то, что агрессия как норма жизни, так как именно она позволяет создавать *уважение* и *страх* у других и она становится ожидаемым поведением у лидеров сообществ (30%). Третьим по частоте ответом стал тот, который указывал на то, что *нет порицания / наказания или недовольства со стороны других*, когда они видят буллинг или кибербуллинг (24%).

Обидные сообщения или угрозы присылают в настоящее время только 3% опрошенных, когда-то присылали 48%, сами такое высылали – 12%. 95% респондентов видели обидные сообщения, комментарии, оскорбления и угрозы на страницах социальных сетей своих друзей и знакомых.

На вопрос о способе совершения насилия, респонденты указали? Через телефонный звонок (17%), СМС или ММС (14%), через социальные сети (23%), через электронную почту (16%), мессенджеры (20%), открытые форумы (10%). При этом, более половины (63%) указали, что кибернасилие осуществлялось сразу несколькими способами, 37% указали, что только одним (рис. 2).

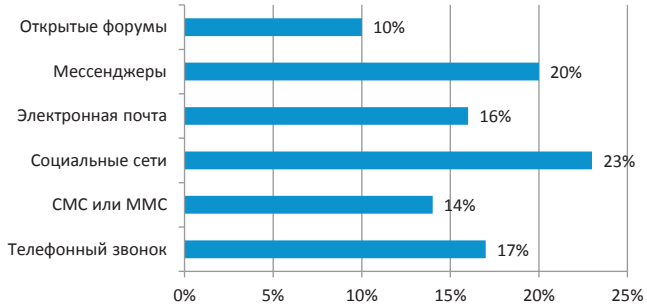

Рис. 2. Распространенные способы осуществления кибербуллинга

Мы выяснили, что те, кто стал жертвой буллинга, в 75% случаев становился жертвой кибербуллинга. Агрессор в буллинг взаимодействии в 95% случаев становится киберагрессором (в 40% с теми же жертвами и в 60% с другими людьми, ставшими его жертвами по разным причинам). Каждый третий наблюдатель буллинга становятся жертвой кибербуллинга (27%). Это указывает на то, что безопасность и благополучие молодежи находится под угрозой моральной деградации общества.

Интересным моментом выступает тот факт, что те, кто стал жертвой буллинга, в 54% случаев стараются стать или присоединиться к травле (кибербуллингу) уже как агрессоры в отношении других (как способ восстановить свою честь и достоинство, а также обрести поддержку среди сообщества). Это позволяет говорить о том, что агрессивность как принцип нарушения норм морали, работает достаточно эффективно (так как разрушаются морально-этические и нравственные основы). Мы можем наблюдать дегуманизацию морали и этики.

Кибербуллинг для агрессоров выступает еще одним способом самоутверждения и реализации (как продолжение разнообразных форм и стратегий буллинга). Для половины жертв кибербуллинг становится продолжением прессинга и агрессии из реального мира в виртуальном, а для другой половины – способом отстоять свою идентичность и противостоять обидчикам, угнетая и травя других людей. Для наблюдателей в большинстве случаев кибербуллинг становится еще одной площадкой для наблюдения, а другая часть становится жертвой и еще меньшая становится агрессором в виртуальном буллинге.

Таким образом, буллинг и в еще большей степени кибербуллинг становятся показателями трансформации моральных ценностей современной молодежи, происходит разрушение морального и нормативного регулирования собственного поведения, присущего социальной среде. Происходит усиление агрессивного животного начала, разрушающего социальные нормы и правила. Это показатель трансформации гуманистических установок общественного воспроизводства, на смену которым могут прийти совершенно новые принципы и правила жизни.

Выводы

Кибербуллинг опирается на буллинг в реальном взаимодействии. Все участники занимают одну из трех ролей: агрессора, жертвы и наблюдателя. В этом трио разные роли, но цель одна – занимать свое место в социальном воспроизводстве при дегуманизации ценностей и разрушении моральных норм и догм. Это приводит к новым условиям киберсоциализации и новых рамок социальной идентификации.

Виртуальное пространство будет создавать все новые и новые формы агрессии и разнообразного прессинга на жертв. Кибербуллинг уже опирается на потребности молодых людей в общении, поэтому полностью его убрать их нашей жизни невозможно, так как полностью убрать возможности цифровизации и виртуализации достаточно проблематично.

Буллинг как основа кибербуллинга выступает ситуацией социального научения. Следовательно, необходимо разрабатывать более продуктивные меры по социальной реализации в виртуальном пространстве без различных стратегий кибербуллинга.

Таким образом, моральная деградация в условиях кибербуллинга осуществляется через следующие составляющие.

– Анонимность и ощущение безнаказанности и вседозволенности, нет ощущения последствий своих действий. Результатом этого становится более агрессивное поведение и снижение моральных норм.
– Дегуманизация жертвы. Виртуальность «стирает человека» и делает его объектом, что приводит к уменьшению эмпатии и сострадания, увеличению агрессии и более радикальному нарушению моральных норм.
– Социальное одобрение агрессивного поведения. В отдельных сообществах проявление киберагрессии становится ожидаемым и одобряемым поведением, так как выступает инструментом предъявления своей силы и может подталкивать других участников к участию в кибертравле.
– Постоянное воздействие. Традиционный буллинг обычно происходит в определенном месте, в определенное время. Кибербуллинг не имеет ни временных, ни территориальных ограничений, что приводит к психологическим трансформациям как у жертвы, так и агрессора.
– Стигматизация. Жертвы кибербуллинга часто чувствуют себя изолированными от общества и отчужденными от привычной социальной среды, что приводит к понижению самооценки и моральной деградации. А также это формирует как в виртуальном, так и реальном пространстве токсичную среду, где моральные нормы условны или размыты.
– Воздействие на пассивных участников (наблюдателей). Фиксация и наблюдение за кибербуллингом приводит к тому, что «наблюдатели» менее эмпатичны и сострадательны к другим, а также склонны принимать подобное деструктивное агрессивное поведение. Это один из вариантов отклонения от моральных норм.

Эти факторы работают независимо, но в совокупности они многократно усиливают друг друга, формируя порочный круг моральной деградации в контексте данного явления, ведь кибербуллинг является одним из наиболее заметных проявлений упадка общественных ценностей, а также игнорирования принципов гуманизма и сострадания.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Буллинг в образовательных учреждениях // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 280–286.
2. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
3. Ардашев Р.Г., Ложкина Н.В. Проблемы буллинга и кибербуллинга в образовательных учреждениях // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 533–534.
4. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 58–68.
5. Ардашев Р.Г. Криминальный суицид в школах: социальное измерение // Социология. 2022. № 5. С. 23–30.
6. Ардашев Р.Г. Угрозы суицидального поведения молодежи в цифровую эпоху // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 383–387.
7. Ардашев Р.Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 77–85.
8. Ардашев Р.Г. Философия суицида в практическом измерении // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 119–125.
9. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
10. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
11. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3(11). С. 177–191.
12. Волкова И.В. Характеристики подросткового буллинга и его определение // Вестник Мининского Университета. 2016. № 3. С. 25.

13. Крепак И.П. Кибербуллинг в школе: факторы и их воздействие // Человек. Социум. Общество. 2023. № 5. С. 57–66.
14. Медынцева А.И. Кибербуллинг и онлайн-жестокость в интернете // Студенческий. 2023. № 19–5 (231). С. 63–65.
15. Полюшкевич О.А. Молодежь и моральные ценности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 188–192.
16. Полюшкевич О.А. Мораль и игра в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. № 13. С. 41–48.
17. Полюшкевич О.А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках // Социология. 2023. № 1. С. 79–85.
18. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
19. Полюшкевич О.А. Современное прочтение социологии морали // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 5. С. 50–58.
20. Ракишева Г.М., Сабитова Д.С., Жантемирова М.Б. Кибербуллинг в школьной среде: социально-психологический аспект // Вестник Карагандинского университета. Серия: Педагогика. 2023. № 3 (111). С. 124–132.
21. Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. М., 2012 [Электронный ресурс]. – URL: http://detionline.com/assets/files/helpline /RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf (дата обращения: 03.07.2025).
22. Ханов Т.А., Смагулова А.С. Кибербуллинг: правовые меры по борьбе с онлайн насилием и угрозами // Актуальные проблемы современности. 2024. № 4 (46). С. 32–41.
23. Olweus D. Bully/victimproblems in school: facts and intervention // European Journal of Psychology of Education. 1997. Vol. XII. № 4. Pp. 495–510.
24. Pew Research Center. Online Harassment. 2014 [Electronic resource]. – URL: http://www.pewinternet.org/2014/10/22/online-harassment/ (accessed: 03.07.2025).

CYBERBULLYING AS A FORM OF MORAL DEGRADATION

Ardashev R.G.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

The article examines the growth of cyberbullying in modern society. Digital aggression and digital bullying against young people is becoming one of the indicators of moral degradation of society. Based on empirical data, the main strategies and forms of cyberbullying are identified. The dependence of victims, aggressors and observers of bullying and those who become victims, aggressors and observers of cyberbullying is shown. The features and consequences of moral degradation of society are analyzed. Socially destructive transformations of the value-ideological foundations of social reproduction in the youth environment are revealed.

Keywords: cyberbullying, cyberbullying, cyberaggression, bullying, virtual space, digital space, morality, norms, digital morality, moral degradation.

References

1. Ardashev R.G. Bullying in educational institutions // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. pp. 280–286.
2. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // Sociology. 2022. № 6. Pp. 32–38.
3. Ardashev R.G., Lozhkina N.V. Problems of bullying and cyberbullying in educational institutions // Eurasian Law Journal. 2024. № 12 (199). pp. 533–534.
4. Ardashev R.G. Irrational foundations of suicide // Humanitarian vector. 2022. Vol. 17. № 2. Pp. 58–68.
5. Ardashev R.G. Criminal suicide in schools: the social dimension // Sociology. 2022. № 5. Pp. 23–30.
6. Ardashev R.G. Threats of suicidal behavior of young people in the digital age // Methodology of preventing threats in the 21st century. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. Pp. 383–387.
7. Ardashev R.G. Philosophy of suicide in virtual space // Humanitarian vector. 2023. Vol. 18. № 2. Pp. 77–85.
8. Ardashev R.G. Philosophy of suicide in practical terms // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2023. № 14. Pp. 119–125.
9. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // Sociology. 2024. № 11. Pp. 27–31.
10. Baev P.A. Expert Analysis of Moral Authorities of Modern Youth // Expert Institutions in the 21st Century: Civilizational and Digital Concepts of a Changing World. Collection of Scientific Papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific Editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515.
11. Bochaver A. A., Khlomov K.D. Cyberbullying: Bullying in the Space of Modern Technologies // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. № 3(11). Pp. 177–191.
12. Volkova I.V. Characteristics of teenage bullying and its definition // Bulletin of Minin University. 2016. № 3. P. 25.
13. Krepak I.P. Cyberbullying at school: factors and their impact // Man. Society. Obshchestvo. 2023. № 5. Pp. 57–66.
14. Medyntseva A.I. Cyberbullying and online cruelty on the internet // Student. 2023. № 19–5 (231). Pp. 63–65.
15. Polyushkevich O.A. Youth and moral values // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the IX International scientific and practical conference. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 188–192.
16. Polyushkevich O.A. Morality and Play in Modern Society // The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man. 2022. № 13. Pp. 41–48.
17. Polyushkevich O.A. Morality and Social Identity in Prosocial Practices // Sociology. 2023. № 1. Pp. 79–85.
18. Polyushkevich O.A. Moral Choice in the Structure of Prosocial Behavior // The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man. 2020. № 11. Pp. 127–131.
19. Polyushkevich O.A. Modern Reading of the Sociology of Morality // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16. № 5. Pp. 50–58.

20. Rakisheva G.M., Sabitova D.S., Zhantemirova M.B. Cyberbullying in the School Environment: Social and Psychological Aspect // Bulletin of Karaganda University. Series: Pedagogy. 2023. № 3 (111). Pp. 124–132.
21. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Roggendorf P. Children of Russia Online: Risks and Safety. Results of the International Project EU Kids Online II in Russia. Moscow, 2012 [Electronic resource]. – URL: http://detionline.com/assets/files/helpline /RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf (accessed: 03.07.2025).
22. Khanov T.A., Smagulova A.S. Cyberbullying: Legal Measures to Combat Online Violence and Threats // Actual Problems of Our Time. 2024. № 4 (46). Pp. 32–41.
23. Olweus D. Bully/victimproblems in school: facts and intervention // European Journal of Psychology of Education. 1997. Vol. XII. № 4. Pp. 495–510.
24. Pew Research Center. Online Harassment. 2014 [Electronic resource]. – URL: http://www.pewinternet.org/2014/10/22/online-harassment/ (accessed: 07/03/2025).

Молодежь и спорт: патриотическое воспитание в условиях социокультурных трансформаций

Корелин Михаил Николаевич,
преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД
E-mail: korelinmn@mail.ru

В статье приводятся результаты исследования вовлечения молодежи в спорт и включения через спортивную деятельность патриотического воспитания. Приводятся четыре стратегии развития спортивного воспитания, проводится оценка высокого, среднего и низкого уровня развития патриотизма в каждой из стратегий, а также уровень социальной идентичности и гордости за страну в рамках указанных стратегий. Выделены факторы, влияющие на развитие спортивно-патриотического наполнения спортивной деятельности и сформированы рекомендации комплексной работы в исследуемой сфере.

Ключевые слова: патриотизм, спорт, спортивная деятельность, патриотическое воспитание, социокультурные трансформации.

Развитие спорта – одна из возможностей формирования личности, где активизируется работа тела и сознания. Вместе с этим, формируется система мировоззрения молодого поколения. Патриотическое воспитание в данных условиях может стать рычагом социального моделирования личности молодого человека.

Патриотическое воспитание через спортивную деятельность не просто повышает физические возможности молодых людей, но и расширяет правовые, социокультурные, психологические, политические представления молодежи, расширяя возможности государственной молодежной политики. Развитие морально-волевых качеств, силы и ловкости, выносливости и стойкости, мужественности и дисциплинированности во время спортивно-патриотических занятий происходит на фоне развития убеждений и представлений о служении Отечеству и готовности защищать Родину (О.А. Роганов и др.).

Практики отмечают позитивную связь между вовлечением в спортивную деятельность и формированием гражданской идентичности, ответственности, командного духа и патриотических установок и мотивов в деятельности в повседневной жизни молодых людей. Это формирует большую социально-патриотическую ответственность за свою жизнь и жизнь страны в целом.

В практическом аспекте, данная связь положительно влияет на взаимодействие в рамках спортивных программ: молодые люди соблюдают правила и им доверяют, проявляют уважение к соперникам, готовы к сотрудничеству и взаимовыручке. Эти качества помогают в дальнейшей реализации патриотических установок в повседневной жизни и регулируют социальные устои спортивно-патриотического воспитания. А также, реализуемые в спортивных школах или секциях стратегии самоэффективности позволяют адаптировать личные или командные спортивные достижения на благо общества или страны.

Помимо собственно спортивных достижений, позволяющих фиксировать патриотический настрой в отношении страны, важны и сопутствующие мероприятия: работа волонтерами на спортивных мероприятиях, волонтерских спортивных инициатив с детьми из детских домов, инвалидов и т.д. (П.А. Баев [7,8]), просоциальная активность на спортивных мероприятиях (О.П. Полюшкевич [18], Р.В. Иванов [19, 20]), использование страте-

гий и образов наставничества (для формирования героев-спортсменов, опирающихся не только на спортивные достижения, но и социально-активную общественно-значимую деятельность) – М.Н. Корелин [3, 15]; О.В. Мунина [16]; А.Э. Муталимов [17]; О.А. Роганов, П.Г. Воронцов, Л.Г. Шебалина, В.А. Эртель [21]; Т.Б. Черняновская и С.Д. Антонюк [26]; Е.А. Шмелева, Т.В. Киселева, А.А. Михайлов и Д.С. Рожков [27]. Особое место принадлежит ориентации на спортивные достижения (Р.Г. Ардашев [1, 2], В.Н. Туркова [4–6]).

Это все отражается в мировоззренчески-идеологических ориентирах развития социально-патриотической риторики в спортивной деятельности. Идеи культурвитализма отражены в исследвоаниях С.И. Григорьева [9]; Г.В. Говорухина, Л.Г. Гусляковой, С.И. Григорьева и Л.Н. Цветкова [10–13]; А.В. Ковалевой и А.С. Выдриной [14]. Спорт как социокультурное явление отражен в работе М.Ю. Федоровской [22, 23]; философия спорта отражена в работе Ю.А. Фомина [24]; вопросы здорового образа жизни в многополярном мире как показателя национальной безопасности рассмотрены в работе О.М. Хохловой, А.В. Катунцевой и Л.Ю. Дмитриевой [25].

Особенности исследования

Для изучения мнения молодежи о том, насколько связано развитие патриотизма и спортивной деятельности мы провели опрос (n = 600) молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, обучающихся в разных вузах Иркутска и Красноярска, 55% девушек и 45% юношей.

Среди опрошенных было 50% (300 человек) занятых в различных спортивных секциях, в которых они занимались с детства. Большая часть (84%) имеет значимые достижения в спортивной деятельности (победы на Всероссийских и Международных соревнованиях, звание кандидата или мастера спорта).

Погрешность выборки 2,3. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

В результате анализа мы выделили три уровня развития уровня патриотизма: высокий, средний и низкий.

Высокий – благодаря занятиям спортом, сформировались как личные стратегии, так и социальные ориентиры спортивных достижений, которые означают успехи страны. Высокий уровень опирается на мировоззрение и ценности молодых людей, основанные на патриотических ориентирах спортивных достижений, включают исторический и социокультурный опыт.

Средний – спортивные достижения рассматриваются как условия личной успешной социализации и фиксируют качество жизни в стране и возможности дальнейшего профессионального роста. Акцент перенесен с интересов служения стране и спортивных достижений государства на личные амбиции и достижения.

Низкий – спортивная деятельность воспринимается как форма досуга, не позволяющая говорить и думать об интересах страны через спортивную деятельность.

Анализ результатов исследования

Рассматривая стратегии спортивного воспитания, которые функционируют на сегодняшний день в Российской Федерации, мы можем выделить разный уровень активности по патриотическому воспитанию и формы поддержки социально-активной спортивной позиции участников.

Первая – профессионально-спортивная работа (опирается на работу олимпийских школ резерва, целенаправленно отбирающих детей, подростков и молодых людей для развития спортивных достижений на профессиональном уровне) – 10%. Реализация патриотического воспитания в рамках этой стратегии высокая (80%) и средняя (20%), так как опирается на идеологические задачи государства, спорт выступает инструментом формирования престижа страны и на занятиях, помимо спортивных тренировок в рамках этого уровня осуществляется общеобразовательная подготовка, проводится качественная идеологическая работа. Данная стратегия поддерживается через целенаправленное финансирование государства.

Вторая – спортивно-досуговая работа (опирается на работу спортивных секций и работу спортивных федераций), она не предполагает обучение по общеобразовательным программам, фиксирует внимание на спортивной деятельности как форме досуга или хобби – 15%. По статистике более 50% участников данной стратегии реализуются в спортивной деятельности, в последствии, выбирая ее как основную профессиональную реализацию. Патриотическая работа на системном уровне не проводится, осуществляется в рамках значимых государственных и спортивных праздников, сопряжена с организацией спортивной работы по популяризации спорта и патриотической направленности. Данная стратегия поддерживается через работу общественных организаций на пожертвования или оплату участников, возможно привлечение грантовых средств от государственных или частных фондов на реализацию конкретных проектов. Уровень патриотизма в данной стратегии – средний (55%) или высокий (45%), в зависимости от направления деятельности.

Третья – спортивно-патриотическая работа в рамках образовательных организаций (школа, вуз) – 26%. Она опирается на инициативу учителей физкультуры, истории, безопасности жизнедеятельности, направленную на развитие патриотической наполненности образовательного процесса через исторические, социокультурные, национальные особенности, позволяющие лучше

узнать историю и культуру народа через занятие национальными видами спорта (скачки на конях, стрельба из лука, бурятская борьба), или традиционными видами спорта для определенной социальной группы (казачий кулачный бой). Финансирование этой стратегии осуществляется на основе оплаты взносов, участия в грантовой поддержке. Уровень патриотизма данной стратегии высокий (85%) и средний (15%), так как помимо личных интересов, он тесно переплетен с историей и культурой, а также современными процессами общественного воспроизводства.

Четвертая – спортивные клубы, направленные на поддержание тела в хорошей физической форме (спортзал, тренажёрный зал, бассейн) – 49%. Финансирование происходит полностью за счет личных средств посетителей спортивных комплексов. Патриотической подготовкой в данной стратегии никто не занимается, поэтому, уровень патриотизма низкий (65%) и средний (35%).

Спортивно-волонтерские проекты, занятость просоциальной деятельностью на спортивных мероприятиях присутствует только в первых трех стратегиях, так как позволяет прикоснуться к спортивной жизни с других сторон и мотивирует участников к активной социальной позиции, а также социальной ответственности за проводимые спортивные мероприятия. Последняя стратегия не ставит данный вид деятельности для себя как приоритетный, так как он не приносит дохода, а патриотические цели не являются приоритетными.

То, что в четвертой стратегии, максимальное количество участников, говорит о том, что спортивно-патриотическое направление требует более регулярного и масштабного внимания со стороны органов власти и представителей других социальных институтов, заинтересованных в спортивно-патриотическом воспитании детей, подростков и молодежи.

Уровень гражданской идентичности, среди тех, кто занимается в рамках разных стратегий, не одинаков.

Высокий уровень, где есть осознание себя гражданином своей страны, осознание себя патриотом, который своими спортивными достижениями усиливает достижения государства и мотивирует других гордиться тем, что они принадлежит к этому великому государству – наблюдается среди представителей первой и третей стратегий (75% и 64% соответственно).

Средний уровень гражданской идентичности, который опирается на знания о важности принадлежности к государству и ориентиры социальной спортивной реализации, но не всегда опирающиеся на гордость за достижения других или не считающие свои собственные спортивные достижения – значимыми для государства – присутствует в первых трех стратегиях (первая – 25%, вторая – 60%, третья – 36%, четвертая – 10%).

Низкий уровень гражданской идентичности, который опирается на формальную принадлежность к стране (гражданство, место жительства), не строится на эмоциях гордости за спортивные достижения других и в целом, гордости за страну присутствует во второй (40%) и четвертой (90%) стратегией.

Из факторов, влияющих на развитие спортивно-патриотического наполнения спортивной деятельности, выделяют:

- качество тренерской работы (во всех четырёх стратегиях);
- доступность и разнообразие секций (вторая и третья стратегии);
- возможность участия в соревнованиях на муниципальном, региональном и всероссийском уровнях (первая, вторая, третья стратегии);
- поддержка семьи (первая, вторая, третья стратегии);
- известность, социальный престиж спортсменов, занимающихся в секции или в рамках стратегии (во всех четырёх стратегиях).

Выводы

Декларируемые результаты успешной спортивно-патриотической деятельности образовательными учреждениями, спортивными организациями, федерациями спорта и другими инстанциями на практике не показывают глубокого анализа и погруженности в проблематику. Фиксируются формальные количественные показатели, а качественная оценка эффективности реализуемых стратегий спортивно-воспитательной и патриотической деятельности далека от совершенства. На обывательском уровне может и вовсе отсутствовать понимание необходимости данной работы, что приводит к деконсолидации сообществ внутри рассматриваемых стратегий развития спортивно-патриотической наполненности жизни детей, подростков и молодежи.

Социокультурные трансформации общества меняют условия и формы развития спортивно-патриотического воспитания молодежи. Важно, опираясь на существующие стратегии спортивного воспитания, выстроить комплексную систему развития молодого человека. Поэтому, пересмотр социальной политики в отношении спортивно-патриотического воспитания молодежи должен строиться на регулярном мониторинге и более глубокой оценке качества спортивно-патриотического воспитания. Также необходима не формальная, а реально ориентированная работа в рамках четырех стратегий развития спортивно-патриотической сферы жизни.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Бессознательные установки на спортивные достижения и профессиональ-

ную реализацию среди молодых работников силовых структур // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 28.
2. Ардашев Р.Г. Условия развития спортивных достижений студентов правовых вузов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 8. С. 104.
3. Ардашев Р. Г., Корелин М.Н. Патриотизм среди студентов-спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10.
4. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Особенности бессознательных стратегий спортивных достижений студентов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 9. С. 38.
5. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Отношение спортсменов к нарушению моральных и правовых норм на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 7. С. 65.
6. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Спортивные достижения студентов в структуре социального успеха // Теория и практика физической культуры. 2022. № 12. С. 90.
7. Баев П.А. Мотивы участия студентов в волонтерской работе на спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 9. С. 69.
8. Баев П.А. Спорт и патриотизм молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 2. С. 30.
9. Говорухина Г. В., Гуслякова Л.Г., Григорьев С.И., Цветков Л. . Культурвитализм как методологическая основа исследования духовно-нравственной составляющей качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 2 (200). С. 41–47.
10. Григорьев С.И. Культурвитализм – концептуальная основа развития евразийской идеологии: парадигмальные основания эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения // ЦИТИСЭ. 2019. № 3 (20). С. 16.
11. Григорьев С. И., Гуслякова Л.Г., Говорухина Г.В. Культурвитализм – концептуальная основа оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения Сибири // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 4 (210). С. 76–85.
12. Григорьев С. И., Даровских О.В., Гришина А.С. Культурвитализм и виталистская социология – концептуальная основа анализа современной национально-культурной, производственноэкономической и социально-территориальной дифференциации населения регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1 (199). С. 39–46.
13. Григорьев С. И., Миронова С.В. Культурвитализм социологии жизненных сил человека и общества – основа осмысления социального качества фантомов современной России // Философские дескрипты. 2016. № 15. С. 1.
14. Ковалева А. В., Выдрина А.С. Культурвитализм как методологическая основа социологического анализа социальной рекламы // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 2 (54). С. 111–114.
15. Корелин М.Н. Патриотизм и спортивная деятельность: оценки молодежи // Социология. 2025. № 8. С. 37–41.
16. Мунина О.В. Роль физической культуры и спорта в системе патриотического воспитания молодежи и механизме формирования гражданской идентичности личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 171–174. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174
17. Муталимов А.Э. Спорт как средство эстетического и патриотического воспитания молодежи // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 1. С. 68–73.
18. Полюшкевич О.А. Патриотизм и спорт в просоциальной активности молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10.
19. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В. Просоциальная активность как социальный капитал волонтеров при спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 92.
20. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В. Просоциальные практики в спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 50.
21. Роганов О. А., Воронцов П. Г, Шебалина Л.Г., Эртель В.А. Патриотизм и развитие волевых качеств молодежи в спортивно-оздоровительной деятельности вуза // Философия образования. 2016. № 6 (69). С. 151–161.
22. Федоровская М.Ю. Ретроспективный анализ спорта как социокультурного феномена // Социально-политические науки. 2020. № 1. С. 137–142.
23. Федоровская М.Ю. Спорт как социокультурное явление современности и его ведущие функции // Социодинамика. 2019. № 5. С. 1–14.
24. Фомин Ю.А. Методологические основы теории спорта или философия спорта? // Теория и практика физической культуры. 2011. № 12. С. 94–98.
25. Хохлова О. М., Катунцева А.В., Дмитриева Л.Ю. Здоровый образ жизни в многополярном мире как показатель национальной безопасности // Теория и практика физической культуры. 2025. № 8. С. 31.
26. Черняновская Т. Б., Антонюк С.Д. Массовый спорт как инструмент патриотического воспитания студенческой молодежи // Вестн. Тамб.

ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 21, вып. 7–8 (159–160). С. 57–63. DOI: https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-7/8159/160-57-63
27. Шмелева Е. А., Киселева Т.В., Михайлов А.А., Рожков Д.С. Военно-патриотическая подготовка учащейся молодежи на базе вузовского центра «Авангард»: базовые стратегии поведения // Научный поиск: личность, образование, культура. 2025. № . 3. С. 2–9. https://doi.org/10.54348/SciS.2025.3.1

YOUTH AND SPORTS: PATRIOTIC EDUCATION IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS

Korelin M.N.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs

The article presents the results of a study of youth involvement in sports and inclusion of patriotic education through sports activities. Four strategies for the development of sports education are presented, an assessment is made of the high, medium and low levels of patriotism in each of the strategies, as well as the level of social identity and pride in the country within the framework of these strategies. The factors influencing the development of sports and patriotic content of sports activities are identified and recommendations for comprehensive work in the area under study are formed.

Keywords: patriotism, sports, sports activities, patriotic education, socio-cultural transformations.

References

1. Ardashev R.G. Unconscious attitudes towards sports achievements and professional development among young employees of law enforcement agencies // Theory and practice of physical education. 2021. № 3. P. 28.
2. Ardashev R.G. Conditions for the development of sports achievements of students of law universities // Theory and practice of physical education. 2022.
3. Ardashev R. G., Korelin M.N. Patriotism among student-athletes // Theory and practice of physical education. 2025. № 10.
4. Ardashev R.G., Turkova V.N. Features of unconscious strategies for students' sports achievements // Theory and practice of physical education. 2022. № 9. P. 38.
5. Ardashev R.G., Turkova V.N. Athletes' attitudes towards violation of moral and legal norms at sports competitions in the aspect of sociological analysis // Theory and practice of physical education. 2023. № 7. P. 65.
6. Ardashev R.G., Turkova V.N. Sports achievements of students in the structure of social success // Theory and practice of physical education. 2022. № 12. P. 90.
7. Baev P.A. Motives for students' participation in volunteer work at sports competitions // Theory and practice of physical education. 2024. № 9. P. 69.
8. Baev P.A. Sports and patriotism of youth // Theory and practice of physical education. 2025. № 2. P. 30.
9. Govorukhina G. V., Guslyakova L.G., Grigoriev S.I., Tsvetkov L.N. Cultural vitalism as a methodological basis for studying the spiritual and moral component of the quality of life // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2016. № 2 (200). P. 41–47.
10. Grigoriev S.I. Cultural vitalism is a conceptual basis for the development of the Eurasian ideology: paradigmatic foundations of management efficiency and the optimal combination of the standard and quality of life of the population // CITISE. 2019. № 3 (20). P. 16.
11. Grigoriev S.I., Guslyakova L.G., Govorukhina G.V. Cultural vitalism is a conceptual basis for assessing the effectiveness of management and the optimal combination of the standard and quality of life of the population of Siberia // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2018. № 4 (210). P. 76–85.
12. Grigoriev S.I., Darovskikh O.V., Grishina A.S. Cultural vitalism and vitalist sociology are a conceptual basis for the analysis of modern national-cultural, industrial-economic and socio-territorial differentiation of the population of the regions of Russia // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2016. № 1 (199). P. 39–46.
13. Grigoriev S.I., Mironova S.V. Cultural vitalism of the sociology of the vital forces of man and society – the basis for understanding the SOCIAL QUALITY of PHANTOMS of MODERN Russia // Philosophical descriptors. 2016. № 15. P. 1.
14. Kovaleva A.V., Vydrina A.S. Cultural vitalism as a methodological basis for the sociological analysis of social advertising // Bulletin of the Altai State University. 2007. № 2 (54). P. 111–114.
15. Korelin M.N. Patriotism and sports activity: assessments of young people // Sociology. 2025. № 8. P. 37–41.
16. Munina O.V. The role of physical culture and sports in the system of patriotic education of youth and the mechanism of formation of civil identity of the individual // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. 2020. Vol. 20, issue. 2. P. 171–174. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174
17. Mutalimov A.E. Sport as a means of aesthetic and patriotic education of youth // Regional problems of economic transformation. 2019. № 1. P. 68–73.
18. Polyushkevich O.A. Patriotism and sports in the prosocial activity of young people // Theory and practice of physical education. 2025. № 10.
19. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V. Prosocial activity as social capital of volunteers in sports competitions // Theory and practice of physical education. 2024. № 7. P. 92.
20. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V. Prosocial practices in sports activities // Theory and practice of physical education. 2023. № 2. P. 50.
21. Roganov O. A., Vorontsov P.G., Shebalina L.G., Ertel V.A. Patriotism and development of volitional qualities of youth in sports and health activities of the university // Philosophy of education. 2016. № 6 (69). P. 151–161.
22. Fedorovskaya M. Yu. Retrospective analysis of sports as a socio-cultural phenomenon // Social and political sciences. 2020. № 1. P. 137–142.
23. Fedorovskaya M. Yu. Sports as a socio-cultural phenomenon of our time and its leading functions //. Sociodynamics. 2019. № 5. P. 1–14.
24. Fomin Yu.A. Methodological foundations of the theory of sports or the philosophy of sports? // Theory and practice of physical education. 2011. № 12. P. 94–98.
25. Khokhlova O.M., Katuntseva A.V., Dmitrieva L. Yu. Healthy lifestyle in a multipolar world as an indicator of national security // Theory and practice of physical education. 2025. № 8. P. 31.
26. Chernyanovskaya T. B., Antonyuk S.D. Mass sports as a tool for patriotic education of student youth // Vestn. Tambov. University. Series: Humanities. 2016. Vol. 21, issue. 7–8 (159–160). P. 57–63. DOI: https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-7/8159/160-57-63
27. Shmeleva E. A., Kiseleva T.V., Mikhailov A.A., Rozhkov D.S. Military-patriotic training of student youth on the basis of the Avangard University Center: basic behavior strategies // Scientific search: personality, education, culture. 2025. № 3. pp. 2–9. https://doi.org/10.54348/SciS.2025.3.1

Гигиена как механизм формирования общественной идентичности в глобализированном мире

Корнева Мария Ивановна,
старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: lorkorneva@rambler.ru

Крылова Варвара Дмитриевна,
студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: varya2003k@gmail.com

В статье исследуется гигиена как многомерный социальный институт, выходящий за рамки медико-биологических представлений о поддержании чистоты. Рассматривается эволюция гигиенических практик от древних ритуалов очищения до современных механизмов социальной регуляции и формирования коллективной идентичности. Анализируются исторические основания социальной гигиены, психологические и поведенческие аспекты гигиенического поведения, а также религиозно-культурные традиции ритуального очищения.
Особое внимание уделяется роли гигиены как маркера социального статуса и инструмента воспроизводства социального неравенства в глобализированном мире. Подчеркивается необходимость учета культурных особенностей и контекстуального значения гигиены при разработке программ общественного здравоохранения.
Исследование показывает необходимость синтеза медицинских знаний с культурно-религиозными традициями для формирования устойчивых гигиенических привычек в обществе.

Ключевые слова: социальная гигиена, традиции, общественное здравоохранение, религия, коллективная идентичность, общество.

Введение

Гигиена как совокупность принципов и практик поддержания чистоты и здоровья представляет собой не только индивидуальную потребность, но и фундаментальный социальный институт, формирующий облик человеческой цивилизации. От древнейших ритуалов очищения до современных протоколов инфекционной безопасности, гигиенические практики неизменно выполняют двойную функцию: защищают здоровье отдельного человека и обеспечивают благополучие общества в целом. В эпоху глобальных вызовов, включая пандемии и экологические кризисы, понимание социальной роли гигиены приобретает особую актуальность для формирования устойчивых и здоровых сообществ [1].

Современные исследования демонстрируют, что гигиенические нормы функционируют как механизм социальной регуляции, определяющий границы приемлемого поведения и формирующий коллективную идентичность. Соблюдение или нарушение гигиенических стандартов становится маркером принадлежности к определенной социальной группе, отражает уровень образования, культурного развития и социального статуса индивида [2].

Улучшение практик гигиены считается наиболее экономически эффективным средством снижения глобального бремени инфекционных заболеваний для здравоохранения. Был предпринят ряд усилий по поощрению практик гигиены в местах, где распространены заболевания, связанные с гигиеной, но они не смогли достичь ожидаемого успеха [3]. Одной из важных причин этого ограниченного успеха может быть то, что вмешательства по профилактике заболеваний в основном понимают и продвигают «гигиену» с биомедицинской точки зрения. Продвижение гигиены и вмешательства по профилактике заболеваний часто изображают и продвигают «гигиену» с биомедицинской точки зрения, что может быть неоптимально эффективным для достижения их цели изменения поведения людей. Например, образовательные сообщения, которые пропагандируют мытье рук, в основном включают в себя профилактику болезней и/или микробов в качестве мотивации, тогда как мотивация участников нашего исследования включала влечение, принадлежность, отвращение, заботу и многое другое [4]. Теория микробов утверждает, что микроорганизмы, известные как

патогены или микробы, являются причинами определенных заболеваний.

Дуглас в 1966 году и Кертис в 1998 году [1] получили важные знания об истоках гигиены, которые до сих пор считаются значительным вкладом в исследования, связанные с гигиеной и инфекционными заболеваниями. Исследование по пониманию мотивов гигиены, проведенное в Англии в 2003 году, показало, что большинство действий по уборке дома были мотивированы видом грязи [5]. Другое исследование, изучавшее понятие гигиены, показало, что это была важная социальная добродетель для женщин, поскольку их гигиенические практики вызывали восхищение и оценку со стороны их сверстников [1]. На самом деле, «гигиена» – это социальное явление и социальная конструкция, которую необходимо понимать в контексте сложных социальных реалий, чтобы максимизировать пользу от мер по продвижению гигиены [6]. Значение и мотивы гигиены различаются в разных обществах и условиях. Однако предпринятых усилий недостаточно, чтобы изучить, что формирует гигиеническое поведение и как люди в разных странах определяют термин «гигиена». Кроме того, недавний обзор Уайта и др. (2020) показал, что исследования, изучающие детерминанты гигиены, были неоптимальными [4].

Программы поощрения личной и общественной гигиены могут быть эффективными, если они учитывают культурные особенности и социальную среду людей, являющихся их целевыми группами. Таким образом, понимание гигиены с точки зрения местных жителей (участников/потребителей в разных социальных группах) может помочь внедрить в программы общепринятые концепции и точки зрения, что в свою очередь может способствовать разработке содержательных стратегий коммуникации и продвижения, направленных на изменение поведения [3]. Это, в свою очередь, может способствовать разработке культурно обоснованных поведенческих вмешательств для повышения соблюдения гигиенических норм.

Целью данного исследования – выяснить значение гигиены среди жителей стран из разных социальных слоев и то, как это значение влияет на их практику личной гигиены.

Исторические основания социальной гигиены

Истоки социально значимых гигиенических практик восходят к древнейшим цивилизациям, где забота о чистоте тела и окружающей среды была неразрывно связана с религиозными верованиями и общественным устройством [7]. В Древнем Египте система гигиенических предписаний включала не только личную чистоту жрецов и знати, но и строгие санитарные требования к обработке пищи, захоронению умерших и содержанию общественных пространств. Эти практики отражали представления о взаимосвязи телесной чистоты и духовной чистоты, формируя основы для развития общественного здравоохранения.

Древнегреческая концепция «калокагатии» – единства физического и нравственного совершенства – подчеркивала социальную значимость поддержания телесной чистоты как условия полноценного участия в общественной жизни. Общественные бани, гимнасии и системы водоснабжения в античных полисах демонстрировали понимание коллективной ответственности за создание здоровой городской среды [8].

Римская цивилизация развила эти принципы до уровня комплексной системы общественной гигиены, включавшей акведуки, канализацию, общественные термы и регламентацию торговли продуктами питания. Римское право закрепляло гигиенические требования как обязательные нормы городского общежития, устанавливая ответственность за их нарушение.

Период Средневековья характеризовался кардинальным пересмотром отношения к телесности и гигиене под влиянием христианского мировоззрения [9]. Акцент сместился с физической чистоты на духовное очищение, что привело к временному ослаблению санитарных норм в европейских городах. Однако именно в этот период сформировались новые формы коллективной гигиены: монастырские уставы, цеховые регламенты ремесленников, городские статуты регулирования торговли и общественного порядка.

Эпидемии чумы и холеры XIV–XV веков стали катализатором возрождения интереса к общественной гигиене как средству социальной защиты и создания специализированных органов общественного здравоохранения. Карантинные меры, санитарные кордоны и регламентация погребальных обрядов заложили основы современной эпидемиологии и продемонстрировали необходимость координированных действий для защиты общественного здоровья [8].

Развитие портовых городов и международной торговли потребовало создания унифицированных стандартов гигиены, что способствовало формированию международного сотрудничества в области общественного здоровья, а промышленная революция XVIII–XIX веков обострила проблемы городской гигиены, вызвав необходимость кардинального пересмотра подходов к планированию городского пространства и социальной политике.

Гигиена как социальный институт

Формирование гигиенических навыков представляет собой один из важнейших механизмов первичной социализации, через который индивид усваивает базовые нормы общественного поведения. Процесс обучения правилам личной гигиены в семье и образовательных учреждениях одновременно

транслирует представления о социальных границах, приемлемости поведения и принадлежности к культурному сообществу [10].

Соблюдение различных стандартов гигиены исторически служило маркером социального статуса и принадлежности к определенному классу. Доступность средств гигиены, качество санитарных условий жилья и рабочих мест, возможность получения медицинской помощи формируют систему социального неравенства, воспроизводящуюся из поколения в поколение.

Современные социологические исследования фиксируют прямую корреляцию между социально-экономическим статусом семьи и уровнем сформированности гигиенических навыков у детей. Недостаточная «семейная медицинская активность», низкая «регулярность спортивных занятий» и слабое «соблюдение правил гигиены» среди представителей социально уязвимых групп создают предпосылки для воспроизводства неравенства в сфере здоровья [11].

Гигиенические практики служат важным индикатором социального статуса и экономического положения индивидов и групп. Доступ к качественным гигиеническим средствам, современным санитарным технологиям и медицинскому обслуживанию дифференцирован по социально-экономическим критериям, что создает неравенство в области здоровья и благополучия. Престижные районы городов характеризуются более высокими стандартами коммунальной гигиены, лучшим качеством воды и воздуха, что влияет на здоровье и качество жизни их жителей. Потребительские предпочтения в области гигиенических продуктов отражают не только функциональные потребности, но и стремление к социальному признанию и статусному позиционированию [12]. Маркетинговые стратегии производителей гигиенических товаров активно эксплуатируют эти социальные механизмы, создавая символические системы, которые связывают потребление с социальной идентичностью.

Глобализация и урбанизация создают новые формы социального неравенства в области гигиены, особенно заметные в развивающихся странах. Миграционные процессы и формирование мегаполисов приводят к концентрации населения в условиях недостаточной санитарной инфраструктуры, что порождает социальные конфликты и усиливает маргинализацию определенных групп. Международные организации здравоохранения признают доступ к базовым санитарным услугам одним из основных прав человека, что отражает понимание гигиены как социального блага [8]. Программы развития, направленные на улучшение санитарных условий в бедных регионах, рассматриваются как инструмент социальной справедливости и устойчивого развития. Современные концепции «умных городов» и цифровизации городской среды открывают новые возможности для решения проблем общественной гигиены.

Психологические и поведенческие аспекты гигиены

Психологические механизмы, лежащие в основе гигиенического поведения, тесно связаны с фундаментальными потребностями человека в безопасности, принятии и самоуважении. Формирование гигиенических привычек происходит в раннем детстве через механизмы подражания, поощрения и наказания, что создает глубинные эмоциональные ассоциации с чистотой и загрязнением. Исследования в области когнитивной психологии показывают, что представления о чистоте и загрязнении влияют на восприятие других людей, формирование первых впечатлений и принятие социальных решений. Концепция «отвращения» как базовой эмоции играет ключевую роль в мотивации гигиенического поведения и создании социальных барьеров между группами. Культурные различия в понимании чистоты и загрязнения отражают более глубокие различия в системах ценностей и мировоззрении [1].

Современные исследования в области поведенческой экономики демонстрируют, что гигиеническое поведение подвержено влиянию когнитивных искажений и социальных эвристик. Эффект социального доказательства приводит к тому, что индивиды ориентируются на поведение окружающих при принятии решений о гигиенических практиках. Феномен «оптимистического искажения» может приводить к недооценке рисков, связанных с нарушением гигиенических норм, особенно в ситуациях, когда негативные последствия не являются немедленными или очевидными. Стресс и психологическое напряжение могут как усиливать, так и ослаблять мотивацию к соблюдению гигиенических правил, что имеет важные последствия для общественного здоровья в кризисных ситуациях [10]. Исследования детской гигиены полости рта показывают, что низкая санитарная культура и отсутствие мотивации способствуют широкому распространению стоматологических заболеваний.

Теория социального научения Альберта Бандуры предоставляет важные инсайты для понимания механизмов передачи гигиенических практик в обществе. Моделирование поведения значимых взрослых, включая родителей, учителей и медицинских работников, играет определяющую роль в формировании гигиенических установок у детей и подростков. Масс-медиа и социальные сети создают новые каналы для распространения гигиенической информации и формирования общественного мнения по вопросам здоровья и чистоты. Эффективность различных методов санитарного просвещения зависит от учета психологических особенностей целевых аудиторий и использования соответствующих коммуникативных страте-

гий. Современные подходы к обучению гигиене детей с особыми потребностями, включая детей с расстройствами аутистического спектра, требуют разработки специализированных программ с использованием смарт-технологий и дополненной реальности [13].

Групповая динамика оказывает значительное влияние на соблюдение гигиенических норм в коллективных условиях. Феномен «диффузии ответственности» может приводить к снижению индивидуальной мотивации к поддержанию чистоты в общественных пространствах. Социальное давление и нормы группы могут как способствовать, так и препятствовать соблюдению гигиенических правил, особенно среди подростков и молодежи. Лидерство и социальное влияние играют важную роль в формировании гигиенической культуры организаций и сообществ [2]. Программы изменения поведения, основанные на принципах социальной психологии, показывают высокую эффективность в повышении уровня общественной гигиены и профилактике заболеваний.

Понятие гигиены в религии

Религиозные традиции мира выработали сложные системы ритуального очищения, которые интегрируют физические, духовные и социальные аспекты человеческого существования. В исламской традиции концепция «тахара» (ритуальная чистота) представляет собой всеобъемлющую систему предписаний, регулирующих все аспекты повседневной жизни верующего [1]. Пятикратные омовения перед молитвой (вуду) не только обеспечивают физическую чистоту, но и служат символическим актом духовного очищения и подготовки к встрече с божественным. Более полное омовение (гусль) требуется в особых обстоятельствах и подчеркивает важность телесной чистоты для духовного состояния человека. Исламские правила гигиены охватывают также питание, одежду, жилище и межличностные отношения, создавая целостную систему жизни в соответствии с религиозными принципами.

Иудейская традиция разработала детализированную систему законов кашрута и ритуальной чистоты, которая регулирует пищевое поведение, семейные отношения и общественное взаимодействие. Концепция «тума» и «тахара» (нечистота и чистота) выходит за рамки физических характеристик и включает духовные и этические измерения. Ритуальные омовения в микве (ритуальной бане) отмечают важные переходные моменты в жизни человека и восстанавливают состояние ритуальной чистоты. Субботние и праздничные ритуалы очищения создают временные циклы священного времени, отделенного от профанной повседневности [14]. Эти практики формируют не только индивидуальную религиозную идентичность, но и коллективную принадлежность к еврейскому народу.

Христианство внесло революционные изменения в понимание связи между телесной и духовной чистотой, переосмыслив иудейские ритуальные предписания в свете учения Иисуса Христа. Таинство крещения как ритуал духовного рождения и очищения от первородного греха стало центральным элементом христианской инициации. Различные христианские конфессии развили собственные традиции ритуального омовения, от полного погружения в воду до символического окропления [8]. Монастырские традиции восточного и западного христианства создали детальные регламенты телесной чистоты, связав их с аскетическими практиками и духовным совершенствованием. Средневековые мистические традиции развили концепцию внутреннего очищения, которое может происходить независимо от внешних ритуалов чистоты.

Индуистская традиция развила одну из наиболее сложных систем ритуальной чистоты, которая интегрирует кастовую иерархию, жизненные циклы и космологические представления. Ежедневные омовения в священных реках, особенно в Ганге, рассматриваются как способ очищения от грехов и достижения духовного освобождения. Система пуджи (ритуального поклонения) включает детальные предписания по очищению тела, одежды и ритуальных предметов. Аюрведическая медицина создала научную основу для гигиенических практик, связав их с концепциями конституциональных типов и энергетического баланса [15]. Йогические практики включают техники внутреннего и внешнего очищения (шаткармы), которые подготавливают тело и ум к медитативным состояниям.

В разных культурах и обществах мотивация к соблюдению правил гигиены различна. Было обнаружено, что в некоторых сообществах Англии вид грязи мотивирует женщин завершать уборку дома [5]. Другое исследование показало, что социальная добродетель является важным фактором «гигиены» среди женщин, поскольку их гигиенические практики вызывают восхищение и одобрение со стороны сверстников [1]. Однако сложные связи между религией, культурой и гигиеной до сих пор остаются практически неизученными. Поэтому наши выводы могут быть полезны для руководства будущими исследованиями по изучению того, могут ли культурные системы верований, включая религиозные убеждения, быть эффективными в мотивации людей к улучшению своих гигиенических практик [16].

Значение слова «гигиена» является контекстуальным. Биомедицинские исследователи заинтересованы в понимании преимуществ для физического здоровья, тогда как наши участники были заинтересованы в достижении духовных пре-

имуществ. Таким образом, существует разрыв между воспринимаемой пользой гигиенических практик среди местного населения и биомедицинским взглядом на гигиену [17]. Хотя было проведено много исследований, описывающих различия между гигиеническими практиками разных полов, включая гигиену рук, в будущем следует провести более углубленные исследования различий между практиками личной гигиены разных полов, которые должны учитывать взаимосвязь между гендерно-определенными гигиеническими практиками, нормами/причинами, лежащими в основе этих практик, и распространенностью заболеваний [18]. Таким образом, вмешательства должны быть сосредоточены на контекстуальном значении гигиены и адаптировать свои мотивационные коммуникационные сообщения в соответствии с контекстом и обществом, на которое они направлены, чтобы достичь ожидаемых преимуществ для здоровья. Будущие исследования по профилактике заболеваний, связанных с гигиеной, должны объединять и связывать биомедицинский аспект с религиозными и культурными ритуалами для содействия улучшению гигиенических практик.

Заключение

Социальная роль гигиены в современном обществе далеко выходит за рамки простого поддержания чистоты и здоровья. Гигиенические практики функционируют как комплексный механизм социальной регуляции, формирующий индивидуальную и коллективную идентичность, обеспечивающий социальную стратификацию и групповую солидарность.

Будущее развитие социальной гигиены связано с формированием глобального сознания ответственности за общее благополучие, где забота о собственном здоровье рассматривается как вклад в здоровье всего человечества. Это требует не только технических и медицинских решений, но и глубоких изменений в системе образования, социальных институтах и культурных практиках современного общества.

Литература

1. Sultana R, Nahar N, Rimi N.A, et al. The Meaning of «Hygiene» and Its Linked Practices in a Low-Income Urban Community in Bangladesh. Int J Environ Res Public Health. 2022; 19(16):9823. doi:10.3390/ijerph19169823
2. Плещев И. Е., Шубин Л.Б., Савгачев В.В., Шкребко-Федотовская Д.А. Динамика социальных норм: мотивы соблюдения, факторы изменения и интегративные модели // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 7. – С. 432–436. – EDN LVZAJA.
3. Wolf J, Johnston R, Freeman MC, et al. Handwashing with soap after potential faecal contact: global, regional and country estimates. Int J Epidemiol. 2019;48(4):1204–1218. doi:10.1093/ije/dyy253
4. White S, Thorseth A.H, Dreibelbis R, Curtis V. The determinants of handwashing behaviour in domestic settings: An integrative systematic review. Int J Hyg Environ Health. 2020;227:113512. doi:10.1016/j.ijheh.2020.113512
5. Curtis V, Biran A, Deverell K, Hughes C, Bellamy K, Drasar B. Hygiene in the home: relating bugs and behaviour. Soc Sci Med. 2003;57(4):657–672. doi:10.1016/s0277-9536(02)00409-4
6. van der Geest S. Hygiene and sanitation: medical, social and psychological concerns. CMAJ. doi:10.1503/cmaj.150588
7. Freeman M.C, Stocks M.E, Cumming O, et al. Hygiene and health: systematic review of handwashing practices worldwide and update of health effects. Trop Med Int Health. 2014;19(8):906–916. doi:10.1111/tmi.12339
8. Рыбкин В.С. Предмет и задачи гигиены история возникновения и развития гигиены (Избранные лекции по общей гигиене) // Астраханский вестник экологического образования. – 2011. – № 1(17). – С. 98–102. – EDN PUQODV.
9. Побежимова М. А., Ненахов И.Г. Мифы об антисанитарном средневековье: изучение гигиенических практик в Европе 7–8 вековой давности // Молодежный инновационный вестник. – 2023. – Т. 12, № S1. – С. 417–420. – EDN EUDXZE.
10. Кулибина О. В., Плещёв И.Е., Скобелева Т.Н. Социально-гигиенические аспекты факторов риска учебного стресса студентов и возможные пути его профилактики // Санитарный врач. – 2021. – № 10. – С. 55–62. – DOI 10.33920/med-08–2110–05. – EDN JLTFAH.
11. Suen L.K.P, So Z.Y.Y, Yeung S.K.W, Lo K.Y.K, Lam S.C. Epidemiological investigation on hand hygiene knowledge and behaviour: a cross-sectional study on gender disparity. BMC Public Health. 2019;19(1):401. doi:10.1186/s12889-019-6705-5
12. Гневашева В. А., Горбунова Н.В. Социальная гигиена труда // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021. – Т. 29, № 5. – С. 1090–1093. – DOI 10.32687/0869–866X-2021–29–5–1090–1093. – EDN SSHRJD.
13. Nasretdinova N. Y., Vorozhcova L.I., Mandra Y.V., Mandra E.V., Dimitrova Y.V., Sorokoumova D.V., Gegalina N.M. Usage of the modern methods for prevention of dental diseases in children with autism spectrum disorders in the ural federal district // Actual problems in dentistry. 2019. № 4. pp. 155–161. DOI: https://doi.org/10.18481/2077-7566-2019-15-4-155-161
14. Allegranzi B, Memish Z.A, Donaldson L, Pittet D; World Health Organization Global Patient Safety

Challenge Task Force on Religious and Cultural Aspects of Hand Hygiene; World Alliance for Patient Safety. Religion and culture: potential undercurrents influencing hand hygiene promotion in health care. Am J Infect Control. 2009;37(1):28–34. doi:10.1016/j.ajic.2008.01.014
15. Bhartiya V. G., Prem C., Himani S. Impact of religious practices on health and hygiene: a critical observational study with special reference to article 25 of the constitution of India. Journal of Anatomical Sciences. 2020. № 28. DOI:10.46351/jas.v28i1pp49-56.
16. WHO Guidelines on Hand Hygiene in Health Care: First Global Patient Safety Challenge Clean Care Is Safer Care. Geneva: World Health Organization; 2009. 17, Religious and cultural aspects of hand hygiene. Available from: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK143998/
17. Boyce J.M. Hand and environmental hygiene: respective roles for MRSA, multi-resistant gram negatives, Clostridioides difficile, and Candida spp. Antimicrob Resist Infect Control. 2024. Vol. 13(1):110. doi:10.1186/s13756-024-01461-x
18. Eriksson K, Dickins T.E, Strimling P. Global sex differences in hygiene norms and their relation to sex equality. PLOS Glob Public Health. 2022;2(6): e0000591. doi:10.1371/journal.pgph.0000591

HYGIENE AS A MECHANISM OF PUBLIC IDENTITY FORMATION IN A GLOBALIZED WORLD

Korneva M.I., Krylova V.D.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The article examines hygiene as a multidimensional social institution that goes beyond the medical and biological concepts of maintaining cleanliness. The evolution of hygienic practices from ancient purification rituals to modern mechanisms of social regulation and formation of collective identity is considered. The historical foundations of social hygiene, psychological and behavioral aspects of hygienic behavior, as well as religious and cultural traditions of ritual purification are analyzed.
Particular attention is paid to the role of hygiene as a marker of social status and a tool for reproducing social inequality in a globalized world. The need to take into account cultural peculiarities and the contextual importance of hygiene in the development of public health programs is emphasized.
The study shows the need to synthesize medical knowledge with cultural and religious traditions in order to form sustainable hygiene habits in society.

Keywords: social hygiene, traditions, public health, religion, collective identity, society.

References

1. Sultana R, Nahar N, Rimi N.A, et al. The Meaning of «Hygiene» and Its Linked Practices in a Low-Income Urban Community in Bangladesh. Int J Environ Res Public Health. 2022;19(16):9823. doi:10.3390/ijerph19169823
2. Pleshchev I. E., Shubin L.B., Savgachev V.V., Shkrebko-Fedotovskaya D.A. Dynamics of social norms: motives for compliance, factors of change and integrative models // Socio-humanitarian knowledge. 2025. № 7. pp. 432–436.
3. Wolf J, Johnston R, Freeman MC, et al. Handwashing with soap after potential faecal contact: global, regional and country estimates. Int J Epidemiol. 2019;48(4):1204–1218. doi:10.1093/ije/dyy253
4. White S, Thorseth A.H, Dreibelbis R, Curtis V. The determinants of handwashing behaviour in domestic settings: An integrative systematic review. Int J Hyg Environ Health. 2020;227:113512. doi:10.1016/j.ijheh.2020.113512
5. Curtis V, Biran A, Deverell K, Hughes C, Bellamy K, Drasar B. Hygiene in the home: relating bugs and behaviour. Soc Sci Med. 2003;57(4):657–672. doi:10.1016/s0277-9536(02)00409-4
6. van der Geest S. Hygiene and sanitation: medical, social and psychological concerns. CMAJ. doi:10.1503/cmaj.150588
7. Freeman M.C, Stocks M.E, Cumming O, et al. Hygiene and health: systematic review of handwashing practices worldwide and update of health effects. Trop Med Int Health. 2014;19(8):906–916. doi:10.1111/tmi.12339
8. Rybkin V.S. The subject and tasks of hygiene the history of the emergence and development of hygiene (Selected lectures on general hygiene) // Astrakhan Bulletin of Environmental Education. 2011. № 1(17). pp. 98–102.
9. Pobezhimova M. A., Nenahov I.G. Myths about the unsanitary Middle Ages: a study of hygienic practices in Europe 7–8 centuries ago // Youth Innovation Bulletin. 2023. Vol. 12. № S1. pp. 417–420.
10. Kulibina O. V., Pleshchev I.E., Skobeleva T.N. Socio-hygienic aspects of risk factors for student learning stress and possible ways to prevent it // Sanitary doctor. – 2021. – № 10. – pp. 55–62. DOI 10.33920/med-08–2110–05.
11. Suen L.K.P, So Z.Y.Y, Yeung S.K.W, Lo K.Y.K, Lam S.C. Epidemiological investigation on hand hygiene knowledge and behaviour: a cross-sectional study on gender disparity. BMC Public Health. 2019;19(1):401. doi:10.1186/s12889-019-6705-5
12. Gnevasheva V. A., Gorbunova N.V. Social occupational hygiene // Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine. 2021. Vol. 29. № 5. pp. 1090–1093. DOI 10.32687/0869–866X-2021–29–5–1090–1093.
13. Nasretdinova N. Y., Vorozhcova L.I., Mandra Y.V., Mandra E.V., Dimitrova Y.V., Sorokoumova D.V., Gegalina N.M. Usage of the modern methods for prevention of dental diseases in children with autism spectrum disorders in the ural federal district // Actual problems in dentistry. 2019. № 4. pp. 155–161. DOI: https://doi.org/10.18481/2077-7566-2019-15-4-155-161
14. Allegranzi B, Memish Z.A, Donaldson L, Pittet D; World Health Organization Global Patient Safety Challenge Task Force on Religious and Cultural Aspects of Hand Hygiene; World Alliance for Patient Safety. Religion and culture: potential undercurrents influencing hand hygiene promotion in health care. Am J Infect Control. 2009;37(1):28–34. doi:10.1016/j.ajic.2008.01.014
15. Bhartiya V. G., Prem C., Himani S. Impact of religious practices on health and hygiene: a critical observational study with special reference to article 25 of the constitution of India. Journal of Anatomical Sciences. 2020. № 28. DOI:10.46351/jas.v28i-1pp49-56.
16. WHO Guidelines on Hand Hygiene in Health Care: First Global Patient Safety Challenge Clean Care Is Safer Care. Geneva: World Health Organization; 2009. 17, Religious and cultural aspects of hand hygiene. Available from: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK143998/
17. Boyce J.M. Hand and environmental hygiene: respective roles for MRSA, multi-resistant gram negatives, Clostridioides difficile, and Candida spp. Antimicrob Resist Infect Control. 2024. Vol. 13(1):110. doi:10.1186/s13756-024-01461-x
18. Eriksson K., Dickins T.E., Strimling P. Global sex differences in hygiene norms and their relation to sex equality. PLOS Glob Public Health. 2022;2(6): e0000591. doi:10.1371/journal.pgph.0000591

Социальные нормы как адаптивный инструмент: психологические механизмы их усвоения в межкультурном взаимодействии

Матвеев Дмитрий Вячеславович,
канд. техн. наук, доцент кафедры дискретного анализа,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»
E-mail: diman@uniyar.ac.ru

Плещёва Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Хахалина Анастасия Алексеевна,
студент Института психологии, социологии и биоэтики,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: anastasiakhakhalina@gmail.com

Статья посвящена комплексному анализу механизмов усвоения социальных норм в условиях современных социокультурных трансформаций, обусловленных процессами глобализации. Исследование рассматривает социальные нормы как специфический регулятивный механизм человеческих обществ, обладающий уникальными характеристиками социальности и ситуационной зависимости, которые кардинально отличают их от других нормативных систем.
В работе представлен теоретический анализ феноменологии социальных норм, выявляющий их особую роль в обеспечении социального порядка и координации межличностного взаимодействия на микро- и макроуровнях общественной организации. Особое внимание уделяется исследованию специфики процессов усвоения социальных норм в новых культурных контекстах, что приобретает критическую важность в эпоху интенсификации миграционных процессов и культурной мобильности. В данной статье мы рассматриваем ряд работ, посвященных социальным нормам, и выделяем специфику усвоения социальных норм, обсуждая комплексную модель их познания. Результаты исследования демонстрируют, что способность к эффективному усвоению социальных норм представляет собой критически важную адаптационную компетенцию, определяющую успешность интеграции индивида в новые социокультурные контексты. Выводы работы имеют междисциплинарное значение для социальной психологии и педагогических наук, открывая перспективы для дальнейших эмпирических исследований механизмов социокультурной адаптации в современном глобализированном мире.

Ключевые слова: социальные нормы, процесс обучения, культура, обучение с подкреплением, общество, общие ценности.

Введение

Пережив за последние десятилетия глубокие социокультурные трансформации под влиянием глобализации, человеческие общества существенно изменили свою культуру и психологию [1]. Социальные нормы (СН) представляют собой совокупность ценностей, ожиданий и убеждений, принятых большинством членов группы или общества [2]. Для обеспечения стабильности и упорядоченности люди разработали множество таких норм, которые регулируют поведение на индивидуальном и групповом уровнях и способствуют совместным действиям и социальному порядку в масштабах всего общества [3]. Социальные нормы часто называют «клеем» человеческих сообществ, поскольку их соблюдение позволяет участникам группы прогнозировать действия друг друга и формировать взаимное доверие. При этом сами нормы могут варьироваться по степени формальности: от чётко прописанных законов и регламентов до негласных правил поведения, которые передаются устной традицией и эмпирическим путём. Когда человек попадает в новую культурную среду, он сталкивается с множеством неочевидных и часто противоречивых норм, знакомых лишь местным жителям. В таких условиях понимание механизмов освоения и интерпретации новых правил становится ключевым для успешной адаптации, поскольку позволяет быстрее выявить и принять необходимые стандарты поведения, минимизировать культурные недоразумения и ускорить интеграцию в общество [4].

Большую часть времени люди ощущают социальную обязанность следовать принятым в группе нормам, даже если эти нормы противоречат их личным убеждениям или очевидным фактам. Это явление объясняется тем, что СН, в отличие от личных или моральных норм, обладают ярко выраженной «социальной» природой и требуют постоянного взаимодействия с окружением для поддержания и модификации. Личные и моральные нормы базируются на индивидуальных внутренних ценностях, таких как совесть, справедливость или чувство долга, и могут быть приняты и укреплены без внешней валидации. Социальные нормы же возникают именно в процессе группового взаимодействия: без обратной связи, поощрения или санкций со стороны других членов общества они теряют свою силу и смысл [5]. Накапливающиеся доказательства выявили механизмы

различных процессов, связанных с нормами, в качестве основы других процессов, связанных с нормами, включая соответствие нормам, обеспечение соблюдения норм и обнаружение нарушения норм, однако ограниченное внимание уделялось возможным механизмам обучения людей новым социальным нормам [6].

Исследования демонстрируют, что масштаб и содержание социальных норм могут существенно различаться даже внутри одной страны в зависимости от локальных социокультурных условий: природных рисков, традиций земледелия и уровня урбанизации. Так, в сельских регионах с развитым рисоводством сформировались коллективные практики, обеспечивающие совместную организацию полива и защиты урожая. Напротив, в мегаполисах жителям нередко необходимо строго соблюдать правила утилизации и сортировки мусора, чтобы поддерживать экологическую устойчивость и оптимизировать переработку ресурсов [4]. Переезд в городскую среду предъявляет к человеку повышенные требования к быстрому освоению новых норм – от порядка обращения с отходами до правил общественного транспорта. Способность эффективно усваивать и применять незнакомые социальные нормы становится ключевым навыком, позволяющим адаптироваться к изменяющимся условиям жизни и минимизировать культурные трения. Более того, исследования показывают, что изучение СН, связанных с коллективной вовлечённостью: например, преданность группе или трудовой этике, способствует укреплению сотрудничества и взаимовыручки в обществе [7]. При этом следование общественным стандартам не всегда приносит индивидуальную выгоду: подростки могут начать курить, чтобы соответствовать компании, а соперничество между группами нередко усугубляется благодаря ненормированным ожиданиям. Тем не менее именно способность быстро распознавать и усваивать чужие нормы позволяет человеку не отставать от социальных изменений и повышает шанс гармоничной интеграции в новую культурную среду [8].

Учитывая значимость освоения социальных норм для личной адаптации и социальной координации в условиях урбанизации и миграции, важно глубже понять механизмы, лежащие в основе их изучения. В дальнейшем мы проанализируем существующие теоретические подходы к СН и формы обучения, чтобы выработать целостную модель, объясняющую, как люди воспринимают, обрабатывают и усваивают новые правила поведения в меняющемся мире.

Черты социальной нормы

Когда человек оказывается в незнакомой ситуации или культуре, правила поведения редко бывают чётко сформулированы и чаще всего присутствуют в виде негласных указаний, определяющих, как следует действовать в данной социальной среде. Хотя разные виды норм опираются на единый базис, коллективные модели поведения или представления о том, что принято в группе (неписаные социальные нормы), в новом контексте обладают своими уникальными чертами. Они складываются из тонких ожиданий и неявных сигналов, зависящих от конкретной культуры и обстоятельств, и требуют от человека гибкости в понимании и адаптации к новым правилам взаимодействия [9].

Одной из ключевых особенностей, отличающих социальные нормы от других типов норм (соглашений, личных и правовых норм), является социальность. Макки Г. с коллегами, сравнивая социальные нормы с несколькими типами норм, рассматривали социальные нормы как «сильно социальные», что отражает восприятие ожиданий других относительно того, что следует делать в определенной ситуации [2]. Таким образом, по сравнению со следованием соглашениям, которое обычно движимо личным интересом и поддерживается эмпирическими ожиданиями, люди соблюдают СН, даже если они противоречат их личным целям, и поддерживают их нормативными ожиданиями [10]. Напротив, личные нормы – это усвоенные ценности, которые классифицируются как «не социальные» и требуют меньшего социального давления для поддержания [5]. Кроме того, хотя моральные нормы могут формироваться под воздействием социальных факторов, социальные нормы в первую очередь обусловлены социальными мотивами, требуют условных предпочтений для соблюдения и отражают социальное давление, признаваемое посредством социальной обратной связи в конкретных ситуациях (упрек, сплетня или комплимент. Однако источники социальной обратной связи разнообразны. В отличие от обратной связи правовых норм, которые более формальны и устанавливаются институтами и специальными группами (полиция), референтная группа СН меняется в зависимости от различных контекстов и социальных взаимодействий, включая всех соответствующих лиц, чье поведение и мнение имеет значение, таких как сверстники, друзья и семья [11]. То есть, изучение СН зависит от социального взаимодействия с различными группами, что подчеркивает социальность социальных норм.

Социальные нормы обладают особой гибкостью, которая проявляется в их сильной зависимостью от конкретных обстоятельств и контекстов. В отличие от моральных установок, основанных на глубоко укоренившихся убеждениях о добре и зле, социальные нормы не содержат встроенного универсального этического критерия и приобретают свою силу лишь в определённых ситуациях. Это означает, что правило, принятое в одном контексте, может оказаться неуместным, а порой и вовсе неприменимым в другом.

Моральные нормы формируются на основе многолетнего опыта и личных убеждений. Человек, искренне исповедующий принцип «не лгать», будет соблюдать его при любых обстоятельствах, независимо от социального давления или распространённости обмана в группе. Социальные же нормы зачастую поддерживаются системой поощрений и санкций, действующих в рамках конкретной социальной среды [2]. Например, в компании, где ложь рассматривается как допустимый инструмент достижения целей, даже люди с внутренними сомнениями могут подчиниться общему стандарту, чтобы избежать изоляции или наказания.

Сравнительно с правовыми нормами, которые закреплены в институциональной форме и действуют независимо от индивидуальных представлений о ситуации, социальные нормы остаются более пластичными. Закон «не переходить дорогу вне пешеходного перехода» будет эффективно соблюдаться на регулируемой магистрали с интенсивным движением, где за нарушение предусмотрены штрафы и существует общественное осуждение. Однако на узкой дворовой улочке, где пешеходы массово игнорируют переходы, это правило может утратить свою значимость: отсутствие контроля и привычка «все так делают» нивелируют его действие [12].

Особенности обучения социальным нормам

При погружении в непривычную обстановку или культуру человеку особенно важно активно вступать во взаимодействие с окружающими, поскольку именно в процессе социальных контактов новичок приобретает и совершенствует необходимые нормы поведения. В отличие от обучения моральным принципам, которые во многом опираются на внутренние личные убеждения, усвоение СН требует вовлечённости в коллективную динамику и базируется на трёх ключевых «социальных» характеристиках: социальное познание (распознавание и понимание правил), обратная связь (позитивная и негативная реакция группы) и социальный контекст (конкретная социально-культурная среда).

Обучение социальным нормам требует социального познания, такого как разделение и понимание ментальных состояний и поведения других людей, что отражает способность обучающихся взаимодействовать с другими [7]. Что касается обучения СН, меньший объём знаний достигается исключительно из личного опыта, тогда как большая их часть приобретается от других людей имеющих значение лично для вас или общества. Часто считается, что эти процессы включают социальное обучение (обучение у других). Таким образом, механизм обучения социальным нормам напоминает две стратегии социального обучения. Одна называется стратегией, зависящей от частоты, с помощью которой люди принимают действие, которое является наиболее распространенным в референтной группе, а другая определяется как стратегия, основанная на отдаче, которая подчеркивает, что выбор определенного поведения зависит от обратной связи с наблюдаемыми людьми. Получается, что учащиеся получают информацию о СН из социальных взаимодействий с другими людьми, а также из предварительных знаний о социальных нормах, которые люди передают дальше [14]. Хотя воспринимаемое поведение и убеждения большинства являются двумя основными источниками прогнозов социальных норм, не все данные рассматриваются одинаково в процессе оценки, что может привести к тому, что разные учащиеся будут по-разному восприимчивы к поведению других и, в свою очередь, будут предполагать, что одни люди более надёжны, чем другие. Другими словами, усвоение социальных норм в значительной степени опирается на социальное познание, то есть на суждения о надёжности поведения других.

Второй ключевой особенностью обучения СН является социальная обратная связь, которая обеспечивает учащимся прогнозирование надлежащего поведения при взаимодействии с другими. Обращение внимания на то, что делает большинство людей (описательные нормы), может помочь собрать первоначальную информацию и в дальнейшем подсказать субъективные ожидания социальных норм [12]. С одной стороны, механизм обучения может функционировать посредством социальной референции, то есть люди учатся вести себя надлежащим образом в определенной ситуации, основываясь на наблюдении за поведением других и полученной обратной связи. Что еще более важно, социальная обратная связь, которую человек получает от других, играет непосредственную роль в усилении или ослаблении его оценки уместности поведения в определенной ситуации, что включает в себя различные типы социальной обратной связи, такие как физические действия, эмоциональные реакции и схемы оценивания, выраженные путем добавления или вычитания баллов [15]. Например, можно научиться не шуметь в библиотеке, получив выговор, или научиться уступать место пожилым людям, получив похвалу. Таким образом, наблюдая за другими людьми, человек не только может вести себя в соответствии с установленными нормами, но и сам может более непосредственно ощущать социальную обратную связь.

Наконец, учитывая, что социальные нормы чувствительны к социокультурному контексту, третьей ключевой характеристикой обучения СН является контекстно-ориентированная обработка, которая отличает обучение социальным нормам от других процессов обучения, таких как обучение с подкреплением, зависящее от валентности и силы обратной связи. Кроме того, в отличие

от моральных убеждений, требующих меньшего укрепления и вряд ли исчезающих в изменяющихся ситуациях из-за интернализации, социальные нормы могут быть усвоены через личный опыт/отношения и приобретены из окружающей среды и потенциальных референтных групп [16]. Следовательно, процесс обучения социальным нормам в высшей степени релевантен текущим обстоятельствам и контексту, что помогает учащимся обнаруживать новые социальные нормы при взаимодействии с другими.

Выводы

Проведенный анализ механизмов усвоения социальных норм в контексте современных социокультурных изменений позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, имеющих важные теоретические и практические следствия.

Прежде всего, исследование демонстрирует, что способность к эффективному усвоению социальных норм становится критически важным адаптационным механизмом в условиях ускоряющейся глобализации и культурной мобильности. В отличие от устоявшихся представлений о социальных нормах как статичных регуляторах поведения, данная работа раскрывает их динамическую природу и подчеркивает необходимость развития специализированных когнитивных способностей для их освоения.

Выявленные уникальные характеристики социальных норм, выраженные социальностью и ситуационной зависимостью, определяют специфику процессов их усвоения, кардинально отличающихся от механизмов интернализации моральных или правовых норм. Этот факт имеет ключевое значение для понимания того, как люди адаптируются к новым культурным контекстам и почему традиционные подходы к культурной адаптации часто оказываются недостаточными.

Особо значимым представляется выделение трех ключевых компонентов процесса обучения социальным нормам: социального познания, социальной обратной связи и контекстно-ориентированной обработки информации. Этот триединый механизм объясняет, почему успешная культурная адаптация требует не только наблюдения за поведением окружающих, но и развития способности к точной интерпретации социальных сигналов и гибкого реагирования на изменяющиеся контекстуальные условия.

В заключение следует отметить, что представленная работа вносит вклад в понимание адаптационных механизмов человека в условиях культурной изменчивости и закладывает основы для развития новых подходов к изучению социокультурной адаптации в современном взаимосвязанном мире.

Литература

1. Cai H., Huang Z., Jing Y. (2019). “Living in a changing world: the change of culture and psychology” in The Handbook of Culture and Psychology. eds. Matsumoto D., Hwang H.C.. 2nd ed (New York, NY: Oxford University Press), 786–817.
2. Zhang W, Liu Y, Dong Y, et al. How we learn social norms: a three-stage model for social norm learning. Front Psychol. 2023;14:1153809. Published 2023 Jun 2. doi:10.3389/fpsyg.2023.1153809
3. Gilliam A., Schwartz D.B., Godoy R., Boduroglu A., Gutchess A. (2022). Does state tightness-looseness predict behavior and attitudes early in the COVID-19 pandemic in the USA? J. Cross-Cult. Psychol. 53, 522–542. doi: 10.1177/00220221221077710
4. Chua RYJ, Huang KG, Jin M. Mapping cultural tightness and its links to innovation, urbanization, and happiness across 31 provinces in China. Proc Natl Acad Sci U S A. 2019;116(14):6720–6725. doi:10.1073/pnas.1815723116
5. Плещев И. Е., Ивашковская А.В., Плещева Т.Н., Хахалина А.А. Изменения социальных норм: движущие силы и последствия // Социология. – 2025. – № 6. – С. 343–349. – EDN DOQIIK.
6. Mu Y, Kitayama S, Han S, Gelfand MJ. How culture gets embrained: Cultural differences in event-related potentials of social norm violations. Proc Natl Acad Sci U S A. 2015;112(50):15348–15353. doi:10.1073/pnas.1509839112
7. Legros S, Cislaghi B. Mapping the Social-Norms Literature: An Overview of Reviews. Perspect Psychol Sci. 2020;15(1):62–80. doi:10.1177/1745691619866455
8. Olsson A, Knapska E, Lindström B. The neural and computational systems of social learning. Nat Rev Neurosci. 2020;21(4):197–212. doi:10.1038/s41583-020-0276-4
9. Horne C., Mollborn S. (2020). Norms: an integrated framework. Annu. Rev. Sociol. 46, 467–487. doi: 10.1146/annurev-soc-121919-054658
10. Gross J, Vostroknutov A. Why do people follow social norms?. Curr Opin Psychol. 2022;44:1–6. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.016
11. Legros S, Cislaghi B. Mapping the Social-Norms Literature: An Overview of Reviews. Perspect Psychol Sci. 2020;15(1):62–80. doi:10.1177/1745691619866455
12. Morris M. W., Hong Y.Y., Chiu C.Y., Liu Z. Normology: integrating insights about social norms to understand cultural dynamics. Organ. Behav. Hum. Decis. Process. 2015. № 129. Pp. 1–13. doi: 10.1016/j.obhdp.2015.03.001
13. Кулибина, О. В., Плещёв И Е., Скобелева Т.Н. Социально-гигиенические аспекты факторов риска учебного стресса студентов и возможные пути его профилактики // Сани-

тарный врач. – 2021. – № 10. – С. 55–62. – DOI 10.33920/med-08–2110–05. – EDN JLTFAH.
14. Песоцкий В. А., Жебин В.А. Методологические особенности исследования социальных систем в их развитии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 1(17). – С. 90–97. – EDN YUCFAS.
15. Morris MW, Savani K, Fincher K. Metacognition fosters cultural learning: Evidence from individual differences and situational prompts. J Pers Soc Psychol. 2019;116(1):46–68. doi:10.1037/pspi0000149
16. FeldmanHall O, Dunsmoor JE. Viewing Adaptive Social Choice Through the Lens of Associative Learning. Perspect Psychol Sci. 2019;14(2):175–196. doi:10.1177/1745691618792261

SOCIAL NORMS AS AN ADAPTIVE TOOL: PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF THEIR ASSIMILATION IN INTERCULTURAL INTERACTION

Matveev D.V., Pleshcheva T.N., Khakhalina A.A.
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

This article is devoted to a comprehensive analysis of the mechanisms of assimilation of social norms in the context of modern sociocultural transformations caused by the processes of globalization. The study considers social norms as a specific regulatory mechanism of human societies with unique characteristics of sociality and situational dependence, which radically distinguish them from other regulatory systems.
The paper presents a theoretical analysis of the phenomenology of social norms, revealing their special role in ensuring social order and coordinating interpersonal interaction at the micro and macro levels of a public organization. Special attention is paid to the study of the specifics of the processes of assimilation of social norms in new cultural contexts, which is becoming critically important in the era of intensification of migration processes and cultural mobility. In this article, we review a number of works on social norms and highlight the specifics of assimilation of social norms, discussing a comprehensive model of their cognition.
The results of the study demonstrate that the ability to effectively assimilate social norms is a critically important adaptive competence that determines the success of an individual's integration into new socio-cultural contexts. The conclusions of the work have interdisciplinary significance for social psychology and pedagogical sciences, opening up prospects for further empirical research on the mechanisms of socio-cultural adaptation in the modern globalized world.

Keywords: social norms, learning process, culture, reinforcement learning, society, shared values.

References

1. Cai H., Huang Z., Jing Y. (2019). "Living in a changing world: the change of culture and psychology" in The Handbook of Culture and Psychology. eds. Matsumoto D., Hwang H.C.. 2nd ed (New York, NY: Oxford University Press), 786–817.
2. Zhang W, Liu Y, Dong Y, et al. How we learn social norms: a three-stage model for social norm learning. Front Psychol. 2023;14:1153809. Published 2023 Jun 2. doi:10.3389/fpsyg.2023.1153809
3. Gilliam A., Schwartz D.B., Godoy R., Boduroglu A., Gutchess A. (2022). Does state tightness-looseness predict behavior and attitudes early in the COVID-19 pandemic in the USA? J. Cross-Cult. Psychol. 53, 522–542. doi: 10.1177/00220221221077710
4. Chua RYJ, Huang KG, Jin M. Mapping cultural tightness and its links to innovation, urbanization, and happiness across 31 provinces in China. Proc Natl Acad Sci U S A. 2019;116(14):6720–6725. doi:10.1073/pnas.1815723116
5. Pleshchev I. E., Ivashkovskaya A.V., Pleshcheva T.N., Khakhalina A.A. Changes in social norms: driving forces and consequences // Sociology. 2025. № 6. pp. 343–349.
6. Mu Y, Kitayama S, Han S, Gelfand MJ. How culture gets embrained: Cultural differences in event-related potentials of social norm violations. Proc Natl Acad Sci U S A. 2015;112(50):15348–15353. doi:10.1073/pnas.1509839112
7. Legros S, Cislaghi B. Mapping the Social-Norms Literature: An Overview of Reviews. Perspect Psychol Sci. 2020;15(1):62–80. doi:10.1177/1745691619866455
8. Olsson A, Knapska E, Lindström B. The neural and computational systems of social learning. Nat Rev Neurosci. 2020;21(4):197–212. doi:10.1038/s41583-020-0276-4
9. Horne C., Mollborn S. (2020). Norms: an integrated framework. Annu. Rev. Sociol. 46, 467–487. doi: 10.1146/annurev-soc-121919-054658
10. Gross J, Vostroknutov A. Why do people follow social norms? Curr Opin Psychol. 2022;44:1–6. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.016
11. Legros S, Cislaghi B. Mapping the Social-Norms Literature: An Overview of Reviews. Perspect Psychol Sci. 2020;15(1):62–80. doi:10.1177/1745691619866455
12. Morris M. W., Hong Y.Y., Chiu C.Y., Liu Z. Normology: integrating insights about social norms to understand cultural dynamics. Organ. Behav. Hum. Decis. Process. 2015. № 129. Pp. 1–13. doi: 10.1016/j.obhdp.2015.03.001
13. Kulibina O. V., Pleshchev I.E., Skobeleva T.N. Socio-hygienic aspects of students' learning stress risk factors and possible ways to prevent it // The sanitary doctor. 2021. № 10. pp. 55–62. DOI 10.33920/med-08–2110–05.
14. Pesotsky V. A., Zhebin V.A. Methodological features of the study of social systems in their development // Economic and socio-humanitarian studies. 2018. № 1(17). pp. 90–97.
15. Morris MW, Savani K, Fincher K. Metacognition fosters cultural learning: Evidence from individual differences and situational prompts. J Pers Soc Psychol. 2019;116(1):46–68. doi:10.1037/pspi0000149
16. FeldmanHall O, Dunsmoor JE. Viewing Adaptive Social Choice Through the Lens of Associative Learning. Perspect Psychol Sci. 2019;14(2):175–196. doi:10.1177/1745691618792261

Плагиат в медицине: пути решения проблем

Савгачев Виталий Владимирович,
канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

Ермошина Мария Евгеньевна,
студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: mermoschina@yandex.ru

Шубин Данила Леонидович,
студент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
E-mail: danshn@yandex.ru

Статья посвящена стратегиям борьбы с плагиатом в медицине. Рассматриваются образовательные мероприятия, направленные на повышение этической культуры среди студентов и ученых. Важную роль играет формирование строгих систем контроля и наказаний за нарушение норм научного поведения. Использование современных технических решений помогает автоматизировать выявление заимствований. Подчеркивается значимость международного сотрудничества в создании общих стандартов и механизмов взаимодействия. Для успешной борьбы с плагиатом необходим комплексный подход, объединяющий образовательную работу, нормативные механизмы и применение новых технологий. Особое внимание уделяется будущим перспективам, связанным с изменениями в оценке качества исследований и совершенствовании методов определения оригинальных работ.

Ключевые слова: плагиат, научные исследования, медицина.

Стратегии борьбы с плагиатом

Столкнувшись с проблемами плагиата в медицинской науке, нам необходимо принять многоуровневую и многоаспектную стратегию реагирования, начиная с образования, систем, технологий и других аспектов, чтобы создать эффективную систему защиты академической добросовестности.

Укрепление академической честности образования

Академическое образование является основой предотвращения плагиата. Благодаря систематическому образованию мы можем повысить этическую осведомленность и чувство ответственности исследователей, помочь им осознать пагубность и последствия плагиата и, таким образом, сознательно соблюдать академические нормы.

Обучение принципам академической честности должно начинаться с раннего возраста и быть включено в систему формального образования от начальной школы, средней школы до университета. На этапе высшего образования обучение академической добросовестности должно быть включено в обязательные курсы, чтобы помочь студентам понять академические нормы и этические требования посредством анализа случаев, обсуждения и практики [1].

В то же время для работающих исследователей необходимо регулярно проводить обучение по вопросам академической добросовестности, чтобы обновлять их знания и повышать их этическую осведомленность. Такое обучение следует сочетать с реальными случаями, чтобы исследователи могли понять критерии выявления и процедуры рассмотрения случаев плагиата, а также правовые и этические последствия плагиата.

Улучшение конструкции системы

Система является важной гарантией предотвращения и наказания плагиата. Создание строгого механизма отчетности и расследования случаев академического проступка, а также обеспечение надлежащего наказания за академические проступки является необходимой мерой для поддержания академической честности.

Прежде всего, необходимо установить четкие стандарты и процедуры выявления академических проступков, чтобы можно было руководствоваться правилами при выявлении и рассмотрении случаев академических проступков. Эти стандарты и процедуры должны быть открытыми и прозрач-

ными, чтобы гарантировать справедливость и последовательность [2].

Во-вторых, следует создать специальный комитет или институт по вопросам академической честности, который будет принимать сообщения о нарушениях академической этики, организовывать расследования и давать рекомендации по их решению. Эти органы должны быть независимы от возможных заинтересованных сторон, чтобы обеспечить беспристрастность расследования.

Кроме того, необходимо создать систему регистрации и обнародования случаев академического проступка, а также обнародовать результаты рассмотрения случаев академического проступка в целях создания предупредительного эффекта. В то же время будет создан механизм привлечения к ответственности за академические проступки, чтобы привлечь к ответственности виновные учреждения и отдельных лиц.

Использование технологий для обнаружения плагиата

Технические средства являются эффективным инструментом обнаружения плагиата. С развитием информационных технологий появились различные инструменты обнаружения плагиата, обеспечивающие надежную поддержку в обнаружении и борьбе с плагиатом.

В нашей стране, так и зарубежом разработано множество инструментов для обнаружения плагиата, таких как Антиплагиат и CheckDuplicate.com. Эти инструменты могут помочь выявить возможный плагиат путем сравнения текстов и поиска похожего контента. Перед публикацией статьи автору может быть предложено предоставить отчет о плагиате, чтобы подтвердить оригинальность статьи [8].

Кроме того, технологию анализа больших данных можно использовать для регулярной проверки опубликованных статей на предмет возможного плагиата. Этот метод позволяет обнаружить плагиат постфактум и принять своевременные меры по его устранению.

Ян Вэй из Национального фонда естественных наук Китая заявил, что фонд принимает меры по борьбе с академическим мошенничеством, включая недавнюю установку инструмента «проверки сходства» для выявления возможного плагиата в исследовательских предложениях [10]. Применение этого технического средства обеспечивает надежную поддержку в предотвращении плагиата.

Укреплять международное сотрудничество и обмены

Плагиат – глобальная проблема, решение которой требует совместных усилий международного сообщества. Укрепление международного сотрудничества и обменов, совместное противодействие академическим нарушениям и содействие построению глобальной добросовестности научных исследований являются важными стратегиями решения проблемы плагиата [9].

Прежде всего, нам следует активно участвовать в деятельности международных организаций академической добросовестности, таких как Международная ассоциация издателей научной, технической и медицинской литературы (STM) и Всемирная медицинская ассоциация (WMA), чтобы понимать и извлекать уроки из передового международного опыта и практики [10].

Во-вторых, мы должны содействовать созданию международных стандартов академической честности и механизмов сотрудничества для содействия обменам и сотрудничеству между странами в деле укрепления академической честности. Например, можно создать международную базу данных о нарушениях академической этики для обмена информацией о нарушениях академической этики и предотвращения возможности для лиц, совершивших нарушения, избежать наказания путем смены страны или учреждения.

Кроме того, мы также можем обмениваться опытом и практикой в области укрепления академической честности посредством международных научных конференций и семинаров, а также совместно изучать стратегии и меры по борьбе с академическими нарушениями.

Создать многотехнический механизм профилактики

Для более эффективной профилактики плагиата необходимо создать многотехнологичный механизм профилактики и комплексно использовать различные технические средства для повышения эффективности профилактики [3].

Именно инструменты обнаружения плагиата могут быть интегрированы в систему подачи статей для автоматического обнаружения статей. При обнаружении возможного плагиата система может автоматически оповестить редакторов и авторов о необходимости дальнейшего расследования и обработки.

Также, можно создать систему полного отслеживания процесса написания статьи, которая будет регистрировать и контролировать весь процесс от начала ее подачи, и вплоть до ее публикации, чтобы гарантировать подлинность и оригинальность статьи. Эта система может регистрировать историю изменений статьи и не позволять исследователям отправлять статью в разные журналы или изменять ее содержание. Кроме того, такие технологии, как блокчейн, могут использоваться для создания надежного механизма аутентификации документов, гарантирующего их подлинность и целостность. Данная технология может обеспечить документы неизменяемыми временными метками и аутентификацией личности, чтобы предотвратить их подделку или фальсификацию, однако существуют алгоритмы позволяющие

их выявлять, но не каждый способен ими воспользоваться [7].

Ну и в конце концов, можно создать открытый портал доступа и обмена статьями, чтобы улучшить открытость и прозрачность знаний и сократить случаи плагиата. Открытый доступ облегчит обнаружение и проверку результатов исследований, что повышает риск обнаружения плагиата.

Короче говоря, для решения проблемы плагиата в медицинской науке необходимо использовать комплекс различных стратегий, начиная с образования, систем, технологий и других аспектов, чтобы создать комплексную систему защиты академической добросовестности. Только таким образом мы сможем эффективно бороться с плагиатом и поддерживать здоровое развитие медицинской науки.

Перспективы будущего

С непрерывным развитием науки и техники, а также углублением медицинских исследований плагиат столкнется с новыми проблемами и возможностями. В будущем медицинскому научному сообществу необходимо будет постоянно внедрять инновации и совершенствовать систему обеспечения добросовестности научных исследований, чтобы гарантировать соблюдение добросовестности и этических стандартов научных исследований [4].

Новые вызовы, вызванные технологическим развитием

С развитием таких технологий, как искусственный интеллект и большие данные, плагиат может стать более сложным и скрытым, что создаст новые проблемы для его предотвращения и обнаружения. Например, ИИ может генерировать текст, похожий, но не идентичный существующей литературе, что затрудняет обнаружение плагиата традиционными инструментами. Кроме того, технология Deep Fake может также использоваться для подделки исследовательских данных или изображений, что затрудняет обнаружение [6].

Перед лицом этих проблем нам необходимо постоянно совершенствовать технические средства, разрабатывать более совершенные инструменты обнаружения плагиата, а также повышать точность и эффективность обнаружения. В то же время необходимо усилить этический надзор за новыми технологиями, чтобы предотвратить их использование в академических целях.

Изменения в модели медицинских исследований

Изменения в модели медицинских исследований также могут оказать влияние на проблему плагиата. Учитывая междисциплинарный и командный характер медицинских исследований, сложность и необходимость сотрудничества в ходе исследований постоянно возрастают, а традиционная модель индивидуального исследования постепенно заменяется групповым исследованием. В этом случае выявление и разделение ответственности за плагиат усложняются, и необходимо создание более полных систем и механизмов [5].

В будущем медицинские исследования могут уделять больше внимания открытой науке и совместным инновациям, а данные и методы исследований могут стать более публичными и прозрачными, что может сократить случаи плагиата, но также выдвинуть новые требования к академической добросовестности. Поддержание академической честности в открытой научной среде станет важным вопросом, который необходимо будет решить в будущем [4].

Реформа системы оценки научных исследований

Текущая система оценки научных исследований, основанная на количестве статей и импакт-факторах, может привести к тому, что исследователи будут совершать неправомерные действия с целью публикации статей, для повышения своих индексов. В будущем необходимо реформировать систему оценки научных исследований, уделять больше внимания качеству и инновационности исследований, а также снизить чрезмерный акцент на количестве статей.

Важно установить более комплексные и разнообразные показатели оценки, включая социальное воздействие исследования, клиническую ценность и т.д., чтобы побудить исследователей уделять больше внимания реальной ценности исследования и сократить явление публикации ради публикации, а именно сместить центр тяжести на доходность честным путем.

Расширение международного сотрудничества

С углублением глобализации международное сотрудничество в медицинской науке становится все более частым, а академическая халатность также приобретает международный характер. В будущем нам необходимо углублять международное сотрудничество, создавать более полную международную систему академической добросовестности и совместно бороться с академическими нарушениями.

Это включает в себя создание международной базы данных по академическим проступкам для обмена информацией об академических проступках; разработка единых на международном уровне стандартов и процедур академической честности для обеспечения последовательности в выявлении и рассмотрении случаев академического проступка; и проведение международных совместных исследований для совместного изучения эффективных стратегий предотвращения академических нарушений.

Заключение

Плагиата в медицинской науке является сложной и серьезной задачей, затрагивающая множество аспектов, таких как научная добросовестность, эти-

ка и институциональное строительство. Выявлено, что плагиат широко распространен в области медицинской науки, причем плагиат существует в разной степени как в развитых, так и в развивающихся странах, при этом, он более вероятен в высококонкурентной и стрессовой исследовательской среде.

Медицинская наука также терпит огромные ущербы своей целостности и репутации, что безусловно сказывается на прогрессе медицинских исследований. Укрепление академической честности, а также предотвращение и наказание плагиата имеют решающее значение для поддержания здорового развития медицинской науки.

Пути решения проблемы плагиата должны строится из комплексного использования множества стратегий, начиная с образования, систем, технологий и других аспектов, для создания всеобъемлющей системы защиты академической честности. Только таким образом мы сможем эффективно бороться с плагиатом и поддерживать здоровое развитие медицинской науки.

Наконец, с развитием науки и технологий, а также углублением медицинских исследований плагиат столкнется с новыми проблемами и возможностями. В будущем медицинскому научному сообществу необходимо будет постоянно внедрять инновации и совершенствовать систему обеспечения добросовестности научных исследований, чтобы гарантировать соблюдение добросовестности и этических стандартов научных исследований.

В заключение следует отметить, что плагиат является серьезной проблемой в медицинской науке, решение которой требует согласованных усилий всего общества. Укрепляя образование, совершенствуя системы, используя технологические средства и международное сотрудничество, мы можем эффективно сократить плагиат, содействовать здоровому развитию медицинской науки и вносить больший вклад в здоровье человека.

Литература

1. Абрамова Н.Ю. Проблема плагиата в научных работах. Научная периодика: проблемы и решения. 2011; 1:25–28.
2. Арифулина Р.У., Карпова Ю.Н., Шесслер О.В. К проблеме плагиата в сфере науки и образования. Современные наукоемкие технологии. 2016. № 2–1. С. 55–59
3. Гулая Т. М., Герасименко Т.Л. Искусственный интеллект и развитие креативного и критического мышления у студентов неязыковых специальностей в процессе изучения английского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. – 2025. – № 4 (2). – С. 70–73 DOI 10.37882/2223–2982.2025.04–2.13
4. Савгачев В.В., Ермошина М.Е. Принципы внедрения искусственного интеллекта в клиническую практику. Социология. 2025;8:133–137.
5. Тимофеева Т.И. Проблема научного плагиата и эффективность методов борьбы с ним // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 9. С. 2–8.
6. Alqaisi N, Alshwayyat S, Aburumman S, et al. Assessing ChatGPT adoption in Jordanian medical education: a UTAUT model approach. BMC Med Educ. 2025;25(1):750. doi:10.1186/s12909-025-07336-y
7. Hanum UL, Qauli AI, Fuadah YN, et al. Validation of new AI-based classification method for in silico cardiac safety assessment of drugs following the CiPA framework. Arch Toxicol. doi:10.1007/s00204-025-04079-z
8. Malka N. The use and analysis of anti-plagiarism software: Turnitin tool for formative assessment and feedback. Computer Applications in Engineering Education. 2017;25(6). doi:10.1002/cae.21842
9. Плещёв И.Е., Шубин Л.Б., Савгачев В.В., Шкребко А.Н., Федотовская Д.А. Динамика социальных норм: мотивы соблюдения, факторы изменения и интегративные модели. Социально-гуманитарные знания. 2025;7:432–436. DOI: https://doi.org/10.34823/SGZ.2025.7.52073
10. Savage N. AI listens for health conditions. Nature. Published online May 222025. doi:10.1038/d41586-025-01598-8
11. Qiufang Z. Chinese University Students' Perceptions of the Use and Effectiveness of Turnitin in EAP Writing. International Journal of TESOL Studies. 2021;3(2):40–54 doi:10.46451/ijts.2021.06.04

PLAGIARISM IN MEDICINE: WAYS TO SOLVE PROBLEMS

Savgachev V.V., Ermoshina M.E., Shubin D.L.
Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of the Russian, P.G. Demidov Yaroslavl State University

The article addresses strategies for combating plagiarism in medical science. Educational measures aimed at enhancing ethical awareness among students and researchers are discussed. The importance of establishing strict control systems and penalties for breaching academic integrity norms is emphasized. Modern technical solutions facilitate the automation of identifying borrowed content. International cooperation plays a crucial role in creating common standards and mechanisms for interaction. To effectively combat plagiarism, a comprehensive approach combining educational efforts, regulatory frameworks, and new technologies must be adopted. Special attention is given to future prospects related to changes in research quality evaluation methods and improvements in techniques for determining original works.

Keywords: plagiarism, scientific research, medicine.

References

1. Abramova NY. The problem of plagiarism in scientific works. Scientific Periodicals: Problems and Solutions. 2011;1:25–28.
2. Arifulina RU, Karpova YN, Shessler OV. On the problem of plagiarism in science and education. Modern High Technologies. 2016;2–1:55–59.

3. Gulaya TM, Gerasimenko TL. Artificial intelligence and the development of creative and critical thinking in non-linguistic students in the process of learning English. Modern Science: Topical Issues of Theory and Practice. Humanities Series. 2025;4(2):70–73. doi:10.37882/2223-2982.2025.04-2.13
4. Savgachev VV, Ermoshina ME. Principles of implementing artificial intelligence in clinical practice. Sociology. 2025;8:133–7.
5. Timofeeva TI. The problem of scientific plagiarism and the effectiveness of methods to combat it. Modern Scientific Research and Innovation. 2014;9:2–8.
6. Alqaisi N, Alshwayyat S, Aburumman S, et al. Assessing ChatGPT adoption in Jordanian medical education: a UTAUT model approach. BMC Med Educ. 2025;25(1):750. doi:10.1186/s12909-025-07336-y
7. Hanum UL, Qauli AI, Fuadah YN, et al. Validation of new AI-based classification method for in silico cardiac safety assessment of drugs following the CiPA framework. Arch Toxicol. doi:10.1007/s00204-025-04079-z
8. Malka N. The use and analysis of anti-plagiarism software: Turnitin tool for formative assessment and feedback. Computer Applications in Engineering Education. 2017;25(6). doi:10.1002/cae.21842
9. Pleshchev IE, Shubin LB, Savgachev VV, Shkrebko AN, Fedotovskaya DA. Dynamics of social norms: motives of compliance, factors of change, and integrative models. Social-Humanitarian Knowledge. 2025;7:432–6. DOI: https://doi.org/10.34823/SGZ.2025.7.52073
10. Savage N. AI listens for health conditions. Nature. Published online May 22, 2025. doi:10.1038/d41586-025-01598-8
11. Qiufang Z. Chinese university students' perceptions of the use and effectiveness of Turnitin in EAP writing. International Journal of TESOL Studies. 2021;3(2):40–54. doi:10.46451/ijts.2021.06.04

Структура политической коммуникации в российском сегменте социальных сетей как отражение изменений в социальной стратификации и конфигурации общественных групп

Салахутдинов Владислав Рифатович,
аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им Г.В. Плеханова
E-mail: salakhutdin.69@gmail.com

Актуальность данного исследования обусловлена трансформацией социальной структуры общества, катализируемой цифровизацией всех сфер повседневной жизни. Этот процесс в настоящее время приобретает социально-стратификационный характер. Проблема исследования заключается в существовании противоречия между традиционными моделями стратификации и новыми формами социальной дифференциации, проявляющимися в онлайн-коммуникации. Необходимо понять, существует ли и каким образом проявляется взаимосвязь между изменениями в социальной стратификации российского общества и структурой политической коммуникации в сегменте социальных сетей, что предполагает преодоление ограничений традиционных стратификационных моделей и разработку интегративного подхода, учитывающего коммуникативную природу новых форм социальной дифференциации. Цель работы – сформулировать особенности структуры и стратификации общественных групп. Методы исследования: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, сопоставление, сравнительный анализ, эмпирический анализ, системный подход, концептуализация данных, графическая и табличная визуализация данных, абстрактно-логический метод. Основные результаты научного исследования: отражены теоретические основы анализа цифровой стратификации и политической коммуникации; осуществлено эмпирическое исследование структуры и стратификации общественных групп; представлена интерпретация результатов исследования в контексте того, как структура онлайн-коммуникаций отражает изменения в социальной стратификации. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы государственным сектором, некоммерческими организациями, экспертным сообществом для проработки стратегии управления онлайн-коммуникациями через социальные сети, учитывая текущую конфигурацию и кластеризацию общественных групп.

Ключевые слова: социальная стратификация общественных групп; конфигурация общественных групп; структура политической коммуникации; сегмент социальных сетей; противоречие; стратегия управления онлайн-коммуникациями; политическая коммуникация.

Введение

Актуальность исследования обусловлена трансформацией социальной структуры общества, катализируемой цифровизацией всех сфер повседневной жизни. Этот процесс в настоящее время приобретает социально-стратификационный характер [1–3]. Традиционные стратификационные модели, базирующиеся на таких критериях, как отношение к собственности, доход, профессиональный статус, либо на классических социально-демографических показателях, оказываются недостаточными для структурирования цифрового общества [4], [5]. В настоящее время особое внимание акцентируется на новых измерениях социального пространства, связанных с информационным капиталом (способностью производить, потреблять и фильтровать релевантные данные) [6], с доступом к цифровым платформам, способностью эффективно их использовать, медийной активностью, которая планомерно становится ресурсом влияния на социальные процессы и институты [7]. Как инфраструктурная основа публичной сферы социальные сети являются местом, где информационный капитал и медийная активность накапливаются, а затем конвертируются в социальный статус индивидов [8].

Стремительное развитие и распространение цифровых платформ в значительной степени изменило процессы и условия социальной реальности. Классическая модель публичной сферы уступила своё место комбинированной медийной системе, где стираются границы между производством и потреблением контента, что способствует тому, что общественные группы конфигурируются в зависимости от объективного места в системе общественного разделения труда, ценностных ориентаций в условиях цифровизации социального пространства [9]. Соответственно, онлайн-коммуникации являются активным агентом в ходе образования принципиально новых форм солидарности в обществе.

Проблема исследования заключается в существовании противоречия между традиционными моделями стратификации и новыми формами социальной дифференциации, проявляющимися в онлайн-коммуникации. Необходимо понять, существует ли и каким образом проявляется взаимосвязь между изменениями в социальной стратификации российского общества и структурой

политической коммуникации в сегменте социальных сетей, что предполагает преодоление ограничений традиционных стратификационных моделей и разработку интегративного подхода, учитывающего коммуникативную природу новых форм социальной дифференциации.

Теоретические основы анализа цифровой стратификации и политической коммуникации

Анализ социального неравенства опирается на две фундаментальные парадигмы К. Маркса и М. Вебера. Идеи и труды К. Маркса позволили сформировать основу экономического детерминизма, в рамках которых социальная стратификация рассматривается как результат отношения к средствам производства. В данном случае ключевым ресурсом социальной стратификации общества выступает собственность и экономический капитал [10]. Тем не менее, для анализа структуры и стратификации общественных групп в цифровой среде данный концептуальный подход не до конца учитывает нематериальные факторы социального влияния.

Значимость экономических факторов социальных процессов не отрицается М. Вебером, однако исследователь расширил понимание социальной стратификации, введя термин статусной группы, основанной на стиле жизни и престиже, политической партии как группы, мобилизующейся для достижения государственной власти [11].

Наиболее подходящей для проведения эмпирического исследования структуры и стратификации общественных групп выступает теория П. Бурдье, которая синтезирует и развивает указанные выше идеи. П. Бурдье предлагает рассматривать социальное пространство как многомерное поле, в котором агенты занимают позиции в зависимости от объёма и структуры принадлежащих им ресурсов:

– экономического капитала (материальные ресурсы, денежные средства, собственность);
– культурный капитал (знания, образование, культурная компетентность в объективированном и институционализированном состоянии);
– социальный капитал (ресурсы, связанные с принадлежностью к устойчивым сетям общественных связей и группам);
– символический капитал (признание, легитимность, репутация, производная от наличия совокупности ресурсов) [12].

Результат сопоставительного анализа приведенных концептуальных подходов приведен в таблице 1.

Таблица 1. Сопоставительный анализ концептуальных подходов к социальной стратификации

Критерий сопоставления	Концепция экономического детерминизма К. Маркса	Многомерный подход к социальной стратификации М. Вебера	Пространственно-полевой подход к социальной стратификации П. Бурдье
Ключевой фактор социальной стратификации	Отношение к средствам производства (экономический капитал)	Экономический класс, престиж, политическая партия	Объём и структура многовидового капитала (экономический, культурный, социальный, символический)
Модель социальной структуры	Биполярная классовая модель (антагонизм)	Многомерная иерархия статусных групп	Многомерное социальное пространство, между конкретными позициями сохраняется дистанция
Динамика и социальный конфликт	Классовая борьба	Конкуренция статусных групп за ресурсы и политическую власть	Борьба за легитимацию видов капитала в конкретном поле
Применимость подхода к цифровой среде	Ограничена, не объясняет не материальное влияние	Позволяет учитывать статус и политическую власть	Высокая применимость подхода, позволяет анализировать конвертацию капиталов в цифровой среде

Источник: разработано автором.

Процессы цифровизации породили новые оси социального неравенства, которые предполагают концептуализацию в контексте имеющихся теоретических подходов. Исходной точкой является концепция цифрового разрыва, которая позволяет анализировать социальное неравенство через призму эффективного использования ресурсов, а также исследовать социальное неравенство посредством оценки достигнутых результатов [13].

Значимость для анализа социальной стратификации и конфигурации общественных групп приобретают следующие концепты теории цифрового разрыва:

– информационный капитал (развитие идеи культурного капитала по теории П. Бурдье применительно к информационному обществу), в частности:

1) способность к формированию качественного, востребованного контента,

2) способность к фильтрации и верификации информационных потоков на степень их достоверности,

3) способность к использованию информации для достижения целей, в частности, укрепления социального статуса, цифровой мобилизации;

– медийная активность (состояние быть признанным в цифровом социальном пространстве как признак социальной стратификации);

– алгоритмическая социальная стратификация, обусловленная активным использованием социальных сетей, алгоритмы ранжирования контента активно структурируют социальную реальность, что формирует алгоритмическую социальную стратификацию, где положение агента в цифровой среде определяется логикой работы цифровой платформы, что способствует усугублению социального неравенства.

Структура политической коммуникации в социальных сетях представляет собой проявление борьбы за символическую власть в цифровой среде. В ней позиции агентов обусловлены объёмом и структурой ресурсов, где традиционные виды капиталов (экономический и культурный) трансформируются в принципиально новые (медийный, алгоритмический, информационный), способствуя появлению новых конфигураций общественных групп, которые могут воспроизводить и трансформировать социальные процессы и структуры [14].

Эмпирическое исследование структуры и стратификации общественных групп

Цель эмпирического исследования структуры и стратификации общественных групп состоит в изучении взаимосвязи структуры политической коммуникации в социальных сетях с процессами социальной стратификации.

Информационная база эмпирического исследования – данные, собранные из открытых источников социальных сетей «ВКонтакте» и «Telegram» на протяжении с января 2024 года по июль 2025 года. Статистическая выборка в целом составила 1 254 978 единиц информационного контента (посты и репосты) и 4 756 243 единиц комментариев пользователей, связанных с обсуждением ключевых общественно значимых событий.

Основные методы обработки собранных информационных данных: сетевой анализ, контент-анализ, технологии компьютерной лингвистики, обработки естественного языка.

Посредством сетевого анализа были выявлены общественные группы (кластеры) политической коммуникации в цифровой среде:

1) официально-патриотическая общественная группа (24%);

2) либерально-критическая общественная группа (18%);

3) альтернативно-патриотическая общественная группа (15%);

4) аполитично-бытовая общественная группа (22%);

5) общественная группа с определенными интересами в области истории и государственности (21%).

Для официально-патриотической и либерально-критической общественной группы был построен стратификационный профиль, исходя из трёх критериев. В соответствии с информационными данными, характеризующими регион проживания и возраст пользователей социальной сети «ВКонтакте», а также согласно результатам анализа упоминаний конкретных событий в постах для 40% профилей была сформирована демографическая картина, которая позволила определить значимые различия между двумя кластерами:

1) официально-патриотическая общественная группа (преобладание социальной аудитории старше 45 лет, крайне высокий удельный вес жителей городов с населением менее 1 млн человек);

2) либерально-критическая общественная группа (преобладание молодежи не более 35 лет, проживающей преимущественно в крупных городах и городах федерального значения).

Проведенный анализ ценностно-идеологических позиций через дискурс-анализ позволил определить тематические направления в дискурсах официально-патриотической и либерально-критической общественной группы (табл. 2).

Уровень медийного капитала измерялся через количество подписчиков в социальных группах. Для официально-патриотической общественной группы характерен достаточно высокий уровень медийной активности, которая преимущественно имеется у различных средств массовой информации. При этом у либерально-критической общественной группы медийный капитал сосредоточен у персональных брендов.

Административные ресурсы внимания наблюдаются только у официально-патриотической общественной группы. Одновременно с этим в либерально-критической общественной группе больше удельный вес акторов, позиционирующих себя в качестве правовых и экономических экспертов. Их влияние на социальные процессы обусловлено наличием достаточного объёма практических знаний.

Таблица 2. Тематические направления в дискурсах официально-патриотической и либерально-критической общественной группы

Кластер	Тематические направления	Ключевые лексемы	Общая тональность
Официально-патриотическая общественная группа	Традиционные ценности, национальный суверенитет, санкции, стабильность	Отечество, суверенитет, стабильность, фейки, традиция	Нейтрально-позитивная
Либерально-критическая общественная группа	Права и свободы человека, коррупционные риски	Права человека, коррупция	Негативно-критическая

Источник: разработано автором.

В таблице 3 приведены результаты сравнительного анализа коммуникативных стратегий выделенных общественных групп.

Резюмируя вышеизложенное, проведенный эмпирический анализ структуры и стратификации общественных групп подтвердил гипотезу о том, что осуществляемые политические коммуникации носят стратифицированный характер. Выявленные основные кластеры (официально-патриотическая и либерально-критическая общественная группа) выступают дискурсивными сообществами, обладающими различным стратификационным профилем, отличающимися по содержанию характеристиками коммуникативной стратегии, собственными ценностными системами. Официально-патриотическая общественная группа отражает институционально-ориентированную, иерархическую страту, где воздействие легитимировано официальным статусом субъектов. Либерально-критическая общественная группа представляет сетевую страту, где влияние на социальную аудиторию завоевывается через общественную экспертизу, медийную активность и способность в горизонтальном направлении мобилизовать социальную солидарность.

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа коммуникативных стратегий выделенных общественных групп

Характеристика коммуникативной стратегии	Официально-патриотическая общественная группа	Либерально-критическая общественная группа
Язык и риторика	Монологический, официально-деловой язык, апелляция к абстрактным ценностям, использование номинализаций	Диалогический, разговорный язык, апелляция к личному опыту и эмоциям
Формы коммуникативного взаимодействия	Вертикальная социальная солидарность, одобрение официальной позиции, массовые репосты официальных сообщений	Горизонтальная социальная солидарность, взаимная поддержка в комментариях
Работа с информационными данными	Цитирование официальных источников информации как абсолютной истины, дискретизация альтернативных источников информации, признание их фейками	Формирование альтернативных нарративов на основе пользовательского контента (видеороликов)
Показатель вовлеченности в коммуникационную стратегию	Средний показатель вовлеченности – 1,5%, высокий охват целевой аудитории, тем не менее, отмечается низкая глубина вовлечения	Средний показатель вовлеченности – 4,8%, высокий уровень комментирования и обсуждения внутри поста, что свидетельствует о максимальной степени вовлеченности

Источник: разработано автором.

Интерпретация результатов исследования в контексте того, как структура онлайн-коммуникаций отражает изменения в социальной стратификации

Выявленная в процессе сетевого анализа структура общественного пространства подтверждает тот факт, что социальные сети функционируют как автономный компонент в борьбе за символическую власть. Официально-патриотическая и либерально-критическая общественная группа являются относительно замкнутыми, в каждой из них действуют специфические правила формирования легитимных утверждений и распределения различных типов капитала. Концентрация достаточно высоких показателей центральности у ключевых акторов официально-патриотической и либерально-критической общественной группы свидетельствует о процессе институционализации новых иерархий влияния на социальную аудиторию, где административные ресурсы внимания конкурируют с сетевым капиталом и медийной активностью субъектов.

Стратификационный профиль официально-патриотической и либерально-критической общественной группы отражает механизм конвертации различных типов капиталов (ресурсов), который был описан в теории П. Бурдье. В частности, акторы официально-патриотической общественной группы конвертируют административные ресурсы внимания и институциональный капитал в символический, медийную активность в цифровой среде. При этом субъекты либерально-критической общественной группы демонстрируют стратегию накопления ресурсов в онлайн-пространстве. Их воздействие на социальную аудиторию обусловлено интенсивным производством информационного капитала (экспертных аналитических материалов), эффективной мобилизацией социального капитала в горизонтальном направлении, что подтверждает создание условий для возникновения альтернативных траекторий социальной стратификации.

Структура политической коммуникации в российском сегменте социальных сетей отражает изменения в социальной стратификации через актуализацию латентных стратификационных осей, визуализацию новых конфигураций общественных групп. В онлайн-среде традиционные

деления на общественные группы в зависимости от социально-экономического положения не являются значимыми, в социальных сетях происходит ценностно-идеологическое размежевание пользователей. В соответствии с результатами сетевого анализа информационной базы эмпирического исследования ядро идентичности общественных групп формируется, исходя из системообразующих ценностей, что обусловливает планомерный переход к постматериалистическим основам социальной стратификации, где культурные и ценностные системы играют основополагающую роль.

Вместе с тем политические коммуникации в российском сегменте социальных сетей делают видимыми общественные группы, которые слабо репрезентированы в печатных средствах массовой информации, на телевидении и радио.

В современном российском цифровом пространстве доминирующей осью, в рамках которой происходит консолидация и генерирование наиболее интенсивных социальных конфликтов, выступает ценностная. Социальное неравенство, несмотря на то, что отмечается в рамках проведенного эмпирического исследования, практически всегда сочетается с ценностными рамками функционирования общественных групп. Это способствует возникновению феномена трансклассовой цифровой мобилизации, когда в рамках одного дискурсивного сообщества оказываются представлены субъекты с противоположным экономическим статусом (в частности, либерально-критическая общественная группа включает индивидуальных предпринимателей и наёмных сотрудников – специалистов структурных подразделений российских компаний). При этом они объединены общими ценностными установками в цифровой среде. Поэтому становится сомнительной прогностическая сила традиционных экономических детерминированных моделей, предназначенных для анализа современной динамики политических коммуникаций [15].

Одним из ключевых результатов эмпирического исследования структуры и стратификации общественных групп стало определение процесса трансформации классических статусных иерархий. Авторитет, основанный на занимаемой должности в системе государственного и муниципального управления, академическом, научном звании, доступности различных средств массовой информации, подвергается непрерывной оценке в цифровом социальном пространстве. При этом обозначенный фактор планомерно сменяется на компетенции, ассоциированные с осуществлением онлайн-коммуникаций:

– скорость реакции пользователя (способность первым прокомментировать определенное событие);
– алгоритмическая грамотность (умение создавать контент, попадающий в персональные рекомендации пользователя);
– коммуникативная компетентность (владение языком и риторикой, релевантной определенной социальной группе в цифровой среде);
– сетевая связанность (способность быть социальной группой с единым мнением в цифровой среде).

Это способствует ситуации, когда актор, имеющий достаточно низкий статус (например, начинающий блогер без высшего профессионального образования), может иметь в цифровой среде существенно высокий символический капитал, чем доктор социологических наук либо государственный служащий, каждый из которых не освоил цифровые форматы политических коммуникаций. Соответственно, цифровая среда является значимым аспектом, с помощью которого можно трансформировать длительно существующие статусные иерархии.

Обнаруженная высокая модулярность сетевого сообщества и крайне слабая взаимосвязанность между выделенными общественными группами подтверждает существование в российском сегменте социальных сетей эффекта эхо-камер (коммуникативной ситуации, в которой пользователи социальных сетей предпочитают получать информацию исключительно из идеологически близких источников и распространять её в узких кругах единомышленников). Тем не менее, хотя наблюдается ограничение доступа пользователей к разнообразной информации, эхо-камеры выполняют социально-ориентированную конституирующую функцию.

Кроме того, эхо-камеры представляют собой одну из форм групповой идентичности личности, поскольку коммуникативная стратегия изолирована от альтернативных трактовок определенных событий, что позволяет:

– усилить и укрепить базовые ценностные установки в общественных группах за счёт постоянного потребления и производства похожих идеологических нарративов;
– сформировать представление о том, какие пользователи «свои», а какие – «чужие», при этом последние определяются по дискурсивным признакам (социально-демографические характеристики уже не являются основой разделения общественных групп);
– выработать собственный язык коммуникаций как индикатора принадлежности к конкретной общественной группе (кластеру).

Следовательно, эффект эхо-камер, наблюдаемый в российском сегменте социальных сетей, искажает восприятие условий экономической и социальной реальности, а также активно генерирует новую действительность социального пространства, конфигурируя общественные группы вокруг устойчивых дискурсивных паттернов. В данном случае социальная структура в значительной мере стала продуктом коммуникативных стратегий и ситуаций. Поэтому их анализ способствует адекватному исследованию текущего состояния и на-

правлений трансформации структуры и стратификации общественных групп.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам.

1. Структура политической коммуникации в социальных сетях представляет собой проявление борьбы за символическую власть в цифровой среде. В ней позиции агентов обусловлены объёмом и структурой ресурсов, где традиционные виды капиталов (экономический и культурный) трансформируются в принципиально новые (медийный, алгоритмический, информационный), способствуя появлению новых конфигураций общественных групп, которые могут воспроизводить и трансформировать социальные процессы и структуры.

2. Проведенный эмпирический анализ структуры и стратификации общественных групп подтвердил гипотезу о том, что осуществляемые политические коммуникации носят стратифицированный характер. Выявленные основные кластеры (официально-патриотическая и либерально-критическая общественная группа) выступают дискурсивными сообществами, обладающими различным стратификационным профилем, отличающимися по содержанию характеристиками коммуникативной стратегии, собственными ценностными системами. Официально-патриотическая общественная группа отражает институционально-ориентированную, иерархическую страту, где воздействие легитимировано официальным статусом субъектов. Либерально-критическая общественная группа представляет сетевую страту, где влияние на социальную аудиторию завоевывается через общественную экспертизу, медийную активность и способность в горизонтальном направлении мобилизовать социальную солидарность.

3. Структура политической коммуникации в российском сегменте социальных сетей отражает изменения в социальной стратификации через актуализацию латентных стратификационных осей, визуализацию новых конфигураций общественных групп. В онлайн-среде традиционные деления на общественные группы в зависимости от социально-экономического положения не являются значимыми, в социальных сетях происходит ценностно-идеологическое размежевание пользователей. В соответствии с результатами сетевого анализа информационной базы эмпирического исследования ядро идентичности общественных групп формируется, исходя из системообразующих ценностей, что обусловливает планомерный переход к постматериалистическим основам социальной стратификации, где культурные и ценностные системы играют основополагающую роль. Одним из ключевых результатов эмпирического исследования структуры и стратификации общественных групп стало определение процесса трансформации классических статусных иерархий. Цифровая среда является значимым аспектом, с помощью которого можно трансформировать длительно существующие статусные иерархии. Эффект эхо-камер, наблюдаемый в российском сегменте социальных сетей, искажает восприятие условий экономической и социальной реальности, а также активно генерирует новую действительность социального пространства, конфигурируя общественные группы вокруг устойчивых дискурсивных паттернов. В данном случае социальная структура в значительной мере стала продуктом коммуникативных стратегий и ситуаций. Поэтому их анализ способствует адекватному исследованию текущего состояния и направлений трансформации структуры и стратификации общественных групп.

Литература

1. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Государственно-частное партнёрство как ключевой современный механизм государственного управления в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 139–144.
2. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Особенности использования GR-технологий бизнес-сообществами в российском государственном управлении // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 157–162.
3. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Институциональные основы и императивы современного государственного управления в российских регионах // Закон и власть. – 2025. – № 5. – С. 24–30.
4. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Цифровые технологии в системе государственного управления как инструмент реформирования // Закон и власть. – 2025. – № 5. – С. 31–37.
5. Мишин Д. А., Куровский С.В., Смолин П.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти // Юридическая наука и практика. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 35–44.
6. Литвин В.В. Пространство политических интернет-коммуникаций в современном российском обществе // Социодинамика. – 2023. – № . 6. – С. 58–66.
7. Милованова М. В., Терентьева Е.В. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в России // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – № . 4. – С. 58–66.
8. Домбровская А. Ю., Азаров А.А. Методология и методика изучения структуры дискурсов, плотности взаимодействия и пересечения аудиторий цифровых платформ политических сообществ // Власть. – 2023. – Т. 31. – № . 2. – С. 109–116.

9. Попова О. В., Суслов С.И. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам // Политическая наука. – 2021. – № . 1. – С. 160–182.
10. Осипов А.В. Политические коммуникации в сетевых электоральных кластерах: кибертехнологии в формировании сетевого партийного бренда // Коммуникология. – 2021. – Т. 9. – № . 3. – С. 145–154.
11. Домбровская А. Ю., Парма Р.В., Азаров А.А. Социально-медийная инфраструктура гражданского участия россиян: анализ графов пересечения аудитории сообществ социально-политической направленности в рунете // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12. – № . 2. – С. 158–174.
12. Анищенко А.В. Особенности политического участия российской молодёжи в условиях цифровизации // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30. – № . 3. – С. 130–141.
13. Расторгуев С. В., Давыдова М.А. Информационные потоки молодежных сообществ в социальных медиа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № . 2. – С. 50–63.
14. Чумиков А.Н. Коммуникации государства и граждан в цифровой среде как факторы управления восприятием актуального политического контекста // PolitBook. – 2023. – № . 4. – С. 136–158.
15. Домбровская А. Ю., Карзубов Д.Н. Методология и методика изучения дискурсивных практик, силы и плотностей связей цифровых сообществ деконсолидационной направленности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № . 1. – С. 132–145.

THE STRUCTURE OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE RUSSIAN SEGMENT OF SOCIAL NETWORKS AS A REFLECTION OF CHANGES IN SOCIAL STRATIFICATION AND CONFIGURATION OF SOCIAL GROUPS

Salakhutdinov V.R.
Plekhanov Russian University of Economics

The relevance of this study is determined by the transformation of the social structure of society, catalyzed by the digitalization of all spheres of everyday life. This process is currently acquiring a socio-stratification character. The problem of the research lies in the contradiction between traditional models of stratification and new forms of social differentiation manifested in online communication. It is necessary to understand whether and how a relationship exists between changes in the social stratification of Russian society and the structure of political communication in the social media segment. This requires overcoming the limitations of traditional stratification models and developing an integrative approach that takes into account the communicative nature of new forms of social differentiation. The goal of the work is to formulate the features of the structure and stratification of social groups. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, comparison, comparative analysis, empirical analysis, systems approach, data conceptualization, graphical and tabular data visualization, abstract logical method. The main findings of this research include: a theoretical framework for analyzing digital stratification and political communication; an empirical study of the structure and stratification of social groups; and an interpretation of the research findings in the context of how the structure of online communications reflects changes in social stratification. The practical significance of this research lies in the fact that the findings can be used by the public sector, non-profit organizations, and the expert community to develop strategies for managing online communications through social media, taking into account the current configuration and clustering of social groups.

Keywords: social stratification of public groups; configuration of public groups; structure of political communication; social network segment; contradiction; online communications management strategy; political communication.

References

1. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Public-private partnership as a key modern mechanism of public administration in modern Russia // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – № 5. – P. 139–144.
2. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Features of the use of GR-technologies by business communities in Russian public administration // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – № 5. – P. 157–162.
3. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Institutional foundations and imperatives of modern public administration in Russian regions // Law and power. – 2025. – № 5. – P. 24–30.
4. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Digital technologies in the public administration system as a reform tool // Law and Power. – 2025. – № 5. – P. 31–37.
5. Mishin D. A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. The place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of public authority // Legal Science and Practice. – 2024. – Vol. 20. – № 3. – P. 35–44.
6. Litvin V.V. The space of political Internet communications in modern Russian society // Sociodynamics. – 2023. – № 6. – Pp. 58–66.
7. Milovanova M. V., Terentyeva E.V. Internet memes as a current phenomenon of political online communication in Russia // Humanities and social sciences. – 2022. – № 4. – P. 58–66.
8. Dombrovskaya A. Yu., Azarov A.A. Methodology and techniques for studying the structure of discourses, the density of interaction and the intersection of audiences of digital platforms of political communities // Power. – 2023. – Vol. 31. – № 2. – P. 109–116.
9. Popova O. V., Suslov S.I. Network analysis of political online communities: from formalized to "unobservable" groups // Political science. – 2021. – № 1. – P. 160–182.
10. Osipov A.V. Political communications in network electoral clusters: cybertechnologies in the formation of a network party brand // Communicology. – 2021. – Vol. 9. – № 3. – P. 145–154.
11. Dombrovskaya A. Yu., Parma R.V., Azarov A.A. Social and media infrastructure of civic participation of Russians: analysis of audience intersection graphs of communities with socio-political orientation in RuNet // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2021. – Vol. 12. – № 2. – P. 158–174.
12. Anishchenko A.V. Features of political participation of Russian youth in the context of digitalization // Science. Culture. Society. – 2024. – Vol. 30. – № 3. – P. 130–141.
13. Rastorguev S. V., Davydova M.A. Information flows of youth communities in social media // Bulletin of Tula State University. Humanities. – 2025. – № 2. – P. 50–63.
14. Chumikov A.N. Communications of the state and citizens in the digital environment as factors governing the perception of the current political context // PolitBook. – 2023. – № 4. – P. 136–158.
15. Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D.N. Methodology and techniques for studying discursive practices, strength and density of connections of digital communities of a deconsolidation orientation // Bulletin of Tula State University. Humanities. – 2023. – № 1. – P. 132–145.

Взаимосвязь концепции заботы о себе и традиционных ценностей России, их значение для общества и личности

Саликов Рауль Ринатович,
аспирант кафедры философии, Казанского инновационного университета (ИЭУП)

В статье рассматривается концепция «заботы о себе» как стратегия поворота к традиционным ценностям, а следовательно, и с обретением практик обретения и продвижения традиционных ценностей во всех социальных структурах, институтах и полях, в которых находятся современные граждане России. Парадигма заботы представляет собой открытую саморазвивающуюся систему в ходе цивилизационного развития России. Делается вывод о том, что выработанная эволюцией идея человека, на протяжении всей жизни заботящегося о самом себе ориентирует современную педагогическую теорию и практику на разные диапазоны «заботы» ради сохранения цивилизационной идентичности, формирования базовых компетенций гражданина, самосовершенствования себя и обретения себя в культуре.

Ключевые слова: забота о себе, цивилизационная идентичность, традиционные ценности, патриотизм, антропоформация, духовные практики, личностная суверенность.

Безопасность, справедливость и свобода относятся к ценностям первого порядка создавая условия для формальных (в праве) и неформальных (обычаи, традиции) институтов, создавая *поле* для развития практик заботы о себе, об общем и должном. На наш взгляд, изучая цивилизационные практики различных культурно-исторических типов важно исследовать, как конституируются и институализируются, соотносятся друг с другом ценности и практики. Конкретнее, без обеспечения фактора безопасности невозможно представить устойчивое развитие ценностей свободы и справедливости.

В Н. Расторгуев определяет патриотизм как форму социокультурной идентификации и проблема воспроизводства русской цивилизационной идентичности в современном российском обществе. Процесс идентификации традиционно приводит к формированию различных видов идентичности: индивидуальной, групповой, национальной, социальной, гражданской, гендерной, конфессиональной и пр. Доминирование некоторых из них зависит от сложившегося в обществе мировосприятия в определенных хронологических рамках, и в немалой степени – от технологий управления ими, иначе говоря, искусственного формирования властью приоритетного типа идентификации.

В.Н. Расторгуев отмечает, что базовые компетенции российского гражданства – это характеристика, которая фиксирует спектр полномочий, которыми наделён человек, занимающий определённую должность или имеющий некий социальный статус, в том числе и статус гражданина. При этом компетентность**,** по мнению Расторгуева, – это качество, которым может обладать только человек благодаря уровню своей профессиональной подготовки, приобретённым знаниям и опыту, а также личным способностям и другим качествам, необходимым для исполнения функций, прописанных как компетенции[18].

Поворот России к традиционным ценностям актуализирует вопрос выстраивании линейки практик себя, где они развиваются совместно с *заботой об общем* и *заботой о должном*. Парадигма заботы представляет собой открытую саморазвивающуюся теоретико-семиотическую систему, получившую институализацию в дискурсе цивилизационного развития России.

Забота (как одно из проявлений любви) – это *удел* человеческий, а не проклятье, это практика

транс- и эксценденции, в которой синергийно спрягаются воедино трансцендентное и имманентное, прокладывается новые тропы бытия, созидается *цветение мира*, как раскрытие дара жизни. В качестве предмета *общей заботы* в современных условиях может выступить:

– забота о константах человеческого рода (эко-практики);
– забота о человеке, как субъекте принимающего решения, относительно своей жизни и его гражданских прав;
– забота о традициях и всех формах социально-исторического;
– забота о трансцедентальной памяти.

В своем пределе забота выводит человека на духовный уровень, где он бытийствует не в качестве захватчика / Господина, а *«гостеприимного хозяина»*, способного к взращиванию не только себя, но и природных сил, социального и сакрального порядка. В фундаментальном исследовании В.К. Пичугиной делается вывод о том, что «забота о себе» – понятие, которое в античном тезаурусе обобщало представления о высшей ступени образования и самообразовании и характеризовало взаимодействие между наставником и учеником-взрослым, осуществляемое в широком жизненном пространстве» [13, с. 8].

Высшей формой заботы о себе и заботы об общем выступает антропоформация. С.С. Хоружий предлагает нам прочесть исторический опыт бытия человеческого рода как опыт антропологический, где определенные периоды истории отличаются друг от друга *«доминирующим способом размыкания»* [17, с. 196].

Антропоформация позволяет понять исторический процесс «как способ *автоантропоэксперимента*, как область выявления, формирования и развития человеком своей идентичности; – содержание и смысл исторического процесса связан с ситуацией выбора между линиями человек (шире – человеческий род) осознавая сложность и многоуровневость своего бытия становиться способным, по Ю. Хабермасу к *«обучению в течении» жизни»*, где предметом обучения выступает именно «человечность» / гуманность [15, с. 41].

О.Д. Агапов и Э.И. Агапова напоминают, что согласно философской антропологии Э. Левинаса «исток своей человечности мы находим в перманентном процессе трансцендирования, в формировании духовной или исторической сферы, в превосхождении исходных границ природы и общества. Быть Я, субъектом, по Э. Левинасу, означает взятие на себя *труда бытия*, дела преображения сущего из неразличенного, безликого и безразличного в мир *бесконечно различного*, заботы, справедливости, выси и т.д.» [2, с. 247].

Наличие парадигмы *заботы себя* позволяет развиваться многообразию антропологических практик самостояния. Идеи парадигмы себя воплощаются в практиках современной российской гражданской политической нации, обновляя практики повседневности, позволяющие *ревитализировать* отчужденные социальные отношения, способствуя развитию чувства причастности бытию, сохранению и преумножению практик жизнестойкости и жизнеспособности в условиях ответов на вызовы.

Г.В. Иванченко пытается отличить массово-ассоциативное восприятие практик заботы о себе от того, что действительно стремились описать, объяснить, понять философы и ученые от античности до современности с помощью концепта «заботы о себе» в динамике человеческого рода. На наш взгляд, осуществленная Г.В. Иванченко работа – это не только исследование объема и содержания понятия, но и *рефлексивная деятельность*, способствующая осознанию оснований и пределах концепций «заботы о себе» в контексте философского знания, в нарративах социально-гуманитарных наук, в полях понимания различных форм общественного сознания.

У Г.В. Иванченко есть одиннадцать тезисов ее своеобразного антропологического манифеста, чем может выступать и чем не может быть забота о себе [7, с. 8].

Обретая целостность человек становиться субъектом, что по Г.В. Иванченко означает «стать творцом своей жизни, *самому создавать условия для своего развития,* держать под контролем собственные желания, преодолевать деформации собственной личности. Эти способности человека создают для него возможность существовать не только в измерении необходимого, но и в измерении возможного, строя в нем особую форму причинности – самодетерминацию, благодаря рефлексии, самодистанцированию, смыслу и творческому сознанию» [7, с. 9].

А.М. Пятигорский предложил термин «ментальная необходимость самовыговаривания», который, по его мнению, является одной из форм «заботы о себе». Суть концепции: взрослый человек тяготеет к тому, чтобы эксплицировать свою личность: чем старше становится человек, тем чаще перед ним встаёт задача время от времени охватывать внутренним взором собственный жизненный путь, расставлять в нём необходимые смысловые акценты, вписывать его в актуальные социальные, экономические, культурные и иные контексты и планировать достижение желаемых целей в будущем. Особенности концепции А.М. Пятигорского:

Стремление интерпретировать самого себя для других помогает верифицировать себя, удостоверять и укоренять своё присутствие в мире с помощью соотнесения своей познанной аутентичности с внешними представлениями, социальными требованиями и другими факторами.

Ведя внутренний диалог или рассказывая о себе собеседнику, человек осуществляет своеобразную метадеятельность по отношению к собственному сознанию, связанную со смысловой обработкой событий и происшествий индивидуальной жизни.

Наиболее завершённую форму этот особый режим сознания обнаруживает в конструировании личных историй, автобиографировании [14].

Э.И. Агапова на большом социально-философском и историческом материале показала, что ядром антропологических практик выступают именно *духовные практики* «способствующих становлению у человека личностных форм творения бытия, проявляющихся в таких качествах, как свобода, предстояние, созидание, ответственность» [3, с. 10].

Предметом духовной практики «выступает жизнь человека как целое, поэтому основной смысл ее в выборе и выстраивании определенной стратегии жизни», а ключевое отличие духовных практик от процессов социализации и аккультурации состоит в открытии и признании трансцендентальной / метафизической сферы, в формировании жизни в ситуации предстояния перед целым (бытием, Богом, родом, историей).

В.В. Бибихин считает, что поиск «собственно своего» в самом себе – это цель «заботы о себе». Это связано с тем, что согласие с собой возможно только так, что человек «вопьётся в своё», будет занят, захвачен, растворён, поглощён собственно своим.

Можно выделить следующие аспекты концепции.

Поиск «собственно своего» – человек всякий раз переустанавливает, теряет и ищет, чтобы обрести заново.

Согласие с собой – от несогласия с собой, по В. Бибихину, – раздор и война, причём не только в человеке, но и в окружающем мире.

Отказ от самообмана – В. Бибихин предлагает увенчать путь самопознания сознательным отказом от самообмана и иллюзии понимания [4].

К.Э. Клюканов пишет о том, что «гуманитарная мысль является не столько обобщающей, сколько *оцелотворяющей*, исцеляющей. Именно гуманитарная мысль дает нам возможность понять, как человек становится человеком, как он постоянно движется по герменевтическому кругу – от целого к частному и от частного к целому» [8, с. 93].

Г.Д. Гачев стремился к синтезу, диалогу и взаимному обогащению областей культуры, к узнаванию близкого и родного в непохожем и дальнем, к видению бытия в его творческой полноте. Он воссоздавал национальные картины мира с помощью образного мышления, считая невозможным ограничиться рационалистическим взглядом на вещи. Линейный подход к миропониманию, требующий однозначных ответов и оценок, был неприемлем. Свой методологический подход автор излагал «мыслеобразами», разделяя абстрактно-ассоциативное образное мышление и «привлечённое мышление» – мысли, возникающие из наблюдения конкретных жизненных ситуаций [5].

Г. Померанц затрагивает глубинные вопросы становления духовной личности через соприкосновение с религией, искусством и культурой разных времён и народов. Среди рассматриваемых проблем: религия и идеология, метафорика духовного опыта, искусство и становление личности, свобода и любовь, метафорика любви, иконография бесконечности. По мнению Г. Померанца человек должен самосовершенствоваться, иначе в жизни нет никакого смысла. Григорий Померанц связывает искусство и духовное развитие, считая, что искусство образует сложную лестницу, на которой каждый находит ступеньку, позволяющую почувствовать прикосновение Духа в меру своей восприимчивости к нему.

Аспекты связи искусства и духовного развития в концепции Померанца.

Осмысление музыки. Померанц видит значение музыки в восстановлении ритмов жизни в аритмичной и хаотичной будничной жизни.

Влияние религиозной традиции на восприятие искусства. Автор приводит пример с эротическим стихотворением древнего индийского поэта Видьяпати, которое спустя 200 лет было услышано святым Чайтаньей и воспринято как «талантливая метафора взлёта души к богу».

Значение высокого искусства. Померанц утверждает, что «красота всякого высокого искусства, даже если оно не осознано религиозно, есть вмещённая бесконечность, форма, в которой чувствуется дыхание бездны, дыхание бесформенности, которую эта форма уравновесила и преодолела».

Влияние религиозного искусства. Померанц пишет, что хорошее религиозное искусство «даёт нам некое направление, ведущее к вечному свету, а не к вечной тьме» [12].

Теоретико-методологическая оппозиция «закрытая система» – «открытая система», «завершенность – незавершенность», «единство – множественность» сегодня все больше определяет круг проблем онтологии, философской антропологии, социальной и политической философии, особенно в русле пост-и-трансантропологических вызовов современности. К основным качествам человеческого бытия современные философы и ученые относят: инобытийность; пластичность; плюралистичность. Следовательно, развитие практик заботы о себе на современном этапе должны учитывать данные параметры.

По мнению Д.А. Леонтьева забота о себе создаёт условия для личностного развития, личностного роста. Прогресс в понимании реальности – это та единственная, уникальная, специфическая

форма, в которой субъективно воспринимается то, что при взгляде со стороны предстаёт как личностное развитие [11].

М.А. Козлова и Н.В. Кошелева «с позиций нейробиологии и психологии открывают потенциальную возможность интеграции *заботы о себе* и *заботы о другом* в концепте идентичности. Использование «теории моральных мотивов» в качестве рамки осмысления нравственного наполнения идентичности позволяет интерпретировать заботу о себе как процесс исследования Я и выхода за пределы Я. Категория заботы приобретает трансцендентный характер – это уже не забота о целостности и благополучии Я, а способ истинно человеческого бытия» [9, с. 94].

О.Д. Агапов пишет, что «быть Я (быть субъектом) означает взять на себя труд бытия, труд выведения сущего из тьмы неразличения и безразличия в мир света, различения и заботы, любви и справедливости. Это труд превращения тотально безликого в бесконечно различное, где в единстве даны трансценденция и эксценденция, опирающиеся на такую малость, как допущение выси, смысла, любви» [1, с. 7].

Субъектность позволяет человеку начать различать низшую и высшую реальность (ее атрибуты свет, высь, смысл, благо, любовь, справедливость.). Начав различать высшее и низшее субъект должен делать выбор в сторону одной из этих реальностей, опираясь на понимание плюральности человеческого существования, где мир «единство множественности, а не связь элементов, составляющих множество» [10, с. 286].

Более того, структуры мира обладают «собственным равновесием, гармонией и позитивной онтологической функцией: *возможностью вырваться из анонимного бытия*» [10, с. 28].

Д.Ю. Дорофеев показывает, что «личностная суверенность – это возможность полагать себя в открытом (т.е. изначально не заданном, не определенном, не законченном) ряду *множественных автономий*, каждая из которых обладает своей собственной интенциональной организацией и, будучи изначально полагающе фундирована, являясь самобытным проявлением суверенности и несмешанной с другими, открыта остальным. Эта открытость автономии крайне важна, она позволяет, сохраняя свою самоопределенность, быть не замкнутой, а именно открытой автономностью, что крайне важно не только для отношений человека с самим с собой, но даже больше – для отношения с другим человеком» [6, с. 70].

Можно выделить следующие факторы: 1) признание за автономностью относительности, не позволяющей приводит к ее абсолютизации и догматично-агрессивной монополизации; 2) признание за автономностью собственной полифоничности, т.е. возможности быть другой, полагать себя в самых разных перспективах; 3) преодоление власти над собой и другими единой нормативно-императивной установки; 4) освобождение от монистического понимания природы полагания; 5) признание конечности как основополагающей характеристики человеческого бытия; 6) обретение открытости собственной суверенности, проявляющейся в открытости иному и экстатичном (интенциональном) самополагании навстречу иному как способе существования» [6, с. 98].

«Суверенность человека выступает как «*власть определять и полагать себя в качестве спонтанно развертывающейся личности* … в множественных автономиях, каждая из которых является результатом ее уникального и целостно-неповторимого по отношению друг к другу истечения энергий» [6, с. 198].

Парадигма заботы о себе выступает продолжением интенций теории субъектности, индивидуализации, эмансипации, выступает диалектическим продолжением процесса становления российского политического стиля, становления русской / российской политической нации в Новое и новейшее время.

Практики заботы об общем в современном российском обществе связаны с поворотом к традиционным ценностям, а, следовательно, и с обретением практик обретения и продвижения традиционных ценностей во всех социальных структурах, институтах и полях, в которых находятся современные граждане России.

Обретение суверенной субъектности и патриотизма связаны, так как патриотизм тесно связан с суверенной государственностью. Суверенное государство и патриотические идеи соединяются в нескольких политико-правовых плоскостях, которые охватывают три важнейших кластера: мировоззренческий, нравственный и профессиональный. Мировоззренческое единство реализуется через доминирование интересов публичной власти и общества в структуре мотиваций и ценностей отдельного индивида. Нравственный синтез государственного суверенитета и патриотических смыслов расположен в плоскости любви гражданина к своему Отечеству, в безусловной преданности своему государству и всемерной поддержки его институтов. Профессиональная общность независимости государства и патриотических идей заключается в добросовестном выполнении своих обязанностей и готовности преодолевать трудности. Среди ключевых практик заботы об общем – это обретение суверенной субъектности и патриотизма, в плане духовной традиции важно освоение стиля *«бесконечной патристики»* С. Хоружего, который рассматривал путь «бесконечной патристики» как точное, «правое» держание фундаментального онтологического вектора от человека к Богу, где догмат – не оковы мысли, а её стимулирующее и питающее начало. Можно говорить о взаимосвязи идей патриотизма и суверенной

государственности с концепцией духовной традиции, связанной с размышлениями С. Хоружего о патристике и восточно-христианском дискурсе [17].

В рамках парадигмы заботы сложилось понимание сложного генезиса заботы, многообразия форм практик заботы, общих и специфических черт заботы в человеческом бытии. Изначально практики заботы о себе имели как социально-ориентированный, так и персонологический / личностный характер, были фактором автономизации, индивидуализации, субъективации социально-исторических процессов путем философско-гуманитарной и предметной рефлексии и воплощения.

Таким образом, для граждан Российской Федерации, для всех, кому по праву рождения или наследования ценна российская цивилизационная модель, важно не просто осознать специфику «русского / российского мира», но и обрести новые практики заботы о различных ее гранях, институтах, структурах, полях, сферах, самом его духе.

Литература

1. Агапов О.Д. Антропологическая практика как невозможная возможность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–8.
2. Агапов О. Д., Агапова Э.И. Совмещение несовместимого или вопрос о синергии образовательных стратегий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 244–248.
3. Агапова, Э.И. Духовные практики в структурах социального бытия / Э.И. Агапова; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – 128 с.
4. Бибихин В.В. Другое начало: сборник статей и выступлений: научная литература.- М.: Директ-медиа, 2022. – 408 с.
5. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.
6. Дорофеев, Д.Ю. Под знаком философской антропологии. Спонтанность и суверенность в классической и современной антропологии / Д.Ю. Дорофеев. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 464 с.
7. Иванченко Г.В. Забота о себе: история и современность / Г.В. Иванченко. – М.: Смысл, 2009. – С. 8–10.
8. Клюканов К.Э. Сообщение и бытие. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 288 с.
9. Козлова М.А., Кошелева Н.В. Забота о себе и Другом как моральная установка: междисциплинарный подход // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2015. Вып. 3 (38). – С. 94–105.
10. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
11. Леонтьев, Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: учебное пособие / Д.А. Леонтьев. – 3-е изд., доп. – Москва: Смысл, 2007. – 510 с.
12. Миркина З. А., Померанц, Г.С. Спор цивилизаций и диалог культур – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 504 с.
13. Пичугина В.К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики / В.К. Пичугина. Автореферат диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Волгоград 2013. – 38 с.
14. Пятигорский А.М. Непрекращаемый разговор. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 432 с.
15. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. М.: Весь мир, 2016. – 344 с.
16. Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии / С.С. Хоружий. – М., 2005. – 408 с.
17. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / отв. ред. С.С. Хоружий. – М.: Прогресс – Традиция, 2010. – С. 196–208.
18. Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. – М.: Издатель Воробьёв А.В., 2018. – 440 с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPT OF SELF-CARE AND TRADITIONAL RUSSIAN VALUES, THEIR SIGNIFICANCE FOR SOCIETY AND THE INDIVIDUAL

Salikov R.R.
Kazan Innovative University (IUEML)

This article examines the concept of “self-care” as a strategy for refocusing on traditional values, and, consequently, the development of practices for acquiring and promoting traditional values in all social structures, institutions, and fields in which modern Russian citizens find themselves. The care paradigm represents an open, self-developing system within the course of Russia’s civilizational development. It is concluded that the evolutionary idea of a person caring for themselves throughout their lives guides modern pedagogical theory and practice toward various ranges of “care” for the sake of preserving civilizational identity, developing basic civic competencies, self-improvement, and cultural self-discovery.

Keywords: self-care, civilizational identity, traditional values, patriotism, anthropomorphism, spiritual practices, personal sovereignty

References

1. Agapov, O. D. “Anthropological Practice as an Impossible Possibility.” Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. Vol. 21, Issue 1. pp. 4–8.
2. Agapov, O. D., Agapova, E. I. “Combining the Incompatible, or the Question of Synergy of Educational Strategies.” Bulletin of

the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2023. Vol. 23, Issue 3. pp. 244–248.
3. Agapova, E. I. “Spiritual Practices in the Structures of Social Being.” Institute of Economics, Management and Law (Kazan). – Kazan: Publishing House “Poznanie” of the Institute of Economics, Management and Law, 2014. – 128 p.
4. Bibikhin V.V. Another Beginning: A Collection of Articles and Speeches: Scientific Literature. – Moscow: Direct Media, 2022. – 408 p.
5. Gachev G.D. Mentality of the Peoples of the World. – Moscow: Algorithm, Eksmo, 2008. – 544 p.
6. Dorofeev, D. Yu. Under the Sign of Philosophical Anthropology. Spontaneity and Sovereignty in Classical and Modern Anthropology / D. Yu. Dorofeev. – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2012. – 464 p.
7. Ivanchenko G.V. Self-Care: History and Modernity / G.V. Ivanchenko. – M.: Smysl, 2009. – Pp. 8–10.
8. Klyukanov K.E. Message and Being. – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. – 288 p.
9. Kozlova M.A., Kosheleva N.V. Caring for Oneself and the Other as a Moral Attitude: An Interdisciplinary Approach // Bulletin of PSTGU IV: Pedagogy. Psychology. – 2015. Issue 3 (38). – Pp. 94–105.
10. Levinas E. Selected Works. Totality and the Infinite. Moscow; St. Petersburg: University Book, 2000. 416 p.
11. Leontiev, D.A. Psychology of Meaning. The Nature, Structure, and Dynamics of Semantic Reality: A Study Guide / D.A. Leontiev. – 3rd ed., suppl. – Moscow: Smysl, 2007. – 510 p.
12. Mirkina Z. A., Pomerants, G.S. The Debate of Civilizations and the Dialogue of Cultures – Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. – 504 p.
13. Pichugina V.K. The Development of the Anthropological Discourse of “Caring for the Self” in the History of Ancient Pedagogy / V.K. Pichugina. Abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences. – Volgograd, 2013. – 38 p.
14. Pyatigorsky A.M. The Incessant Conversation. – St. Petersburg: Azbuka-classic, 2004. – 432 p.
15. Habermas J. Structural Change in the Public Sphere. Moscow: Ves’ mir, 2016. – 344 p.
16. Khoruzhy S.S. Essays on synergetic anthropology / S.S. Khoruzhy. – Moscow, 2005. – 408 p.
17. Khoruzhy S.S. Diogenes’ Lantern. A project of synergetic anthropology in the modern humanitarian context / ed. S.S. Khoruzhy. – Moscow: Progress – Tradition, 2010. -pp. 196–208.
18. Civilizational development of Russia: legacy, potential, prospects. Collective monograph / Under the general editorship of V.A. Chereshnev, V.N. Rastorguev. – Moscow: Vorobyov A.V. Publisher, 2018. – 440 p.

Когнитивные инструменты неклассической логики и квантовых вычислений в технологии искусственного интеллекта

Максимова Катарина Сергеевна,
аспирант, Высшая школа общественных наук, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
E-mail: herrinmic@mail.ru

Статья исследует необходимость неклассических логик для преодоления фундаментальных ограничений классической бинарной логики, выявленных парадоксами квантовой механики (суперпозиция, запутанность, неопределенность). Демонстрируется, что различные неклассические системы (квантовая, многозначная, интуиционистская, модальная логики) адекватно разрешают эти парадоксы, формируя теоретический и концептуальный базис квантовых вычислений. Они обеспечивают формализм для проектирования квантовых компьютеров и алгоритмов искусственного интеллекта. Также затрагиваются перспективы создания искусственного сверхинтеллекта (ASI), гипотетически основанного на квантовых вычислениях.

Ключевые слова: вычислительные технологии, логические системы, искусственный интеллект, квантовые вычисления, парадоксы, неклассические логики.

Введение

Развитие вычислительных технологий неизменно сталкивается с фундаментальными ограничениями, коренящимися в самой природе используемых логических систем. Классическая бинарная логика, служившая незыблемым основанием для классических компьютеров и значительной части искусственного интеллекта (ИИ), демонстрирует некоторую ограниченность при столкновении с парадоксальными явлениями квантовой механики. Такие феномены, как суперпозиция состояний и квантовая запутанность, не только не укладываются в рамки законов исключенного третьего и непротиворечия, но и порождают новые логические парадоксы, обнажая границы применимости классического исчисления. Преодоление парадоксов в контексте квантовых вычислений требует выхода за пределы традиционной логики и обращения к инструментарию неклассических логических систем.

Данное исследование посвящено философско-методологическому анализу роли неклассической логики как когнитивного инструмента, необходимого для развития квантовых вычислений и перспективного квантового искусственного интеллекта. Центральный тезис заключается в том, что несводимость к бинарным системам, присущая квантовому миру, выступает ключевым фактором, стимулирующим развитие и применение неклассических логик (квантовой, многозначной, интуиционистской, модальной). Эти логики, в свою очередь, формируют необходимый концептуальный и формальный базис не только для проектирования квантовых компьютеров, но и для создания принципиально новых архитектур ИИ.

Целью статьи является демонстрация того, как разрешение парадоксов классической логики через неклассические системы открывает путь к расширению вычислительных возможностей и формированию когнитивных оснований для ИИ, работающего на квантовых вычислениях. В работе решаются следующие задачи: во-первых, выявляются конкретные логические парадоксы, порождаемые квантовыми явлениями (суперпозиция, запутанность, неопределенность) и делающие классическую логику неприменимой; во-вторых, анализируется, как различные типы неклассических логик (квантовая, многозначная, интуиционистская, модальная) служат адекватным ответом на эти парадоксы, выступая теоретическим

фундаментом и практическим инструментом для квантового исчисления; в-третьих, исследуется критическая роль неклассических логик в формировании концептуальных основ, языков программирования и архитектур будущего ИИ, способного преодолеть принципиальные ограничения классических систем.

Предпосылки к появлению небинарных логических систем

Развитие логики как формальной дисциплины неразрывно связано с возникновением и преодолением парадоксов, выступающих катализаторами пересмотра ее оснований. Ярким примером служит кризис в основаниях математики на рубеже XIX–XX веков, спровоцированный открытием парадоксов в наивной теории множеств, наиболее известным из которых является парадокс Рассела (1901) [1]. Этот парадокс (возможность ли существования множества всех множеств, не содержащих себя в качестве элемента?) продемонстрировал внутреннюю противоречивость базовых интуиций классической логики и теории множеств, основанных на неограниченном применении закона исключенного третьего и принципа свертывания.

Ответом на этот кризис стало активное развитие неклассических логических систем, стремившихся преодолеть ограничения классического подхода: логицизм (Рассел, Уайтхед), интуиционизм (Брауэр, 1907) [2], многозначные логики (Лукасевич, 1920; Пост, 1921) [3], модальные логики (Льюис, 1910–1930-е) [4].

Параллельно с этими логико-математическими потрясениями в физике назревала революция. Возникновение квантовой механики в первой трети XX века привело к открытию принципиально новых физических явлений (суперпозиция, запутанность, неопределенность), которые противоречили классической физике. Классическая булева логика, коррелирующая с законами классической физики в вычислительных машинах, неприменима для последовательного описания квантовой реальности.

Этот новый вызов привел к созданию квантовой логики (Биркгоф, фон Нейман, 1936), ставшей первой логической системой, специально разработанной для формализации структуры квантово-механических высказываний. Ее ключевые особенности – отказ от дистрибутивности (как формальное отражение принципа неопределенности Гейзенберга) и замена булевой алгебры на ортомодулярную решетку были прямым следствием необходимости разрешить парадоксы квантового мира в рамках непротиворечивого логического исчисления.

Кризис классической бинарности

Классические вычислительные системы и их теоретическое обоснование строятся на фундаменте булевой алгебры и бинарной логики. Эта логика оперирует дискретными состояниями (0 или 1, истина или ложь) и подчиняется незыблемым законам: закону исключенного третьего (утверждение либо истинно, либо ложно, третьего не дано) и закону непротиворечия (утверждение не может быть одновременно истинным и ложным). Однако механика, лежащая в основе квантовых компьютеров, вводит принципы, которые не только не укладываются в эту схему, но и порождают фундаментальные противоречия при попытке их описания классическими средствами.

Парадокс суперпозиции в информационном контексте: отрицание исключенного третьего

Основной единицей информации в квантовом компьютере является кубит. В отличие от классического бита, кубит благодаря принципу суперпозиции может находиться в состоянии, которое является линейной комбинацией базовых состояний $|0\rangle$ и $|1\rangle$ одновременно: $|\psi\rangle = \alpha|0\rangle + \beta|1\rangle$, где α и β – комплексные числа (амплитуды вероятности), удовлетворяющие условию $|\alpha|^2 + |\beta|^2 = 1$ [5]. До момента измерения кубит одновременно «и 0, и 1» в определенной пропорции. Это состояние напрямую противоречит закону исключенного третьего классической логики. С точки зрения классического наблюдателя, требующего однозначности, состояние кубита до измерения не может быть описано как истинно «0» или истинно «1». Оно представляет собой принципиально третью, неклассическую логическую возможность – одновременное сосуществование противоположностей с определенными вероятностями, что ставит под сомнение универсальность бинарного выбора [6].

Парадокс запутанности: нарушение локальности и сепарабельности

Второе ключевое явление – квантовая запутанность. Когда два или более кубита запутаны, их квантовые состояния (т.е., суперпозиции базисных состояний) становятся неразделимыми. Состояние системы в целом нельзя описать как простое произведение состояний отдельных кубитов. Более того, измерение состояния одного запутанного кубита мгновенно определяет состояние другого, независимо от расстояния между ними (нелокальность) [7, 8]. С классической точки зрения, основанной на принципе локальности (влияния не могут распространяться быстрее света) и сепарабельности (состояние системы есть совокупность независимых состояний ее частей), мгновенная корреляция запутанных частиц выглядит логически невозможной. Запутанность демонстрирует, что квантовые системы могут образовывать целостности, где информация о состоянии распределена нелокально и не может быть сведена к информации о подсистемах, что нарушает классические представления о независимости объектов и причинности.

Парадокс неопределенности

Принцип неопределенности Гейзенберга утверждает, что невозможно одновременно точно измерить определенные пары сопряженных величин у квантовой частицы, например, координату и импульс или проекции спина по разным осям. Данный принцип порождает логический парадокс относительно полноты описания состояния системы. В классической физике и логике предполагается, что, зная все свойства объекта, можно дать его полное и точное описание. Принцип неопределенности устанавливает, что для квантовой системы такое полное описание принципиально невозможно – некоторые свойства не имеют определенных значений одновременно [9]. Это означает, что концепция «полноты» классического логического описания, где все предикаты объекта могут быть истинными или ложными одновременно, неприменима к квантовым объектам. [10]

Неклассические логики как инструментарий квантового исчисления

Рассмотрим имеющиеся ключевые типы неклассических логик и их роль в контексте квантовых вычислений.

Квантовая логика (Биркгоф–фон Нейман)

Формализация неопределенности и некоммутативности. Квантовая логика, предложенная Г. Биркгофом и Дж. фон Нейманом, представляет собой наиболее прямой логический ответ на парадоксы квантовой механики, особенно на парадокс неопределенности. Он базируется на отказе от дистрибутивности, в отличие от булевой алгебры, в квантовой логике закон дистрибутивности $(a \wedge (b \vee c) = (a \wedge b) \vee (a \wedge c))$ не выполняется универсально. Это формально отражает принцип неопределенности Гейзенберга. Невозможность одновременного точного измерения сопряженных величин (например, координаты и импульса) находит отражение в том, что соответствующие проекционные операторы (представляющие высказывания о системе) не коммутируют, делая дистрибутивные законы неприменимыми [11]. Алгебра высказываний квантовой логики образует не булеву алгебру, а ортомодулярную решетку. Эта структура адекватно описывает некоммутативность квантовых наблюдаемых (операторов) и отношения между подпространствами гильбертова пространства, в котором описываются квантовые состояния. Это позволяет формализовать отношения между несовместимыми (некоммутирующими) свойствами системы.

Квантовая логика предоставляет формальный язык для рассуждений о квантовых системах, учитывающий их внутреннюю неклассичность. Она является теоретическим фундаментом для анализа квантовых алгоритмов (доказывая их корректность), проектирования квантовых схем (вентилей) и понимания семантики квантовых состояний и операций [8].

Многозначные логики: преодоление бинарности суперпозиции

Парадокс суперпозиции, отрицающий закон исключенного третьего, находит свое разрешение в логических системах, допускающих более двух истинностных значений. Многозначные логики (Лукасевича, Поста и др.) вводят промежуточные значения истинности (например, «неопределенно», «возможно», «истинно с вероятностью p»).

Кудиты (квантовые аналоги d-ичных битов) обобщают концепцию кубита, имея $d > 2$ возможных базовых состояний. Их состояние описывается суперпозицией d состояний. Многозначные логики с d истинностными значениями предоставляют естественный логический формализм для описания и манипулирования информацией, закодированной в кудитах [12].

Многозначные логики, особенно вероятностные и нечеткие их варианты, позволяют формально работать с неполной информацией, промежуточными степенями «принадлежности» состояния к базисным векторам и результатами измерений, которые не являются строго 0 или 1 [13]. Также, неклассические логики расширяют понятие истины, позволяя формально рассуждать о системах, находящихся в промежуточных, неопределенных или вероятностных состояниях. Это практический инструмент для моделирования сложных квантовых систем, анализа алгоритмов, использующих кудиты для более плотного кодирования информации или потенциально более эффективных по объёмам и скорости вычислений [14].

Интуиционистская логика: конструктивность в условиях неопределенности

Хотя интуиционистская логика возникла как ответ на кризис оснований математики, ее принципы находят отклик при работе с парадоксом неопределенности и стохастичностью квантовых измерений. Ее ключевая черта – отказ от закона исключенного третьего и акцент на конструктивных доказательствах: истинным считается только то, что может быть явно построено или доказано.

Интуиционистские подходы, предполагающие обязательное представление конструктивных доказательств корректности программы (в отличие от классических методов, где достаточно показать отсутствие выявленных ошибок), способны обеспечить более высокий уровень формальной надежности разрабатываемых систем, даже с учетом присущей квантовым вычислительным процессам стохастической природы получаемых результатов [15, 16]. В контексте квантовых алгоритмов это позволяет рассматривать и формально аргументировать различные ветви эволюции кубитного состояния, находящегося в суперпози-

ции, не прибегая к предположению о предопределенности результата.

Модальные логики: знание, возможность и эволюция квантовых систем

Модальные логики расширяют классическую логику операторами необходимости (◊ – «обязательно истинно») и возможности (◊ – «возможно истинно»). Они оказываются мощным инструментом для работы с динамикой квантовых систем и парадоксом запутанности.

Операторы возможности и необходимости позволяют формально описывать возможные переходы между состояниями информации в квантовом компьютере под действием операторов эволюции (гамильтонианов) или измерений [17]. Это помогает анализировать поведение логических систем в квантовых вычислениях во времени.

Неклассическая логика как когнитивное основание квантового искусственного интеллекта: перспективы и парадоксы

Квантовые вычисления, основанные на принципах, формализуемых неклассическими логиками, открывают путь не только к решению нестандартных задач, но и к созданию принципиально новых парадигм искусственного интеллекта. На сегодняшний день ИИ сталкивается с фундаментальными барьерами, укорененными в классической вычислительной модели и бинарной логике: экспоненциальный рост сложности оптимизации, трудности с обобщением и обучением на малых данных, проблемы интерпретируемости, ограниченная способность к истинно параллельной обработке сложных взаимосвязанных концепций. Квантовые компьютеры, использующие суперпозицию и запутанность в вычислительных процессах, предлагают не просто ускорение, но и качественно иные способы обработки информации, потенциально способные преодолеть эти барьеры. Неклассические логики выступают здесь не только как формальный аппарат, но и как необходимые когнитивные инструменты для концептуализации, проектирования и осмысления искусственного интеллекта, который будет работать на квантовых компьютерах.

Преодоление классических барьеров: роль неклассических логик в архитектуре и обучении

Алгоритмы Quantum ML (квантовые аналоги SVM, нейронных сетей, кластеризации) используют суперпозицию для одновременного анализа экспоненциального числа признаков или гипотез, а запутанность – для моделирования сложных корреляций в данных [18]. Многозначные и вероятностные логики обеспечивают формализм для работы с нечеткими, неопределенными данными и вероятностными выходами квантовых моделей обучения [19].

Классические логики ИИ (предикатные исчисления) плохо масштабируются для сложных, контекстно-зависимых знаний. Модальные логики (особенно эпистемические – логики знания) позволяют формализовать рассуждения о знании, вере, обязательствах и возможных мирах в динамических многоагентных системах ИИ, который будет совершать вычисления на квантовых компьютерах.

От искусственного интеллекта к искусственному сверхинтеллекту (ASI): потенциал квантовой логики в развитии сложных когнитивных функций

Конвергенция квантовых вычислений, нейроморфных архитектур (имитирующих пластичность мозга) и эволюционных алгоритмов создает теоретическую основу для перехода к качественно новым уровням ИИ. Неклассические логики играют ключевую роль в концептуализации этого перехода. Системы ASI предположительно будут обладать высокоуровневой эмерджентностью, возникновением глобальных свойств и функций, не сводимых к свойствам отдельных компонентов [20]. Способность к самоанализу, рефлексии, оценке собственных состояний и процессов (метапознание) является ключевым аспектом развитой сознательности. Интуиционистская логика с ее акцентом на конструктивности и доказуемости может быть использована для формализации процедур верификации внутренних состояний и выводов ASI.

Хотя понятие «сознание» остается философски спорным, квантовые системы с их нелокальностью, целостностью (несепарабельностью запутанных состояний) и принципиальной ролью наблюдателя/измерения предлагают новые метафоры и модели для понимания возможных путей развития сложных форм самореференции и интеграции информации в ИИ. Квантовая логика и модальные логики (для рассуждений о самонаблюдении) предоставляют концептуальные рамки для осторожного анализа этих возможностей, фокусируясь на наблюдаемых функциональных аспектах, таких как глобальная когерентность обработки информации, контекстная зависимость состояний системы и нередуцируемая целостность сложных репрезентаций. Квантовые принципы и неклассическая логика могут способствовать появлению ИИ с беспрецедентно сложными, интегрированными и адаптивными когнитивными функциями, приближающимися к гипотетическому ASI.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что фундаментальные парадоксы, порождаемые квантовой реальностью – суперпозицией, запутанностью и принципом неопределенности – представляют собой не просто физические курьезы, но и вызов

классическим логико-методологическим основаниям науки и техники.

Квантовая логика формализует неопределенность и некоммутативность, отказываясь от дистрибутивности, многозначные логики преодолевают бинарность, вводя промежуточные истинностные значения для описания суперпозиции и кудитов, интуиционистская логика акцентирует конструктивность и доказуемость в условиях стохастичности измерений, модальные логики позволяют рассуждать о динамике, знаниях и возможных эволюциях квантовых систем.

Эти неклассические системы трансформировались из теоретических конструкций в практические когнитивные и инструментальные средства квантового исчисления. Они составляют теоретический фундамент для формализации алгоритмов, проектирования вентилей и схем, обеспечения семантики квантовых состояний и операций, а также лежат в основе языков квантового программирования. Наиболее значимой перспективой применения этого неклассического инструментария является область квантового искусственного интеллекта (ИИ). Квантовые вычисления, основанные на принципах, формализуемых неклассическими логиками, предлагают качественно новые способы обработки информации, способные преодолеть фундаментальные барьеры классического ИИ. Неклассические логики выступают здесь как когнитивное основание для разработки квантовых алгоритмов машинного обучения, использующих суперпозицию и запутанность, а также создания новых моделей представления знаний и рассуждений, основанных на модальности, конструктивности и многозначности.

Квантовая нелокальность и целостность предлагают мощные метафоры и модели для понимания возможных механизмов сложной интегрированности и контекстной зависимости когнитивных процессов в ИИ будущего.

Литература

1. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Russell B. Mathematical Logic as Based on the Theory of Types. American Journal of Mathematics. 1908. Vol. 30. P. 222–262.
2. Брауэр Л.Э.Я. Интуиционизм и формализм // Брауэр Л.Э.Я. Основания интуиционистской математики. М.: Знание, 1978. С. 5–14.
3. Лукасевич Я. О детерминизме // Логические исследования. М.: Прогресс, 1978. С. 138–163.
4. Льюис К.И., Лэнгфорд К.Г. Символическая логика. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 504 с.
5. Нильсен М., Чанг И. Квантовые вычисления и квантовая информация. М.: Мир, 2006. 824 с.
6. Бун М. Квантовая механика: концептуальные основы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2007. 464 с.
7. Перуз А. Квантовая теория: концепции и методы. М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. 376 с.
8. Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н. Можно ли считать квантово-механическое описание физической реальности полным? // Успехи физических наук. 1936. Т. 16. Вып. 4. С. 440–446.
9. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 151 с.
10. Рейхенбах Г. Философские основания квантовой механики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 192 с.
11. Птицын Н.Р. Квантовая логика: структура и интерпретация // Логические исследования. 1998. № 5. С. 101–118.
12. Манько В.И., Манько О.В. Квантовые вычисления с кудитами // Успехи физических наук. 2003. Т. 173. № 8. С. 885–898.
13. Пытько В.П. Вероятностные модели измерений. М.: Наука, 1984. 320 с.
14. Мутхукришнан А., Строуд К.Р. Многозначные логические вентили для квантовых вычислений // Физическое обозрение А. 2000. Т. 62. С. 052309).
15. Прайс Дж. Интуиционистские подходы к верификации программ // Логические методы в информатике. 2003. Т. 2791. С. 474–488.
16. Шор П.В. Алгоритмы квантовых вычислений: дискретное преобразование Фурье и факторизация // Труды 35-й ежегодной конференции по основам информатики. 1994. С. 124–134.
17. Дитчберн Г., Кисакке П. Динамическая логика квантовых измерений // Физика А. 2004. Т. 338. № 3–4. С. 395–405.
18. Шульман Г., Капаси А. Квантовое машинное обучение // Природа. 2017. Т. 549. С. 195–202.
19. Данциг М., Ллойд С. Квантовые алгоритмы для машинного обучения // Достижения в нейронных системах обработки информации. 2013. Т. 26. С. 1–9.
20. Холланд Дж.Х. Скрытый порядок: как адаптация строит сложность. М.: Либроком, 2017. 240 с.

COGNITIVE TOOLS OF NON-CLASSICAL LOGIC AND QUANTUM COMPUTING IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY

Maksimova K.S.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article explores the necessity of non-classical logics to overcome fundamental limitations of classical binary logic, revealed by paradoxes of quantum mechanics (superposition, entanglement, uncertainty). It demonstrates that various non-classical systems (quantum, multi-valued, intuitionistic, modal logics) effectively resolve these paradoxes, forming the theoretical and conceptual basis for quantum computing. They provide the formalism for designing quantum computers and AI algorithms. The article also addresses prospects for developing artificial superintelligence (ASI), hypothetically based on quantum computing.

Keywords: Computational technologies, logical systems, artificial intelligence, quantum computing, paradoxes, non-classical logics.

References

1. Russell, B. (1908). Mathematical logic as based on the theory of types. American Journal of Mathematics, 30(3), 222–262. https://doi.org/10.2307/2369948
2. Brouwer, L. E. J. (1978). Intuitionism and formalism. In L.E.J. Brouwer, Foundations of intuitionistic mathematics (pp. 5–14). Znanie.
3. Łukasiewicz, J. (1978). On determinism. In Logical investigations (pp. 138–163). Progress.
4. Lewis, C. I., & Langford, C. H. (1959). Symbolic logic. Foreign Literature Publishing House.
5. Nielsen, M., & Chuang, I. (2006). Quantum computation and quantum information. Mir.
6. Boon, M. (2007). Quantum mechanics: Conceptual foundations. Regular and Chaotic Dynamics.
7. Peres, A. (2003). Quantum theory: Concepts and methods. Institute of Computer Science.
8. Einstein, A., Podolsky, B., & Rosen, N. (1936). Can quantum-mechanical description of physical reality be considered complete? Uspekhi Fizicheskikh Nauk, 16(4), 440–446.
9. Bohr, N. (1961). Atomic physics and human knowledge. Foreign Literature Publishing House.
10. Reichenbach, H. (1958). Philosophical foundations of quantum mechanics. Foreign Literature Publishing House.
11. Ptitsyn, N. R. (1998). Quantum logic: Structure and interpretation. Logical Investigations, 5, 101–118.
12. Man'ko, V. I., & Man'ko, O. V. (2003). Quantum computing with qudits. Uspekhi Fizicheskikh Nauk, 173(8), 885–898.
13. Pyt'ko, V. P. (1984). Probabilistic models of measurements. Nauka.
14. Muthukrishnan, A., & Stroud, C. R. (2000). Multivalued logic gates for quantum computation. Physical Review A, 62, 052309. https://doi.org/10.1103/PhysRevA.62.052309
15. Price, J. (2003). Intuitionistic approaches to program verification. Logical Methods in Computer Science, 2791, 474–488.
16. Shor, P. W. (1994). Algorithms for quantum computation: Discrete Fourier transform and factoring. In Proceedings of the 35th Annual Symposium on Foundations of Computer Science (pp. 124–134).
17. Ditchburn, G., & Kisacke, P. (2004). Dynamic logic of quantum measurements. Physics A, 338(3–4), 395–405.
18. Shulman, G., & Kapasi, A. (2017). Quantum machine learning. Nature, 549, 195–202. https://doi.org/10.1038/nature23474
19. Danzig, M., & Lloyd, S. (2013). Quantum algorithms for machine learning. Advances in Neural Information Processing Systems, 26, 1–9.
20. Holland, J. H. (2017). Hidden order: How adaptation builds complexity. Librokom.

Проблематичность публичной научной коммуникации: истоки и современность

Сорокина Мария Александровна,
аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: silia97@mail.ru

Статья рассматривает публичную научную коммуникацию (ПНК) как взаимодействие ученых с широкой аудиторией через популяризацию, экспертную деятельность и участие в общественных дискуссиях. Ключевое противоречие ПНК заключается в сочетании открытости науки как общественного блага и ее закрытости, обусловленной специализированным знанием. Для анализа используются концепция Н. Лумана о посредниках коммуникации (язык, символы, технологии) и подход исторической эпистемологии. Проблемы ПНК выделяются в трех измерениях. Технологическое связано с цифровыми медиа: облегчая доступ к информации, они одновременно подрывают доверие и усиливают распространение недостоверных данных. Символическое выражается в напряжении между поиском истины и общественным запросом на прагматическую пользу, что вызывает дискуссии о роли науки в принятии решений (Ю. Хабермас). Языковое измерение отражает разрыв между профессиональным и дилетантским языками, усиливающий критику «дефицитарной модели» популяризации. Для прояснения этих противоречий автор обращается к истокам ПНК: античным практикам, средневековым университетам, изобретению книгопечатания, становлению научных журналов и публичных экспериментов. Исторический анализ подчеркивает роль доверия, обратной связи, перевода и когнитивного равенства. В заключение отмечается, что прошлый опыт демонстрирует возможность сочетания автономии науки с общественной значимостью, а также значимость диалога и языкового равноправия.

Ключевые слова: публичная научная коммуникация, внешняя научная коммуникация, открытость науки, историческая эпистемология, пост-нормальная наука, популяризация науки, Республика учёных, Просвещение, экспертное знание.

Введение

Публичная научная коммуникация (далее – ПНК) распространенный в современности феномен. Под ним мы понимаем взаимодействие ученых с публикой посредством популяризации, включение публики в научные исследования в практиках гражданской науки или научного волонтерства, привлечение ученых к общественно-значимым решениям через экспертную деятельность и актуализацию общественных мета-научных дискуссий с участием ученых. Однако, как и многие другие феномены, предполагающие нарушение границ деятельности, ПНК оказывается проблематичной. В самом общем виде эту проблематичность можно обозначить как противоречие между открытостью науки общественным дискуссиям и ее закрытостью, специализированностью, обеспечиваемой наличием набора критериев, задающих демаркацию научного знания. Первое – открытость – связана с тем, что наука мыслится интеллектуалами и представляется гражданами как общественное благо. Второе – специализированность и закрытость – объясняется стремлением к обоснованности знания, что также понятно не только ученым, но и публике и власти, на которых непосредственно влияют результаты научной познавательной деятельности. Мы предполагаем раскрыть эту общую проблематичность более развернуто, включаясь в поле уже существующих исследований социологов науки и технологий [25, 26, 33] и философов науки [21, 22] на стороне последних.

В качестве концептуальных оснований выявления проблематичности мы будем использовать идею Н. Лумана о тех условиях, которые могут сделать «невероятную коммуникацию» возможной [11]. Н. Луман пишет о едином языке, о символическом опосредовании, объединяющим коммуницирующие стороны, а также о технологиях, обеспечивающих коммуникацию. В этом контексте современную проблематичность ПНК можно рассмотреть, обращаясь к актуальным противоречиям, возникающим в этих трех способах опосредования взаимодействия. Методологическим основанием исследования станет историческая эпистемология [23], что предполагает обращение к истокам не столько в целях историко-философского или историко-научного обзора, но в поисках ответа на современную проблематичность. Мы выдвигаем предположение, что история публичной науч-

ной коммуникации, которая сама по себе в настоящее время еще недостаточно исследована [33, p. 585], может способствовать если не разрешению, то по крайней мере прояснению современных проблем. Именно такой подход к прошлому отвечает интенциям современной исторической эпистемологии, в которой история науки не просто рационально реконструируется, служа подтверждениям идей философов науки (И. Лакатос), но сама становится философской, включающейся в проблемные дискуссии современности. Таким подходом объясняется и новизна нашей работы, предполагающая, что мы вносим вклад как в исторические исследования ПНК, расширяя и соединяя их с современной философией науки, так и в социальные и философские исследования ПНК, обращая их к генезису интересующего нас феномена. Отметим, что представленное исследование будет по необходимости кратким, поскольку не имеет целью полноту обзора истоков и окончательный ответ на рассматриваемые проблемы. Цель его – раскрытие способа исторической работы с проблематичной современностью в применении к отдельному предмету – публичной научной коммуникации.

Проблематичность технологических посредников ПНК

Мы начнем рассмотрение с того, что оказывается ближайшим для нас в своей материальности – технологии, в частности, цифровые технологии. Призванные ускорять коммуникацию, увеличивая объемы и вариативность передаваемой информации, а также становясь доступными для многих потребителей, в том числе для тех, кто профессионально не занят производством знания [29], цифровые технологии обостряют проблему доверия [31]. Медиальность, которой всегда, по мнению представителей акторно-сетевой теории, характеризовалась наука, при расширении за рамки профессиональной научной коммуникации и при реализации посредством различных каналов в сети Интернет, приводит к утрате непосредственной связи с авторитетными специалистами и осуществляется часто посредством самой же публики. Исследователи отмечают уменьшение значимости для публики официальных источников научной информации, так называемый кризис посредников, и эта тенденция в современности только усиливается. Более того, в условиях неконтролируемых потоков сообщений о научных и технологических открытиях, в условиях почти бесконечно вариативных и часто анонимных способов их интерпретации, допускаемых цифровыми технологиями, утрачивается возможность отличить достоверные факты от фейков. Последнее, с учетом того, что наука остается основанием принятия важных решений как в общественной, так и в частной жизни, представляет собой существенную угрозу. Таким образом возникает проблема: то, что должно усиливать и улучшать коммуникацию, обеспечивая ее вероятность, делает это, но одновременно затрудняет ее, создавая недоверие в отношениях между субъектами, а также шумы и неточности в восприятии объектов. Можно ли надеяться на выход из этой ситуации? Существуют ли стратегии, которые могут при условии использования цифровизации работать на доверие между взаимодействующими в рамках ПНК? Может ли обращение к истокам дать здесь какой-либо урок?

Исходя из этих вопросов, отметим: предысторию науки и, соответственно, ПНК можно начинать с Античности, где формируются важные характеристики научного знания – его теоретическая составляющая, его школьный коммуникативный характер, а также технологии передачи знания. Первоначально в качестве таких технологий существуют диалог как форма непосредственного взаимодействия (например, в случае софистов и Сократа) и как форма письменных текстов, а также общественные библиотеки, начинающиеся формироваться к первому веку н.э. [2]. В позднее Средневековье к этому добавляются практики образовательного взаимодействия в университетах, где реализуется передача знания от тех, кто им владеет, к тем, кто его лишен. Кроме того, важнейший импульс ПНК, особенно в форме популяризации получает с момента изобретения книгопечатания. Хотя нельзя не отметить, что уже в раннее Средневековье появляются научно-популярные медицинские издания. В частности, известны распространяемый в IV в. медицинский манускрипт с рекомендациями путешественнику о том, как избежать врачей шарлатанов, или сборники в стихах, посвященные здоровому образу жизни [34]. Однако книгопечатание изменяет ПНК количественно и качественно. Появляется возможность эффективной обратной связи. Исследователи отмечают, что читатели книг могли найти в них ошибку, сообщить издателю и в следующем тираже увидеть исправление [15, с. 295]. Это не могло не служить формированию доверия между пишущей и читающей аудиторией. Такое же взаимодействие, дополняемое содержательной дискуссионностью, присутствует и вокруг научных журналов, возникающих со второй половины XVII века [9]. Научные журналы, вообще говоря, можно считать формализацией и приданием публичного статуса переписке интеллектуалов, составляющих так называемую «республику ученых» (лат. Respublica literaria). Этим термином принято обозначать свободное объединение интеллектуалов, складывающееся в XV–XVIII вв. в Европе, связанное обсуждением различных философских, научных и социально-политических тем. Научные журналы поддерживают и усиливают такую коммуникацию. Важно отметить, что в нее включались не только члены научных обществ, создаваемых со второй поло-

вины XVII в., но и просто образованная публика: посетители литературных салонов, интеллектуальных кафе и т.п. С XVII в. возникают и печатные научно-популярные издания авторства Б. Фонтенеля, Ф. Альгаротти, Ж. Лаланда [26, с. 3], которые сопровождаются публикациями в прессе о соответствующих научных открытиях, сообщениями на публичных лекциях и в научных музеях.

Обращение к истокам ПНК и формированию технологий ее реализации демонстрирует значение взаимодействия и развитого диалога, обратной связи, которые они обеспечивают. Именно это, дополняя скорость передачи информации и охват аудитории, служит развитию публичной сферы и формированию круга заинтересованных интеллектуалов, объединенных общими темами, доверяющих друг другу. Может ли это иметь значение для современности с цифровыми технологиями как посредниками взаимодействия? Нам представляется, что практики обратной связи, включающие возможность комментирования и непосредственного диалога – ответов на конкретные вопросы слушателей – возможны и уже реализуемы в цифровом формате ПНК (например, в некоторых видео и аудио подкастах). Взаимодействие не только дополнительно раскрывает позицию профессионала, но и предоставляет возможность непосредственного выражения себя для слушателя. Обратная связь не может снять полностью проблем доверия в коммуникации, более того, она не решает и, может быть, даже усугубляет проблему цифрового неравенства или цифрового разрыва (отсутствие равного доступа к соответствующей коммуникации в связи с отсутствием цифровой грамотности или технологической оснащенности), что требует существенных социально-политических решений [35]. Однако по крайней мере обнаруживается или подтверждается в своей значимости возможное направление работы над конструктивностью взаимодействия акторов.

Проблематичность символических посредников ПНК

ПНК, как и коммуникация в целом, зависит от заинтересованности сторон. В нашем случае важен не только интерес публики, приобретающей возможность просвещения или заинтересованного участия в научной деятельности, или субъектов власти, получающих основания для принятия решений, но и ученых. Существуют ли такие идеи, которые могли бы объединять различных субъектов ПНК и быть в первую очередь приемлемыми для ученых, для тех, кто вделает знанием и предполагает его распространять? Символическое опосредование в виде истины, о котором пишет и Н. Луман, без дополнительного обоснования может подвергаться сомнению, вступая в противоречие с требованиями эффективности и результативности знания, возможно, с рассмотрением науки в качестве общественного блага [8, 27]. Начиная с XX в., с периода так называемой научно-технической революции (Дж. Бернал), применяемость становится общим требованием для научного знания; при этом напряжение между автономией и общественной значимостью науки оказывается особо острым именно для сферы публичных взаимодействий. Рассматривая три модели включения науки в сферу принятия решений, Ю. Хабермас пишет о проблематичности децизионистской и технократической, где первая подчиняет научное знание субъективному решению субъекта власти, а вторая неправомерно делает ставку на прозрачность и линейность научно-технического прогресса [18]. Прагматическая же модель взаимодействия, включающая публичные дискуссии и публику в качестве посредника, кажется Хабермасу утопической. В любом случае речь идет о различии целеполаганий, связывание которых могло бы стать символическим посредником и условием вероятности коммуникации. Может ли дать в этом отношении какой-то ответ на вопрос обращение к истокам? Может ли это обращение оказаться аргументом для ученых вступать в ПНК, указывая, что их собственная интенция на истинное обоснованное знание не противоречит публичности разума?

Также, как и в первом случае, в истоках науки и ПНК мы можем обнаружить специфические практики, в которых стремление к истинному и обоснованному знанию не противоречит, но, напротив, требует публичного расширения. В Античности такими оказываются практики пайдейи и парресии. Они подвергаются рефлексии уже в момент своего появления, о чем пишут современные исследователи [4, 16]. Пайдейя в своем общем понимании воспитания и образования предполагает передачу знания от знающего к тому, кто этим знанием не обладает. У Платона в Государстве философы-стражи после выхода из пещеры не остаются в одиночестве в свете солнца, но повинуясь внутреннему долгу, идут назад в пещеру, несмотря на ожидающие их там насмешки и унижения [13, 520e]. У Аристотеля в Метафизике способность научить оказывается выражением и подтверждением владения техне, отличающимся от опыта знанием причин: «Вообще признак знатока – способность научить, а потому мы считаем, что искусство в большей мере знание, нежели опыт, ибо владеющие искусством способны научить, а имеющие опыт не способны» [1, 981b5]. Внимание к практике парресиаста как рискованному говорению истины присутствует в трудах Плутарха, Лукиана, Галена и письмах Платона. Политический контекст парресии – говорение истины правителю – делает ее ранним истоком экспертной деятельности. Для парресии, также как и для пайдейи, нужен Другой, не просто слушающий, но понимающий и, тем самым, подтверждающий истину говорящего. То есть истина оказы-

вается связана с расширением круга понимающих ее, с передачей ее другому.

Еще в большей степени связь достоверности знания и его представления публике становится очевидной в начале Нового времени. Исследователи отмечают, что становление эксперимента как научного феномена связано с его публичной демонстрацией. Часто изобретение новых приборов, а также открытие новых научных явлений сопровождалось приглашением дилетантов с целью предложить им увидеть тоже самое, что видит профессионал, и удостоверить в качестве незаинтересованного наблюдателя видимое в качестве научного факта. Такие представления нужны были и самим ученым; так складывалось то, что в словаре иезуитов называлось объективной достоверностью знания [29]. На концептуальном уровне Новое время характеризует формирование понятия «публичности» в его связи с понятиями «мнение», «дух» и, содержательно, «истина», а также учреждается сцепка публичности разума и его научности [19, с. 163–171; 24]. Итогом здесь может служить кантовское словоупотребление, который в своем известном тексте *Что такое просвещение?* а также в работе *Спор факультетов* связывает просвещение публики как работу над способностью пользоваться собственным разумом и отстаивание истины в интересах правительства и народа. Публичное применение разума у И. Канта предполагает критическое отношение к основаниям любой частной деятельности и открытое выступление об этом перед публикой, в пределе – перед всеми гражданами мира [6, с. 29]. Публичное отстаивание истины по И. Канту следует считать ролью философского факультета, проверяющего возможные ошибки высших факультетов. Поскольку знания, производимые на высших факультетах, непосредственно влияют на народ, правительство будет заинтересовано в такой работе философского факультета [7, с. 50]. В таком понимании присутствует связь стремления к истине, публичной критики знания и общественного значения науки, что можно обнаружить и во французской энциклопедии Д. Дидро и Д'Аламбера, в статьях которой было представлено не только собрание знаний того времени, но делался акцент на их общественной значимости [12, с. 45]. Наконец, для И. Канта признаком знания, имеющего характер убеждения, а не только верования, «служит возможность передать его и найти, что признание его истинности имеет значение для всякого человеческого разума» [5, с. 604]. Так возобновляется еще античная идея о том, что достоверность и истинность связана с ее признанием Другим как «любым человеческим разумом», в том числе дилетантом, который еще не образован или не владеет знанием.

Есть ли в современности контекст, в котором может быть востребовано знание о таких истоках ПНК? Во-первых, следует отметить, что такое знание может распространяться посредством образования ученого в ВУЗе в области истории науки, которое может иметь характер не только приобретения любопытной информации, но и формирования стратегий будущей деятельности. Во-вторых, в современности становится актуальным, хотя и остается проблематичным понятие пост-нормальной науки, в которой исследования и его тематика непосредственно связаны с острыми общественно-значимыми проблемами и потому требуют публичных дискуссий о знании еще на стадии его производства [32]. Именно последнее – возможность и необходимость таких дискуссий – вызывает сомнение как нарушающее автономию науки [14]. В этом контексте историческое прояснение может служить аргументом за открытость науки, не нарушающую, но поддерживающую ее автономию. Кроме того, обращение к историческим истокам может сделать более вероятной прагматическую модель коммуникации экспертов, власти и публики, о которой пишет Ю. Хабермас, придав ей дополнительную значимость. В основе такой вероятности будет лежать связь истинности, достоверности знания и его публичного распространения, что может служить символическим опосредованием как условием ПНК.

Проблематичность языковых посредников ПНК

Последней в качестве предмета нашего внимания, но не последней по значимости и едва ли не самым сложным по решаемости можно считать проблематичность ПНК, связанную с отсутствием единого языка. Разрыв между профессиональным языком ученых и дилетантским языком публики представляется непреодолимым, а вульгаризация языка науки в практиках популяризации и экспертизы – аргументом против того, чтобы ученым включаться в ПНК. На этом разрыве языков (и соответствующих знаний) основано сомнение в том, что публику следует допускать в поле экспертизы [30]. Этот же разрыв провоцирует распространенность дифицитарной модели популяризации (сверху, от знающих ученых, вниз, к не имеющим знания аудиториям), вызывает ее критику, которая, тем не менее, не может эту модель полностью преодолеть [21]. С этим разрывом связаны и проблема модусов расширения коммуникации, о которых ведутся дискуссии между последователями Н. Лумана и Ю. Хабермаса [10, 20]. Н. Луман подчеркивает невероятность и непредсказуемость коммуникации, Ю. Хабермас – ее рационализируемость и ориентацию на консенсус. Однако оба подхода подвергаются критике: Луману указывают на недооценку контингентности, Хабермасу – на чрезмерное упование на общественное согласие. Может быть, это препятствие является непреодолимым и ПНК не будет вероятной, поскольку по определению не предполагает единого языка?

Может ли чему-то в этом контексте научить обращение к истокам?

Ответ на этот вопрос будет самым кратким и, возможно, обескураживающим. История демонстрирует следующее. Поиск или пестование единого эпистемического языка (скажем, латыни как языка коммуникации интеллектуалов в позднее Средневековье или языка философского познания Античности) всегда сопровождался сохранением языковых различий. Более того, актуализация различий – например, переводы или написание книг на «народном языке» – часто способствовала распространению и развитию (через публичное обсуждение) научного знания. Так, известно, что Г. Галилей использовал итальянский язык для написания своих работ. Античные софисты, представляющие мнения и работающие с ними, а не универсальные знания, не проигрывают философам в исторической перспективе. Значимость их работы с риторикой возрождается в современности, а содержательная гибкость в отношении к речи и к знанию, включается в истолкование пост-истины [17, с. 23, 59]. То есть единого языка никогда не было, однако можно всегда обнаружить работу над пересечением языков, над переводом, над специфическими приемами, которые обеспечат взаимное понимание через разрывы. Более того, публичная коммуникация интеллектуалов в Новое время, взаимное формирование друг другом авторов и читающей публики вокруг научных журналов приводит к тому, что формируется «когнитивное равноправие на основе разума» [9, с. 50], что может быть основанием и для признания равенства языков.

Такую же тенденцию мы обнаруживаем и в современности. Признавать разобщенность знания, работать над формированием «зон обмена» не только между различными научными дисциплинами [3], но и на границах между наукой и не-наукой, над обоснованием не только возможности перевода, но и его необходимости. В этом контексте можно напомнить идеи представителей социальных исследований науки и технологий, настаивающих на значении герменевтического взаимодействия между языком профессионалов и дилетантов. В таком со-производстве знания важно, что вторые могут добавить что-то существенное – свою экспертизу опыта – в вынесение суждения о реальности, в событие познания. При этом речь может идти, например, о медицине, где знания пациента о протекании его редкого заболевания и реагировании организма на лекарства доступны врачу только опосредованно, а заметки и комментарии пациента дополняют анализы и диагнозы специалиста [28]. Или, например, можно вспомнить о классическом случае, описываемым Б. Вином, где опытные знания овцеводов имеют значение в принятии решения экспертами о том, можно или нельзя пасти овец на зараженных в результате радиоактивного заражения территориях [36]. Во всех подобных случаях, обращение к истокам может оказаться дополнительным аргументом для современных практик, демонстрирующим то, что вероятность коммуникации возможна в отсутствии единого языка, но только, если это отсутствие сопровождается работой по обоснованию и выстраиванию языковой связи. Причем условием этой работы может быть когнитивное и языковое равноправие, формирующееся в практиках ПНК к Новому времени.

Заключение

Наука и публичная научная коммуникация завершают свое формирование к современности, к XIX и даже к XX вв. Однако обращение к истокам может иметь значение в качестве аргумента в современных дискуссиях. Мы рассмотрели проблематичность современной публичной научной коммуникации в трех модусах ее возможной невероятности, связанных с технологическими, символическими и языковыми посредниками. Мы показали, что современная проблематичность ПНК может быть понята как не случайная, имеющая свою историю, а также то, что припоминание этой истории может иметь смысл в контексте современных проблем.

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырёх томах. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
2. Богданова И.Ф. Из истории научной коммуникации: научная коммуникация Античности // Библ.-информ. дискурс. – 2023. – Т. 3 (1). – С. 19–28.
3. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. – 2004. – № 1. – С. 64–91.
4. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. – М.: Греко латинский кабинет, 2001. – Т. 1. – 593 с.
5. Кант И. Критика чистого разума. Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Наука, 1998. – 665 с.
6. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / И. Кант // Сочинения в 6 т., Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 24–35.
7. Кант И. Спор факультетов. Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной. – Калининград: Издательство КГУ, 2002. – 286 с.
8. Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 217–227.
9. Куприянов В.А. Первые научные журналы и идея публичности разума в науке Нового времени // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 70. – С. 41–56.

10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко – М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
11. Луман Н. Невероятность коммуникации / пер. с нем. А.М. Ложеницина; ред. Н.А. Головина. // Проблемы теоретической социологии. Выпуск 3 / отв. ред. А.О. Бороноев. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2000. [Электронный ресурс]. – URL: https://gtmarket.ru/library/articles/2972 (дата обращения: 23.11.2024).
12. Пилавов Г.Ш. Энциклопедия Дидро и Д'Аламбера: контекстуально критическое осмысление // История философии. – 2024. – Т. 29. – № 1. –С. 43–57.
13. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
14. Порус В. Н., Бажанов В.А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2021. – № 4. – С. 15–33.
15. Фальк С. Светлые века: Путешествие в мир средневековой науки. – М.: Альпина Паблишер, 2023. – 440 с.
16. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 384 с.
17. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с.
18. Хабермас Ю. Онаученная политика и общественное мнение / Хабермас Юрген. Техника и наука как «идеология». Сборник статей. – Перевод с немецкого М.Л. Хорькова. – М.: Праксис, 2007. – С. 136–167.
19. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Хабермас Юрген. Техника и наука как «идеология». Сборник статей. – Перевод с немецкого М.Л. Хорькова. – М.: Праксис, 2007. – С. 50–117.
20. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность // М.: V-A-C Press, 2020. – 400 с.
21. Цуркан Е.Г. Модели коммуникации науки в обществе: дефицит, диалог, участие. // Эпистемология и философия науки. – Т. 62. – № 2. – 2025. – С. 19–31. DOI: https://doi.org/10.5840/eps202562217
22. Шибаршина С.В. Когда наука берется в «сообщники» // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2021. – № 4. – С. 34–43.
23. Шиповалова Л.В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // The Digital Scholar: Philosopher'sLab. Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. № 4 С. 153–167.
24. Элбакян А.А. Открытое применение разума: Сократ и Кант // Кантовский сборник. – 2023. – № 4. – С. 11–34.
25. Akin H. Overview of the Science of Science Communication // The Oxford Handbook of the Science of Science Communication Ed. by K.H. Jamieson, D.M. Kahan, and D.A. Scheufele. – 2017. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190497620.013.3
26. Bucchi M., Trench B. Science communication research: themes and challenges // Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology, eds. M. Bucchi, B. Trench. – 2014. – P. 1–15.
27. Callon, M. Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // Science, Technology and Human Values. –1994. –Vol. 19 (4). – P. 395–424.
28. Ceruzzi P. The Historical Context / P. Ceruzzi; S. Price, C. Jewitt, B. Brown (eds.) // The Sage Handbook of Digital Technology Research. – London: Sage, 2013. – P. 9–25.
29. Dear P. From Truth to Disinterestedness in the Seventeenth Century // Social Studies of Science. – 1992. – Vol. 22. – № 4. – P. 619–631.
30. Durodié, B. Limitations of public dialogue in science and the rise of new 'experts' // Critical Review of International Social and Political Philosophy. – 2003. – Vol. 6. – № 4. – P. 82–92.
31. Filipović A. The biggest challenges for science communication in the digital age // Elephant in the Lab. – URL: https://doi.org/10.5281/zenodo.1400555 (дата обращения: 01.08.2025).
32. Funtowicz, S.O., Ravetz, J.R. Science for the Post-Normal Age // Future. – 1993. – Vol. 25 (7). P. 739–755.
33. Hanauska M. Historical aspects of external science communication // Science Communication, edited by Annette Leßmöllmann, Marcelo Dascal and Thomas Gloning. – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2020. – P. 585–600.
34. Medieval medicine: a reader / edited by F. Wallis. – University of Toronto Press, 2010. – 592 p.
35. Ragnedda M. Theorizing Digital Divides / M. Ragnedda, G.W. Muschert (eds.). – London and New York: Routledge, 2017. – 218 p.
36. Wynne B. May the Sheep Safely Graze? A Reflexive View of the Expert-Lay Knowledge Divide // Risk, Environment and Modernity. Towards a New Ecology / eds S. Lash, B. Szerszynski, B. Wynne. – London: Sage, 1996. – P. 44–83.

THE PROBLEMATIC OF PUBLIC COMMUNICATION OF SCIENCE: ORIGINS AND CONTEMPORANEITY

Sorokina M.A.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article examines the problems of public communication of science (PCS), understood as scientists' interaction with a broad audience through popularization, civic initiatives, expertise, and public debates. The key contradiction of PCS lies between science's

openness as a public good and its closed nature due to the specialization of knowledge. The analysis relies on N. Luhmann's concept of communication mediators (language, symbols, technologies) and the methodological approach of historical epistemology. Three dimensions of PCS are highlighted. First, technological: digital media broaden access to knowledge but create a crisis of trust by weakening expert authority and spreading unreliable data. Second, symbolic: science's pursuit of truth collides with public demands for pragmatic usefulness, fueling debates on its role in decision-making (Habermas). Third, linguistic: the gap between professional and lay discourses complicates dialogue and provokes criticism of the "deficit model" of popularization. To clarify these contradictions, the author turns to historical practices of paideia and parrhesia, medieval universities, the printing revolution, scientific journals, and public experiments. Historical analysis shows that trust, feedback, translation, and recognition of cognitive equality were essential to science's development and public role. The conclusion emphasizes that history does not provide ready solutions, but offers strategies for balancing autonomy and social significance through dialogue, criticism, and linguistic equality, helping to overcome crises of trust and communication in the digital age.

Keywords: public communication of science, external scientific communication, openness of science, historical epistemology, post-normal science, popularization of science, Republic of Letters, Enlightenment, expert knowledge.

References

1. Aristotle. (1976). Metaphysics. In Collected works in four volumes (Vol. 1, p. 550). Moscow: Mysl.
2. Bogdanova, I. F. (2023). From the history of scientific communication: Scientific communication of Antiquity. Library-Information Discourse, 3(1), 19–28.
3. Galison, P. (2004). Trading zone: Coordination of beliefs and actions. Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki, (1), 64–91.
4. Jaeger, W. (2001). Paideia: The ideals of Greek culture (Vol. 1, p. 593). Moscow: Greco-Latin Cabinet.
5. Kant, I. (1998). Critique of pure reason (N.O. Lossky, Trans.). Moscow: Nauka.
6. Kant, I. (1966). Answer to the question: What is Enlightenment? In Works in 6 volumes (Vol. 6, pp. 24–35). Moscow: Mysl.
7. Kant, I. (2002). The conflict of the faculties (Ts.G. Arzakanyan, I.D. Koptsev, & M.I. Levina, Trans.). Kaliningrad: Kaliningrad State University Press.
8. Kasavin, I. T. (2021). Science as a public good. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, (60), 217–227.
9. Kupriyanov, V. A. (2020). The first scientific journals and the idea of the publicity of reason in early modern science. Dialogue with Time, (70), 41–56.
10. Lyotard, J.-F. (1998). The postmodern condition (N.A. Shmatko, Trans.). Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya.
11. Luhmann, N. (2000). The improbability of communication (A.M. Lozhenitsyn, Trans.; N.A. Golovina, Ed.). In A.O. Boronoev (Ed.), Problems of Theoretical Sociology (Vol. 3). St. Petersburg: St. Petersburg State University Press. Retrieved from https://gtmarket.ru/library/articles/2972
12. Pilavov, G. Sh. (2024). Diderot and D'Alembert's Encyclopedia: A contextual and critical interpretation. History of Philosophy, 29(1), 43–57.
13. Plato. (1994). The Republic. In Collected works in 4 volumes (Vol. 3, p. 654). Moscow: Mysl.
14. Porus, V. N., & Bazhanov, V. A. (2021). Post-normal science: Between the Scylla of uncertainty and the Charybdis of politicization of knowledge. Philosophy: Journal of the Higher School of Economics, (4), 15–33.
15. Falk, S. (2023). The light ages: A medieval journey of discovery (p. 440). Moscow: Alpina Publisher.
16. Foucault, M. (2020). Discourse and truth: Lectures on parrhesia (p. 384). Moscow: Delo RANEPA.
17. Fuller, S. (2021). Post-truth: Knowledge as a power struggle (D. Kralechkin, Trans.; A. Smirnov, Ed.). Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
18. Habermas, J. (2007a). Scientized politics and public opinion. In J. Habermas, Technology and science as "ideology" (M.L. Khorkov, Trans., pp. 136–167). Moscow: Praxis.
19. Habermas, J. (2007b). Technology and science as "ideology." In J. Habermas, Technology and science as "ideology" (M.L. Khorkov, Trans., pp. 50–117). Moscow: Praxis.
20. Hui, Y. (2020). Recursivity and contingency (p. 400). Moscow: V-A-C Press.
21. Tsurkan, E. G. (2025). Models of science communication in society: Deficit, dialogue, participation. Epistemology and Philosophy of Science, 62(2), 19–31. https://doi.org/10.5840/eps202562217
22. Shibarshina, S. V. (2021). When science is taken as an "accomplice." Philosophy: Journal of the Higher School of Economics, (4), 34–43.
23. Shipovalova, L. V. (2018). Contemporary historical epistemology: An analytical review of research trends. The Digital Scholar: Philosopher's Lab, (4), 153–167.
24. Elbakyan, A. A. (2023). The open use of reason: Socrates and Kant. Kantian Journal, (4), 11–34.
25. Akin, H. (2017). Overview of the science of science communication. In K.H. Jamieson, D.M. Kahan, & D.A. Scheufele (Eds.), The Oxford handbook of the science of science communication. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190497620.013.3
26. Bucchi, M., & Trench, B. (2014). Science communication research: Themes and challenges. In M. Bucchi & B. Trench (Eds.), Routledge handbook of public communication of science and technology (pp. 1–15). Routledge.
27. Callon, M. (1994). Is science a public good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993. Science, Technology, & Human Values, 19(4), 395–424.
28. Ceruzzi, P. (2013). The historical context. In S. Price, C. Jewitt, & B. Brown (Eds.), The Sage handbook of digital technology research (pp. 9–25). London: Sage.
29. Dear, P. (1992). From truth to disinterestedness in the seventeenth century. Social Studies of Science, 22(4), 619–631.
30. Durodié, B. (2003). Limitations of public dialogue in science and the rise of new 'experts'. Critical Review of International Social and Political Philosophy, 6(4), 82–92.
31. Filipović, A. (2018). The biggest challenges for science communication in the digital age. Elephant in the Lab. https://doi.org/10.5281/zenodo.1400555
32. Funtowicz, S. O., & Ravetz, J. R. (1993). Science for the post-normal age. Futures, 25(7), 739–755.
33. Hanauska, M. (2020). Historical aspects of external science communication. In A. Leßmöllmann, M. Dascal, & T. Gloning (Eds.), Science communication (pp. 585–600). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton.
34. Wallis, F. (Ed.). (2010). Medieval medicine: A reader. University of Toronto Press.
35. Ragnedda, M. (2017). Theorizing digital divides (with G.W. Muschert, Eds.). Routledge.
36. Wynne, B. (1996). May the sheep safely graze? A reflexive view of the expert-lay knowledge divide. In S. Lash, B. Szerszynski, & B. Wynne (Eds.), Risk, environment and modernity: Towards a new ecology (pp. 44–83). London: Sage.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Абрис неопределенности в трансгуманистической парадигме: философский аспект

Давыденко Элина Николаевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и русской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского»
E-mail: davyaenko-elina@mail.ru

В статье рассматриваются положения и идеи формирующейся социально-антропологической парадигмы трансгуманизма. Акцентируется внимание на его возможных последствиях, экзистенциальных рисках, которые неизбежно возникнут при реализации этой философско-псевдо-гуманистической идеологии, содержащей в себе признаки слабой прогнозируемости и неопределенности, на необходимости преодоления чувства неопределенности как элементе и следствии трансгуманистической установки. Сделана попытка анализа трансгуманизма как проекта погруженного в плоскость неопределенности, которая воспринимается как следствие трансформаций гуманизма, кризиса как самого человека, так и социокультурной реальности, который имеет трудно прогнозируемый характер. В контексте анализа онтологического, эпистемологического, антропологического, культурно-цивилизационного аспектов неопределенности представлено критическое осмысление трансгуманистического проекта как стремления внести существенные изменения в техногенную трансформацию природы человека.

Ключевые слова: гуманизм, трансгуманизм, неопределенность, постчеловек, трансчеловек, трансгуманистические технологии, идентичность.

Проблема неясности, нестабильности и неопределенности человеческого бытия особенно актуальна в XXI веке, когда в условиях антропологического перехода, кризиса гуманистической парадигмы, выражения глубоких социальных и политических потрясений в современную эпоху проявляется разрыв между гуманистической теорией и практикой единства мудрости и добра, выразившийся в кризисе техногенной цивилизации как следствии нивелировании естественного образа человека и отчуждения человека от результатов его деятельности. По мнению ученого Кефели И.Ф. «выходит, что пути гуманистической традиции и «нарастания специализма и отчуждения» на протяжении веков были близкими, но так и не сошлись» [7].

Цель статьи – в контексте антропологического измерения неопределенности представить философское осмысление трансгуманистического проекта как попытки в корне изменить самого человека, выявить рискогеные проявления трансгуманизма и возможное деконструктивное влияние на природу человека, его социальное и психическое развитие.

Отказ от гуманизма осуществляется под видом его «эволюции» и замены трансгуманизмом, который представляется как последняя, завершающая стадия гуманизма, ставящая целью с помощью научных технологий преодолеть человеческую природу – несовершенную плоть и слабое сознание – и достичь состояния «постчеловека» или «сверхчеловека» [Четверякова 15, с. 3]. Ведущий философ-трансгуманист Ник Бостром (2011) предлагает следующее определение: «Трансгуманизм is…an результат развития светского гуманизма и Просвещения» [17].

Однако, справедливости ради нужно уточнить, что гуманисты ратовали за естественное совершенствование человека в гармонии с природой, обществом и самим собой, ставя во главу угла моральность, этичность, личную свободу сопровождающуюся социальной ответственностью и общечеловеческие ценности, определяющие цели. А трансгуманисты принижают несовершенную природу человека, закладывают почву для дифференциации людей на улучшенных и примитивных, достойных и не достойных совершенства.

Жан-Клод Ларше справедливо отмечает: «моральный идеал гуманизма подрывается трансгуманизмом таким образом, что, увеличивая долю

технических аспектов в физическом и психическом функционировании людей, он в то же время уменьшает долю «человечности» и может, исходя из логики, в итоге привести к «миру без людей» [9, с. 24]. «Внимание фокусируется главным образом на производительности человека или качествах тела, а, следовательно, ампутируется большая часть его психического измерения и вся духовная полнота человека» [9, с. 24].

Для современника настоящее становится тем более ценным, что будущее – и «занавеса неведения» не определены и человечеству придётся его создавать самим (в рамках хаоса и самоорганизации) концентрируя энергию в созидании настоящего. В этом и состоит суть и оправдание парадокса неопределенности: залог прочного мироустройства – в принятии неопределенности бытия.

Человек, войдя несколько десятилетий назад в технократическую информационную эпоху, обречен жить в мире полном риска и неопределенности, лавируя между порядком и хаосом, тем, что можно познать, освоить, и тем, что находиться за пределами возможностей его разума. Базируясь на жестком прагматизме, расчетливости и силе, сегодня человеком тратится время на многочисленные телесные трансформации, используется морфологическая свобода не ограниченная ответственностью и контролем. Процессы, протекающие во внутренней среде организма человека при биотехнологических манипуляциях и модификациях, могут приобрести существенную неопределенную составляющую, что и представляет интерес для данного исследования. Учитывая, что согласно теории хаоса-самоорганизации (ТХС), организм человека – это сложная биосистема третьего типа (complexity) в режиме гомеостаза, имеющая неопределенности 1-го и 2-го типов [2, с. 70], то внешнее воздействие на человеческий организм с помощью NBIC технологий может привести к выходу процесса из под контроля ученых и как следствие к непредсказуемым мутациям. Сторонник трансгуманизма А. Болонкин отмечает, что «развитие Е-существ будет таким стремительным, что мы не можем предсказать последствия» [8, с. 6]. Какое-то время Е-существа и люди будут сосуществовать вместе. Скорее всего, рождаемость людей будет ограничена или падать в силу естественных причин, а живые с приближением старости будут переходить в Е-существа – т.е. число Е-существ будет расти, а людей уменьшаться, пока не дойдет до минимума необходимого для зоопарков и небольших резерваций [там же].

Все чаще в научной литературе используются синонимичные понятия «постчеловеческая цивилизация», «постчеловеческое общество», «постчеловечество» за которыми скрывается элемент экзистенциальной неопределенности и предпринимаются попытки предвидения того, что ждет общество ближе к середине третьего тысячелетия. Сегодня виды на человеческое будущее оставляют основания для некоторого умеренного оптимизма, однако оно всегда, так или иначе, настораживало человека своей неопределенностью, а погоня за научными открытиями часто вела к неожиданным последствиям.

Для современной цивилизации характерен антропологический кризис: утрата веры в потенциал человека, который своей деятельностью, с одной стороны создал чрезвычайно богатый по научным, технологическим, культурным возможностям мир («постиндустриальное», «информационное общество»), а с другой породил глобальные противоречия, обострение которых ставит под сомнение дальнейшее существование человечества. Настораживает технология манипулирования жизнью на уровне человеческого эмбриона, перспективы редактирования генома в генной инженерии, среди конкурирующих символов XXI в. – цифровая реальность, искусственный интеллект, «неизбежность новой нормальности» наиболее емко передает направление происходящих в мире перемен. К тому же футурологи предлагают как пессимистические так и оптимистические проекты будущего, порождая напряжение перед столкновением с будущим и пытаясь примирить человечество со «странностями» современности. Весь спектр страхов в разной степени влияет на психику человека, определенным образом определяя его поведение. Все это доказывает, что уничтожая себе подобных, человек теряет себя, свою человечность. В условиях существования человека в мире он должен решать проблему выбора собственного жизненного пути даже в самых трагических и, казалось бы, фатальных, пронизанных неопределённостью обстоятельствах.

На проявление неопределённости в социальных явлениях влияет:

– низкая степень прогнозирования, предвидения динамики ситуации с полной определенностью;
– высокая степень непредсказуемости и сложности ситуации, обусловленная большим количеством переменных;
– возможность возникновения абсолютно новой ситуации, ранее никогда не имевшей место. Без неопределённости, выражающейся в конструктивной возможности создания нового, бытие человека потеряло бы свое созидающее начало;
– возможные альтернативы, вариативность развития событий;
– наличие случайных факторов, при которых результаты действий не являются детерминированными, а степень возможного влияния этих факторов на результаты неизвестна;
– непредсказуемый исход, при реализации общепринятых образов действий;
– полисемичность толкования контекстной информации;

– относительность и сложность измерения и анализа;
– незаданность любых форм и оснований для принятия решений и выбора действий;
– риск не успешности; неопределенность сопряжена с риском планирования, принятия решений, осуществления действий, ориентированных на непрерывную модернизацию;
– наличие различных возможностей при отсутствие условий выбора для их реализации или наоборот существование большого выбора при недостатке знаний для этого выбора.

В задачах прогнозирования под неопределенностью понимается не то, о чем ничего нельзя сказать положительного, а невозможность точно спрогнозировать оптимальный вектор развития социальной системы как рефлексия на многовариантность, неоднозначность общественных изменений. Прогностические исследования нацелены на осознание масштабов и последствий неопределенности, возможного снятия остроты негативных последствий при принятии ответственного решения, возможных сценариев позитивных последствий различных стратегий. Сложно не согласиться с И.А. Герасимовой, что «проблема снятия неопределенности возникает на протяжении всего пути познания и практики: от замысла до кристализации идеи в проекте, от проекта до его внедрения в жизнь» [4, с. 29].

Неопределенность имманентна нам в качестве нашей субъективной природы и трансцендентна в качестве природы окружающего объективного мира, в который мы включены. Находясь в нашем субъективном *identy*, неопределенность есть неизбежная черта нашего бытия, наша онтогенетическая часть; присутствуя в мире как в мире, прежде всего, данной нам человеческой коммуникации, она есть безусловный элемент филогенеза [16, с. 74].

В широком смысле неопределенными считаются однозначно не установленные, неотчетливые или не вполне осознанные процессы и явления, уклончивые суждения или поведения индивидов и групп, не ясные, смутные представления об окружающем бытии, его перспективах, и результатах развития ситуации вследствие выбора. Этот выбор подчас сложный, сопровождающийся взвешиванием разнообразных, часто взаимоисключающих вариантов. Чем больше возможных вариантов выбора, тем большей неопределенностью и непредсказуемостью характеризуется наличная ситуация или будущее, тем большей свободой полагания обладает человек. Однако, человек в состоянии нерешительности находится как бы во многих возможных состояниях одновременно, многие из которых им даже могут и не осознаваться. Тем самым, происходит усиление степени проблематичности бытия человека, вытекающей из его фундаментальной особенности – неопределенности.

Наиболее часто используемыми признаками ситуации неопределенности являются новизна, сложность, неразрешимость и противоречивость, неоднозначность восприятия информации, отсутствие достаточно релевантной информации или ее избыток, невозможность личного контроля, низкая степень предсказуемости, прогнозирования, предвидения развития ситуации, нарушение системы коммуникационного взаимодействия между субъектами, множественность выборов и решений, связанная с ними высокая степень риска. Все эти параметры можно отнести к «внутреннему» плану этих характеристик, т.е. к субъективной неопределенности, проявляющейся при восприятии идеологии трансгуманизма. Новизна, противоречивость и сложность, неоднозначность этого мировоззрения, непредвиденные технологические возможности, отсутствие жестко детерминирующих факторов, дефицит объективной информации – это параметры объективной неопределенности имманентные трансгуманизму. Самое неизвестное нашей жизни, неопределенно и представляет собой область бесконечных возможностей, поэтому сегодня сложно прогнозировать последствия экспериментов над человеком. Конечно, можно с определенной степенью уверенности что-то прогнозировать, ожидать, планировать, но предсказуемость будущего всегда неполная.

Необходимо различать устранимую неопределенность, частично поддающуюся рефлексии и неустранимую неопределенность, описанную метафорой «черного лебедя» [12]. В эпоху неустойчивости возникают непредвиденные ситуации, не поддающиеся вероятностному анализу и их можно проанализировать только postfactum.

Неопределенность как тотальная характеристика нашего времени проявляет себя в рамках трансгуманистической идеологии. В контексте трансгуманизма неопределенность выходит на сцену как вполне закономерный плод ориентира на идентификационную бесконечность, как кризис идентичности, как потеря собственного «Я» в социуме, размывание границ собственной «самости» в ситуации доминировании социального. А человек с нарушенной идентичностью, сам являясь неопределенным, не может противостоять объективным проявлениям неопределенности.

Однако, несмотря на неоднозначность и противоречивость, антинаучность и на первый взгляд утопизм трансгуманистические взгляды имеют под собой глубокую экзистенциальную основу, особенно если рассматривать их в плоскости неопределенности, порожденную границами жизни/смерти, знания/незнания и психологической боли/удовольствия, искусственного/естественного. И которая воспринимается как следствие трансформаций как самого человека, так и окружающей его реальности.

Трансгуманизм – признак и апогей процесса дегуманизации общественной жизни с присущей ей бурным развитие науки и био-, информационных, нанотехнологий технологий, трансформацией сознания и разрушением целостного мировосприятия, разложением устоявшейся системы ценностей и т.д. Фундаментальной философской основой возникновения трансгуманизма является трансформация субстанциалистской парадигмы отношения к миру в функциональную, а затем в конструктивистскую. Универсализация технологического конструктивизма стала результатом экспансия познавательно-информационных, био и нанотехнологических подходов к миру, и причиной антропологического перехода от Homo sapiens к постчеловеку – «люденов, нелюдей, трансхьюманов» как «более совершенных существ» [8].

Основным содержанием этой концепции является признание несовершенства умственных и физических возможностей человека как целостной личности и, в связи с этим, систематическое и полномасштабное разрушение традиционных взглядов на этику и мораль путем отрицания абсолютных истин, разработанных, прежде всего, христианским мировоззрением [18].

Трансгуманистические технологии приписывают сознанию человека чувство неопределенности, погружая его …в противоречивую реальность, в цифровую коммуникацию и взаимоотношения с искусственным интеллектом. Более того, в целях внешнего управления коммуникативному пространству гораздо желательнее иметь дело с неопределившимся индивидом, который не претендует на особенность своей формы и вследствие этого открыт для всех задающихся media-мейнстримом идентификационных брендов. Отрицание запрета на технологические способы манипулирования сознанием и биосоциальной природой человека, приверженцы трансгуманизма возводят в базисный принцип трансгуманистической идеологии.

Трансгуманизм (trans- сквозь, homo- человек) поддерживает использование достижений науки и технологий для улучшения умственных и физических возможностей человека с целью устранения тех аспектов человеческого существования, которые трансгуманисты считают нежелательными – страданий, болезней, старения и даже смерти [17]. Главная задача трансгуманизма – неограниченное совершенство человека, физическое, интеллектуальное, генетическое чтобы в плотную подойти к проблеме бессмертия «благодаря возможности воссоздавать человеческое сознание в компьютерах и сетях передачи информации, где оно могло продолжать «жить» бесконечно в цифровом виде, вне зависимости от судьбы его исходной биологической основы, оболочки – тела» [5, с. 37]. Создание новой модели постчеловека, по так называемому проекту «Аватар» – программа достижения бессмертия, требует философско-правового, нравственного осмысления данного феномена, с учетом тех социальных рисков, которые возникнут при реализации идей трансгуманизма.

Несмотря на кажущуюся ясность содержания и задач, неопределенность и двусмысленность проявляется в самой дефиниции трансгуманизма, представленного разными течениями, сторонники которых расходятся во мнениях по многим вопросам. Трансгуманисты, как правило, признают, что не существует единого мнения среди тех, кто исповедует трансгуманизм [17, с. 2]. Также существует путаница в терминологии постгуманизма, используемой современной философией. Так Бостром понимает постчеловечество и трансчеловечество как взаимозаменяемые синонимы, а трансгуманизм как разновидность постгуманизма, в которой постчеловек является технологически усовершенствованной версией человека. Стив Фуллер, проводя различие между постчеловеческим и трансчеловеческим однако, считает это ложной двусмысленностью. Термин «трансгуманизм» Фуллер использует для описания отдаления человека от естественного состояния посредством технологического усовершенствования. Очевидно, что Фурье не дает четкого понимания различия «постгуманизма» и «трансгуманизма» [там же, с. 2].

Трансгуманизм как философская концепция начал формироваться еще в 60-е годы, однако, к 90-м годам он вышел на уровень международного движения, определяющего новейшие направления научно-технической деятельности.

Термин «трансгуманизм» был предложен в 1957 году английским биологом Дэвидом Хаксли, который писал, что человек, реализуя новые возможности своей человеческой природы, окажется на пороге нового образа жизни, столь отличного от нашего, как наш от образа жизни синантропа. У Хаксли этот термин означал гуманистическую доктрину, основанную на новейших достижениях в науке и технике и имеет иное содержание, чем приписывается ему трансгуманистами сегодня. Своими идейными предшественниками современные западные трансгуманисты считают в основном ученых 1920–1950-х годов – биолога Дж. Б.С. Холдейна, физика Дж.Д. Бернала, палеонтолога П. Тейяр де Шардена и др. [1, с. 2].

В своей современной форме трансгуманизм был в основном сформулирован в лекциях и публикациях иранского фантаста и футуролога Ф.М. Эсфендиари, писавшего в 1970-е годы под псевдонимом FM-2030 (Future Man, 2030). Вклад в развитие концепции внесли Р. Эттингер (его известная книга по крионике вышла в 1962 г.), К.Э. Дрекслер, М. Мински (Ettinger, 2005; Drexler, Minsky, 1986). На их идеи опираются основные научные направления, с которыми трансгуманисты связывают свои надежды, – иммортализм, искусственный интеллект, нанотехнологии. Согласим-

ся с мнением ученого Лукова В.А., что «иммортализм, искусственный интеллект, нанотехнологии не могут однозначно быть признанными действительным путем в будущее человека [11].

Идеи трансгуманизма получили широкое распространение в США, ведущими центрами трансгуманизма под эгидой трансгуманистической партии основанной в 2014 году, являются NASA и Google. В 2009 году для подготовки кадров по программе «Аватар» создан институт сингулярности во главе с Р. Курцвейлом. В 1998 году философы Н. Бостром и Д. Пирс основали всемирную ассоциацию трансгуманизма, один из теоретиков которой З. Иштван, анонсировавший план создания «трансгуманистической» партии. В 2011 году в России появилась организация, занимающаяся исследованиями в области трансгуманизма: Стратегическое общественное движение «Россия 2045», которую поддерживает ряд учёных и известных людей.

Но, вне зависимости от того, кто первым произнес или написал это слово, «трансгуманизм» является опровержением сакрального понятия о человеке как о библейском «венце творения».

Апологеты трансгуманизма сохраняя неопределенно-оптимистические взгляды, делают акцент на рациональности и осмысленности этого мировоззрения, отмечая положительное влияние этой программы на всю жизнь человека и общества. Это преодоление с помощью передовых технологий неизлечимых болезней, резкое повышение продолжительности жизни, улучшение физических, умственных и психологических возможностей человека, и, даже достижения бессмертия человека. По мнению Жан-Клод Ларше «недостаток фактических достижений для реализации поставленных целей трансгуманизма компенсируется построением научно-фантастических проектов, осуществление которых, по мнению автора, будет иметь ряд негативных последствий [9]. В этом отношении трансгуманизм, по большей части, является скорее научной фантастикой, чем наукой. Обратим внимание и на то, что рост рождаемости и ожидаемая продолжительность жизни, которая росла на протяжении XX в., в последние годы снизились в развитых странах, пандемия covid-19 ускорила это явление.

Уже сегодня авторы Лугуценко и Роговец говорят о том, что человек будущего – это биологический субстрат, биогенное создание культуры, которое, вступая в процесс технологической конвергенции, возможно, в скором времени может стать неконтролируемым ни самим собой, ни другими, что приведет к непредсказуемости всех его действий [10, с. 2]. Дерзкие вторжения в геном человека неизбежно приведут к появлению новых видов человека, именуемых как постчеловек, трансчеловек, Homo supertechnologicus, человек с беспрецендентными сверхчеловеческими качествами (отсылающих нас к идее сверхчеловека Ницше), который, является продуктом культуры постмодерна и, по мнению трансгуманистов должен прийти на смену «традиционному человеку».

Наряду с «люденами Стругацких, сегодня существует множество примеров иных предполагаемых видов человека среди которых «экзоты» С. Павлова, «плазмоид» К.Э. Циолковского и ряд других высокоорганизованных «сапиентиссимусов». Происходящая в условиях технологической революции (конвергенции) перестройка телесной организации и апробация симбиоза человеческого тела и технических новинок, порождающая при этом возникновение множественного числа разновидностей пост-человека, побуждает и других исследователей задуматься о новых воплощениях человека. Так, И Морозов составляет собственную классификацию, в которой люди эпохи постмодерна делятся на «человекоподобных и нечеловекоподобных» [13, с. 6–7]. Следуя его иерархии, обозначаются такие виды, как: пост-люди (биотехнологически усовершенствованные представители человеческой расы); киборги (репликанты – биологически антропоморфные организмы с механико-электронными компонентами); андроиды (искусственные люди или человекоподобные роботы – дроиды, синтетики, автоматы, синты); химеры (искусственно сращенные организмы); роботы (неантропоморфные устройства с ИИ) [там же, с. 6–7]. Такая ведущая за собой новые стратегии бытия биологическая полиморфность человека, может сместить ценностный акцент с телесности человека как базовой характеристики его существования на преимущество разума как носителя любого типа[10, с. 173].

Итогом ложного триумфа познавательно-технической деятельности является расчеловечивание человека», сознательного или бессознательного отказа от него, в результате чего возникает феномен «постчеловека». Его создание планируется на основе нано-био-инфо-когнитивных технологий (NBIC), позволяющие расширить способности и возможности человека на значительно более высоком уровне. Технологии включают в себя нейропротезирование (разработка и изготовление нейронных протезов) для кардинального улучшения зрения, слуха, облегчения боли; неирокомпьютерный интерфейс – систему для обмана информации между мозгом и компьютером; крионику – систему сохранения в состоянии глубокого охлаждения в надежде на будущее оживление; ноотропы (неирометаболические стимуляторы) – лекарственные средства, которые призваны стимулировать умственную деятельность человека, активизировать когнитивные функции, улучшать память и способствовать более быстрому обучению человека.

В тоже время явно настораживает высказывание некоторых теоретиков трансгуманизма. Ки-

бернетик К. Варвик заявляет, что те, кто решатся остаться людьми и откажутся улучшаться, будут иметь серьезные проблемы, они будут низшим подвидом и будут представлять собой шимпанзе будущего [6, с. 11]. Отсюда следует, что трансгуманизм – это любовь не к «ближнему», а к «дальнему», т.е. к генетически модифицированному человеку (постчеловеку) [3, с. 71]. Такой человек, хотя и является потомком Homo sapiens, но, он может быть подвергнут модификации с помощью технологических достижений до такой степени, что уже представит собой предельно иной социобиологический вид.

Действительно образ человека XXI столетия сложен и противоречив, как и сама эпоха. Его ведущими признаками становятся: дисгармоничность, заброшенность и отчуждение, которые свидетельствуют о постепенном разрушении гуманистической традиции. Результатом является децентрализация культуры и личности, сущность которых заключается в утрате таких характеристик как самобытность, уникальность, независимость, креативность, возрастание состояния одиночества и глубокой растерянности, отсутствие твердых оснований, обеспечивающих преемственность прошлого, настоящего и будущего. В сознании и душах людей воцарилось неясное, неопределенное. Ситуация отчуждения, превращает различные формы человеческой деятельности и их результаты в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Неопределенность, предчувствия опасности и кровавые реалии отчасти свидетельствуют о крушении рационалистических и гуманистических традиций.

Инкорпорируясь в нашу жизнь, «ценности» трансгуманизма вызывают когнитивный диссонанс – противоречия в сознании, понимании, и принятии. Трансгуманистическое мировоззрение сопровождается такими негативными феноменами, как трансгендерность, трансгенность, трансперсональность, транскультурность, транснациональность. Все они в своей сущности выходят за пределы естественного, привнося угрозы в бытие человека, такие как утрата достоинства и самоидентичности от неопределенности в выборе своего пола и свойственных ему социальных ролей, риск получить заболевания в результате употребления в пищу трансгенных продуктов, деперсонализация как следствие растворения индивида в виртуальном пространстве и слияния с массой ников-аватаров, утрата собственной культуры в процессе глобализации.

Н. Бостром один из основоположников трансгуманизма открыто заявил, что трансгуманизм поможет установить единый мировой порядок с одним центром принятия решений, с одним диктатором или правительством [6, с. 14]. Таким образом, «постчеловек» не будет нуждаться не только в правовых запретах, но и в морально-этических нормах, которые предполагают обязательства по отношению к другим людям. Мораль и религия отомрут за ненадобностью. Опасность для человечества в том, что «в постчеловеческом обществе может быть полностью утрачено понятие «общечеловеческого»: «мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [14, с. 345]. Будущее, которому грозит опасность согласно Ф. Фукуяма, остается весьма неопределенным и «туманным». Идеология трансгуманизма не обещает человечеству светлое будущее, но навсегда сделает человека придатком созданных им машин, лишив его вместе со старением и болезнями всего человеческого. Такая неопределенность формируется в первую очередь из-за биотехнологий, которые будут способствовать социобиологическому (антропологическому) изменению человека. При этом, в условиях перехода к новому мировому порядку для человека останется право выбора вариантов его существования в мире технологического прогресса: с одной стороны, человек может подчиниться научно-техническому прогрессу и встать на путь кардинальных изменений, поступиться моралью и нравственностью, стать бездушным, бездуховным биороботом ради увеличения продолжительности жизни, физических и умственных способностей, с другой стороны, человек будет решительно защищать общечеловеческие ценности. Правильность выбора и преодоление неопределенности будет зависеть от выделения в ситуации сложного выбора личностного смысла как направленности на нечто значимое, когда для человека есть вероятность реализации его в жизнь. Смысл является главным «инструментом» преодоления неопределённости, который несет в себе меру значимости и внешней/внутренней активности, или усилий для достижения значимого результата. Руководствуясь смыслом, человек становится более уравновешенными, спокойным, уверенным, избавляется от страха и неопределённости в процессе жизнедеятельности. Самая большая слабость трансгуманизма и enhancement (улучшения) состоит в том, что в рамках данного мировоззрения проблема улучшения человеческого существа не поставлена и не решена в аспекте смысла, если улучшение выходит за пределы терапевтического восстановления. Часто непонятна ценность или просто полезность этих «улучшений» [9, с. 26]. Человек становится средством и инструментом технологических инноваций.

Bostrom N. Объясняет, что причины усовершенствования генома зародышей могут быть вызваны несколькими основными случаям – вмешательство в гены будущих детей может происходить по необходимости (когда существует патология, угрожающая здоровью и жизни будущего ребенка), а в другой ситуации родители смотрят на будущих детей как на простой продукт, «оценивая

свое потомство в соответствии со стандартами контроля качества» [17, с. 497]. Первый случай применения генной инженерии не вызывает никаких противоречий, однако, второй – подрывает этический идеал безоговорочного принятия детей, независимо от их способностей и отличительных черт – происходит коммодификация (превращение в товар) человеческой природы. Сама процедура улучшения генома не исключает вероятность врачебной ошибки и вряд ли в ближайшее время станет доступной широким массам. Это значит, что она будет привилегией богатейшего избранного слоя населения, соответственно возникает риск дискриминации населения.

Кроме того, существенными являются вопросы общественного одобрения/неодобрения использования биомедицинских технологий, взаимодействия людей с биодополненными индивидуумами (С. Хокинг), социальной дифференциации вследствие применения новых технологий (Ф. Фукуяма), расслоения общества и неравенства в связи с недоступностью этих технологий для всех, а также морально-этические проблемы.

Вопросы обязательности или добровольности улучшения человека, имплантация чипов и других технологических устройств в мозг и тело человека, споры об эвтаназии, эктогенезе (выращивание детей от зачатия до момента рождения в искусственной матке), развитие крионики, идея преодоления пола (постгендеризм), определение этических и научных границ редактирования генома и т.д. являются революционными и вызывают неоднозначную реакцию на общественном уровне. Исключением для критики трансгуманизма является замена больных органов имплантами или искусственно выращенными с целью спасения или продления жизни, эндопротезирование, которое уже включено в ОМС граждан России. «Включение в телесность человека искусственных составляющих становится необходимостью современной действительности, однако чрезмерное упоение техническими перспективами не должно переходить допустимый рубеж, превращая личность в пограничное человеко-техническое существо» [10, с. 165].

Борьба между сторонниками и противниками трансгуманизма может перерасти в глобальный конфликт прагматизма и духовности, веры и вседозволенности, консерватизма и новых технологий. Чтобы предотвратить это нужно, чтобы каждый трансгуманист и ярый его оппонент, хоть немного подвергали сомнению свою правоту и думали в последствии о своих возможных ошибках.

Поскольку использование НБИК процесс не обратимый, процесс эволюции человека объективен, а неопределенность, не принятая в расчет, существовать не перестанет и человек, в том виде как он есть сейчас, не может пребывать всегда, то рано или поздно, он сменится некой более прогрессивной/совершенной формой. В связи с этим возникает вопрос «как должно меняться человечество» чтобы его развитие было определенным и ожидаемым, не противоречащим его естественной природе. Ответ очевиден: только духовно-нравственное совершенство и социогуманитарные технологии (ориентиры) обеспечат инновационное творчество и гармоничное развития человечества. Познание должно быть гуманистическим и не все, что технически возможно и следует осуществлять. Использование науки и технологий должно соотноситься с общечеловеческими ценностями.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– рукотворное и биотехнологическое вмешательство в биосоциальную природу человечества неизбежно усиливает момент неопределенности его эволюции, непредсказуемости этого процесса и как следствие могут возникнуть непредвиденные побочные эффекты;
– активное формирование постчеловека создает новые, еще не осмысленные в полной мере сценарии существования человечества;
– невозможность объективного прогнозирования не дает гарантий становления идеального будущего. Возможность предсказать новые пути решения стоящей перед нами задачи увеличится, если: 1) будет осознано, что решение задачи будет не только этическим, но и политическим, способным определить избежим ли мы моральной пропасти постчеловеческого будущего; 2) создать законодательную базу, отличающую легитимное применение NBIC технологий от нелегитимных; 3) учитывать общечеловеческие ценности, а не классовые предпочтения; 4) будет сохраняться сила «гуманитарных фильтров», сдерживающих использование радикальные технологии;
– будущее трансгуманизма представляется неоднозначным и неопределенным как в позитивных, так и негативных образах, как в его умеренном, так и радикальном проявлении. Переход от неопределённости и нестабильности к прогнозируемому квазиаттрактору будущего возможен только в условиях задания рациональных управляющих воздействий, а они требуют научного подхода и в выработке образа конечного квазиаттрактора. Надежный способ избежать связанных с ними экзистенциальных рисков – это отличительная черта принципа предосторожности, который можно резюмировать словами «посмотри, прежде чем прыгнуть» (Ф. Фукуяма).

Литература

1. Артюхов, И.В. Трансгуманизм – философские истоки и история возникновения (2008) [Элек-

тронный ресурс] // Российское трансгуманистическое движение. 2017. – № 1. Энциклопедия гуманитарных наук. – URL: http://www. 249transhumanism%russia.ru/content/view/29/110/
2. Буданов В.Г., Попов Ю.М., Филатов М.А, Илюйкина И.В. Гомеостатические системы: новая наука и новая философия науки / Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2015. – № 4. – С. 69–76. – 70 с.
3. Васенкин А.В., Васильева Н.А. Трансгуманизм как проявление постчеловеческого в современном обществе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. – Том 7, № 1А. С. 69–75.
4. Герасимова И.Г., Смирнова О.М., Фалеев А.Н., и др. Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке: монография / Под общ. ред. И.А. Герасимовой. – М.: Университетская книга, 2017. – 312 с.
5. Деникин А.А. Дискурсивные аспекты постчеловеческих коммуникаций // Цифровой ученый: лаборатория ученого, Т. 6, № 4. – 2023. С. 33–53.
6. Дубровский А. И. «Конвергенции биологических, информационных когнитивных технологий» / Материалы «круглого» стола // Вопросы философии. – № 12. – 2013. – С. 3–48, ч. 4 с. 11.
7. Кефели И.Ф. «Только активное отношение к себе и окружающему, деятельная, творческая, самостоятельная и жизнестойкая позиция может обеспечить достойное положение человека в обществе» // Дискуссия. Политематический журнал научных публикаций. 2016. – № 3(66). С. 6–17. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolko-aktivnoe-otnoshenie-k-sebe-i-okruzhayuschemu-deyatelnaya-tvorcheskaya-samostoyatelnaya-i-zhiznestoykaya-pozitsiya-mozhet?ysclid=lzmpvuxqpy783468682
8. Кутырев В.А. Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.
9. Ларше, Жан-Клод. Границы светского трансгуманизма и христианское предложение подлинного трансгуманизма // Сретенское слово. Москва: Изд-во Сретенской духовной академии. – 2022. – № 1. С. 21–31. DOI: 10.55398/27826066_2022_1_21
10. Лугуценко Т.В., Роговец О.В. Телесная самоидентификация: интегральная характеристика тела: монография / Т.В. Лугуценто, О.В. Роговец; ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2023. – 242 с.
11. Луков В.А. Трансгуманизм. Энциклопедия гуманитарных наук. – 2017. – № 1. С. 245–352.
12. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2009. – URL: https://books.yandex.ru/books/TA04oBTA/read-online?ysclid=mcm0n92vg0896665464
13. Технологии и телесность / Отв. Ред. С.В. Соколовский. – Москва: ИЭА РАН, 2018.
14. Фукуяма, 2004, Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. Пер. с англ.М.Б.Левина. М.: АСТ, ЛЮКС, 2004. 349 с. С. 345.
15. Четверякова О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма / Четверякова О.Н.: Благословение, Техинвест 3; М.; 2015. – 96 с.
16. Шамолин Р.В. Гуманизм и неопределенность субъективной идентичности // Вестник НГУ. Серия: Психология. Т. 5, вып.1, 2011. – С. 66–75.
17. Bostrom N. Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective / N. Bostrom/ – The Journal of Value Inquiry? Kluwer Academic Publishers. Printedin The Netherlands, 2004. – P. 493–506.
18. Mazeikiene N., Starovik P. Socio-philosophical foundations of the mythology of transhumanism // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». № 3(99)/2020. С. 225–232.
19. Ross Benjamin The Philosophy of Transhumanism. A Critical Analysis University of North Texas, USA, 2020. 189 p.
20. Jean-Claude Larchet. [La divinisation comme projet et modèle chrétiens du perfectionnement et de l'augmentation de l'homme]. Dans Marc Feix et KarstenLehmkühler (éd.), Homme perfectible, homme augmenté, hors-série de la Revue d'éthique et de théologie morale, 2015, № 286, pp. 181–197.
21. Fukuyama F. Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution. N.Y., 2002. P. XIII + 256.

THE OUTLINE OF UNCERTAINTY IN THE TRANSHUMANIST PARADIGM: THE PHILOSOPHICAL ASPECT

Davydenko E.N.
Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tygan-Baranovsky

The article discusses the provisions and ideas of the emerging socio-anthropological paradigm of transhumanism. Attention is focused on its possible consequences, the existential risks that will inevitably arise in the implementation of this philosophical-pseudo-humanistic ideology, which contains signs of poor predictability and uncertainty, and the need to overcome the feeling of uncertainty as an element and consequence of the transhumanist attitude. An attempt is made to analyze transhumanism as a project immersed in the plane of uncertainty, which is perceived as a consequence of the transformations of humanism, the crisis of both the person himself and the socio-cultural reality, which is difficult to predict. In the context of the analysis of the ontological, epistemological, anthropological, cultural and civilizational aspects of uncertainty, a critical understanding of the transhumanist project as an effort to make significant changes in the man-made transformation of human nature is presented.

Keywords: humanism, transhumanism, uncertainty, posthuman, transhuman, transhumanistic technologies, identity.

References

1. Artyukhov, I.V. Transhumanism – philosophical origins and history (2008) [Electronic resource] // The Russian transhumanist movement. 2017. № 1. Encyclopedia of the Humanities.
2. Budanov V.G., Popov Yu.M., Filatov M.A., Ilyushkina I.V. Homeostatic systems: a new science and a new philosophy of science. Complexity. The mind. Postnonclassics. – 2015. – № 4. – pp. 69–76.
3. Vasenkin A.V., Vasilyeva N.A. Transhumanism as a manifestation of the posthuman in modern society // Context and reflection: philosophy of the world and man. 2018. – Volume 7, № 1A. pp. 69–75.
4. Gerasimova.G. N., Smirnova O.N.M. N., Faleev A.N.N., and others. Problems and risks of engineering education in the 21st century: a monograph / Under the general editorship of I. N.A. N. Gerasimova. – M. N.: University Book, 2017. – 312 p.
5. Denikin A.A. Discursive aspects of posthuman communications // Digital scientist: the scientist's laboratory, vol. 6, № 4. – 2023. pp. 33–53.
6. Dubrovsky A. I. "Convergence of biological, informational cognitive technologies" / Materials of the round table // Questions of philosophy. – № 12. – 2013. – pp. 3–48, part 4.
7. Kefeli I.F. "Only an active attitude towards oneself and others, an active, creative, independent and resilient position can ensure a worthy position of a person in society" // Discussion. Polythematic journal of scientific publications. 2016. – № 3(66). pp. 6–17. – URI: https://cyberleninka.ru/article/n/tolko-aktivnoe-otnoshenie-k-sebe-i-okruzhayuschemu-deyatelnaya-tvorcheskaya-samostoyatelnaya-i-zhiznestoykaya-pozitsiya-mozhet?ysclid=lzmpvuxqpy783468682
8. Kutyreva, A.N. Philosophy of transhumanism: An educational and methodological guide. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University, 2010. 85 p.
9. Larcher, Jean-Claude. The boundaries of secular transhumanism and the Christian proposal of authentic transhumanism // Sretensky Slovo. Moscow: Publishing House of the Sretensky Theological Academy. – 2022. – № 1. pp. 21–31. DOI: 10.55398/27826066_2022_1_21
10. Lugutsenko T.V., Rogovets O.V. Bodily self-identification: an integral characteristic of the body: a monograph / T.V. Lugutsenko, O.V. Rogovets; State Educational Institution of the LPR "LGPU".Lugansk: «Knowlidge», 2023. 242 p.
11. Lukov V.A. Transhumanism. Encyclopedia of the Humanities, 2017– № 1, pp. 245–352.
12. Taleb N.N. The Black Swan. Under the sign of unpredictability. 2009. – URL: https://books.yandex.ru/books/TA04oBTA/read-online?ysclid=mcm0n92vg0896665464
13. Technology and physicality / Ed. by S.V. Sokolovsky. – Moscow: IEA RAS, 2018.
14. Fukuyama, 2004, Our posthuman future: the consequences of the biotechnological revolution. Translated from English by M.B. Levin. Moscow: AST Publishing House LLC, LUX OJSC 2004. 349 p.p. 345.
15. Chetveryakova O.N. The dictatorship of the "enlightened": the spirit and goals of transhumanism / Chetveryakova O.N.: Benediction, Techinvest 3; M.; 2015. – 96 p.
16. Shamolin R.V. Humanism and uncertainty of subjective identity // Bulletin of the NSU. Series: Psychology. Vol. 5, issue 1, 2011. pp. 66–75.
17. Bostrom N. Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective / N. Bostrom/ – The Journal of Value Inquiry? Kluwer Academic Publishers. Printedin The Netherlands, 2004. – P. 493–506.
18. Mazeikiene N., Starovik P. Socio-philosophical foundations of the mythology of transhumanism // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». № 3(99)/2020. С. 225–232.
19. Ross Benjamin The Philosophy of Transhumanism. A Critical Analysis University of North Texas, USA, 2020. 189 p.
20. Jean-Claude Larchet. [Deification as a Christian project and model for the perfection and increase of man]. In Marc Feix and KarstenLehmkühler (ed.), Perfectible man, augmented man, special issue of the Journal of Ethics and Moral Theology, 2015, № 286, pp. 181–197.
21. Fukuyama F. Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution. N.Y., 2002. P. XIII + 256.

Постмодернизм как нарративизм в современной философии истории

Фатиев Никита Игоревич,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общественных наук СЗИУ РАНХиГС

В статье дана критическая оценка нарративизма как ключевого проявления постмодернизма в современной западной философии истории. Автор анализирует концепции ведущих представителей нарративистской традиции – Х. Уайта и Ф. Анкерсмита, указывая на их склонность к радикальному лингвистическому релятивизму, отрицанию онтологического статуса исторических фактов и стиранию границы между историей и литературой. Подчеркивается, что подобный подход ведёт к подмене эмпирического анализа риторическими и метафорическими конструкциями, что подрывает саму возможность исторического познания. В качестве альтернативы предлагается возвращение к работе с архивными и статистическими данными, ориентация на макроисторические исследования (в духе школы «анналов») и восстановление связи истории с реальными социально-политическими вызовами. Статья аргументированно отстаивает необходимость сохранения критериев исторической истины и демаркационной границы между научным знанием и вымыслом.

Ключевые слова: философия истории, историческая эпистемология, постмодерн, нарративизм, методология науки.

Философский постмодернизм активно проявил себя в разных философских науках, но его влияние понемногу сходит на нет. Особенно это заметно в сфере философии науки. Замена серьезного научного анализа дешевой литературной игрой на заданную тему изжила себя.

Однако постмодернизм проник и в другие научные дисциплины. В частности, в современной исторической науке он обосновался под названием «нарративизм». Тема нарратива – как текста, рассказывающего об историческом событии, возникает еще в аналитической философии истории у А. Данто. Значение исторических событий опосредовано характером рассказа о них, то есть в данной терминологии «наррацией». Мы не видим здесь причин для спора, поскольку выраженный им скепсис не приводит А. Данто, на этом основании к выводу об отказе историческому письму в связи с реальностью. Иная ситуация складывается в, собственно, нарративизме, в первую очередь в лице Х. Уайта и Ф. Анкерсмита. Для первого из них – историческое описание зависит в первую очередь от используемых риторических процедур (Заметим походя, что еще античная риторика заявляла требование – держаться на трех китах; логос, этос и пафос). Здесь же фактически остается один пафос. Х. Уайт повторяет вслед за Р. Бартом: «Факт обладает лишь языковым существованием» [4]. Соответственно сам Х. Уайт пишет: «Многие историки продолжают воспринимать факты как то, что «дано» и отказываются признать, в отличие от большинства ученых, что они не столько устанавливаются (found), сколько конструируются…» [10, p. 128] Отметим здесь весьма неожиданную ссылку на мнение невесть откуда взявшегося «большинства ученых». Но для постмодернистских авторов такое в порядке вещей. И вот еще та же мысль из его переведенной на русский язык статьи: «…если историческое объяснение или интерпретация есть конструкция, концептуальная или воображаемая, то таков и объект, к которому прилагаются эти объяснительные техники. Когда дело доходит до исторических явлений, здесь все от начала до конца – конструкция» [7, с. 12]. Перед нами сознательное смешение двух уровней анализа – эмпирического и теоретического. Нет сомнения, что эти уровни взаимосвязаны. Но чистый «теоретизм» не проходит даже в естественных науках. В нарративизме, начиная с Х. Уайта, объектное содержание, то есть, выражаясь философским языком, сама онтология исторического процесса исчезает. В итоге историю творит не она

сама, а пишущий ее историк и используемая им тропология (термин Х. Уайта), то есть метафора, метонимия, синекдоха, оксюморон и так далее. Что же в итоге происходит? Во-первых, стирается грань между историей и литературой. Во-вторых, к истории начинают применяться глубоко чужие для нее методы литературоведческого рассмотрения и оценки. Помнится постмодернистская литература в лучших ее образцах, если упомянуть, например, «Уловку-22» Дж. Хеллера, славилась неразрывным сплавом реализма и фантастики в едином пространстве романа. Можно ли позволить и историческому дискурсу пойти той же дорогой?

Вопрос риторический. Но со следующим нарративистом, коим является Ф. Анкерсмит дела обстоят еще хуже. Этот объявляет войну всем, даже аналитической философии истории. Впрочем, его замечания в адрес аналитической философии истории трудно воспринимаются на разумном уровне анализа. Если открыть его «Шесть тезисов нарративной философии истории» [3] то можно много для себя почерпнуть. Впрочем, начинается все вполне благостно. Он против понимания истории как формы литературы. И «нарративизм принимает все, что несомненно в прошлом». Это хорошо, хотя критерии несомненности не указаны. Но дальше начинаются странности. Читаем: «3.1.3. Историзм есть безупречная теория истории, если он преобразован из теории об исторических явлениях в теорию наших рассуждений о прошлом (т.е. то, что было метафизическим, должно стать лингвистическим)». Лингвистическое вместо онтологического – мы это уже слышали у Х. Уайта. «3.3.1. Современная философия исторического нарратива околдована идеей утверждений». «3.4.2. Эпистемология, изучая отношение между языком и действительностью (поскольку это отношение зафиксировано и стабильно), игнорирует все реальные проблемы науки и историографии». Бедная эпистемология (термин означающий научную теорию познания в западной научной литературе) за что ее здесь пнули – непонятно. «4. Язык нарратива не есть цель языка». Как принято в постмодернизме – текст должен быть малопонятным или совершенно не понятным. «3.4.3. Философское исследование того, «что оправдывает исторические описания», является завуалированным опровержением и клеветой на интеллектуальные достижения историка». А тут сквозь туман текста проступает нечто понятное – отказ от философии истории в принципе.

«4.2. Рассуждая логически, нарративные интерпретации обладают природой предложений. 4.2.1. Предложения могут быть полезны, плодотворны или нет, но не могут быть истинны или ложны; то же самое можно сказать относительно исторических нарративов». Всегда считал, что постмодерн противник логофаллоцентризма, а тут поди ж ты – нечто логическое! Осталось понять – почему предложения не могут иметь истинностного значения? А интерпретации почему не могут его иметь? Когда сильно уважаемый им П. Фейерабенд вводил в методологию науки принцип «все годится» он случайно не имел в виду нарративы? «4.7.6. Понятия (модели) вещей (такие, как «собака» или «дерево») с точки зрения логики есть более сложные образования, чем нарративные интерпретации». «4.7.7. Метафора и нарративная интерпретация формируют основание нашего языка». Вам все понятно – читатель? Если нет значит вы не находитесь на высоком интеллектуальном уровне развития и этот постмодернистский воляпюк не осиливаете. Вспоминается почему-то оруэлловское «Война – это мир!» «4.7.10. Такие понятия, как *«холодная война»,* являющиеся определенным множеством утверждений, логически отличимы от теоретических понятий». «5.5.1. Модное представление о том, что переменные квантификации займут место субъекта в суждении (Рассел, Куайн) неверно для нарративных утверждений (то есть для утверждений об исторических нарративах). Субъект суждения в утверждениях нарратива незаметен именно потому, что он просто «объединяет» утверждения, содержащиеся в историческом нарративе». Чтение подобных, как бы это мягче сказать, несуразностей ставит логика в интеллектуальный ступор. Холодная война не есть общее понятие? «А выражение У. Куайна «Быть – значит быть значением связанной переменной» которому уже достаточно лет (по моим подсчетам около 70) это модное представление и к тому же неверное? А чем вы в логике предикатов способны его заменить?

Ну и раз речь зашла о логике то, пожалуйста. Получите и распишитесь. «Нарративная логика… не содержит ни критериев, ни даже малейших намеков на то, как следует различать фактическую истинность и ложность» [2, с. 197]. Более того, в противоположность пропозициональной логике для нарративной логики не составляет проблемы признание истинности как «Р, так и «неР», где «Р» является высказыванием об историческом положении дел» [2, с. 197]. Итак, мы как бы обнаруживаем, что перед нами паранепротиворечивая или как говорят на Западе параконсистентная логика. Но я не могу сказать, что в ней не проходит закон Дунса Скотта $A>(\neg A>B)$ согласно критерию Ст. Яськовского. Перед нами типичный симулякр, пытающийся сойти за интеллектуальный феномен. (При этом я не считаю, что паранепротиворечивая логика, например Да Косты, не могла бы использоваться в исторической аргументации для уточнения позиций сторон). Но вернемся к Ф. Анкерсмиту. Как пишет В.В. Агафонов: «Нарративизм снимает проблему определения демаркационной границы между вымыслом и реальностью путем отри-

цания существования какой-либо реальности» [1, с. 89]. С чем мы современную западную философию истории и поздравляем. Исторической истины нет, ее заменяет сложная игра нарративных интерпретаций. То есть факты без остатка растворяются в фигурах речи. Отсюда особый язык постмодернистского письма, понимание которого должно свидетельствовать о принадлежности к интеллектуальной элите. В такого рода исторической науке вырождается самое главное – грамотная работа с эмпирическим материалом, анализ архивов. Зачем анализировать большой статистический массив данных, когда можно обойтись хлесткой метафорой. Соответственно меняется тематика работ. Все начинает сводиться к постгуманизму, гендеру, феминизму, чьей-то идентичности, меньшинствам и маргинальности. Возникают работы типа, например, такой «Историческая трансформация тропа конфликтности в контексте поиска феминистской идентичности (на примере комиксов про Микки Мауса)».

Действующие историки в курсе работы «The History Manifesto» [9] опубликованной профессором Гарвардского университета Дэвидом Армитеджем и доцентом Брауновского университета Джо Галди в 2014 году. Они пишут о том, что «история задвинута в угол». Сочиняется микроистория о малых группах. То есть о группах этнических социальных и сексуальных меньшинств. В итоге переход к короткой шкале времени, вместо того, что они называют longue durée, то есть потеря связности исторического времени. Я вынужден процитировать фрагмент заключения их манифеста «The abundance of false stories in our time is one of the major reasons that we are in a crisis of short-term thinking. In an era of simplistic solutions to problems with rising sea levels, governance, or inequality, few people can talk authoritatively about the big picture. The proliferation of reductionist stories about the past has a history, like anything else. Nightmare scenarios and fundamentalist mythologies about climate, governance, and inequality began to Climate change, governance, and inequality proliferate around the same time that historians began to retreat to shorter and shorter time scales. As the Short Past came to dictate conversations about history, longue-dur e understanding began to look, by contrast, like an antique mode of story-telling, something performed only by patriarchs or amateurs, unsuited to a modern student adept at using evidence or argument. This led to the charge that social history had abandoned all interest in politics, power, and ideology, leading its practitioners instead to “sit somewhere in the stratosphere, unrooted in reality”. Increasingly, the Short Past was defined as not only one way to look at history, but the only way to look at history» [9, p. 81–82]. «Обилие ложных историй в наше время есть одно из главных следствий того, что мы в кризисе короткого (в рамках исторического времени – Н. Ф.) мышления. В период упрощенных решений проблем экологии, управления, неравенства, мало кто может авторитетно говорить об общей картине. Распространение редукционистских (интерпретаций) историй о прошлом имеет свою историю, как и все остальное. Кошмарные сценарии и фундаментальные мифологии о климате, управлении и неравенстве начали распространяться примерно в то же время, когда историки начали отступать ко все более и более коротким временным масштабам. Когда короткое прошлое стало диктовать разговоры об истории, понимание longue-dur e, напротив, начало выглядеть как античный способ повествования, нечто, исполняемое только патриархами или любителями и не подходящее для современного студента. Это привело к тому, что социальная история отказалась от всякого интереса к политике, власти и идеологии, вместо этого заставив своих практиков «сидеть где-то в стратосфере, не укоренившись в реальности. Короткое прошлое все чаще определялось не только как один из способов взглянуть на историю, но и как единственный способ взглянуть на историю». (Перевод Н.Ф.)

Данный манифест имеет явное стилистическое сходство с «Коммунистическим манифестом» К. Маркса и Ф. Энгельса, вплоть до лозунга «Историки всего мира – объединяйтесь!» Правда, они хотят помощи от сильных мира сего – в оцифровке архивов, в первую очередь. Им понятно, что настоящие исторические работы, как у основателя школы анналов Ф. Броделя, должны помогать в реальном принятии решений на высшем уровне. Они ссылаются на фразу У. Черчилля «Чем дальше вы можете заглянуть в прошлое, тем лучше вы можете видеть будущее» [8, p. 25]. В современных условиях это означает историческое освоение больших данных, требуемых для объясняющих концепций не микро, но макроуровня. Требуется мощное развитие исторической социологии, которая способна взять на себя некоторые функции философии истории. Вместо этого мы в России видим повторение «мирового опыта» в его худших проявлениях, притом, что здесь «труба пониже и дым пожиже». Бесконечное цитирование малосъедобных отрывков из Лакана, Делеза, Гваттрари и «внутренняя и не только эмиграция» в отношении к общественно значимых тем. В этой связи давайте разберем пример настоящего исторического анализа, существовавшего до и помимо рассмотренных выше постмодернистских вывертов. Перед нами текст работы уже ушедшего из жизни профессора, доктора исторических наук А.В. Островского.

«Процветала ли Россия накануне первой мировой войны?» [6]. Автор использует огромный статистический материал, взятый при этом из надежных источников. Вот он разбирает «интерпретацию» одного автора (Беккер С. «Миф о рус-

ском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России [5]) назвавшего тезис об упадке дворянского сословия к этому времени «мифом». Что в ответ сообщает наш историк: он напоминает, что в России понятия помещик и дворянин были почти синонимами, поскольку согласно екатерининской жалованной грамоте 1785 года владеть населенными имениями могли только дворяне. И что на это говорит статистика? К 1861 году земли не имели 15–20% дворян. К 1876–44%, к 1890–60%, а к 1905–70%. Можно ли эту статистику как-то иначе интерпретировать? Вышеуказанный С. Беккер пытается. Дескать общая цена земли в дворянских руках не уменьшилась, а выросла. Но, во-первых – пишет А.В. Островский рубль к тому времени сильно обесценился. А во-вторых, сокращение сельхозугодий означало сокращение дохода с них. И в результате к началу первой мировой войны дворянские земли были заложены и перезаложены в банках. Но и дорожавшая земля осталась лишь у трети дворянства. Еще раз вернемся к теме статьи и спросим себя – может ли на что-то повлиять нарративная интерпретация в данном выводе? Ответ отрицательный. Но еще хуже картина на другом полюсе социальной структуры деревни. И здесь некие современные «интерпретаторы» пишут, что в деревне почти не было социального расслоения. Но А.В. Островский приводит статистику: по данным военно-конской переписи 1912 года 31,6% крестьян европейской России были безлошадными, еще 32,1% имели по одной лошади. А для пахоты требовалось не менее двух! Итак, две трети крестьян не могли сами нормально вести сельское хозяйство. И при этом на селе возникал большой избыток рабочей силы, то есть аграрное перенаселение. Перед нами пример исторической истины, которая вполне конкретна. И потому не может быть истолкована по принципу «чего изволите».

На наш взгляд эти примеры однозначно показывают, что никакие нарративные интерпретации не способны противостоять точным данным, получаемым в рамках работы с историческими архивами. Заметим, что первый пример рассматривает исторический период – более 50 лет. То есть микроистория не способна давать оценку, которая здесь требуется. К каким выводам мы в итоге приходим. Отцветающий постмодерн отцветает везде. Яркость его некоторых знаковых фигур связана скорее с эпохой пиара, не обошедшей своим вниманием интеллектуальную среду обитания, но при этом распустившиеся в нарративистском историческом сообществе «цветы» быстро увядают. Китайская древняя мудрость, помнится, указывала «пусть расцветают 100 цветов, но пусть сорняк не растет». По-нашему мнению в случае исторического нарративизма мы имеем дело с последним.

Литература

1. Агафонов, В.В. Нарративизм как специальный вариант инструментализма в историческом познании / В.В. Агафонов. – Текст: непосредственный // Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2010. – № 11. – С. 83–93.
2. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит; пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с. – Текст: непосредственный.
3. Анкерсмит Ф. Шесть тезисов нарративной философии истории / Ф. Анкерсмит. – Текст: электронный. – URL: https://abuss.narod.ru/study/phh/ph_hist_anker_narr.htm (дата обращения: 10.06.2025).
4. Барт, Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры / Ролан Барт; сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 427–441. – (Programme A. Pouchkine). – Текст: непосредственный.
5. Беккер, С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России / Сеймур Беккер; пер. с англ. Бориса Пинскера. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 346 с. – (Historia Rossica). – Текст: непосредственный.
6. Островский, А.В. Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? // Островский А.В. Россия. Самодержавие. Революция: в двух томах / А.В. Островский; Ин-т системно-стратегического анализа. – М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2020. – Т. 2. – С. 365–570.
7. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ. и под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
8. Churchill, W. 2 March 1944, Speech to the Royal College of Physicians, London. – Text: direct // Churchill Winston. Churchill by himself: the definitive collections of quotations / ed. Richard Langworth. – New York: Public Affairs, 2008. – P. 25.
9. Guldi, J. The history manifesto / Jo Guldi, David Armitage. – Cambridge: Cambridge university press, 2014. – ix, 165 p. – URL: https://ppghs.fflch.usp.br/sites/ppghs.fflch.usp.br/files/GULDI%2C%20JO%20%20Armitage%2C%20David%20-%20The%20History%20Manifesto.pdf (дата обращения: 10.06.2025). – Text: electronic.
10. White, H. Burden of History / H. White. – Text: direct // History and Theory. – 1966. – Vol. 5, № 2. – P. 111–134.

POSTMODERNISM IS THE NARRATIVISM IN THE CONTEMPORARY PHILOSOPHY OF HISTORY

Fatiev N.I.
RANEPA

This article provides a critical assessment of narrativism as a key manifestation of postmodernism in contemporary Western philosophy of history. The author analyzes the concepts of leading representatives of the narrativist tradition – Henry White and Frederick Ankersmit – noting their penchant for radical linguistic relativism, denial of the ontological status of historical facts, and blurring the boundaries between history and literature. It is emphasized that this approach leads to the substitution of rhetorical and metaphorical constructs for empirical analysis, thereby undermining the very possibility of historical knowledge. As an alternative, the author proposes a return to working with archival and statistical data, a focus on macrohistorical research (in the spirit of the Annales school), and a reconnection between history and real sociopolitical challenges. The article convincingly defends the need to preserve the criteria of historical truth and the demarcation line between scientific knowledge and fiction.

Keywords: philosophy of history, historical epistemology, postmodernism, narrativism, methodology of science.

References

1. Agafonov, V.V. Narrativism as a Special Variant of Instrumentalism in Historical Knowledge / V.V. Agafonov. – Text: direct // Bulletin of Kamchatka State Technical University. – 2010. – № 11. – Pp. 83–93.
2. Ankersmit, F. Narrative Logic: Semantic Analysis of the Language of Historians / F. Ankersmit; trans. from English by O. Gavrishina, A. Oleynikov; under scientific ed. L.B. Makeeva. – Moscow: Idea-Press, 2003. – 360 p. – Text: direct.
3. Ankersmit, F. Six Theses of Narrative Philosophy of History / F. Ankersmit. – Text: electronic. – URL: https://abuss.narod.ru/study/phh/ph_hist_anker_narr.htm (date accessed: 10.06.2025).
4. Barthes, R. The discourse of history // Barthes R. The fashion system: articles on the semiotics of culture / Roland Barthes; compiled, translated from French and with an introduction by S. Zenkina. – Moscow: Sabashnikov Publishing House, 2003. – Pp. 427–441. – (Programme A. Pouchkine). – Text: direct.
5. Becker, S. The myth of the Russian nobility: the nobility and privileges of the last period of imperial Russia / Seymour Becker; translated from English by Boris Pinsker. – Moscow: Novoye lit. obozrenie, 2004. – 346 p. – (Historia Rossica). – Text: direct.
6. Ostrovsky, A.V. Did Russia Flourish on the Eve of the First World War? // Ostrovsky A.V. Russia. Autocracy. Revolution: in two volumes / A.V. Ostrovsky; Institute of Systems and Strategic Analysis. – Moscow: KMK Scientific Publishing House, 2020. – Vol. 2. – Pp. 365–570.
7. White, H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe / H. White; translated from English and edited by E.G. Trubina and V.V. Kharitonov. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2002. – 528 p.
8. Churchill, W. 2 March 1944, Speech to the Royal College of Physicians, London. – Text: direct // Churchill Winston. Churchill by himself: the definitive collections of quotations / ed. Richard Langworth. – New York: Public Affairs, 2008. – P. 25.
9. Guldi, J. The history manifesto / Jo Guldi, David Armitage. – Cambridge: Cambridge university press, 2014. – ix, 165 p. – URL: https://ppghs.fflch.usp.br/sites/ppghs.fflch.usp.br/files/GULDI%2C%20JO%20%20Armitage%2C%20David%20-%20The%20History%20Manifesto.pdf (access date: 06/10/2025). – Text: electronic.
10. White, H. Burden of History / H. White. – Text: direct // History and Theory. – 1966. – Vol. 5, № 2. – P. 111–134.

Инь-Ян как механизм ценностной преемственности и культурной саморегуляции в китайской традиции

Чжан Юньфэй,
старший преподаватель, кафедра русского языка как иностранного, Алтайский государственный университет
E-mail: yunfey@yandex.ru

В статье рассматривается философская категория Инь-Ян (陰陽) как ценностно-смысловой комплекс (ЦСК) китайской традиционной культуры. Анализируется её функция в формировании и трансляции аксиологических оснований, а также в обеспечении культурной преемственности и саморегуляции в условиях исторических и социальных трансформаций. Уточняется нормативный потенциал ЦСК в контексте этических категорий – гармонии (和), серединности (中), ритуала (禮), – и выявляется его процессуальный характер, основанный на принципе взаимопревращения противоположностей. Обосновывается роль ЦСК как механизма адаптации и фильтрации инноваций, интегрируемых в структуру традиционной культуры без утраты её целостности. Внимание уделяется функционированию ЦСК в современной культурной политике КНР, в системе образования, визуальной культуре и идеологических установках. Делается вывод о сохранении актуальности концепта Инь-Ян как универсальной модели культурной устойчивости и инструмента интеграции традиции и современности.

Ключевые слова: Инь-Ян, ценностно-смысловой комплекс, китайская культура, культурная преемственность, философско-культурологический подход, гармония, культурная саморегуляция.

Актуальность обращения к традиционным философским основаниям китайской культуры в современной гуманитарной науке обусловлена необходимостью осмысления механизмов устойчивости и внутренней целостности социокультурных систем в условиях глобализации и модернизации. Китайская цивилизация представляет собой уникальный пример культуры, которой удалось сохранить идейное ядро на протяжении тысячелетий, несмотря на масштабные политические, экономические и технологические преобразования.

В основе подобной устойчивости лежит философская категория Инь-Ян (陰陽), которая выступает не только метафизическим принципом, но и механизмом культурной регуляции и передачи ценностей. В данной статье Инь-Ян рассматривается как ценностно-смысловой комплекс (ЦСК) китайской традиционной культуры, обеспечивающий преемственность и внутреннюю согласованность её аксиологической структуры. Как отмечает С.А. Митькина, традиционная система ценностей продолжает оказывать значительное влияние на общественное сознание Китая, несмотря на масштабные социальные трансформации последних десятилетий. При этом ЦСК функционирует как философско-культурологическая матрица, способная интегрировать новые явления в устоявшуюся ценностную систему без нарушения её внутренней логики и организационной упорядоченности [2].

Цель данной статьи – проанализировать ЦСК Инь-Ян как механизм культурной саморегуляции и ценностной преемственности в китайской традиции. Объектом исследования является традиционная система ценностей китайской цивилизации, а предметом – функциональное значение ЦСК в обеспечении её устойчивости и адаптивности. Исследование основано на философско-культурологическом подходе и опирается на труды китайских и российских исследователей, а также на анализ первоисточников классической китайской мысли.

В китайской традиции концепция Инь-Ян (陰陽) представляет собой бинарную структуру, описывающую соотношение противоположных, но взаимодополняющих начал. Согласно Чжан Дачжэню, данная парадигма основывается не на дихотомическом разделении, а на идее неделимого единства, в рамках которого каждое из начал содержит в себе потенцию другого [8, с. 112]. Понимание ду-

альности в данном контексте указывает на взаимозависимое и динамическое взаимодействие противоположностей.

С философской точки зрения ЦСК Инь-Ян репрезентирует целостную, процессуальную и диалектическую модель мира, в которой явления интерпретируются сквозь призму изменчивости, трансформации и сопряжения противоположных начал. Также ЦСК Инь-Ян воплощает концепт «динамической двойственности», предполагающий сосуществование и взаимное порождение оппозиций, формирующих холистическую структуру культуры и мышления [6].

Онтологический статус ЦСК Инь-Ян определяется гибким механизмом интеграции нового в структуру традиционного без нарушения внутренней согласованности. Концепция функционирует как культурный код, формирующий способы интерпретации реальности и обеспечивающий семиотическую преемственность китайской культуры в условиях внешнего культурного взаимодействия [2].

ЦСК Инь-Ян демонстрирует не только устойчивость, но и высокую степень адаптивности, основанную на способности к внутренней трансформации. Указанное свойство позволяет сохранять структурную согласованность культурной модели в условиях социокультурной изменчивости.

Согласно «Книге перемен» («И цзин»), Инь и Ян –основания Неба и Земли, мужского и женского, покоя и движения. В данной системе не существует абсолютной противоположности: каждая сторона включает в себя потенцию другой, создавая динамическое равновесие, что делает ЦСК регулятивным принципом в культурной практике.

Применение ЦСК Инь-Ян в этике проявляется в культивировании понятий «гармония» (хэ – 和), «серединность» (чжун – 中) и «ритуал» (ли – 禮). Гармония – не просто баланс, но норма взаимодействия, обеспечивающая согласие в социуме. Понятие серединности указывает на отказ от крайностей, на предпочтение умеренности и соответствия ситуации [8, 9].

Ритуал, функционирующий как нормативное основание, соотносится с ЦСК Инь-Ян, фиксируя допустимые формы поведения в зависимости от контекста, структурируя социальное пространство и формируя аксиологическую систему на основе принципа упорядочивания.

Инь-Ян реализует модель комплементарности, в которой противоположности дополняют друг друга, что особенно важно для понимания китайской нормативной логики: здесь не действует принцип исключения (А либо В), а утверждается логика включения (А и В в соотношении). Как подчёркивает Е.А. Попов, подобная «интегративная логика» отличает китайское мышление от европейского бинаризма [4].

Модель Инь-Ян формирует нормативные структуры как в семейных, так и в государственных отношениях, отражая контекстуально обусловленную природу категорий Инь и Ян. Контекстуальность данных категорий обеспечивает устойчивость и адаптивность культурной системы. Философия ЦСК Инь-Ян выступает одновременно онтологической основой и схемой социальной организации, что подтверждается исследованием Ху Цзиньцзе, посвящённым ритуальным кодам в китайском обществе [9].

В китайской культурной традиции ЦСК Инь-Ян (陰陽) функционирует не только как философская парадигма объяснения мира, но и как механизм культурной трансляции, способствующий сохранению ценностной преемственности и устойчивости идентичности в условиях социокультурной динамики. В рамках настоящего исследования Инь-Ян интерпретируется в качестве ЦСК, обеспечивающего интеграцию новых элементов в структуру традиционной системы без нарушения её оснований.

Опора на принцип взаимопревращения противоположностей, лежащий в основе данной модели, обусловливает способность культуры одновременно поддерживать внутреннюю согласованность и реализовывать адаптационные механизмы в ответ на изменения социального, политического и технологического порядка [1]. Как отмечает В.А. Соловьёв, способность китайской культуры интегрировать внешние заимствования без утраты собственной структурной целостности обусловлена именно этой внутренней динамикой. Таким образом, ЦСК Инь-Ян демонстрирует высокую степень структурной гибкости при сохранении системной непрерывности, что подтверждает его значение как универсального регулятора культурной динамики [6].

Принципиальным в данном контексте выступает понятие «ценностной фильтрации» – механизма, с помощью которого общество адаптирует инновации, соотнося их с существующей аксиологической матрицей. Согласно данной логике Инь символизирует устойчивое, укоренённое, направленное на сохранение – то, что следует защищать и передавать; Ян – подвижное, активное, способное к трансформации – то, что необходимо вписывать в традиционную систему с учётом её внутренних норм. Китайская цивилизация способна к «инвертной адаптации»: внешние элементы принимаются, но встраиваются в иерархическую структуру, в которой сохраняется приоритет Инь как основания [3].

Подобный подход позволяет объяснить феномен устойчивости китайской культуры на протяжении тысячелетий. Например, внедрение западных политических и экономических моделей, таких как элементы рыночной экономики, системное образование, технологическое развитие происходило

не путём разрушения традиционной основы, а через её переосмысление ЦСК. Модернизация в Китае не означала отказа от культурной идентичности, а стала формой её развития, о чем свидетельствует, в частности, синтез традиционных ценностей с принципами социализма с китайской спецификой, где концепт «гармонии» (хэ – 和) был выдвинут как идеологическая и нравственная цель развития [7, 9].

В китайской культурной традиции изменения осмысляются как имманентная часть естественного порядка, согласованного с ритмами природы и общества. В трактате «И цзин» подчёркивается, что каждая фаза трансформации сохраняет элементы предшествующего состояния и одновременно содержит потенциал последующих изменений. В данной системе Инь и Ян не трактуются как взаимоисключающие абсолюты, а представляют собой взаимосвязанные этапы единого процесса, что придаёт модели культурной трансляции процессуальный и непрерывный характер, ориентированный на переопределение и включение, а не на деструкцию или отказ [4].

Подобный подход формирует устойчивую логику культурной саморегуляции, обеспечивающую адаптивное обновление при сохранении структурной целостности. Ценностно-смысловой комплекс Инь-Ян функционирует как актуальный механизм культурной организации, обладающий как исторической глубиной, так и высокой степенью современного применения. Возможность интеграции новых элементов в рамки традиционной системы без разрушения её оснований рассматривается как ключевое условие культурной устойчивости и конкурентоспособности Китая в условиях глобализирующегося мира [1, 2].

В современной КНР ЦСК Инь-Ян продолжает выполнять функцию ценностного ориентирования, проявляясь в идеологических документах, образовательной политике, визуальной культуре и массовых коммуникациях. Концепт «гармоничного общества» (хэсэ шэхуэй – 和谐社会), выдвинутый в начале XXI века, базируется на идее сбалансированного взаимодействия различных сфер общественной жизни – экономики, политики, экологии, морали. Как отмечает Л.Ю. Абрамова, за данным политическим лозунгом стоит глубокая философская традиция, восходящая к модели равновесия между стабильностью и переменой [1, с. 46].

Системная трансляция традиционных ценностей осуществляется через институты образования, культурные праздники, музейные проекты и государственные медиа. В школьных программах закреплены нормы, идущие от конфуцианства и поддерживающие идеи серединности и гармонии. Визуальные образы круг Тайцзи, символика Инь и Ян, сцены классической живописи, цитаты из философских текстов активно используются в медиа как элементы культурного кода. Подобные образы выступают не только эстетическими элементами, но и средствами легитимации политико-культурной преемственности [6].

Таким образом, ЦСК Инь-Ян получает актуализацию в современной культурной политике КНР, функционируя в качестве символа устойчивости и идентичности, а также проявляясь не в форме архаического остатка, а как адаптивный механизм, обеспечивающий интеграцию традиционных и современных компонентов в рамках единой аксиологической системы.

Результаты проведённого анализа позволяют зафиксировать функциональную значимость ЦСК Инь-Ян (陰陽) в качестве системообразующего элемента ценностно-смысловой структуры китайской традиционной культуры. Указанный комплекс представляет собой не только философскую модель интерпретации мира, но и нормативную матрицу, формирующую аксиологические основания китайской цивилизационной модели.

Во-первых, ЦСК Инь-Ян формирует модель ценностной целостности, основанную на комплементарности противоположностей, что придаёт культуре устойчивость. Во-вторых, благодаря принципу взаимопревращения и механизму «ценностной фильтрации», данный комплекс обеспечивает гибкую адаптацию к историческим и социальным изменениям. В-третьих, в современных условиях ЦСК сохраняет актуальность, включаясь в культурную политику КНР как символ идентичности, гармонии и устойчивого развития [3, 7, 9].

Таким образом, философско-культурологический анализ ЦСК Инь-Ян демонстрирует его значимость как механизма культурного проектирования, сочетающего традиционную основу и стратегию адаптации к глобальному миру без отказа от самобытности.

Литература

1. Абрамова Л.Ю. Инь и Ян в контексте триады «Человек–Природа–Космос»: культурофилософский аспект // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук. 2023. № 4(26). С. 45–51.
2. Бусыгина А.Ф. Фундаментальные категории духовной культуры Китая: Тай цзи и Инь-Ян // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3. С. 84–89.
3. Митькина С.А. Традиционная система ценностей в современной китайской культуре // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2020. Т. 24. № 3. С. 324–331.
4. Морозова В.С. Традиционные ценности китайской цивилизации в обеспечении национальной безопасности КНР // Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 12–20.

5. Попов Е.А. Философско-антропологические основания китайской аксиосферы // Человек: образ и сущность. 2020. № 4. С. 76–82.
6. Соловьёв В.А. Китайская культурная модель: аксиологическая устойчивость и трансформация // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 6. С. 98–107.
7. Шевченко И.В. Традиционные образы в китайской визуальной культуре: механизмы символической трансляции // Культурологический журнал. 2021. № 2. С. 67–73.
8. Чжан Дачжэнь. Философские категории китайской традиции. Пер. с кит. М.: Восточная литература, 2015. 276 с.
9. Цзинь Цзунлань. Конфуцианская этика и общественный порядок. Пер. с кит. СПб.: Санкт-Петербургский центр востоковедения, 2012. 198 с.
10. Ху Цзиньцзе. Китайский ритуал и социальная структура. Пер. с кит. М.: Наука, 2010. 211 с.

IN-YANG AS A MECHANISM OF VALUE CONTINUITY AND CULTURAL SELF-REGULATION IN CHINESE TRADITION

Zhang Yunfei
Altai State University

The article examines the philosophical category Yin–Yang (陰陽) as a value-semantic complex (VSC) of traditional Chinese culture. Its role in the formation and transmission of axiological foundations, as well as in ensuring cultural continuity and self-regulation amid historical and social transformations, is analyzed. The normative potential of the VSC is clarified through ethical categories – harmony (和), centrality (中), ritual (禮) – and its processual nature based on the principle of mutual transformation of opposites is revealed. The article substantiates the function of the VSC as a mechanism for adapting and filtering innovations integrated into the structure of traditional culture without compromising its integrity. Attention is given to the functioning of the VSC in the cultural policy of the PRC, within the education system, visual culture, and ideological frameworks. The conclusion highlights the continuing relevance of the Yin–Yang concept as a universal model of cultural sustainability and a tool for integrating tradition with modernity.

Keywords: Yin–Yang, value-semantic complex, Chinese culture, cultural continuity, philosophical and cultural approach, harmony, cultural self-regulation.

References

1. Abramova L. Yu. Yin and Yang in the Context of the Triad “Human-Nature-Cosmos”: A Cultural-Philosophical Aspect // Actual Problems of Humanitarian and Social Sciences. 2023. № 4 (26). Pp. 45–51.
2. Busygina A.F. Fundamental Categories of China’s Spiritual Culture: Tai Chi and Yin–Yang // Bulletin of the Buryat State University. 2018. № 3. Pp. 84–89.
3. Mitkina S.A. Traditional Value System in Modern Chinese Culture // Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy. 2020. Vol. 24. № 3. Pp. 324–331.
4. Morozova V.S. Traditional Values of Chinese Civilization in Ensuring China’s National Security // Research Result. Series: Social and Humanitarian Studies. 2022. Vol. 8. № 3. Pp. 12–20.
5. Popov E.A. Philosophical and anthropological foundations of the Chinese axiosphere // Man: Image and Essence. 2020. № 4. Pp. 76–82.
6. Soloviev V.A. Chinese cultural model: axiological stability and transformation // Vostok. Afro-Asian societies: history and modernity. 2021. № 6. Pp. 98–107.
7. Shevchenko I.V. Traditional images in Chinese visual culture: mechanisms of symbolic transmission // Cultural Studies Journal. 2021. № 2. Pp. 67–73.
8. Zhang Dazhen. Philosophical categories of the Chinese tradition. Transl. Translated from Chinese. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2015. 276 p.
9. Jin Zonglan. Confucian Ethics and Social Order. Translated from Chinese. St. Petersburg: St. Petersburg Center for Oriental Studies, 2012. 198 p.
10. Hu Jinjie. Chinese Ritual and Social Structure. Translated from Chinese. Moscow: Nauka, 2010. 211 p.

Совесть как регулятив в контексте культуры России

Емелькина Ирина Владимировна,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии МГУ им. Н.П. Огарёва, профессор кафедры гуманитарных наук религиозной организации духовной образовательной организации высшего образования «Саранская духовная семинария Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви»
E-mail: zagirina71@yandex.ru

Мочалов Евгений Владимирович,
заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор МГУ им. Н.П. Огарёва
E-mail: depart-philos@isi.mrsu.ru

Цель статьи – этический и социально-философский анализ совести как ключевого регулятивного механизма в культурной традиции России, выявление исторического и культурного значения совести в русской культуре, её роли в формировании морально-нравственных ориентиров личности и общества. Особое внимание уделено влиянию православной традиции на формирование представлений о совести и её функциях в жизни российского народа. Авторы раскрывают многогранность понятия совести, её связь с менталитетом и ценностными ориентациями россиян. Особое место в статье уделено современным вызовам, связанным с изменениями в обществе и утратой традиционных нравственных ориентиров. Ставится вопрос о необходимости возрождения и укрепления роли совести как регулятивного начала в современном российском обществе. В завершении делается вывод о том, что совесть играет важнейшую роль в сохранении и развитии национальной идентичности, обеспечивая гармонию между личными и общественными интересами, способствуя духовному оздоровлению общества.

Ключевые слова: совесть, регулятив, самосознание, национальный, духовный, культура, дух, душа, русская идея, русская литература.

Вопрос о русском национальном самосознании актуален и интересен. Возможный ответ на него содержится в энциклопедическом словаре педагога «Основы духовной культуры», составленном В.С. Безруковой: «Русское национальное самосознание – это специфическое состояние самосознания, присущее русскому народу как этнической общности. Русское национальное самосознание есть полная идентификация себя с русской историей, духовностью, культурой, бытом, глубокое понимание «русской идеи», способной сохранить русскую государственность и экономику и направить их на национальные интересы. Формой выражения русского национального самосознания является «русская идея», русская литература, русская духовность» [1].

В этом ракурсе становление национального самосознания выступает как продолжительный и неравномерный исторический процесс с периодами подъема и падения. Начало русского самосознания и укрепления национального духа приходится на XI век, когда Русь, приняв Крещение, стала частью христианского мира.

Совершенно очевидно, что Россия и христианство неразделимы, а христианство – это не только вероисповедание, это традиционные жизненные установки, менталитет и самобытность нации. Безусловно, принятие христианства на Руси стало событием, определившим единство народа, его исторический путь и место в мировой культуре и цивилизации. Именно Православие стало духовно-нравственным основанием русского самосознания, а совесть – стержнем русского характера. Категория «веры», «любви», «справедливости», «совести», «правды» и «культуры» составили основу традиций, обрядов, жизненного уклада народов России. Благодаря Православию русский человек научился ставить духовное выше материального, посвящать жизнь стяжанию Божественного и преображению своей души.

Православная вера стала защитницей русской земли. Она ориентировала человека и общество на духовное перерождение, саморазвитие, преображение, приближала к христианским идеалам и совершенству. Стремясь к диалогу между народами и народностями и их культурами, Православие утверждало концепцию духовного единения огромной по территории страны. Со временем Православие на Руси стало восприниматься как национальный и идеологический символ. Таким образом, сложно переоценить значение христиан-

ства не только для истории Российского государства, но и для всемирной истории.

Поясним, что русское национальное сознание – один из стержневых факторов, объединяющих нас и позволяющих нам именоваться единым народом, поэтому его познание является необходимым и важным условием постижения особенностей русского народа, русского характера, истории государства Российского и всех потрясений, происшедших в нем в XX столетии.

Несомненно, каждой стране присущи свои особенности, проявляющиеся в культуре, в политике, в сфере управления и хозяйствования, межличностных отношениях. Россия с ее огромной территорией, своеобразным климатом, специфическим менталитетом населяющих её народов и традициями ведения хозяйства не является исключением.

Вопросы о том, какие мы, русские, каковы наши духовные ценности и нравственные идеалы, какими видим мы их и какими они представляются всему миру, становятся все более жизненными и актуальными как для народов многонациональной России, так и для всего мирового сообщества. Этот аспект актуализируется по причине того, что сегодня всё чаще озвучивается мнение о низком уровне нравственности и сознания через суждение: «Россия – страна с исчезающей совестью» [6].

Такого рода оценка неприемлема для Руси, которая стремилась к идеалам святости, как и Византия. Всё общественные отношения оценивали сквозь призму этой цели, которая стремилась обрести статус нормы. Жизнь святых и праведников была ориентиром для общества. Не случайно есть выражение «со святым свят будешь, и с развратным развратишься» (буквально – «с чистым – чисто, а с лукавым – по лукавству его») (толкование 27 стиха 17 псалма).

В постсоветский период человек лишился устойчивой духовной опоры. Усиливался ценностный релятивизм, оправдывающий распространение нетрадиционных религиозных культов.

Очень интересны особенности русской души, русского характера и русского самосознания раскрывает А.С. Франц в своей монографии «Ценности отечественной нравственной культуры»: «Мы терпеливы, трудолюбивы, доброжелательны, стремимся быть справедливыми, не предаем друзей и союзников, оберегаем их чувство собственного достоинства, готовы помочь народам, попавшим в затруднительные ситуации».

Не вызывает сомнения тот факт, что сохранение и укрепление этих нравственных качеств россиян позволило в течение веков сохранить целостность российского государства, взаимоуважение народов внутри многонациональной и многоконфессиональной России. Именно эти нравственные качества находятся в основе известного мировому сообществу русского патриотизма, в основе поддержания добрососедских отношений между народами и государствами» [2].

Авторы статьи полагают, что духовной гарантией сохранения и развития государства и общества является, прежде всего, нравственная культура граждан и их ценностное отношение к морали и нравственности.

Благодаря морали и нравственности у наших соотечественников формировались честь, совесть, порядочность, долг, ответственность, великодушие, патриотизм и другие нравственные ориентиры. В настоящее время нет никаких сомнений в том, что понятие «совесть» является одной из основных категорий русской духовной культуры.

«Прежде всего, свод правил и моральных идеалов, суждение, которое может быть истолковано по-разному: как мнение о проступке, вызвавшем укор совести, или как оценка нравственности личности, совершившей проступок» [7].

Безусловно, это не раз и навсегда нам данный всеобъемлющий полный закон, который готов к применению. Его нужно соотносить с образованием ума и сердца, чтобы не возникало неблагоприятных обстоятельств в виде «помраченного ума» или «испорченного сердца» и человек не заблуждался из-за превратного воспитания и дурных наклонностей. Нужно развивать саму совесть, как нравственное сознание, чтобы нравственные мысли и поступки наши представали пред судом нашей совести (самым строгим, суровым и беспристрастным судом) в правильном виде.

Заметим, что совесть имеет отношение не только к взаимоотношениям между людьми, но и к отношению к вещам. Такое понятие, как «хранение совести» в святоотеческой мысли предполагает, что человек не может относиться небрежно к вещам, не может допустить порчи вещи (А. Дорофей) и т.д.

В русском понимании совесть является мерилом добра и зла. Извечно русским человеком совесть и душа воспринимаются как нечто неделимое целое, в то же время совесть расценивается и как самостоятельная, главная часть души. Жизненное кредо русского человека выражается очень просто: «Жить и поступать по-русски – значит жить и поступать по совести, делать что-то по-русски – значит все делать на совесть, самым наилучшим образом. Грех, преступление, подлость – это тяжкое бремя на совести русского человека» [3].

Русский человек во всякое время помнит о совести. С давних пор и по сей день бытует в народе упрек «совесть надо иметь!» Оскорбительно звучат слова «совести у тебя нет!», а тяжелое слово «бессовестный» отпечатывается на человеке суровым и позорным приговором. Поступить по-русски – значит, желая спасти человека, взять на свою совесть чужую вину, разделить его ответственность перед Богом.

Совесть русского человека многого не позволяет. Помимо убийства, прелюбодеяния и лжесвидетельства, запрещенных Божьими заповедями, совестью запрещено русскому человеку лгать, обещать невозможное, воровать, присваивать чужое, самовозноситься, непотребствовать, насмехаться и т.д. Как видим, в среде русских людей выработались довольно строгие и жесткие нормы поведения. Регуляция осуществлялась больше силой общественного мнения, нежели юридическим законом. На «честном слове» в буквальном смысле строились отношения в купеческой среде потому, что у людей была совесть, побуждающая их быть ответственными, справедливыми.

Подлинными и имеющими непреходящее значение достоянием человечества стало создание представлений о совести. Оно обязывает человека ставить себя на место своего ближнего, позволяет ему и даже понуждает его сделать все возможное для облегчения состояния и участи окружающих людей. Чувство совести обязывает человека осуществлять моральный самоконтроль, формулировать для себя нравственные обязанности, контролировать свои помыслы и действия, осуществлять строгую самооценку вплоть до состояния угрызения совести. Являясь субъективным продуктом превращения общественных требований к человеку в его собственные требования к себе, совесть, как и иные нравственные качества, во многом определяется историческими возможностями проявления оберегающего отношения человека к окружающему миру. «Совесть сформировала у людей чувства участливости, сострадания, милосердия» [4].

В русском национальном сознания категория совести очень важна: ведь человек не потерян для общества до тех пор, пока в нем есть хоть капля совести. И.А. Ильин пишет: «Отход современного человечества от христианской совести чреват величайшими опасностями и бедами. Этот отход будет продолжаться до тех пор, пока не наступит возвращение… И чем скорее и глубже человечество постигнет природу переживаемого им духовного кризиса, чем яснее оно поймет, что без совести на земле невозможна ни культура, ни жизнь, – тем более бед и страданий будет предотвращено…» [4].

Таким образом, в русской культуре и философии совесть традиционно воспринимается как внутренний регулятор поведения человека («внутренний камертон»), обладающий высочайшим нравственным значением. Она рассматривается как голос Бога в душе человека, отражающий его глубинные духовные установки. Русская литература, философия и религия неизменно обращают пристальное внимание на совесть, расценивая её, как главный индикатор зрелости и нравственной высоты личности. Отличительными чертами понимания совести в России является её прочная связь с православием, духовностью, нравственностью и моралью, а также роль совести как инструмента осознания человеком своего места в обществе.

В западных странах понимание совести также присутствует, но оно зачастую отличается некоторыми нюансами. Например, в США и Англии совесть воспринимается как личный внутренний компас (некий навигатор), помогающий ориентироваться в сложных ситуациях, выбирая правильную линию поведения. Обычно она ассоциируется с чувством долга, ответственностью и способностью принимать решения, не зависящие от внешних обстоятельств. В Германии и Франции её связывают с интеллектуальным осознанием моральных обязательств и принципов. Например, Иммануил Кант считал совесть проявлением внутреннего закона, который человек добровольно ставит перед собой.

Восточные культуры смотрят на совесть как на элемент гармонии с собой и окружающим миром. Она связана с этическими нормами и моральным воспитанием, подчеркивающим личную ответственность и уважение к другим.

В России совесть рассматривается как мощный внутренний регулятор, связанный с религиозными и духовными аспектами, в то время как в западных странах акцент ставится на персональную ответственность и этическое самосознание.

Сегодня важно каждому из нас признать разрушительность принятых нами антихристианских западных ценностей, которые пока продолжают действовать в нашем обществе и дают возможность ощутить потребность в духовном оздоровлении в виде стремлении к совестливости и святости в соответствии с идеалами Православия, самое время сменить критерии жизни с «временных» на «вечные».

Литература

1. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В.С. Безрукова. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 686 с. – Текст: непосредственный.
2. Франц А.С. Ценности отеческой нравственной культуры: монография / А.С. Франц. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. – 2018. – С. 7–8. – Текст: непосредственный.
3. Станько А. Учение Священного Писания и святоотеческой письменности (по Добротолюбию) о совести / А. Станько. – Текст: непосредственный // Человек. Культура. Образование. – 2017. – № 2. – 43 с.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. – Москва: Даръ, 2017. – 402 с. – ISBN 978-5-485-00567-2. – Текст: непосредственный.
5. Касьянов В.Е. Эволюция религиозности в постсоветской России: специальность 09.00.13

«Религиоведение, антропология, философия культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / В.Е. Касьянов; науч. рук. О.В. Богданова; «Ростовский государственный университет». – Ростов на Дону, 2005. – 28 с. – Текст: непосредственный.
6. Манеров В.Х. О состоянии современных молодых людей в России // Киберленинка [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-sovesti-sovremennyh-molodyh-lyudey-v-rossii (дата обращения: 19.09.2025).
7. Тарамова М.С. О феномене совести как этической категории // Киберленинка [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Fwww%2Eelibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D37607640 (дата обращения: 19.09.2025).

CONSCIENCE AS A REGULATORY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE

Emelkina I.V., Mochalov E.V.
N.P. Ogarev Moscow State University, Saransk Theological Seminary of the Saransk and Mordovia Diocese of the Russian Orthodox Church

The purpose of the article is an ethical and socio–philosophical analysis of conscience as a key regulatory mechanism in the cultural tradition of Russia, identifying the historical and cultural significance of conscience in Russian culture, its role in the formation of moral guidelines for individuals and society. Special attention is paid to the influence of the Orthodox tradition on the formation of ideas about conscience and its functions in the life of the Russian people. The authors reveal the versatility of the concept of conscience, its connection with the mentality and value orientations of Russians. A special place in the article is given to modern challenges related to changes in society and the loss of traditional moral guidelines. The question is raised about the need to revive and strengthen the role of conscience as a regulatory principle in modern Russian society. In conclusion, it is concluded that conscience plays a crucial role in the preservation and development of national identity, ensuring harmony between personal and public interests, and contributing to the spiritual recovery of society.

Keywords: conscience, regulative, self-awareness, national, spiritual, culture, spirit, soul, Russian idea, Russian Russian literature.

References

1. Bezrukova V.S. Fundamentals of spiritual culture (an encyclopedic dictionary of a teacher) / V.S. Bezrukova. – Yekaterinburg: Business Book, 2000. – 686 p. – Text: direct.
2. Frants A.S. The values of paternal moral culture: monograph / A.S. Frants. – Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. Univ. – 2018. – pp. 7–8. – Text: direct.
3. Stanko A. The teaching of Holy Scripture and Patristic writing (on Philokalia) about conscience / A. Stanko. – Text: direct // Person. Culture. Education. – 2017. – № . 2. – 43 p.
4. Ilyin I.A. The path of spiritual renewal / I.A. Ilyin. – Moscow: Dar, 2017. – 402 p. – ISBN 978-5-485-00567-2. – Text: direct.
5. Kasyanov V.E. The evolution of religiosity in post-Soviet Russia: specialty 09.00.13 «Religious studies, anthropology, philosophy of culture»: abstract of the dissertation for the degree of candidate of Philosophical Sciences / V.E. Kasyanov; scientific director O.V. Bogdanova; Rostov State University. – Rostov-on-Don, 2005. – 28 p. – Text: direct.
6. Manerov V.H. About the state of modern young people in Russia // Cyberleninka [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-sovesti-sovremennyh-molodyh-lyudey-v-rossii (date of access: 19.09.2025).
7. Taramova M.S. On the phenomenon of conscience as an ethical category // Cyberleninka [Electronic resource]. – URL: https://www.elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Fwww%2Eelibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D37607640 (date of request: 19.09.2025).

Теоретико-методологические аспекты гуманистической парадигмы высшего образования в эпоху цифровизации

Курилов Сергей Николаевич,
к.ф.н., заведующий кафедрой рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: KurilovSN@mpei.ru

Налимова Александра Сергеевна,
ассистент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: NalimovaAS@mpei.ru

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы гуманистической парадигмы высшего образования в условиях цифровой трансформации общества. Анализируются ключевые принципы гуманизации образовательного процесса, роль цифровых технологий в его модернизации, а также возможные противоречия между технологизацией и гуманистическими ценностями. Обосновывается методологический подход к интеграции цифровых инструментов в образовательную практику без ущерба для личностно-ориентированного обучения.

Ключевые слова: гуманистическая парадигма, высшее образование, антропоцентрический подход в образовании, цифровизация образования, личностно-ориентированное обучение, методология высшего образования, педагогика высшей школы.

Современная эпоха цифровизации оказывает значительное влияние на все сферы человеческой деятельности, включая образование. Высшая школа сталкивается с необходимостью адаптации к новым технологическим вызовам, сохраняя при этом гуманистические принципы, лежащие в основе классической образовательной модели.

Гуманистическая парадигма образования, акцентирующая внимание на развитии личности, ее творческого потенциала и нравственных качеств, требует переосмысления в условиях цифровой реальности. В данной статье исследуются теоретические и методологические аспекты интеграции гуманистических ценностей в цифровую образовательную среду. Гуманистическая парадигма базируется на идеях антропоцентризма, где в центре образовательного процесса находится личность студента. Основные принципы включают в себя:

- личностно-ориентированный подход (К. Роджерс, А. Маслоу) –создание условий для самоактуализации – раскрытия внутреннего потенциала человека, ключевыми условиями которого являются безусловное принятие, эмпатия и искренность, что позволяет личности развиваться в собственном уникальном направлении;
- свободу самореализации и творчества – развитие происходит не через контроль, а через предоставление свободы выбора и ответственности. Творчество понимается широко – как способность конструктивно и нестандартно подходить к собственной жизни;
- диалогичность и субъект-субъектные отношения (М. Бубер, М. Бахтин) – взаимодействие строится по модели «Я-Ты», где все участники – равноправные партнеры. Истина и понимание рождаются в диалоге, а не в монологе «сверху вниз»;
- ценностно-смысловое развитие – главная цель – не только приобретение знаний и навыков, но и помощь человеку в формировании его собственной системы ценностей и поиске личностного смысла в деятельности и жизни.

От античной *пайдейи* до современных концепций непрерывного образования гуманистическая традиция претерпевала изменения, но сохраняла ключевую идею – образование как способ становления человека.

Цифровизация трансформирует традиционные формы обучения, предлагая:

- онлайн-образование (MOOC, LMS-платформы);
- искусственный интеллект и адаптивное обучение;
- виртуальную и дополненную реальность.

Однако возникает риск дегуманизации образования из-за:

- снижения роли живого общения;
- стандартизации обучения;
- цифрового неравенства.

С одной стороны, цифровые инструменты расширяют доступ к знаниям, с другой – могут нивелировать индивидуальный подход. Необходим баланс между эффективностью технологий и сохранением человеко-ориентированной модели.

Для сохранения гуманистической направленности предлагаются различные методы, например: смешанное обучение (blended learning), тьюторское сопровождение, проектно-исследовательская деятельность.

Необходима разработка этических стандартов использования ИИ в образовании, основанных на принципах уважения автономии личности, предотвращения манипуляций данными, обеспечения инклюзивности.

Гуманистическая парадигма высшего образования в условиях цифровизации требует переосмысления традиционных подходов. Интеграция цифровых технологий должна происходить с учетом сохранения личностно-ориентированного обучения, диалогичности и ценностного развития. Методологически важно разрабатывать гибридные модели, сочетающие технологическую эффективность и гуманистические идеалы.

Современная система высшего образования переживает период фундаментальных трансформаций, обусловленных процессами глобальной цифровизации. В этом контексте особую актуальность приобретает переосмысление гуманистической парадигмы как методологической основы образовательного процесса. Как справедливо отмечал Э. Фромм, «технический прогресс должен сопровождаться прогрессом человеческой солидарности и разума» [14]. Эта мысль особенно значима для современной образовательной реальности, где технологические инновации зачастую опережают осмысление их гуманитарных и социальных последствий. Проблема соотношения технологического прогресса и гуманистических ценностей в образовании была обозначена еще в первой половине XX в К. Ясперсом, который предупреждал: «Опасность заключается в том, что в погоне за техническим совершенством мы можем утратить саму суть образования» [16]. Действительно, цифровая трансформация высшей школы ставит перед нами ряд сложных методологических вопросов: как сохранить антропоцентрическую направленность образования в условиях автоматизации учебных процессов? Каким образом цифровые технологии могут не подменять, а усиливать гуманистические принципы образования и воспитания? Для осмысления данных вопросов и понимания истоков гуманистической и антропоцентрической парадигмы обратимся к ее историко-философским основаниям и культурно-историческим корням.

Генезис гуманистической парадигмы в образовании уходит корнями в античную философскую традицию. Сократовский метод майевтики, основанный на диалоге и пробуждении внутреннего знания, по мнению Платона, представлял собой «искусство духовного акушерства» [11]. Эта метафора особенно показательна для понимания сути гуманистического подхода, акцентирующего внутренний потенциал обучающегося.

Эпоха Просвещения внесла существенный вклад в развитие гуманистических идеалов образования. И. Кант в своей работе «О педагогике» подчеркивал: «Человек может стать человеком только через воспитание» [5]. При этом немецкий философ особое внимание уделял нравственному измерению образовательного процесса, что остается чрезвычайно актуальным и в современных условиях.

В XX веке гуманистическая парадигма получила новое развитие в работах представителей экзистенциальной философии. М. Бубер в концепции «Я-Ты» отношений утверждал: «Подлинное образование происходит только в диалоге, где каждая сторона признает другую как ценность саму по себе» [2]. Этот принцип приобретает особое значение в контексте цифровизации, когда возникает риск подмены живого общения виртуальными коммуникациями.

Гуманистическая психология внесла значительный вклад в теоретическое обоснование современной образовательной парадигмы. К. Роджерс, разрабатывая концепцию личностно-ориентированного обучения, отмечал: «Значимое учение происходит только тогда, когда предмет воспринимается как имеющий отношение к собственной цели учащегося» [13]. Этот тезис имеет принципиальное значение для проектирования образовательных программ в цифровую и информационную эпоху.

А. Маслоу в своей иерархии потребностей особо выделял стремление к самоактуализации, утверждая: «Образовательная система должна создавать условия для реализации высших человеческих потребностей» [8]. В условиях цифровой трансформации этот принцип требует переосмысления традиционных педагогических подходов.

Современные исследователи в области развития педагогики и базовых принципов высшего образования, такие как Д. Гоулман, Р. Дэвидсон подчеркивают важность эмоционального интеллекта в образовательном процессе. Как пишет Гоулман, «эмоциональная грамотность должна стать таким же обязательным элементом образования, как и грамотность математическая» [4]. Данный

аспект особенно важен в контексте цифровизации, когда возникает риск дегуманизации образовательных взаимодействий.

Процессы цифровизации высшего образования носят противоречивый характер. С одной стороны, как отмечал М. Кастельс, «сетевые технологии создают принципиально новые возможности для доступа к знаниям» [7], с другой: «Технологическая революция может привести к эрозии критического мышления» [6].

Особую озабоченность практикующих преподавателей и организаторов учебного процесса вызывает проблема цифрового неравенства. Развитие образовательных технологий могут как уменьшать, так и, наоборот, усиливать социальное неравенство. Особенно в аспекте доступности технологий, возможности широкого и постоянного их использования. Несмотря на перманентно растущую доступность, близость и относительно недорогую цену подключения интернет-каналов, остается множество регионов, где еще есть проблемы их подключения, связанные с разными социально-экономическими причинами. Этот аспект требует особого внимания при разработке стратегий цифровой трансформации образования на уровне стратегической политики.

Еще одной серьезной проблемой является изменение характера познавательной деятельности. Н. Карр в своем исследовании отмечает: «Интернет меняет не только способы получения информации, но и структуру нашего мышления» [6]. Данная проблема обращена, в первую очередь, к методологическим основам преподавания в высшей школе, философии образования и когнитивно-поведенческим исследованиям.

Современная педагогическая наука предлагает различные подходы к решению обозначенных проблем. Ю. Хабермас в теории коммуникативного действия обосновывал: «Техническая рациональность должна быть уравновешена коммуникативной» [15]. Этот принцип может служить методологической основой – социально-философской парадигмой для проектирования цифровых образовательных сред современном высшем образовании.

Важным направлением является развитие концепции цифрового гуманизма. Очевидно, что технологии должны служить человеческому развитию, а не подменять его, однако в свете бурного развития «цифры» как основы жизнедеятельности этот тезис ставится под большое сомнение самим процессом технологического развития. Эта ситуация требует разработки новых педагогических стратегий. Особое значение приобретает проблема сохранения университета как социального института, в котором сосредоточены знания, которые не тождественны по определению информации и «цифре». Х. Ортега-и-Гассет подчеркивал: «Миссия университета – не просто передача знаний, но формирование культурной идентичности» [9]. Переосмысление этой ключевой мысли в условиях цифровой трансформации, на которой базируется идея воспитания жизненно необходима. Воспитание, нравственно-культурный компонент – ядро и главный вектор процесса формирования образа личности, мировоззрения и ценностных устремлений.

Современная образовательная практика предлагает различные модели интеграции гуманистических принципов в цифровую среду. Концепция «смешанного обучения» (Д. Гаррисон, Н. Воан) предполагает гармоничное сочетание онлайн и оффлайн взаимодействий [3]. Этот подход позволяет сохранить преимущества цифровых технологий, не теряя при этом человеческого измерения образования.

Перспективным направлением является развитие персонализированного обучения. Как отмечал С. Пейперт, «эффективное образование должно учитывать индивидуальные познавательные стили» [10]. Современные цифровые платформы предоставляют для этого новые возможности, и их необходимо ориентировать на индивидуальность обучающего, его особенности и возможности.

В свете процесса цифровизации всех выше-обозначенных проблем и «подводных камне» этого процесса, особого внимания заслуживает тема оценки качества высшего образования и деятельности современного университета. Сегодня главная тенденция оценки высшего образования сводится опять же к числовому, статическому анализу результатов обучения и воспитания, к ключевым показателям эффективности. Безусловно, любой результат требует математического моделирования, иначе результат будет абстрактным и неосязаемым. Однако, численные показатели – средство, способ, а не самоцель образовательного процесса, т.к. зачастую в погоню за цифрами теряется содержание и само качественное наполнение этого процесса, происходит его расчеловечивания. Исследователь науки и техники А. Бине, еще на заре научно-технической революции XX в., предупреждал: «Измеряя лишь то, что легко измерить, мы рискуем упустить самое важное» [1]. Это требует разработки новых критериев оценки образовательных результатов.

Анализ теоретико-методологических аспектов гуманистической парадигмы в условиях цифровизации позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к модернизации высшего образования на данном этапе развития. «Научный прогресс должен сопровождаться нравственным развитием человечества» [14]; этот принцип должен стать методологическим ориентиром в процессе цифровой трансформации образования. Перспективы дальнейших исследований проблем цифровизации высшего образования и применения антропоцентрической парадигмы связаны

с разработкой основополагающих направлений: концепции цифрового гуманизма в образовании, методологии оценки гуманитарных эффектов цифровизации, педагогических стратегий сохранения антропоцентрической направленности в условиях технологических изменений.

Литература

1. Бине, А. Современные идеи о детях / Современные идеи о детях / Альфред Бинэ; Пер. с фр. под ред. Г.Г. Шпетта. – М.: Космос, 1910. – 216 с.
2. Бубер, М. Я и Ты /из кн.: Мартин Бубер. Два образа веры. – М.: 1995. – С. 16–19.
3. Гаррисон, Д., Воан, Н. Смешанное обучение в высшем образовании. – М., 2008. – 245 с.
4. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. Эмоциональный интеллект /пер. с англ. А.П. Исаевой. – М.: АСТ МОСКВА, 2009–478.
5. Кант, И. О педагогике. / Собрание сочинений в 8 т. [перевод с немецкого] / Иммануил Кант; под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 8 – С. 718.
6. Карр, Н. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами. – М., 2012. – 256 с.
7. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
8. Маслоу, А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 316.
9. Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. М.Н. Голубевой; под общ. ред. М.А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2005. –104 с.
10. Пейперт, С. Переворот в сознании: дети, компьютеры и плодотворные идеи [Пер. с англ.] / Сеймур Пейперт. – М.: Педагогика, 1989. – 220 с.
11. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2/Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1993. –528 с.
12. Постман, Н. Технополия. – М.: изд. Vintage, 2015. – 240 с.
13. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: прогресс,1994. – 235 с.
14. Фромм, Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2022–288 с.
15. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности /Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация / пер. с нем. А.К. Судакова. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. – 880 с.
16. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE HUMANISTIC PARADIGM OF HIGHER EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Kurilov S.N., Nalimova A.S.
National Research University “MPEI”

This article examines the theoretical and methodological foundations of the humanistic paradigm of higher education in the context of the digital transformation of society. It analyzes the key principles of humanizing the educational process, the role of digital technologies in its modernization, and potential contradictions between technologization and humanistic values. A methodological approach to integrating digital tools into educational practice without compromising student-centered learning is substantiated.

Keywords: humanistic paradigm, higher education, anthropocentric approach in education, digitalization of education, student-centered learning, higher education methodology, higher education pedagogy.

References

1. Binet, A. Modern Ideas about Children / Modern Ideas about Children / Alfred Binet; Translated from French under the editorship of G.G. Shpett. – Moscow: Kosmos, 1910. – 216 p.
2. Buber, M. I and You /from the book: Martin Buber. Two Images of Faith. – Moscow: 1995. – pp. 16–19.
3. Garrison, D., Vaughan, N. Blended Learning in Higher Education. – Moscow, 2008. – 245 p.
4. Goleman, D. Emotional Intelligence. Emotional Intelligence / translated from English by A.P. Isaeva. – Moscow: ACT MOSCOW, 2009. – 478.
5. Kant, I. On Pedagogy. / Collected Works in 8 volumes [translated from German] / Immanuel Kant; edited by A.V. Gulyga. – Moscow: CHORO, 1994. – Vol. 8 – p. 718.
6. Carr, N. Pustishka. What the Internet is doing to our brains. – Moscow, 2012. – 256 p.
7. Castells, M. Information Age: Economy, Society, and Culture: Trans. from English edited by O.I. Shkaratan. – Moscow: State University Higher School of Economics, 2000. – 608 p.
8. Maslow, A. Motivation and Personality. – St. Petersburg: Eurasia, 1999. – P. 316.
9. Ortega y Gasset, J. The Mission of the University / J. Ortega y Gasset; trans. with the Spanish by M.N. Golubeva; under the general editorship of M.A. Gusakovsky. – Minsk: BSU, 2005. – 104 p.
10. Papert, S. Revolution in Consciousness: Children, Computers, and Fruitful Ideas [Translated from English] / Seymour Papert. – Moscow: Pedagogy, 1989. – 220 p.
11. Plato. Collected Works in 4 volumes. Vol. 2 / General editors A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi; notes by A.F. Losev and A.A. Takho-Godi; translated from Ancient Greek. – Moscow: Mysl, 1993. – 528 p.
12. Postman, N. Technopoly. – Moscow: publ. Vintage, 2015. – 240 p.
13. Rogers, K. A View of Psychotherapy. The Formation of Man. – Moscow: Progress, 1994. – 235 p.
14. Fromm, E. Escape from Freedom. – Moscow: AST, 2022. – 288 p.
15. Habermas, J. Theory of Communicative Activity / Volume 1. Rationality of Action and Social Rationalization / translated from German by A.K. Sudakova. – Moscow: Ves Mir Publishing House, 2022. – 880 p.
16. Jaspers, K. The Meaning and Purpose of History: translated from German. – Moscow: Politizdat, 1991. – 527 p.

Философские основания персонализированных моделей общего образования

Тылик Артем Юрьевич,
кандидат философских наук, директор ГАУ ДПО ЯНАО «Региональный институт развития образования»
E-mail: tay@riroyanao.ru

Статья посвящена философскому осмыслению моделей персонализированного образования и их теоретических оснований. В фокусе внимания автора – ключевая роль концептов «автономия», «свобода», «выбор» и «рациональность», выступающих сквозными категориями как в педагогическом (персонализированные модели образования), так и в политическом (политический либерализм) дискурсах. Цель исследования состоит в систематизации индивидуализированных образовательных моделей в трудах основоположников классического политического либерализма.
В исследовании решены были следующие задачи: анализ теорий развития личности с целью определения их применимости к проектированию образовательных систем; исследование философских предпосылок, обусловливающих необходимость персонализации образования; выявление ключевых характеристик персонализированных образовательных моделей с точки зрения их философской состоятельности.
Методология исследования опирается на формально-логический и историографический анализ философской, педагогической и психологической литературы, а также методы систематизации, классификации, компаративного анализа и обобщения.
Результаты исследования позволяют заключить, что модели персонализированного образования могут быть рассмотрены с позиций коммунитаризма, социального либерализма и перфекционизма. В основе дискурса, легитимирующего модели персонализированного образования, лежит классический политический либерализм.

Ключевые слова: персонализированное образование, либеральное образование, философия образования, образовательная политика, автономия.

Введение

Несмотря на стремительный технологический прогресс и непрекращающиеся социокультурные трансформации, система общего образования, сформировавшаяся в национальных государствах в конце XIX–XX веков, остается одним из наиболее консервативных общественных институтов. Справедливо отмечается, что классно-урочная система, предложенная еще Яном Амосом Коменским (1592–1670) в его трудах, остается доминирующей парадигмой организации учебного процесса и в XXI веке [16]. При наличии многочисленных исследовательских центров, педагогических вузов и экспериментальных школ, подлинно инновационные идеи, способные радикально изменить облик школы, остаются редкими, сталкиваясь с инерцией устоявшейся практики. Одной из таких перспективных идей выступает концепция «персонализированного образования». Дискуссия о переходе к персонализированному образованию активизировалась в 1990-е годы и продолжается до настоящего времени [4, 7, 9, 15, 22]. В настоящее время персонализированный подход в общем образовании оценивается как прогрессивная тенденция рядом отечественных [3, 8] и зарубежных [21] теоретиков и практиков образования. В широком смысле, персонализированное образование подразумевает право и возможность учащегося выступать в качестве активного со-творца (субъекта) образовательного процесса, что выражается в свободе выбора таких элементов образовательной системы, как содержание образования, формы оценивания, формат индивидуальной и групповой работы, методы освоения материала и т.д. При этом выбор профильного класса, обычно на ступени старшей школы, исходя из собственных интересов и жизненных целей, стал привычным элементом персонализированного образования. Вместе с тем, ряд исследователей, на наш взгляд, обоснованно проводят различие между терминами «персонализация образования» и «индивидуализация образования» [11, 14]. Разницу между этими подходами можно проиллюстрировать примером распределения учащихся по профилям в старшей школе. В случае индивидуализированного образования распределение по профилям происходит на основе учета индивидуальных особенностей учащихся, преимущественно посредством диагностик, экзаменов и других оценочных процедур. Таким образом, распределение учитывает индивидуальные

особенности ребенка (например, предрасположенность к математике, языкам или художественному творчеству), но в то же время не является результатом свободного выбора школьника. С другой стороны, сторонники персонализированного образования подчеркивают необходимость предоставления ребенку права самостоятельного выбора профиля, даже если этот выбор не подкрепляется объективно измеримыми способностями.

Рассмотрение различия между «индивидуализированным» и «персонализированным» подходами дает возможность лучше понять смысловое ядро персонализации. В данном контексте право ребенка выбрать «математический класс» в старшей школе после получения оценки «удовлетворительно» на предыдущей ступени образования может показаться контрпродуктивным и даже противоречащим здравому смыслу. Можно также предположить, что такого рода иррациональный выбор будет способствовать снижению баллов в стандартизированных экзаменах по всей выборке старшеклассников, что очевидно противоречит целям национальной политики в области образования любого современного государства. Несмотря на радикальность отдельных проявлений, персонализированная модель образования сохраняет свою актуальность для значительной части практиков и теоретиков.

В поддержку данного подхода приводятся аргументы педагогического характера. Так, сторонники персонализации утверждают, что предоставление учащимся автономии стимулирует их личностное развитие и повышает мотивацию к обучению [3, 4]. И хотя в этих утверждениях присутствует определенное рациональное зерно, им можно противопоставить ряд контраргументов. В частности, следует учесть объективные трудности, связанные с организацией учебного процесса в классах с разнородным уровнем подготовки, что потенциально может привести к снижению общих образовательных результатов.

В ответ на подобную критику адепты персонализации подчеркивают, что приобретение «автономии» в рамках персонализированной модели трансформирует учащегося из пассивного «объекта» образовательного воздействия в активного «субъекта», что, по их мнению, обладает самостоятельной ценностью [3].

Анализ данной дискуссии позволил выявить, что основополагающая идея персонализированного образования, заключающаяся в признании «автономии», «субъектности» и «выбора» в качестве самоценных категорий, не может быть окончательно обоснована исключительно педагогическими доводами.

Тем не менее, на наш взгляд, требуется более глубокий анализ философских, психологических и социальных аспектов, влияющих на формирование личности и ее роль в образовательном процессе. На наш взгляд, эта позиция, как и вытекающие из нее педагогические практики, имеет устойчивые философские основания.

Целью статьи является демонстрация того, что генезис персонализированных моделей образования коренится не в сфере педагогических или психологических исследований, как это обычно постулируется, а в фундаментальных трудах классического политического либерализма. Этот принципиальный факт определяет уникальность и специфику персонализированных образовательных подходов и обусловливает основные направления современной критики, направленной против них.

Результаты исследования

На основе проведенного анализа научной литературы можно констатировать, что персонализированная модель образования порождает дискурс особого рода, в основе которого лежат такие понятия, как «автономия», «выбор» и «субъектность» в их концептуальном единстве.

В рамках изучаемой темы необходимо отметить, что понятийный аппарат, применяемый сторонниками персонализации в образовании, буквально воспроизводит дискурс политического либерализма. Так, Д. Суисса указывает на идеал «автономии» индивида как на основу либеральной этической и политической философии и, как следствие, фундамент либеральных педагогических практик [1]. В своем тезисе Д. Суисса опирается на позиции целого ряда авторитетных философов (Уайт, Дворкин, Кекс), в частности М. Левинсона, утверждающего, что «либеральные принципы находят свое обоснование в апеллировании к ценности автономии личности» [1, с. 58]. При этом, следуя теоретикам либеральной традиции, Д. Суисса понимает под идеалом автономного индивида такую личность, которая «размышляет и свободно выбирает из множества вариантов свое понимание блага» [1, с. 58]. Иначе говоря, автономия индивида определяется его способностью, во-первых, к рациональному выбору концепции хорошей жизни (образа жизни), а во-вторых, его способностью к практическому воплощению этой концепции.

Описанный идеал формировался в европейской культуре в период с XVII и до конца XIX века в работах философов и публицистов, которых сегодня принято относить к основателям либеральной политической традиции, понимаемой в самом широком смысле. Вероятно, в наиболее лаконичной форме описанный выше идеал был выражен в XIX веке Дж.С. Миллем в следующих тезисах: «Тот индивидуум, который предоставляет обществу или близкой к нему части общества избирать для себя тот или другой образ жизни, – тот индивидуум не имеет надобности ни в каких других способностях, кроме той способности передраз-

нивания, какую имеет обезьяна. Только тот человек имеет надобность во всех своих способностях и действительно пользуется ими, который сам по своему пониманию устраивает свою жизнь» [13, с. 338]. В приведенном отрывке содержится характерное для философии Дж.С. Милля разделение на животные и человеческие способности, а также призыв к каждому обращаться ко всей полноте своей подлинно человеческой природы, которая неразрывно связывается со способностью разумно и самостоятельно выбирать, как жить.

Идеал автономии личности, конституируя философскую антропологию либерализма, определяет и конфигурацию соответствующих ему общественных институтов. Не случайно, описывая в 30-е годы XIX века демократические и федералистские институты американского общества, А. Токвиль в своей классической работе «Демократия в Америке» независимо повторяет тезисы Дж.С. Милля: «Согласно современному, демократическому и, осмелюсь сказать, верному пониманию свободы, в принципе, каждый человек получил от природы разум, необходимый ему для устройства своей жизни, и от рождения имеет неотъемлемое право жить независимо от себе подобных во всем, что касается только его, и решать свою судьбу по своему усмотрению» [2, с. 16]. В этом отрывке обращает на себя внимание фактическое отождествление понятий «автономия» и «свобода». Давая «современное», «демократическое», «верное» понимание свободы, Токвиль буквально воспроизводит идеал автономии индивида. В современной литературе аналитического направления принято указывать на существование тонких различий между понятиями «свобода» и «автономия» [18]. Вместе с тем, как показывает и аналитический подход, некоторые концепции позитивной свободы очевидно эквивалентны тому, что часто подразумевается под автономией [18].

Таким образом, ссылаясь на приведенные выше тезисы Дж.С. Милля и А. Токвиля, можно утверждать, что идеал автономии индивида является важнейшим элементом той концепции «свободы», на которую опирается классический политический либерализм. В частности, идеал автономии играет важнейшую роль в теоретических построениях «отца политического либерализма» Дж. Локка. В силу значимости фигуры Дж. Локка для либерального политического дискурса, стоит подробнее рассмотреть его понимание свободы как автономии.

С известным высокомерием разобравшись в первом трактате о правлении с обоснованием абсолютизма от Р. Филмера, Локк во втором трактате вынужден оппонировать Т. Гоббсу, теоретику абсолютизма, обосновывающему неограниченную власть монарха «не в манере Р. Филмера, как формы правления, соответствующей Божественной воле, но в манере в целом рациональной» [12, с. 184]. Как известно, Гоббс строит свою теорию на идее естественного состояния людей, которое предшествовало их политическому состоянию (возникновению государства). При этом, Т. Гоббс – вероятно, вслед за Фукидидом, переводчиком которого он являлся – описывает естественное состояние как положение, при котором каждый человек оказывается волком для всех других людей (homo homini lupus est), что провоцирует нескончаемую войну всех против всех (bellum omnium contra omnes).

Во имя обеспечения безопасности и порядка индивиды передают свои суверенные права государю, единственно способному установить над всеми людьми непререкаемую силу закона, как, например, библейский Левиафан, будучи самой крупной и могущественной рыбой, обладал способностью запретить другим рыбам поедать друг друга. Таким образом, по Т. Гоббсу, человеческая природа такова, что предоставление индивиду свободы (автономии) неминуемо ведет к высвобождению страстей, провоцирующих кровавую и неостановимую борьбу за ресурсы.

Стремясь подорвать само основание аргументации Т. Гоббса, Дж. Локк также начинает построение своей политической теории с описания естественного (дополитического) состояния человека. Локк признает, что естественное состояние есть «состояние полной свободы», при котором все люди имеют естественное (установленное самой природой) право «распоряжаться своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли» [10, с. 226].

Необходимо также подчеркнуть, что определение свободы в качестве такого состояния, при котором человек действует в отношении своего имущества и самого себя «не испрашивая разрешения у кого-либо и не завися от чьей-либо воли», опять же строится на отождествлении «свободы» и «автономии». Таким образом, Дж. Локк не шел дальше этого определения свободы, очевидно, считая его удовлетворительным и достаточным для своих целей. Важно, что его оппонент, Т. Гоббс, представляя противоположный край политического спектра, придерживается аналогичного понимания свободы, утверждая в «Левиафане», что, «согласно точному определению этого слова», под «свободой» подразумевается «отсутствие внешних препятствий, каковые препятствия могут часто лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы…» [6, с. 117].

Различие между идеями Дж. Локка и Т. Гоббса состоит, таким образом, не в сущностном понимании естественного состояния (оба понимали его как состояние свободы) и даже не в определении самого понятия «свобода» (оба понимают его как

«автономию»), но в том, как именно философы видят конкретные проявления человеческой свободы в «досоциальном» мире. Как было сказано выше, Т. Гоббс убежден, что естественная свобода неминуемо ведет к состоянию войны, поскольку «мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество, во-вторых, недоверие, в-третьих, любовь к славе. Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая – в целях собственной безопасности, а третья – из соображений чести» [6, с. 114].

В противовес автору «Левиафана», Дж. Локк утверждает, что, покуда человек является обладателем разума, он оказывается способен к постижению «закона природы», состоящего в том, что «поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого…» [10, с. 228]. Таким образом, согласно Дж. Локку, естественным состоянием человека как единственного разумного существа является следование моральному закону, не позволяющему желать другому того, чего не желаешь себе самому, поскольку это желание (и действие, следующее из него) нарушает предустановленное равенство всех людей.

Несмотря на выявленные различия, оба философа указывают на необходимость выхода из естественного состояния. В обеих конкурирующих концепциях переход из естественного состояния в социальное обеспечивается посредством «общественного договора», учреждающего государство. Вместе с тем концептуальные различия диктуют не только разное содержание общественного договора, но, как следствие, и разный характер образованного им государства.

По Т. Гоббсу, люди соглашаются на общественный договор, движимые рациональным стремлением к самосохранению. Парадоксально при этом, что Т. Гоббс не отрицает, а, напротив, утверждает существование таких естественных законов, как «справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие и (в общем) поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам» [6, с. 143]. Однако, по мнению философа, «без страха какой-нибудь силы, заставляющей их соблюдать», эти законы «противоречат нашим естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т.п.» [6, с. 143].

Следовательно, содержание общественного договора по Т. Гоббсу состоит в обмене автономии (свободы) индивидов на безопасность. В политической теории Т. Гоббса автономия (свобода) не является безусловной ценностью, поскольку конкретные проявления автономии – пристрастие, гордость и месть, – а конкретное следствие автономии – война всех против всех.

Напротив, для Дж. Локка автономия (свобода) является безусловной ценностью, превосходящей ценность жизни (безопасности), поскольку Локк отказывается признавать жизнь в состоянии рабства подлинно человеческой, утверждая, что «свобода от абсолютной, деспотической власти настолько необходима для сохранения человека и настолько тесно с этим связана, что он не может расстаться с ней, не поплатившись за это своей безопасностью и жизнью» [3, с. 246].

Вместе с тем, естественное право человека наказывать нарушителя «закона природы» по своему усмотрению оказывается слишком обременительным и не гарантирует каждому защиту от посягательств на его автономию. Именно этот фактор становится стимулом для перехода из естественного состояния в состояние политическое. В рамках общественного договора по Дж. Локку происходит отчуждение в пользу государства права вершить правосудие. Вместе с тем, общественный договор возлагает на государство обязанность защищать автономию (свободу) каждого индивида без каких-либо исключений (принцип равенства). Политическое общество, следовательно, возникает там, где каждый из его членов отказывается от власти судить, «передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом» [1, с. 306].

Как следствие, абсолютная монархия оказывается недопустимой формой правления, поскольку, в нарушение принципа равенства, она выводит монарха из-под действия легитимного общественного суда, позволяя монарху безнаказанно посягать на автономию других членов общества. Коротко рассмотрев общественно-политический проект Дж. Локка, мы должны теперь указать на то, что концепция либерального политического устройства неизбежно порождает и концепцию либерального образования. В терминологии Дж. Локка эта концепция может быть представлена в следующей форме: либеральное образование – это такое образование, при котором к его участникам относятся как к субъектам, иначе говоря – индивидуальностям, способным распоряжаться своей личностью «в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли» [1, с. 226].

Приведенная выше цитата из «Второго трактата о правлении» и сегодня может рассматриваться в качестве актуального аргумента в дебатах между сторонниками и противниками персонализированного образования. В этом контексте персонализированная модель образования, очевидно, предстает как один из инструментов более широкой концепции – концепции либерального образования. Именно философская традиция политического либерализма со времен Локка стремит-

ся рационально определить автономию индивида и свободу его выбора в качестве безусловной ценности и принципа построения всех общественных институтов, включая институт общего образования. В этом смысле частный пример самостоятельного выбора школьниками профиля обучения в старших классах апеллирует непосредственно к праву индивида свободно выбирать для себя концепцию блага.

Именно потому, что этот аргумент представляет собой философскую позицию, его невозможно опровергнуть, к примеру, ссылками на результаты стандартизированных экзаменов. На первый взгляд, такое опровержение кажется невозможным, поскольку в рамках либеральной концепции образования автономная рациональная личность (индивидуальность) является условием и основанием любой педагогической практики. Данный подход прямо заявляется Миллем в его фундаментальном для либерального дискурса «Эссе о свободе»: «… свободное развитие индивидуальности есть одно из первостепенных существенных благ … оно есть не только элемент, сопутствующий тому, что обозначается выражениями: цивилизация, образование, воспитание, просвещение, но и само по себе есть необходимая принадлежность и условие всего этого…» [курсив – наш] [13, с. 337].

Философский характер персонализированных моделей образования (и шире – либерального образования) обуславливает и философский характер их современной критики. Эту критику можно разделить на три основных направления, совпадающих с течениями в политической философии, бросающими вызов либерализму. Коротко представим эти направления.

1. Коммунитаристская критика. Как философское течение коммунитаризм приобрел популярность в 80–90-е гг. XX века, бросив вызов доминирующим либеральным представлениям о моральном и онтологическом приоритете индивида над обществом. С точки зрения коммунитаризма, каждый индивид является производным от общества, истории, традиции. По мнению сторонников коммунитаризма, автономная от общества рациональная личность – не более чем интеллектуальная иллюзия. Соответственно, сторонники коммунитаризма критикуют персонализированные модели образования за их радикальный индивидуализм, пренебрежение общественно-коллективным измерением человеческой природы [17].

2. Социальная критика. Критика классического либерализма «слева» зазвучала в трудах теоретиков социалистической мысли фактически сразу после становления либеральной политической философии. В основе этой критики лежит различение «формальных» и «реальных» свобод. Дать человеку выбор еще не значит дать ему свободу, поскольку выбор может совершаться в чрезвычайно ограниченных условиях существования. Так, позволить ребенку из социальных низов самостоятельно выбирать профиль обучения в старшей школе вовсе не значит дать ему возможность стать автором (субъектом) собственной жизни. Социальное положение его семьи радикально ограничит его жизненные возможности в сравнении с ребенком из высших классов. С учетом этого факта, в качестве альтернативы персонализированным моделям образования с 60-х годов XX века развивается так называемая «критическая педагогика», базирующаяся преимущественно на марксистском и неомарксистском наследии.

3. Перфекционистская критика. Либеральное образование, как и либеральная политическая теория, строится на концепции нейтрального государства, противостоящей в современной политической философии концепции перфекционистского государства [19]. Так, в рамках персонализированных моделей образования государство лишается права диктовать школьнику собственную концепцию блага (представления о «правильной жизни»). Вместе с тем, сторонники перфекционистского государства утверждают, что в условиях соблюдения базовых прав и свобод граждан государство может быть эффективным инструментом общественного прогресса. В силу всего сказанного выше, так называемый «свободный» выбор подростков в рамках персонализированных моделей может диктоваться сиюминутной модой, дурным влиянием среды, ленью, популярной культурой. В то время как эффективное государство способно сформировать для учащегося лучшую образовательную траекторию (даже если сам учащийся не осознает ее преимуществ), учитывая множество факторов, включая трансформации рынка труда, социально-экономические приоритеты, достижения современной науки, объективно фиксируемые способности и дефициты ученика.

Таким образом, можно утверждать, что в динамичной и напряженной дискуссии между либеральными концепциями образования и тремя представленными альтернативами рождается сегодня новое понимание приоритетов образовательной политики, как в национальных, так и в глобальных контекстах

Заключение

В результате проведенного исследования можно утверждать, что педагогическая концепция персонализированного образования является частью более широкой концепции либерального образования. В свою очередь, дискурс либерального образования основывается на дискурсе классического политического либерализма. Основными элементами этого дискурса становятся «сквозные» для политической и педагогической сфер понятия: «индивидуальность», «выбор», «автономия», «рациональность», «субъект». В основе либерального образования, как

и либеральной политической теории и практики, лежит определение свободы как права и способности автономного индивида самостоятельно выбирать концепцию блага (образ жизни). Подобное понимание свободы характерно для ключевых фигур либеральной политической философии и находит свое наиболее полное воплощение в текстах Дж. Милля.

Философский характер либерального образования в целом и персонализированных моделей образования в частности делает их нечувствительными к локальной педагогической критике. Вместе с тем, в условиях общего кризиса либеральной политики, либеральное образование и вытекающие из него модели оказываются объектом бескомпромиссной критики со стороны философских альтернатив политическому либерализма. Так, критика персонализированных моделей образования объединяет сегодня сторонников различных версий коммунитаризма, перфекционистского государства, а также «левой» политической мысли.

Литература

1. Анархизм и образование // Сборник работ. М.: Радикальная теория и практика, 2022. 384 с.
2. Арон Р. Эссе о свободах. М.: Праксис. 2005. 208 с.
3. Асмолов А.Г. Избыточная конкретизация. Нельзя превращать стандарт в корсет // Образовательная политика. 2019. № 1. С. 77–78.
4. Асмолов А.Г. Персонализация образования и антропология будущего // Народное образование. 2021. № 3. С. 75–82.
5. Варламова В.А. Индивидуализация и персонализация в современном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68–2. С. 112–127.
6. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.
7. Джабиева М.Х., Ермаков Д.С. Перспективы персонализации отечественного образования // Нижегородское образование. 2023. № 1. С. 102–114.
8. Казакова Е.И., Кучерова С.В. О факторах, влияющих на качество и эффективность применения перосонализированной модели обучения в образовательной практике // Профессиональное образование: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 мая 2024 года. Санкт-Петербург: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина. С. 100–104.
9. Комарова Т.С. Персонализация образования в условиях стандартизации: траектория учителя // Известия ВГПУ. 2020. № 10. С. 44–58.
10. Локк Д. Два трактата о правлении. М.: Социум, 2020. 496 с.
11. Медкова А.К. Индивидуализация и персонализация в обучении: сравнительный анализ // Вестник экспериментального образования. 2022. № 4 (33). С. 23–46.
12. Моска Г. История политических доктрин. М.: Мысль, 2012. 326 с.
13. О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / пер. с англ. А.Н. Неведомского. М.: Наука, 1995. С. 288–392.
14. Писаренко И.А., Костина Л.М., Карпова М.А. Проблема индивидуализации и персонализации образования в научных исследованиях // Гуманитарная парадигма. 2024. № 3 (30). С. 77–84.
15. Савина Н.В. Методологические основы персонализации образования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. № 4. С. 82–98.
16. Сорина Г.В., Меськов В.С. Вперед к Коменскому (глобальный характер проекта Коменского в современных условиях) // Ценности и смыслы. 2012. № 4 (20). С. 63–79.
17. Avineri S., De-Shalit A. Communitarianism and Individualism, Oxford: Clarendon Press, 1992. 202 p.
18. Berlin I. Two Concepts of Liberty // Four Essays on Liberty. London: Oxford University Press, 1969. P. 118–172.
19. Clarke S. State Paternalism, Neutrality and Perfectionism // Journal of Political Philosophy. 2006. Vol. 14. P. 111–121.
20. Crocker L. Positive Liberty, The Hague: Martinus Nijhoff, 1980. 304 p.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF PERSONALIZED MODELS OF GENERAL EDUCATION

Tylik A.Yu.
Regional Institute for the Development of Education

The article is devoted to the philosophical comprehension of models of personalized education and their theoretical foundations. The author focuses on the key role of the concepts of autonomy, freedom, choice and rationality, which act as cross-cutting categories in both pedagogical (personalized models of education) and political (political liberalism) discourses. The research goal is to systematize individualized educational models in the works of the founders of classical political liberalism.

The following tasks were solved in the study: analysis of theories of personality development in order to determine their applicability to the design of educational systems; study of the philosophical prerequisites that determine the need for personalization of education; identification of key characteristics of personalized educational models from the point of view of their philosophical consistency.

The research methodology is based on the formal-logical and historiographical analysis of philosophical, pedagogical and psychological literature, as well as the methods of systematization, classification, comparative analysis and generalization.

The results allow to conclude that models of personalized education can be considered from the standpoint of communitarianism, social liberalism and perfectionism. The discourse that legitimizes personalized education models is based on classical political liberalism.

Keywords: personalized education, liberal education, philosophy of education, educational policy, autonomy.

References

1. Anarkhizm i obrazovaniye // Sbornik nauchnykh trudov. M.: Radikal'naya teoriya i praktika, 2022. 384 p.
2. Aron R. Esse o svobodakh. M.: Praxis. 2005. 208 p.
3. Asmolov A.G. Izlishnyaya detalizatsiya. Standart ne prevratit' v korset // Obrazovatel'naya politika. 2019. № 1. P. 77–78.
4. Asmolov A.G. Personalizatsiya obrazovaniya i antropologiya budushchego // Narodnoye obrazovaniye. 2021. № 3. P. 75–82.
5. Varlamova V.A. Individualizatsiya i personalizatsiya v sovremennom obrazovanii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. № 68–2. P. 112–127.
6. Gobbs T. Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' tserkovnogo i grazhdanskogo gosudarstva. M.: Sotsekgiz, 1936. 503 p.
7. Dzhabiyeva M.KH., Yermakov D.S. Perspektivy personalizatsii otechestvennogo obrazovaniya // Nizhegorodskoye obrazovaniye. 2023. № 1. P. 102–114.
8. Kazakova Ye.I., Kucherova S.V. O faktorakh, vliyayushchikh na kachestvo i effektivnost' primeneniya modeli personalizirovannogo obucheniya v obrazovatel'noy praktike // Professional'noye obrazovaniye: problemy i perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 29 maya 2024 g. SPb.: Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. P. 100–104.
9. Komarova T.S. Personalizatsiya obrazovaniya v kontekste standartizatsii: trayektoriya uchitelya // Izvestiya VGPU. 2020. № 10. P. 44–58.
10. Lokk D. Dva traktata o gosudarstvennom upravlenii. M.: Sotsium, 2020. 496 p.
11. Medkova A.K. Individualizatsiya i personalizatsiya v obuchenii: sravnitel'nyy analiz // Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya. 2022. № 4 (33). P. 23–46.
12. Moska G. Istoriya politicheskikh ucheniy. M.: Mysl, 2012. 326 p.
13. O svobode. Antologiya zapadnoyevropeyskoy klassicheskoy liberal'noy mysli / per. s angl. A.N. Nevedomskogo. M.: Nauka, 1995. P. 288–392.
14. Pisarenko I.A., Kostina L.M., Karpova M.A. Problema individualizatsii i personalizatsii obrazovaniya v nauchnykh issledovaniyakh // Gumanitarnaya paradigma. 2024. № 3 (30). P. 77–84.
15. Savina N.V. Metodologicheskiye osnovaniya personalizatsii obrazovaniya // Nauki o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya. 2020. № 4. P. 82–98.
16. Sorina G.V., Mes'kov V.S. Vperod k Komenskomu (global'nost' proyekta Komenskogo v sovremennykh usloviyakh) // Tsennosti i smysly. 2012. № 4 (20). P. 63–79.
17. Avineri S., De-Shalit A. Communitarianism and Individualism, Oxford: Clarendon Press, 1992. 202 p.
18. Berlin I. Two Concepts of Liberty // Four Essays on Liberty. London: Oxford University Press, 1969. P. 118–172.
19. Clarke S. State Paternalism, Neutrality and Perfectionism // Journal of Political Philosophy. 2006. Vol. 14. P. 111–121.
20. Crocker L. Positive Liberty, The Hague: Martinus Nijhoff, 1980. 304 p.

Система оценки персонала в организации как компонент корпоративной культуры

Волкова Лариса Витальевна,
кандидат социологических наук; доцент кафедры философии и социально-политических технологий ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина»
E-mail: volkovasocio@mail.ru

Свиридов Игорь Александрович,
аспирант кафедры философии и социально-политических технологий ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина»
E-mail: sviridov.2000@bk.ru

В статье анализируется система оценки персонала как составная часть корпоративной культуры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности управления человеческими ресурсами в условиях дефицита квалифицированных кадров. На основе анализа зарубежных и отечественных исследований рассматриваются качественные, количественные и комбинированные методы оценки сотрудников, а также их влияние на формирование организационной среды. Показано, что прозрачная и объективная система оценки повышает мотивацию, снижает текучесть кадров, формирует доверие и поддерживает корпоративные ценности. Отмечено, что в российских организациях система оценки персонала нередко сталкивается с проблемами наследия административно-командного управления и недостатком инструментов нематериального стимулирования. В заключение делается вывод о том, что система оценки персонала должна выступать не только инструментом контроля, но и важным фактором развития корпоративной культуры и человеческого капитала.

Ключевые слова: корпоративная культура, система оценки персонала, управление персоналом, мотивация, кадровая политика, профессиональное развитие, компетенции.

Введение

В настоящее время внутри коллективов различных компаний, занимающихся производством товаров и услуг, существует целый ряд проблем связанных с дефицитом квалифицированных кадров. Такая ситуация обусловлена целым рядом причин, среди которых следует отметить следующие.

1. Недостаток профильного образования у сотрудников, занимающих высокие должности. Часто оказывается, что люди, которые занимают ключевые позиции, не имеют необходимой подготовки и знаний, что сказывается на их способности принимать обоснованные решения и управлять процессами.

2. Низкая эффективность программ привлечения студентов старших курсов. Большинство компаний не стремятся привлечь к себе на работу молодых специалистов на ранней стадии, например, во время их обучения на старших курсах в университете. Это приводит к тому, что создается дисбаланс между потребностями рынка труда, способностями молодых специалистов и программами обучения в университетах.

3. Низкий уровень доверия к молодым специалистам и младшим сотрудникам, особенно в сложных и ответственных задачах. Более опытные и возрастные руководители сомневаются в способностях молодых коллег, а также не поддерживают их прогресс, что приводит к тому, что у новоприбывшие работников со временем снижается мотивация.

Для выхода из сложившейся ситуации необходим комплексный подход, который сможет выявить основные причины и способы решения изложенных проблем. Одним из таких подходов может стать корпоративная культура как инструмент работы с персоналом. Именно поэтому данная тема является актуальной в настоящее время.

Результаты и обсуждение

Понятие корпоративной культуры появляется в научной литературе в 1980-х годах. Этот термин (в англоязычной литературе он определяется как «организационная культура») одним из первых ввел Э. Шейн. В своих работах он описывал организационную культуру как совокупность убеждений, традиций, норм поведения и ценностей, присущих определенной организации. Он подчеркивал, что именно

корпоративная культура занимает определяющее положение в управлении предприятием или организацией. Шейн оценивал ее влияние на способность организации адаптироваться к изменениям условий и возможности достигать поставленных целей [1]. В рамках этого подхода Ф. Тромпенаарс показал влияние национальных культурных особенностей на развитие организационных моделей [2]. Эти исследования заложили основу для понимания того, что корпоративная культура неразрывно связана с механизмами оценки, поощрения и контроля.

Попытаемся сформулировать основные проблемы, возникающие сегодня в сфере корпоративной культуры и ее роли в повышении эффективности работы персонала, на основе анализа отечественных и иностранных исследований независимых авторов и компаний, которые предоставляют результаты своих исследований в открытый доступ.

В исследовании консалтинговой компании Deloitte за 2025 год [3] приводится изучение поведения, образования и мотивации молодого поколения сотрудников (1995–2006 годов рождения). Были опрошены более 23 тысяч человек из 44 стран мира. Всем им задавали вопросы об их целях трудовой деятельности, основной мотивации, образовании, влиянии коллектива, технологиях, стрессе и пр. В результате авторам удалось выяснить следующее.

1. Для молодого поколения сотрудников баланс между работой и личной жизнью более важен, чем карьерный рост, при этом они не лишены амбиций.

2. Среди ключевых причин вести трудовую деятельность чаще всего выделяли необходимость обеспечивать личные потребности, возможности дальнейшего обучения и профессионального развития.

3. Примерно одна треть из опрошенных не считает наличие высшего образования необходимым фактором для построения карьеры в современном мире из-за высокой цены на него в своих странах.

4. Больше половины молодых людей используют искусственный интеллект (ИИ) для облегчения работы с простыми и рутинными задачами, при этом многие из тех, кто занимает невысокие должности, опасаются, что могут быть заменены ИИ в ближайшем будущем.

5. Примерно 20% из опрошенных планируют в ближайшие два года сменить место работы и связывают это с тем, что ищут баланс работы и личной жизни, достаточный уровень оплаты труда и смысл жизни.

6. Около половины респондентов желают выполнять социально значимую работу.

7. Чуть больше половины молодых людей считают, что атмосфера в их трудовом коллективе является здоровой, остальные отмечают наличие искусственных условий, создающих повышенный стресс и токсичное окружение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодое поколение сталкивается как с давно устоявшимися проблемами внутри профессиональных коллективов, так и с новыми, которые вызваны развитием информационных технологий.

В отечественной научной литературе вопросам развития корпоративной культуры посвящён ряд исследований. Так, Персикова Т.Н. в своем исследовании [4] определила ряд проблем, которые в той или иной степени создают сопротивление созданию в России прочной корпоративной культуры.

1. Сложившаяся при социализме система продвижения сотрудников на основе так называемой «выслуги лет». Это привело к тому, что многие руководящие должности занимают люди преклонного возраста. Такое положение дел с одной стороны обусловлено большим профессиональным опытом таких сотрудников, с другой мешает современному взгляду на новые вызовы, возникающие в процессе трудовой деятельности.

2. Автор исследования также выделяет нежелание рядовых сотрудников выделяться и проявлять инициативу, что в свою очередь тоже в некоторой степени является наследием социалистической культуры.

3. Отсутствие у сотрудников системы нематериальных поощрений, с помощью которых можно было бы мотивировать их к профессиональному росту и повышению производительности труда. К таким системам постепенно приходят западные работодатели, но в отечественной практике такого пока не обнаружено.

4. Наличие очень размытых границ обязанностей между сотрудниками, что часто приводит к тому, что некому взять на себя ответственность за те или иные процессы.

Таким образом, современная корпоративная культура России, как и любой другой страны, имеет свои особенности, обусловленные культурным наследием, социальными кризисами, наступающей сменой поколений, где наибольшее поле для изучения, по мнению автора, представляет собой то, что будет определять корпоративную культуру в будущем.

Журавлева А.А. и др., в своем исследовании анализировали значение корпоративной культуры как ключевого инструмента для удержания ИТ-специалистов с акцентом на основные элементы эффективных культурных стратегий [5]. В рамках исследования авторы провели опрос среди ИТ-специалистов, результаты которого должны были определить важность корпоративной культуры для повышения удовлетворенности и вовлеченности работников. На основе результатов проведенного опроса были сделаны следующие выводы.

1. Большинство опрошенных отметили, что считают необходимым проведение совместных

культурных и развлекательных мероприятий и считают, что это помогает сплочению коллектива.

2. Многие из ИТ-специалистов с сомнением смотрят на свое участие в мероприятиях, связанных с их профессиональной деятельностью. К ним относятся различные тематические выставки и конференции. Многие из них не считают это необходимым.

3. Большинство респондентов отмечают в качестве одного из основных факторов своей удовлетворенности возможность профессионального развития. Инвестиции в обучение и развитие сотрудников не только повышают их квалификацию, но и способствуют росту мотивации и удовлетворенности, что, в свою очередь, снижает риск текучести кадров.

4. Многие опрошенные специалисты указывают на необходимость в более опытном наставнике на раннем этапе работы. Они считают, что это позитивно влияет на профессиональный рост новых сотрудников.

5. Респонденты также отмечают значимость инноваций и креативности, что подчеркивает необходимость создания среды, способствующей внедрению новых технологий, а это является ключевым фактором успеха на рынке высокотехнологичных отраслей.

Таким образом, авторы отмечают, что для создания эффективной корпоративной культуры в ИТ-индустрии необходимо акцентировать внимание на профессиональном развитии, гибких подходах, внедрении инноваций и заботе о команде. Это, в свою очередь, приведет к созданию стабильного коллектива и продуктивной атмосферы.

Интерес представляет также исследование Бортника Я.Е., который изучал проблемы управления персоналом в инженерно-строительной отрасли [6]. Автор провел комплексное исследование, которое включало в себя анализ документов, опросы, а также наблюдения за деятельностью компании и сотрудников. В результате автор выделил ряд проблем.

1. На основе опроса об удовлетворенности сотрудниками своей заработной платой и наблюдениях автор отмечает, что несоответствие ожиданий и реальности часто приводит к тому, что сотрудники начинают пренебрегать своими должностными обязанностями, что с свою очередь сказывается на качестве проектов.

2. Еще одной проблемой автор указывает невозможность многих строительных компаний предоставить своим сотрудникам курсы повышения квалификации. Это может привести к устареванию знаний, технологическому отставанию, а, следовательно, к снижению качества работы.

3. Наличие неэффективного распределения рабочей нагрузки, а также недостаточный уровень управления проектами и сроками выполнения работ. Эта проблема заключается в том, что заказы поступают неравномерно по времени, а это, в свою очередь, приводит к тому, что периоды простоя сменяются периодами перегруза проектами.

Таким образом, автор видит решение представленных проблем в работе с персоналом, управлении проектами, использовании комплексного подхода к развитию сотрудников и улучшению корпоративной культуры.

Два других автора Искаков М.Р. и Вафина К.Р. провели исследование [7], целью которого было определение влияния корпоративной культуры на развитие личностных качеств сотрудников, а также разработке рекомендаций для повышения эффективности управления человеческими ресурсами в организации. Авторы отмечают три ключевых аспекта развития сотрудников: цифровые обучающие платформы, программы наставничества и развитие практических навыков. Для достижения этих целей предлагается использовать известные обучающие платформы Coursera и SAP Litmos, вводить программы наставничества и различные тестирования для оценки компетенций сотрудников.

Наконец, обратимся к работе Дмитриевой С.В., целью которой было изучение факторов, влияющих на баланс гибкости занятости, то есть адаптивность условий труда, и корпоративной принадлежности, то есть отождествлении сотрудников себя с компанией, а также определение причин, которые повышают и понижают текучесть кадров. [8]. Автор провела анализ 50 крупных компаний, которые в недавнем прошлом провели реорганизацию. Сравнительный анализ показал, что компании, ориентированные на стратегические и инновационные подходы, демонстрируют более низкий уровень текучести кадров и высокую производительность. В результате исследования был сделан вывод о том, что текучесть кадров является свидетельством о лояльности сотрудников компании.

Среди представленных исследований можно найти несколько общих факторов корпоративной культуры, которые отмечаются чаще всего и требуют наибольшего изучения.

1. Молодые сотрудники при выборе места работы чаще обращают внимание на возможность соблюдения баланса между работой и личной жизнью.

2. Многие работники разных компаний из разных отраслей отмечают, что для них ключевую роль играет позитивная атмосфера в трудовом коллективе.

3. Большинство указывает, что возможность профессионального развития является одной из ключевых при выборе места работы.

4. Также для молодых и новоприбывших сотрудников является важным наличие наставника, по крайней мере, на раннем этапе работы.

При этом среди приведенных исследований есть несколько неуказанных общеизвестных проблем в отечественной корпоративной культуре.

1. Неясные критерии карьерного роста. Сотрудники зачастую не имеют никаких критериев, при выполнении которых они получат повышение или останутся без продвижения. Это приводит к демотивации сотрудников, высокой текучести кадров и снижению продуктивности.

2. Наличие у многих компаний целых систем крупных штрафов за проступки. Таким образом, создается целая культура наказаний, ошибки караются штрафами и выговорами, а не разбираются для предотвращения в будущем.

3. Наличие разрыва между поколениями. Старшее поколение ценит стабильность и жесткую иерархию, так как им так привычнее, а молодое поколение ценит гибкость, быстрый рост и осмысленную работу.

Существует множество факторов, определяющих эффективность и качество работы сотрудников. Среди них выделяют: талант, квалификацию и работоспособность. Именно эти качества сотрудников оказывают непосредственное влияние на конкурентоспособность той или иной компании на рынке. Для оценки этих параметров используются различные методы.

Выбор конкретного метода для оценки соответствия работника занимаемой должности и возможности назначения ему более сложных или квалифицированных задач зависит от множества факторов. Каждая компания самостоятельно определяет подход к этой задаче, основываясь на текущей управленческой ситуации.

В общем случае существует всего два основных критерия, по которым можно оценить сотрудников компании: по компетенциям и по результативности. В первом случае производят анализ профессиональных знаний, навыков, личностных черт работника. Во втором случае производят сопоставление результативности работника с заданным уровнем требований к занимаемой им должности.

Также необходимо, чтобы используемые методы оценки персона и исследования кадровой ситуации соответствовали следующим принципам.

1. Объективность. Избранные критерии оценки должны быть измеряемыми и проверяемыми, не должно быть предвзятости.

2. Конфиденциальность. Любая информационная утечка может негативно сказаться на имидже компании и атмосфере в трудовом коллективе.

3. Систематичность. Технологии и методы оценки должны использоваться на регулярной основе.

4. Прозрачность. У всех участников исследования должно быть понимание того, что и как исследуется.

5. Наличие обратной связи. Сотрудники должны иметь возможность узнать о своих достоинствах и недостатках.

Всего существует три группы методов исследования качества работы персонала: качественные, количественные и комбинированные методы. Рассмотрим каждую группу более подробно.

В основе качественных методов лежат анализ и описание как основные способы оценки работы кадров. В данном случае важен описательный результат исследования. К этим методом относятся следующие.

1. Оценка выполнения задач – исследователю необходимо беспристрастно задать себе вопрос: справляется ли выбранный сотрудник (или группа) с поставленными задачами, все ли у него в порядке.

2. Матричный метод – выбирается характеристика конкретного сотрудника и сравнивается с идеальной моделью работника на данной должности.

3. Метод системы произвольных характеристик – выделяются наиболее заметные достижения и неудачи сотрудника, чтобы составить общее представление о его работе.

4. Метод 360° – проводится оценка сотрудника с разных сторон, для этого привлекаются другие сотрудники разных должностей и положения по карьерной лестнице.

5. Групповая дискуссия – создается экспертная комиссия, которая оценивает работы сотрудника или группы.

В основе количественных методов лежит численное определение выбранных характеристик сотрудников на соответствие требуемым критериям. К этим методам относят следующие.

1. Метод свободной балльной оценки – экспертная группа оценивает различные качества сотрудника из группы, а затем суммирует начисленные баллы и определяет итоговый рейтинг.

2. Ранговый метод – происходит ранжирование сотрудников компании по качеству и эффективности работы, выполненной в течение определенного периода времени.

3. Метод балльной оценки – эксперты выставляют каждому сотруднику баллы за профессиональные успехи и оценивают результаты его деятельности в течение определенного периода времени.

При использовании нескольких методов как из первой, так и из второй группы появляются комбинированные методы. Такие методы предоставляют наиболее достоверную информацию о результатах исследования [9]. Среди этих методов можно выделим основные.

1. Метод суммы оценок – это такой метод, при котором каждая отдельно выбранная характеристика сотрудника оценивается численно, а затем итоговый результат из нескольких оценок сравнивается с некоторой идеальной моделью сотрудника.

2. Метод группировки – в данном методе численная оценка может происходить любым способом, а после нее происходит группировка сотрудников по группам в соответствии с полученными оценками.

3. Аттестация – это периодическое проведение экзаменов для персонала, благодаря которым можно комплексно оценить компетенции и квалификацию работников, результаты труда, уровень коммуникативных способностей и др.

4. Ассесмент – при использовании данного метода проводится многократное комплексное тестирование одних и тех же навыков и способностей сотрудников в течение длительного периода времени (обычно более 9 месяцев), чтобы оценить динамику прогресса или регресса.

5. Деловые игры – имитация реальных рабочих ситуаций для того, чтобы оценить и обучить сотрудника.

6. KPI и другие методы оценки.

После завершения исследования об эффективности работы персонала компании крайне важно правильно представить полученные результаты. Это не только обеспечивает ясность и доступность информации, но и способствует анализу выявленных проблем.

Выводы

Система оценки персонала является важным компонентом корпоративной культуры и оказывает прямое влияние на мотивацию, удержание кадров и развитие человеческого капитала. Она выполняет не только функцию контроля, но и способствует формированию позитивной атмосферы в коллективе, повышению доверия и адаптации сотрудников к изменениям.

Для российских организаций ключевыми задачами остаются преодоление наследия административно-командного подхода, внедрение нематериальных стимулов и развитие программ наставничества. Успешная интеграция системы оценки в корпоративную культуру позволит компаниям повысить конкурентоспособность, снизить текучесть кадров и обеспечить устойчивое развитие в условиях социально-экономических изменений.

Литература

1. Organizational Culture and Leadership (5-е издание). – Wiley, 2017. ISBN-13: 978–1119212041
2. Managing Change Across Corporate Cultures / Fons Trompenaars & Peter Prud'homme. – Capstone, 2005. ISBN-13: 978–1841125787
3. Deloitte. Global Gen Z and Millennial Survey [Электронный ресурс]. – URL: https://www.deloitte.com (дата обращения: 31.05.2025).
4. Персикова Т.Н. Феномен корпоративной культуры в современной России (сопоставительный анализ корпоративных культур в российских и иностранных организациях): автореф. дис. … канд. культурологии. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. – 21 с.
5. Журавлева А. А., Логинова А.А., Макеева А.А., Митрофанова А.Е. Корпоративная культура в ИТ-компаниях как метод удержания персонала // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – № 1. – С. 80–86.
6. Бортник Я.Е. Управление персоналом в строительной отрасли // Вектор экономики. – 2024. – № 3. – С. 1–10.
7. Искаков М. Р., Вафина К.Р. Роль корпоративного управления в развитии лидерских качеств у сотрудников и формировании кадрового резерва // Вектор экономики. – 2024. – № 12. – С. 11–20.
8. Дмитриева С.В. Баланс между гибкостью занятости и сохранением корпоративной принадлежности в процессе реорганизации компаний // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 14. – С. 426–435.
9. Махмудова И.Н. Оценка персонала. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2024. – 80 с.

THE PERSONNEL ASSESSMENT SYSTEM IN AN ORGANIZATION AS A COMPONENT OF CORPORATE CULTURE

Volkova L.V., Sviridov I.A.

National University of Oil and Gas «Gubkin University»

The article analyzes the personnel assessment system as an integral part of the corporate culture. The relevance of the research is determined by the need to improve the efficiency of human resource management in conditions of a shortage of qualified personnel. Based on the analysis of foreign and domestic research, qualitative, quantitative and combined methods of employee assessment are considered, as well as their impact on the formation of the organizational environment. It is shown that a transparent and objective assessment system increases motivation, reduces staff turnover, builds trust and supports corporate values. It is noted that in Russian organizations, the personnel assessment system often faces problems with the legacy of administrative and command management and a lack of tools for non-financial incentives. In conclusion, it is concluded that the personnel assessment system should act not only as a control tool, but also as an important factor in the development of corporate culture and human capital.

Keywords: corporate culture, personnel assessment system, personnel management, motivation, personnel policy, professional development, competencies.

References

1. Organizational Culture and Leadership (5th edition). – Wiley, 2017. ISBN-13: 978–1119212041
2. Managing Change Across Corporate Cultures / Fons Trompenaars & Peter Prud'homme. – Capstone, 2005. ISBN-13: 978–1841125787
3. Deloitte. Global Gen Z and Millennial Survey [Electronic resource]. – URL: https://www.deloitte.com (date of request: 05/31/2025).
4. Persikova T.N. The phenomenon of corporate culture in modern Russia (comparative analysis of corporate cultures in Russian and foreign organizations): abstract of the dissertation … kand.

Cultural studies. – M.: Lomonosov Moscow State University, 2007. – 21 p.
5. Zhuravleva A. A., Loginova A.A., Makeeva A.A., Mitrofanova A.E. Corporate culture in IT companies as a method of personnel retention // Personnel and intellectual resources management in Russia. – 2025. – № 1. – pp. 80–86.
6. Bortnik Ya.E. Personnel management in the construction industry // Vector of Economics. – 2024. – № 3. – pp. 1–10.
7. Iskakov M. R., Vafina K.R. The role of corporate governance in the development of leadership qualities among employees and the formation of a personnel reserve // Vector of Economics. – 2024. – № 12. – pp. 11–20.
8. Dmitrieva S.V. The balance between flexibility of employment and preservation of corporate affiliation in the process of company reorganization // Economics: yesterday, today, tomorrow. – 2024. – № 14. – pp. 426–435.
9. Makhmudova I.N. Personnel assessment. – Samara: Publishing House of Samara University, 2024. – 80 p.

Ключевые этапы институционализации английской эстетической мысли в британской философской теории (XVII–XX вв.)

Кельсиев Василий Леонидович,
аспирант РГПУ имени Герцена
E-mail: bkelsiev@gmail.com

В статье рассмотрена эволюция развития эстетической мысли в философии Англии, начиная с Нового времени и заканчивая постмодернистским обществом. Предметом исследования стали концепции выдающихся философов, писателей, искусствоведов, эстетов, таких как: Э. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, Д. Юм, Т. Рид, Д. Аддисон, Е. Берк, А. Джерард, А. Элисон, Д. Рескин, У. Моррис, У. Пейтер, О. Уайльд, Р. Коллингвуд, К. Белл, Р. Фрай, Э. Буллоу, Ф. Сибли, Р. Волльхайм, Л. Витгенштейн. Это позволило проследить трансформацию их взглядов и понятийного аппарата, формирование теоретический воззрений на основные категории «красивое», «возвышенное», «воображение», «чувственный» и др. Использовались логический и феноменологический методы, а также историзма, диалектики, объективности и системности. Результатами исследования стало четкое разделение по временным отрезкам процесса становления и движения эстетической мысли на протяжении четырех столетий. На первом этапе (17–18 вв.) определены три основных направления, ставших впоследствии теориями чувства, воображения и ассоциаций. Рассмотрен английский Ренессанс как социокультурное явление феноменального характера со своими ценностями. Определено, что на втором этапе (19 в.) предметом эстетики становится «измерение человеческого существования», появляется понятие «эстетический стиль», начинается творческий процесс проникновения искусства в философию и наоборот. Его особенностью стало появление братства – прерафаэлитизм (У. Хант, Д. Россетти, Э. Миллс), выступавшего против засилья викторианской идеологии в искусстве. Выявлены основные черты национальной эстетической традиции сформировавшейся в это время. На третьем этапе (20 в.) дана характеристика и проанализированы такие течения как: экспрессия, формализм, антиэссенциализм и натурализация эстетики. Обосновано возникновение интереса к онтологии искусства. В заключении не только систематизированы особенности каждого из рассматриваемых периодов, но и подчеркнута актуальность изучения эстетики и философии, позволяющей развивать критическое мышление в университетах.

Ключевые слова: эстетика, романтизм, феномен, прерафаэлитизм, искусство, викторианская эпоха, движение, философский анализ.

Для понимания основных тенденций и особенностей в развитии английской эстетической мысли важно проследить появление основных категорий, формирование концепций и теорий.

На ее становление в XVII веке оказывали влияние как континентальный факторы развития философской теории, так и национальные традиции искусства и литературы страны. Именно в этот период эстетика заняла лидирующие позиции в философской науке, пополнилась понятиями «возвышенное», «вкус», «гармония», «прекрасное», «воображение».

Одним из первостепенных для философов этого периода становится вопрос – является ли вкус когнитивной способностью человека аналогично его разуму или вкус – это телесные чувства? Отвечая на этот вопрос, английские эстеты разделились на три направления, нашедшие свое отражение в теориях:

– *внутреннего чувства* (Шефтсбери, Хатчесон, Юм и Рид.);
– *воображения* (Аддисон и Берк);
– *ассоциаций* (Джерард, Элисон).

Представители первого направления в лице Шефтсбери развивали теорию вкуса, введя понятия сенсорного наслаждения и трех видов/форм красоты, которая не просто относительна к природе человека, но абсолютна и реальна. Их основной постулат заключался в наслаждении изначальной красотой, источником которой является божественный разум. Хатчесон развивает далее эти взгляды, связывая воедино чувственность и удовольствие. Философ делит красоту на две категории: изначальную и абсолютную, понимая под ней творения природы, искусственные формы, фигуры и теоремы.

Он восстанавливает приоритет интеллектуального над материальным как объекта красоты и его справедливо относят к эстетическому реализму.

Следовательно, эстетический реализм Шефстсбери базируется на красоте божественного разума, а Хатчесон становится сторонником версии идеализма и релятивизма и понимает идею красоты как предмет вторичного качества.

Юм сравнивает красоту тела и души, первая – недолговечна, тщетна, хрупка, эфемерна, а красота души – бессмертна. Философ выдвигает идею субъективности красоты: «Красота существует только в уме, который их созерцает; и каждый ум воспринимает красоту по-своему» [20]. Его эсте-

тика эмпирична, поскольку «основана на опыте и чувствах» [22].

Продолжателем концепции внутреннего смысла Хатчесона стал Томас Рид. Для него понятие красоты тесно связано со здравым смыслом. Суждения человека, касаемые оценки объекта, он разделяет на инстинктивные и рациональные [21, с. 787]. Для придания красоте материальных объектов они должны изначально возникнуть в уме. Отсюда, совершенства, присущие материальным объектам, есть следствие красоты разума.

Теория воображения Джозефа Аддисона стали полной противоположностью взглядам Шефтсбери. Главная идея Аддисона связана с тем, что получение удовольствия от вкуса – это наше воображение, с помощью которого возникает «способность репрезентации: оно представляет вещи в образах; это способность визуального представления» [15, с. 411]. Аддисон считал, что красота существует лишь в уме человека. Удовольствие, получаемое от воображения, может возникнуть:

– на основании образа объекта, который мы видим (первичное);
– на основании отсутствующего в нашем поле зрения объекта, но присутствующего в нашем уме (вторичное).

Эдмунд Берк расширяет постулаты Аддисона, что удовольствия от вкуса – это положительные ощущения, возникшие от его визуального представления, и одновременно их ссужает, определяя различие между «первичными удовольствиями чувств и вторичными удовольствиями воображения» [18, с. 22]. Теория Берка более материалистична, чем теория Аддисона, но и дуалистична.

Основатель теории ассоциаций Джерард противопоставляет воображение смыслу, также как Аддисон и Берк, но в отличие от них он считает воображение и память противоположностями. Это дало ему возможность объединить чувства и память как своего рода общие репрезентативные способности.

Второй представитель Арчибальд Элисон называет ассоциацию центральной ментальной операцией. Доктрина о том, что красота материи проистекает из красоты разума, является новой и Элисон подчеркивает значимую роль в ней Рида: «материя прекрасна не сама по себе, а черпает свою красоту из выражения разума» [16, с. 418].

XIX век вошел в историю страны как «викторианская эпоха», которая утверждала «национальную идентичность, «английскость» жителей империи» [12, с. 367] и опиралась на исторические традиции страны. На фоне этой господствующей идеологии появляется такое эстетическое явление как «английский Ренессанс» со своими культурно-эстетическими ценностями.

Представители эстетической мысли предлагали вернуться к шекспировскому времени, выступали против внешних целей искусства, видя в них «развлечение и моральное назидание» [4].

Д. Рескин и У. Моррис подвергали критике ценности капитализма, направленные на преобладание материальных интересов над духовными, стремление из всего извлечь выгоду, коммерционализацию искусства.

Д. Рескин проповедовал идеи христианского социализма, тесно связывал искусство с моралью и этическим состоянием нации: «ради любви к искусству и ближнему должен работать художник» [9, с. 187]. Ему удалось определить взаимозависимость реализма и символизма и связать сакраментализм с практикой искусства.

По его мнению, воображение является высшей интеллектуальной силой человека, способностью воспринимать и передавать трансцендентный смысл, заложенный в природных и исторических фактах.

Одним из значимых событий в становлении национальной эстетической традиции становится прерафаэлитизм, пришедший на смену романтизму. В 1848 году, объединившись в братство, молодые художники, среди которых У. Хант, Д. Россетти, Э. Миллс подняли свой голос против засилья викторианской идеологии в искусстве. Это проявилось в синтезе искусств и сочетании романтики с научностью и натурализмом.

Они бросили вызов догматизму викторианства, противопоставив ему: «стремление к духовности, свободное исполнение замысла, верность правде, богатство воображения, композиционное разнообразие» [14, с. 146].

Так к средине XIX века в Англии сложилась национальная эстетическая традиция, опирающаяся на особенности характера жителей острова и присущие им черты:

– законопослушность;
– терпимость;
– практицизм;
– патриотизм;
– чувство превосходства (снобизм).

В середине XIX в. происходит плавный переход от прерафаэлитизма к эстетизму.

Предметом эстетики становится измерение человеческого существования на основе опыта и принципов. Развивавшаяся долгое время эстетика как «философия прекрасного», обретает свои собственные категории, уточняет эстетическое видение мира, по-новому подходит к самому понятию искусство, его идеалов и ценностей, определяя механизм связи между эстетическим восприятием мира и уровнем культурного развития цивилизации.

Философ У. Моррис выступил последователем Рескина, постоянно подчеркивая, что в его «словах эхом отдаются его идеи» [6, с. 107]. Критикуя коммерческую жилку искусства, он резко выступает против массовой штамповки предме-

тов декоративно-прикладного искусства, особое внимание уделяет личности художника. У. Моррис смог соединить культурный миф эстетизма с практикой по изменению мира с помощью прикладного искусства.

Другой ученик Рескина – Пейтер, продолжая традиции своего учителя, провозглашает отход от созерцательного любования искусством к его активному восприятию. Каждое произведение следует трактовать, исходя из позиций духовности и эстетизма.

Благодаря искусству происходит процесс формирования индивида, у него будет развиваться данный от природы дар восприятия красоты, что будет помогать его самоусовершенствованию.

Можно сказать, что в его философских взглядах отразилась платоновская концепция «искусства для искусства», его роль в обществе была им же и возвышена, что свидетельствует о переходе в развитии эстетизма на новую ступень.

В это период формируются эстетические теории, одна из них – У. Пейтера основывалась на созерцании как творческом акте и прекрасном как эстетической категории; в основу эстетической критики полагало собственное восприятие; оценивала влияние различных направлений искусства друг на друга, понимая под ним живое явление, обладающее способностью к смысловой трансформации.

Художники и писатели эстетического стиля, в противовес викторианству, видели основное назначение искусства в доставлении чувственного удовольствия, они были зациклены на культе красоты и пытались доказать несовершенство природы по сравнению с искусством.

Основатели эстетического движения провозгласили принцип «искусство ради искусства», а стиль и природную красоту они ставили выше этических и социальных проблем.

Их лидер Уайльд основополагающим в творчестве художника считал индивидуальное начало, которое позволяет создать такое произведение, в котором зритель чувствует «уникальное воплощение уникального склада личности» [11, с. 234].

Философ в своих произведениях пытается донести до читателей эстетику утонченности, как оду из составляющих прекрасного, а также разрешить извечный конфликт «этика-эстетика», который характерен для современности» [7, с. 263]. По мнению А.А. Федорова для Уайльда эстетизм – это не только программа творческого развития личности, но и «комплекс идей о преобразовании и усовершенствовании жизни и человека посредством искусства и культуры» [12, с. 369].

Оскар Уайльд и Уолтер Пейтер, следующие в фарватере этого движения, призывали отказаться от социальных и моральных ограничений и возвысить искусство в качестве главной формы самовыражения человека.

Они провозгласили главным жанром искусства художественную критику, видя ее основную роль в обращении искусства в философию и наоборот. В их новом эстетическом подходе – самоценность личности как творца, независимость его творчества как носителя культуры на основе его внутренних чувств.

В основе эстетической концепции мира и человека английской философской мысли XIX века находились такие качества как универсальность и самоутверждение, преобразование окружающей среды и

познание человека на основе культуры, духовности и эстетики. В свою очередь, под познанием следует понимать «саморазвертывание духа в истории и культуре» [1, с. 77].

Эстетическое движение в Британской империи в XIX века исследователи называют революционным культурным феноменом, обладающим многогранностью и многозначностью и бросившим вызов общепринятым нормам и принявшим идею «искусства ради искусства».

Эстетизм Д. Рескина и О. Уайльда, вместе с импрессионизмом У. Пейтера и многогранностью прикладного творчества У. Морриса дополняли и обогащали друг друга, сложившись в уникальный культурный комплекс «английского Ренессанса», в котором «искусство признавалось самой достойной и высшей сферой человеческой деятельности» [3, с. 177].

XX век начался с доминирования в искусстве модернистского авангарда, предпосылки появления которого, появились еще в последней четверти прошлого столетия, от него же были унаследованы несколько важных и значимых идей в самой эстетике и прежде всего, ее переосмысление как философии искусства.

В британской философии этого периода сформировались три направления.

Теория экспрессии. Р.Г. Коллингвуд, сторонник теории самовыражения, считал, что важно отличать подлинное искусство, выражающее эмоции индивидуализированными способами от различных подделок, которые только считаются искусством, но на самом деле таковыми не являются. Основная направленность всех без исключения эстетических концепций этого периода ориентировались на постижение идеалов и замыслов художника, при котором художник воздействует на зрителя, но обратное влияние не учитывалось.

Коллингвуд рассматривает сущность искусства как деятельность воображения, вызывающего неосознанные переживания, которые доходят до сознания, именно поэтому «художник требуется людям, потому что общество никогда не знает всей своей души» [5].

Творческий процесс, благодаря которому возникает искусство, по его мнению, заключается в том, чтобы сначала осознать, что конкретно

человек чувствует, а затем постепенно и полностью сформулировать это в своем воображении. Так происходит «преобразование чувственно-эмоциональных и психических переживаний из сферы впечатлений в идеи сознания» [8, с. 28] и зрители втягиваются в процесс реконструкции опыта воображения художника.

Главная миссия искусства заключается в развитии самопознания, которое приходит через прояснение эмоций, что является «лекарством от самой страшной болезни разума – искажения сознания» [19, с. 336]. Неудивительно, что многое из того, что традиционно считается искусством, выходит за рамки этих теорий, что подтверждает наличие у них определенных недостатков.

Формализм. Философ искусства и арт-критик Клайв Белл и художник Роджер Фрай – самые известные сторонники этого направления н. XX века.

В основе их теории два основных момента: поиск нового ответа на вопрос «что такое искусство?» и теория эстетической ценности. Согласно Беллу для отнесения вещи к произведениям искусства она должна обладать значимой формой. Это придаст ей особую ценность, заключающуюся в воздействии, производимом на тех, кто ее воспринимает. Белл называет этот эффект эстетической эмоцией и выделяет ее особенности:

1) вызывание у аудитории определенных переживаний;
2) она не является психологическим состоянием.

Сосредоточение внимания на явном изображении в произведениях искусства отвлекает нас от более важной реальности, к которой мы получаем доступ через форму. У теории Белла есть и другие проблемы, так как местами он противоречит сам себе, утверждая, что многие широко рассматриваемые произведения искусства на самом деле таковыми не являются, поскольку определяющая черта искусства – это также его важнейшее свойство приносить пользу.

Фрай в отличие от Белла утверждал, что репрезентация неизбежно вызывает субъективные реакции, которые зависят от ассоциаций, вызываемых у конкретного зрителя. Единственный способ избежать такого рода субъективизма – сосредоточиться на формальных особенностях. Это правильный способ оценить искусство, и именно это придает произведениям объективную ценность.

Попытки, предпринятые Беллом и Фрайем, при помощи формализма объяснить ценности искусства оказались довольно слабыми. Это связано с тем, что формальный подход должен учитывать наиболее характерную черту бесчисленных произведений искусства – их репрезентативное содержание – как не имеющее отношения к их художественной ценности.

В целом, несмотря на то, что в 1950-х годах семиотические подходы к эстетике привлекли к себе некоторое внимание, иногда считалось, что они размывают различия между изображением и выражением, значением и ссылкой, расширением и интенцией.

Ключевой концепцией Эдварда Буллоу являлась психическая дистанция. Первоначально это было предложено как вариант незаинтересованного отношения: достижение психологически комфортного расстояния, происходит при отрыве явления от практических задач и личных целей, что позволяет нам воспринимать его объективные черты [17, с. 89]. Он считал работы с недостаточной и чрезмерной дистанцией эстетически ущербными.

В Великобритании, после 1950 года в отличие от США, ведущие мыслители Соединенного Королевства, одобряли крайне сдержанный подход к философии. Эстетическая теория этого периода заставляла задуматься о том, как произведение искусства вообще может быть серьезно оценено или быть намного большим, чем просто тривиальным отвлечением человека от реальности. Самым значительным английским философом искусства, появившимся в этот период, является Фрэнк Сибли. При анализе его сочинений прослеживается тщательное, детальное исследование логики и эпистемологии эстетического суждения.

Его главная мысль заключается в том, что, хотя эстетические свойства произведений искусства зависят от неэстетических, так как изменение последних привело бы к изменению первых. Исходя из этой парадигмы, он утверждает, что эстетические споры не могут быть разрешены путем «индуктивных или дедуктивных рассуждений от предпосылок о неэстетических свойствах к выводам об эстетических свойствах» [23]. Эстетические свойства должны быть восприняты, чтобы убедиться в их существовании в произведении искусства или другом объекте.

Третьим направлений становится *антиэссенциализм.* Для многих людей любовь к искусству связана с его креативностью, непостоянством, самосознанием, а может даже и бунтарством, что делает его устойчивым к строгим определениям. Ричард Волльхайм поставил эстетическую функцию искусства во главу угла, чем бросил вызов понятию «эстетического», введенному Кантом, и поддержанного в XX веке Буллоу.

Вне исторический, психологический анализ искусства и его оценка были заменены контекстуализированным, социологическим описанием.

Аргументы в пользу социального характера искусства не только стимулировали попытки дать ему определение, но и пробудили интерес к онтологии искусства, которой ранее пренебрегали.

В последнее десятилетие XX-го века именно это направление неизменно занимало важное место в повестке дня дискуссий. Сторонники первой позиции (платоники) считали, что произведения

искусства – это абстрактные типы, которые скорее обнаруживаются, чем создаются. Представители второй (контекстуалисты) утверждали, что «их идентичность частично определяется отношениями, которых они придерживаются в контексте своего творчества» [2].

Акцент на социокультурном месте искусства, красота и эстетическое, были переосмыслены и вновь введены в дискуссию. С некоторыми из этих тенденций связан подъем феминистских исследований в эстетике.

Еще одним направлением стала *натурализация эстетики*, в рамках которой философы опирались на научные исследования человеческой природы, работы мозга, когнитивных, перцептивных и эмоциональных систем, а также эволюции человека и развития ребенка, объясняя наше отношение к искусству и природе.

В английской современной эстетике доминирует один и тот же подход, но с тремя названиями: «логический позитивизм», или «лингвистический анализ», или «философский анализ». Совершенно оторванное от искусства, оно стало очень популярным в Британии.

По мнению Витгенштейна, мир наполнен проявлениями эстетического чувства. Как область концептуального исследования, она должна осуществляться с анализа определенных свойств, выражающих внешние особенности объекта (эстетических предикатов). Эстетическое измерение пронизывает всю жизнь человека и философские размышления: «эстетические вопросы относятся к концептуальному типу в отличие от эмпирических» [13].

Проблема различных позиций и взглядов на возникновение и развитие эстетики в рамках философской теории очень актуальна с точки зрения перспективы формирования образовательных моделей. Фундаментальное образование формирует системное, целостное мышление, что становится основой университетского обучения, а «философия как мировоззренческая парадигма пронизывает весь образовательный процесс» [10, с. 181].

Знания, которые студенты получают в университете, становятся реальностью их духовной жизни. Изучение эстетической мысли необходимо для формирования у студентов критического мышления и «понятийного каркаса для культурно-исторической оценки исторического значения религиозной и светской философии» [10, с. 182].

Именно гуманитарное знание являясь «ядром университета определяет теологическую перспективу науки, превратив ее в факт культуры» [1, с. 78].

О.А. Донских, Д.Ю. Игнатьев, Л.Н. Летягин отмечают, что в обучении студентов необходимо сохранить живое философское начало, в этом реализуется духовно-культурная миссия университета, следовательно, специфика университетского образования определяется не как процесс насыщения знаниями, а «превращение их в универсум ценностных смыслов» [1, с. 84].

Таким образом, в статье выявлены три этапа совершенствования эстетики в рамках философской теории, прослежено как она постепенно освобождаясь от влияния, становится одним из научных направления обладающим своими категориями, методами и концептуальными позициями.

Особенностями первого периода развития эстетической мысли в Великобритании (XVII–XVIII вв.) стали:

– предпринятые успешные попытки в определении и классификации понятия «красота»;
– формирование базовых основ прекрасного и его восприятия;
– введения в научный оборот новых терминов эстетики.

Британская национальная эстетическая традиция была сформирована во втором периоде, охватывающим весь XIX век. Она опиралась на национальные особенности британского менталитета. Во взглядах Уайльда, как и Рескина и Морисса отразился «эстетический социализм», ценности которого (свобода творчества, возрождение духовности) они противопоставляли реальностям капиталистического общества. На пьедестал поднимается самоценность личности и ее самоутверждение.

Рассмотрение основных направлений третьего периода, включающего XX век, продемонстрировало противоборство экспрессии с формализмом, пробуждение интереса к онтологии и натурализации и в конечном итоге доминировании логического позитивизма.

Литература

1. Игнатьев Д.Ю., Летягин Л.Н. Телеология университета как идеал научного познания // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 77–86.
2. Ильин А.В. К проблеме идентификации «эстетического движения в контексте художественной культуры Великобритании последней трети XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 97–103.
3. Ипполитова В.В. Основные концепции эстетической критики Уолтера Пейтера // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры 2012. № 1 (10). С. 176–185.
4. Ипполитова В.В. Философские основы английского эстетизма // Вестник СПбГУКИ сентябрь 2011. С. 144–145.
5. Коллингвуд Р.Д. Принципы искусства Пер. с англ. А.Г. Раскина под ред. Е.И. Стафьевой. М.: «Языки русской культуры», 1999. – 328 с.

6. Моррис У. Красота жизни // Моррис У. Искусство и жизнь: избранные статьи, лекции, речи, письма. М.: Искусство, 1973. С. 98–126.
7. Новикова О.Н. Оскар Уайльд как представитель английского эстетического движения // Сборник VI Машеровских чтений. Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Витебск, 2012. С. 262–263.
8. М.А. Олейник Актуальность теории искусства Р. Дж. Коллингвуда в контексте предметной профессиональной подготовки педагога – музыканта в вузе // Известия ВГПУ. 2017. С. 27–31.
9. Рескин Дж. Искусство и действительность. Новосибирск, 2006. 260 с.
10. Современное российское образование: вызовы и ответы: монография / О.А. Донских, В.И. Клисторин, Л.Ю. Логунова [и др.]; под общ. ред. О.А. Донских; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. – Новосибирск: НГУЭУ, 2022. – 274 с.
11. Уайльд О. Душа человека при социализме // Уайльд О. Собрание сочинений: в 3-х т. М., 2000. Т. 3. Лекции и эстетические миниатюры. С. 218–254.
12. Федоров А.А. «Английский Ренессанс искусства». От У.Пейтера до О. Уайльда. Культурно-эстетический аспект // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 5. С. 363–375.
13. Хагберг, Гарри, Эстетика Витгенштейна // Стэнфордская энциклопедия философии (издание осенью 2014 г.), Эдвард Н. Залта (ред.). – URL.: https://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/wittgenstein-aesthetics (дата обращения: 04.02.2025).
14. Цурганова Е.А. Прерафаэлитизм // Литературоведческий журнал. 2013. № 33. С. 143–147.
15. Addison J. and Style R., The Spectator, A. Chalmers (ed.), New York: D. Appleton, 1879. – 540 p.
16. Alison A. Essays on the Nature and Principles of Taste, Edinburgh: Bell and Bradfute. 1811–440 p.
17. Bullough E. Psychical Distance' as a Factor in Art and an Aesthetic Principle, The British Journal of Psychology, 1912. № 5. – P. 87–118.
18. Burke E. A Philosophical Enquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and the Beautiful, A. Phillips (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1990. 378 p.
19. Collingwood R. G. «The principles of art». Oxford at the clarendon press, 1938. 336 p.
20. Hume D. Of the Standard of Taste «In English Essays from Sir Philip Sidney to Macaulay», ed. C.W. Eliott (P.F. Collier &Son), 1910. P. 215–236.
21. Reid T. Essays on the Intellectual Powers of Man, Cambridge, MA: The M.I.T. Press. 1969. 808 p.
22. Schellekens A.E. A Reasonable Objectivism for Aesthetic Judgements: Towards an Aesthetic. 2008. – URL: Psychology https://core.ac.uk/download/pdf/73478.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
23. Sibley F. 'Aesthetic Concepts', Philosophical Review, 1959. № 68, p. 421–450.

KEY STAGES OF THE INSTITUTIONALIZATION OF ENGLISH AESTHETIC THOUGHT IN BRITISH PHILOSOPHICAL THEORY (XVII–XX CENTURIES)

Kelsiev V.L.
Herzen State Pedagogical University of the Russian Federation

The article examines the evolution of the development of aesthetic thought in English philosophy, starting from Modern times and ending with postmodern society. The subject of the research is the concepts of outstanding philosophers, writers, art historians, aesthetes, such as: E. Shaftesbury, F. Hutcheson, D. Hume, T. Reed, D. Addison, E. Burke, A. Gerard, A. Allison, D. Ruskin, W. Morris, W. Pater, O. Wilde, R. Collingwood, K. Bell, R. Fry, E. Bullow, F. Sibley, R. Wollheim, L. Wittgenstein. This made it possible to trace the transformation of their views and conceptual apparatus, the formation of theoretical views on the main categories of "beautiful", "sublime", "imagination", "sensual", etc. Logical and phenomenological methods were used, as well as historicism, dialectics, objectivity and consistency. The results of the study were a clear division into time periods of the process of formation and movement of aesthetic thought over the course of four centuries. At the first stage (17th-18th centuries), three main directions were identified, which later became theories of feeling, imagination and associations. The English Renaissance is considered as a socio-cultural phenomenon of a phenomenal nature with its own values. It is determined that at the second stage (19th century), the subject of aesthetics becomes the "dimension of human existence", the concept of "aesthetic style" appears, the creative process of art's penetration into philosophy begins, and vice versa. Its peculiarity was the appearance of a brotherhood – pre-Raphaelitism (U. Hunt, D. Rossetti, E. Mills), who opposed the dominance of Victorian ideology in art. The main features of the national aesthetic tradition formed at this time are revealed. At the third stage (20th century), such trends as expression, formalism, anti-essentialism, and naturalization of aesthetics were characterized and analyzed. The emergence of interest in the ontology of art is substantiated. In conclusion, the features of each of the periods under consideration are not only systematized, but also the relevance of studying aesthetics and philosophy, which allows developing critical thinking in universities, is emphasized.

Keywords: aesthetics, Romanticism, phenomenon, pre-Raphaelitism, art, Victorian era, movement, philosophical analysis.

References

1. Ignatiev D.Yu., Letyagin L.N. Teleology of the university as an ideal of scientific knowledge // Ideas and ideals. 2017. Vol. 1. № 3 (33). pp. 77–86.
2. Ilyin A.V. On the problem of identification of the "aesthetic movement in the context of the artistic culture of Great Britain in the last third of the 19th century // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice Tambov: Gramota, 2014. № 3 (41): in 2 ch. Ch. II. pp. 97–103.
3. Ippolitova V.V. Basic concepts of aesthetic criticism by Walter Payter // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture 2012. № 1 (10) pp. 176–185.
4. Ippolitova V.V. Philosophical foundations of English aestheticism //Bulletin of St. Petersburg State University of Economics. September 2011. pp. 144–145.
5. Collingwood R.D. Principles of Art Translated from English by A.G. Raskin, edited by E.I. Stafyeva. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. – 328 p.
6. Morris W. The beauty of life // Morris W. Art and life: selected articles, lectures, speeches, letters. Moscow: Iskusstvo, 1973. pp. 98–126.

7. Novikova O.N. Oscar Wilde as a representative of the English aesthetic movement // Collection of VI Masherovsky readings. Materials of the international scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists. Vitebsk, 2012. pp. 262–263.
8. M.A. Oleinik The relevance of R.J. Collingwood's theory of art in the context of the subject-based professional training of a teacher – musician at a university // Izvestiya VGPU. 2017. pp. 27–31.
9. Ruskin J. Art and reality. Novosibirsk, 2006. 260 p.
10. Modern Russian education: challenges and answers: a monograph / O.A. Donskikh, V.I. Klistorin, L. Yu. Logunova [et al.]; under the general editorship of O.A. Donskikh; Novosibirsk State University of Economics and Management. Novosibirsk: NSUEU, 2022. 274 p.
11. Wilde O. The soul of man under socialism // Wilde O. Collected works: in 3 volumes, Moscow, 2000. Vol. 3. Lectures and aesthetic miniatures. pp. 218–254.
12. Fedorov A.A. "The English Renaissance of art." From U.Pater to O. Wilde. Cultural and aesthetic aspect // Russian Humanitarian Journal. 2017. Vol. 6. № 5. pp. 363–375.
13. Hagberg, Harry, Aesthetics of Wittgenstein // Stanford Encyclopedia of Philosophy (autumn 2014 edition), Edward N. Zalta (ed.), – URL.: https://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/wittgenstein-aesthetics (accessed 02/04/2025).
14. Tsurganova E.A. Pre-Raphaelitism // Literary Journal. 2013. № 33. pp. 143–147.
15. Addison J. and Style R., The Spectator, A. Chalmers (ed.), New York: D. Appleton, 1879. – 540 p.
16. Alison A. Essays on the Nature and Principles of Taste, Edinburgh: Bell and Bradfute. 1811–440 p.
17. Bullough E. Psychical Distance' as a Factor in Art and an Aesthetic Principle, The British Journal of Psychology, 1912. № 5. – P. 87–118.
18. Burke E. A Philosophical Enquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and the Beautiful, A. Phillips (ed.), Oxford: Oxford University Press, 1990. 378 p.
19. Collingwood R. G. «The principles of art». Oxford at the clarendon press, 1938. 336 p.
20. Hume D. Of the Standard of Taste «In English Essays from Sir Philip Sidney to Macaulay», ed. C.W. Eliott (P.F. Collier &Son), 1910. P. 215–236.
21. Reid T. Essays on the Intellectual Powers of Man. Cambridge, MA: The M.I.T. Press. 1969. 808 p.
22. Schellekens A.E. A Reasonable Objectivism for Aesthetic Judgements: Towards an Aesthetic. 2008. – URL: Psychology https://core.ac.uk/download/pdf/73478.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
23. Sibley F. 'Aesthetic Concepts', Philosophical Review, 1959. № 68, p. 421–450.

Неоинституциональные аспекты деятельности малого и среднего предпринимательства

Кох Иван Адамович,
д.с.н., профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы – Уральский институт управления (Екатеринбург)
E-mail: kia4@mail.ru

Ладыжникова Елена Викторовна,
аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы – Уральский институт управления (Екатеринбург)
E-mail: ladyjnikova.00@mail.ru

Развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) проходит период динамичного развития цифровой трансформации всех сфер общества. Процессы цифровизации в МСП часто отличаются от классических моделей институционального функционирования, что создает необходимость обращения к более продуктивной исследовательской позиции, которой является неоинституционализм. На основе статистических данных рассмотрены информационно-коммуникационные технологии в управленческой практике организаций, а также факторы, влияющие на успешность цифровой трансформации предприятий. Особое внимание уделено взаимодействию формальных и неформальных институтов в деятельности МСП: нормативно-правовых актов, статистических индикаторов, культурных норм и управленческих практик. Предложена система ключевых показателей эффективности (КПЭ), позволяющая оценить институциональную готовность организаций к внедрению цифровых технологий. Полученные результаты отражают специфику институциональной адаптации МСП и дают основания для разработки стратегий, направленных на повышение устойчивости и конкурентоспособности отечественного бизнеса в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровизация МСП, цифровые технологии, неоинституциональный подход, КПЭ (ключевые показатели эффективности), барьеры цифровой трансформации, формальные и неформальные институты, риски цифровых технологий, предпринимательство.

Введение

Развитие цифровой экономики обусловило необходимость совершенствования социальных технологий управления и функционирования малого и среднего предпринимательства. Внедрение цифровых технологий в повседневные практики организаций выступает не только как способ оптимизации управленческих процессов, но и как фактор изменения принципов организации деятельности МСП, в том числе обращение к неоинституциональным подходам. В этой связи возрастает зависимость успеха управления предприятиями от социальных условий и ограничений.

Применение неоинституциональных подходов к управлению бизнесом создает необходимость рассматривать цифровизацию МСП как процесс социальных изменений, где ключевую роль играют не только экономические и технологические факторы, но и правила, нормы и практики, формирующие социальный контекст организационных изменений. Такой подход создает основу для выявления закономерностей, объясняющих различия в стратегиях цифровизации, а также для разработки аналитических методов, позволяющих оценить институциональную готовность организаций к инновациям.

Исследовательский интерес представляет то, каким образом различные уровни институциональной среды – от нормативно-правовых установлений до устойчивых неформальных практик – определяют специфику адаптации организаций к цифровым технологиям. Важно учитывать, что для МСП характерна высокая чувствительность к институциональной среде, поскольку ограниченность ресурсов делает их зависимыми от сочетания внешних требований и внутренних возможностей. Это обуславливает неоднородность цифровой трансформации: одни предприятия демонстрируют успешное освоение новых технологий, тогда как другие сталкиваются с барьерами, связанными с нормативной неопределенностью, недостатком компетенций или сопротивлением внутриорганизационных практик.

Целью исследования является выявление социальных и институциональных факторов, способствующих или препятствующих успешной цифровой трансформации МСП в России, а также разработка методики оценки эффективности этих процессов через систему ключевых показателей

эффективности (КПЭ). Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: анализ социального контекста внедрения цифровых практик, идентификация формальных и неформальных институтов, влияющих на процессы адаптации организаций, исследование уровня вовлеченности сотрудников, а также разработка рекомендаций для повышения устойчивости и конкурентоспособности предприятий с позиции неоинституционального подхода.

Материалы и методы

В последние годы проблема цифровизации малого и среднего предпринимательства занимает заметное место в научных публикациях. В отечественной научной литературе, посвященной цифровизации малого и среднего предпринимательства, наблюдается постепенное смещение акцентов от узкоэкономических вопросов к более широкому социологическому анализу институциональной среды. Первоначально внимание исследователей было сосредоточено на формальных критериях «цифрового статуса» предприятия: использование информационных технологий во взаимодействии с контрагентами, интеграция цифровых инструментов в ключевые бизнес-процессы и адаптивное управление активами в условиях меняющейся внешней среды [11].

Другие работы показывают, что субъекты МСП самостоятельно определяют направления цифровизации, концентрируясь на автоматизации внутренних процессов, совершенствовании управления данными и использовании цифровых технологий в сфере маркетинга и продаж. Так, С.А. Гайворонская и А.Р. Щеглова отмечают: «Хозяйствующие субъекты сами определяют приоритетные направления цифровизации: внедрение цифровых технологий в бизнес-процессы; управление базами данных; управление процессами производства, продаж и рекламы» [4].

Другой исследовательский фокус связан с выявлением возможностей, которые цифровизация открывает для предпринимателей не только в экономическом, но и в социальном измерении. Внедрение новых технологий сопровождается изменением моделей коммуникации, организационных практик и способов работы с информацией, что отражает более широкий контекст трансформации общества [2].

Видное место в научных дискуссиях отводится проблеме инновационного потенциала малого и среднего бизнеса. Благодаря гибкости и мобильности, предприятия данного сектора рассматриваются как важный фактор региональных модернизаций и носители кадрового ресурса для цифровой экономики. Исследователи подчеркивают роль малого и среднего бизнеса в инновационном развитии регионов, отмечая его способность к «ускорению процессов технологической трансформации» [12].

Особое внимание уделяется анализу цифровизации в условиях экономических кризисов, когда МСП оказываются наиболее уязвимыми к внешним угрозам. В этих ситуациях цифровые технологии действительно становятся условиями адаптации к изменяющимся условиям деятельности, позволяя бизнесу перестраивать модели деятельности и осваивать новые ниши [14]. Но парадокс заключается в том, что именно в такие периоды усиливаются различия между организациями с разным уровнем ресурсов и институциональной готовности, что порождает новые линии социально-экономического неравенства.

Таким образом, анализ российских исследований позволяет говорить о цифровизации МСП как о процессе, в котором формальные и неформальные институты взаимодействуют противоречивым образом. С одной стороны, цифровые технологии рассматриваются как универсальный способ социальных изменений, с другой – их внедрение сталкивается с нормативными ограничениями, культурными барьерами и ресурсным дефицитом. С точки зрения социологии, эти противоречия нельзя трактовать как побочные эффекты; напротив, они являются структурной особенностью цифровой трансформации в российском контексте и требуют дальнейшего анализа в рамках неоинституционального подхода.

Мониторинг процессов цифровой трансформации малых и средних предприятий, в рамках исследования НИУ ВШЭ по выявлению ключевых индикаторов цифровой экономики России, показывает наличие четко выраженного формального института регулирования цифровой сферы и ограниченность показателей для оценки состояния цифровизации. К ключевым индикаторам относятся показателями широкого пользования фиксированным и широкополосным доступом к интернету, а также использования цифровых технологий в организациях [13]. Стандартизированные показатели мониторингов фиксируют лишь формальные проявления цифровизации в МСП, не оценивая реальное поведение субъектов и глубинные практики использования информационно-коммуникационных технологий. Такой подход не показывает разрыв между формальными институциональными рамками и неформальными социальными механизмами, которые на практике определяют эффективность цифрового управления и адаптацию предпринимателей к новым технологическим и организационным условиям.

Мониторинг, проведенный специалистами Platforma и аналитиков финансового маркетплейса «Сравни» в 2023 году и посвященный развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в российском малом и среднем бизнесе (МСБ), позволяет сделать ряд значимых выводов

относительно характера институциональной адаптации экономических агентов к требованиям цифровизированной экономики [10] (рис. 1).

Рис. 1. Внедрение ИТ-технологий в субъекты малого и среднего предпринимательства в 2023 году

Примечание. Общий объем покрытия ИТ-технологиями составляет более 40% субъектов малого и среднего предпринимательства. Точные данные отсутствуют.

Полученные данные свидетельствуют о значительном уровне использования ИКТ в сфере малого и среднего предпринимательства в 2023 году: свыше 40% российских субъектов бизнеса успешно реализовали интеграцию различных цифровых решений в собственную управленческую практику. Этот индикатор приобретает особое значение в свете стратегических ориентиров национального экономического роста, демонстрируя готовность отечественной экономической среды к активным преобразованиям, вызванных необходимостью отвечать высоким стандартам конкурентоспособности и ускоренному обновлению методов ведения хозяйственной деятельности.

Значительная дифференциация использованных технологий была зафиксирована в структуре деятельности МСП. Наибольшее предпочтение было отдано следующим категориям цифровых технологий.

Нейросети – 39%. Применение нейросетей позволяет существенно оптимизировать производственные циклы, повышать качество аналитики и осуществлять эффективный таргетированный маркетинг.

Современным инструментам киберзащиты – 35%. Данная группа технологий стала популярной в связи с участившимися попытками незаконного доступа к информационным ресурсам предприятий, повышая общий уровень защищенности корпоративных сетей.

Облачным платформам хранения и обработки данных – 20%. Эти сервисы позволяют компаниям снижать издержки на поддержание собственной технической инфраструктуры и обеспечивать доступ к данным вне зависимости от физического местоположения сотрудника.

Остальные виды технических новаций оказались востребованы менее широко (около 6%). Подобное поведение показывает приверженность менеджеров МСП традиционным методикам управления рисками и нежелание экспериментировать с новыми, недостаточно проверенными разработками. Недостаточная поддержка новаторских решений связана как с дефицитом компетенций, необходимых для полноценного освоения новых технологий, так и с финансовыми ограничениями, препятствующими инвестициям в инновационное развитие.

Также остается актуальным вопрос определения границ эффективного внедрения цифровых технологий. Фиксируемые экспертами показатели («более 40%») демонстрируют очевидную недостаточность статистики для полной картины сложившейся ситуации, оставляя простор для дальнейших исследований в области реальных масштабов цифровой трансформации отечественного бизнеса.

Особого внимания заслуживает разработка индивидуальных стратегий цифровой трансформации, учитывающих специфику отдельных отраслей и масштабов организаций. Важнейшими компонентами становятся инвестиции в развитие цифровой инфраструктуры, повышение уровня профессиональной подготовки кадров в сфере информационных технологий и формирование адаптивных подходов к динамике рыночных условий. Компании, успешно внедряющие инновационные технологии, получают существенные преимущества.

Таким образом, процессы цифровой трансформации субъектов малого и среднего предпринимательства в России характеризуются широким спектром дифференциации и широкой вариативностью темпов внедрения, иллюстрируя общие мировые тенденции адаптации мелких экономических акторов к современным реалиям в условиях сохранения существенных структурных трудностей и институциональных барьеров.

Методологические принципы неоинституционального подхода, предложенные Дугласом Нортом, рассматривают институциональные изменения как результат адаптации к меняющимся условиям, где важную роль играют взаимодействия различных факторов [20]. В контексте цифровой трансформации управления МСП это означает, что процесс изменений не имеет четкой линии и развивается через сочетание четырех взаимосвязанных факторов: организационных возможностей, внешних условий, технологических ресурсов и финансовой стабильности. Также и в исследованиях различных стран эмпирические данные указывают на значительную разнородность уровней интегрированности современных цифровых решений в деятельность исследуемых организаций: некоторые фирмы демонстрируют высокий уровень зрелости и активно применяют новейшие информационно-коммуникационные технологии для оптимизации бизнес-процессов и инновационного развития, в то время как другие пребывают

на начальной стадии преобразований, сдерживаемые финансовыми ограничениями, недостаточностью квалифицированных специалистов и устойчивостью корпоративных культур к изменениям [17].

Особое внимание уделяется взаимодействию формальных и неформальных институциональных принципов. Формальные институты представлены нормативно-правовыми актами, официальными индикаторами и регламентами, которые создают рамки для внедрения цифровых практик. Неформальные институты, напротив, включают предпринимательскую культуру, управленческие стили, сетевые взаимодействия и социальные практики. Они выполняют ключевую роль в коммуникации, формировании смыслов и ценностей, а также обеспечении горизонтального и вертикального транслирования организационных норм, что облегчает принятие изменений и снижает сопротивление.

Неформальные институты – это совокупность культурных норм, религиозных практик, социальных связей и доверительных отношений, которые, будучи разнородными по формам проявления и способам измерения, влияют в том числе на развитие инноваций и предпринимательства. Как отмечает Каминская, «неформальные институты формируют предпринимательскую активность через нормы и социальные практики». Их принципы и действие различается в зависимости от состояния формальной институциональной среды, что указывает на контекстуальную детерминацию механизмов их функционирования [5].

Важнейшим признаком взаимодействия социальных институтов и неоинституциональных образований является их противоречивость. Тем не менее согласование формальных и неформальных практик в управлении предпринимательскими процессами создаёт условия для появления новых социально-экономических эффектов, усиливающих эффективность и развитие предприятий. Как отмечает Б.Х. Краснопольский, именно «противоречия во взаимодействии формальных и неформальных институтов» определяют специфику современных хозяйственных систем [7]. В научной литературе отмечается, что нормативные и культурно-когнитивные компоненты социальных изменений становятся самостоятельными и требуют выявления через качественные методики социологического анализа [19].

Сложность заключается в том, что формальные институты задают обычно рамочные условия, а фактическая практика предпринимателей формируется в пространстве пересечения официальных правил и локальных неформальных норм. Для выявления этого взаимодействия продуктивнее сочетать количественные данные с социологическим анализом сетей и структур доверия. Так, исследование стартапов показывает, что одинаковые формальные условия могут приводить к разным результатам в зависимости от качества неформальной среды – от устойчивости сетевых связей до практик неформального обмена [18].

Следовательно, методология изучения цифровизации управления МСП требует комбинированного подхода: статистические данные фиксируют динамику внедрения технологий, тогда как качественные социологические индикаторы раскрывают, как эти технологии влияют на управленческие процессы. В исследованиях инклюзивного предпринимательства показано, что только через учет практик взаимодействия и социокультурных норм возможно выявить институциональные условия, в которых формальные меры государственной поддержки начинают работать эффективно. Формальный и официально зафиксированный статистический индикатор – доля цифровых технологий среди методов управления хозяйственной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, выступает основным показателем оценки результативности государственного регулирующего воздействия на развитие цифровой экономики страны с точки зрения управления предприятиями [8].

Анализ показывает, что степень использования цифровых технологий существенно варьируется в зависимости от отраслевых особенностей и характера хозяйственной деятельности предприятий (рис. 2). Наибольшее распространение получили традиционные способы коммуникации и обмена информацией посредством сети Интернет (92,5%) и корпоративных веб-сайтов (46,6%), что свидетельствует о доминировании стандартизированных практик взаимодействия субъектов рынка.

Рис. 2. Доля цифровых технологий среди инструментов хозяйственной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, (в % к числу опрошенных)

Однако другие перспективные методы цифровизации, включая облачные вычисления (23,8%), IoT-технологии – комплекс взаимосвязанных приборов, объектов и сенсоров, соединенных единой сетью и автоматически взаимодействующих между собой и пользователями через интернет (13,6%), роботизацию производства (3,5%) и искусственный интеллект (2%), показывают ограниченное использование среди российских предпринимателей.

Эти данные подтверждают необходимость расширенной методологии ограничивают исследование: формальные статистические индикаторы выявляют лишь общие тенденции внедрения инноваций. Следовательно, комплексное исследование влияния цифровых технологий на управление МСП должно включать качественные подходы, нацеленные на выявление реальных механизмы взаимодействия формальных и неформальных институтов в процессе цифровизации предпринимательства.

Результаты и обсуждение

Концентрация внимания предпринимателей в данный момент заключается преимущественно в применении простейших форм цифрового взаимодействия и обусловлена предпочтением краткосрочных выгод и низким восприятием стратегических преимуществ инновационных решений. В то же время, несмотря на растущие государственные инициативы по цифровизации экономики, таких как стратегии, направленные на повышение технологической зрелости и стимулирование инновационного развития [9]. Дальнейшее развитие процессов цифровизации управления МСП требует формирования благоприятных условий для повышения компетентности менеджеров и изменения менталитета предпринимательского сообщества в сторону стратегического планирования и принятия рисков.

Тем не менее современная ситуация осложняется отсутствием надежной системы мониторинга уровня цифровой трансформации МСП. Основная проблема заключается в невозможности объективного учета информации, поступающей от частных предприятий, поскольку предлагаемые ими данные зачастую неполны и недостоверны. Современные условия экономического развития, как на уровне национальной экономики, так и в контексте малого предпринимательства, предполагают необходимость не только создания государственных программ финансовой поддержки для малого бизнеса, но и активного продвижения цифровизации в рамках формирования инновационно-ориентированной экономики [3]. Между тем отслеживание степени цифровизации представляется крайне важным – такая информация необходима для измерения темпов внедрения современных технологий и масштаба их проникновения в различные сегменты экономики.

Особый интерес представляют вопросы оценки состояния цифровой трансформации на фоне реализации масштабных государственных проектов, таких как развитие квантовых технологий, автоматизация промышленных процессов, внедрение автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУТП), роботизация производства и прочие инновационные проекты. Одной из центральных проблем остается необходимость разработки эффективных методов мониторинга цифровой трансформации в свете внедрения инновационных технологических решений, включая разработку отечественного программного обеспечения и оборудования для замены иностранного технологического оснащения [6]. Адекватность измеримых индикаторов станет ключом к рациональному распределению ресурсов и обеспечению целенаправленного развития отечественной цифровой инфраструктуры.

Следовательно, разработка надежных методологических подходов к сбору и анализу данных о цифровизации малых и средних предприятий может рассматриваться как один из ключевых приоритетов, способствующих достижению поставленных правительством стратегических целей в области технологического прогресса и модернизации промышленной сферы страны, так как для успешной цифровизации необходимы соответствующие методологии и инструменты для интеграции технологий, а также стратегическое видение, которое поможет преодолеть препятствия, связанные с медленным внедрением цифровых инноваций, поскольку для эффективной цифровизации требуется не только разработка соответствующих методологических подходов и инструментов для интеграции технологий, но и наличие стратегического видения, которое позволит преодолеть барьеры, связанные с медленным внедрением инноваций и сопротивлением изменениям среди участников процесса [1].

Комплексная оценка влияния неформальных институтов на успешность цифровой трансформации управления малыми и средними предприятиями (МСП) требует междисциплинарного подхода, учитывающего как формальные правила и нормативные акты, так и стихийно сформировавшиеся нормы, обычаи и практики, существующие в бизнес-среде. При этом предприятия МСП обладают возможностью стратегического применения индикаторов эффективности для укрепления своего положения, поскольку «стратегическое использование KPI становится фундаментальной практикой для принятия управленческих решений и оптимизации эффективности» [22]. Предлагаемая система ключевых показателей эффективности (КПЭ) призвана охватить аспекты влияния неформальных институтов (табл. 1).

Представленные в таблице 1 факторы иллюстрируют сложное переплетение взаимосвязанных элементов, оказывающих значительное воздействие на процессы цифровой трансформации малых и средних предприятий (МСП). Исследуемые признаки неформальных институтов, такие как предпринимательская культура, стиль руководства, сетевое взаимодействие и профессиональное знание. Управленческие практики, выступают факторами, способствующие внедряемости цифровых технологий и снижающими порог сопротивления изменениям.

Таблица 1. Факторы неформальных институтов, влияющие на цифровую трансформацию малого и среднего предпринимательства

№	Тип фактора	Показатель	Описание
1	Предпринимательская культура	Отношение предпринимателей к инновациям	Степень восприятия новых технологий и стремление учиться
		Уровень открытости	Масштаб открытости предпринимателей
2	Руководящие практики	Лидерство руководителя	Способность лидера вдохновлять команду на принятие цифровых технологий
		Внутренний контроль и делегирование	Грамотность распределения обязанностей и ответственности
3	Социальные сети и общение	Интеграция в профессиональные сети	Степень присутствия и активности компании в профессиональных сообществах
		Внешние контакты	Частота контактов с партнерами, поставщиками и клиентами в цифровой среде
4	Управление знаниями	Распространение лучших практик	Способность делиться опытом и накапливать лучшие практики цифровой трансформации
5	Технологические традиции	История компании	Исторический опыт предыдущих изменений и внедрений технологий
6	Управленческая ответственность	Ответственность и обязательства	Четкое распределение зон ответственности за успешность цифровой трансформации
7	Информационная безопасность	Принятие мер защиты	Реализация мер по защите конфиденциальных данных и информационной безопасности

Вопросы цифровой трансформации малых и средних предприятий (МСП) часто исследуются в контексте их технического оснащения и нормативных условий, однако недостаточно внимания уделяется социальным аспектам, что ограничивает эмпирическое и методологическое осмысление внедрения цифровых технологий [21].

Необходимо особо отметить, что неформальные институты выполняют коммуникативные и символические функции, выступая в роли посредников между индивидуальным восприятием предпринимателя и организационной готовностью принять новые технологии. Через горизонтальное и вертикальное транслирование смыслов и ценностей они формируют условия для эффективного встраивания цифровых инноваций в повседневную деятельность организаций. Например, успешная цифровая трансформация в МСП возможна только при согласованности внимания руководства и сотрудников на ключевых организационных и технологических аспектах, что требует концентрации усилий и ресурсов на наиболее приоритетных направлениях [15].

Исходя из изложенного, предложенные ключевые показатели эффективности (КПЭ) открывают широкие возможности для комплексных измерений цифровой зрелости экосистемы малого и среднего предпринимательства. Их применение позволяет не только диагностировать возможные барьеры и стимулы цифровой трансформации, но и разрабатывать адресные мероприятия, направленные на укрепление устойчивости и конкурентоспособности российских предприятий в условиях глобальной конкуренции. Современные исследования показывают, что цифровая готовность малых и средних предприятий, особенно в условиях ограниченных ресурсов, является критическим фактором их способности адаптироваться к быстро меняющемуся рынку и внедрять инновации [16].

Методика расчёта ключевых показателей эффективности (КПЭ) предназначена для выявления влияния неформальных институтов на процессы цифровой трансформации малых и средних предприятий (МСП). Она сочетает количественные и качественные критерии, что позволяет фиксировать институциональные детерминанты изменений. Цифровизация рассматривается не только как повышение операционной эффективности, но и как изменение организационных практик, внедрение инновационных подходов, использование данных в стратегическом планировании и минимизация социально-экологических рисков. Основные ограничения связаны с ограниченностью ресурсов и отсутствием формализованных моделей внедрения цифровых технологий.

Предпринимательская культура

Готовность субъектов к изменениям:

$$Готовность = \frac{\sum \left(\begin{array}{c} количество\ положительно \\ отозвавшихся\ субъектов\ МСП \end{array} \right)}{N_{общ}} \times 100\%,$$

где $N_{общ}$ – общее число опрошенных субъектов МСП.

Степень готовности сотрудников отражает институциональное принятие инноваций. Высокие значения (>75%) демонстрируют поддержку изменений внутри организации, низкие (<50%) фиксируют сопротивление и опасения потери стабиль-

ности. Низкая готовность указывает на необходимость формирования условий, обеспечивающих понимание значимости цифровых преобразований и снижение психологических барьеров.

Уровень вовлеченности сотрудников в процессы цифровизации:

$$Вовлеченность = \frac{N_{вовлеченных}}{N_{общ}} \times 100\%,$$

где $N_{вовлеченных}$ – число сотрудников, участвующих в проектах по цифровизации.

Уровень вовлечённости характеризует коллективную способность к реализации изменений. Высокий показатель (>75%) свидетельствует о совместной ориентации на инновационные инициативы, низкий (<30%) указывает на дефицит участия и требует стимулирующих механизмов, включая обратную связь и организацию дискуссионных форматов.

Социальная интеграция сотрудников и коммуникации в профессиональной среде

Интеграция сотрудников в профессиональное сообщество:

$$Интеграция = \frac{N_{интегрированных}}{N_{общ}} \times 100\%,$$

где $N_{интегрированных}$ – число компаний, зарегистрированных в профессиональных сообществах и платформах.

Степень интеграции отражает доступ организаций к профессиональным сетям и лучшим практикам. Низкие показатели (<30%) фиксируют ограниченность социальных связей, что сужает возможности обмена знаниями и опыта.

Активность в участии профильных мероприятий:

$$Активность = \frac{A_{участвующих\ компаний}}{A_{всего}} \times 100\%,$$

где $A_{участвующих\ компаний}$ – число мероприятий, в которых участвовали компании,
$A_{всего}$ – общее количество значимых отраслевых мероприятий.

Регулярное участие (~50%) свидетельствует о вовлечении в профессиональные сообщества и поддержке инновационного обмена. Низкая активность (<20%) отражает закрытость организационной среды и ограниченный доступ к внешним источникам знаний.

Компетенции

Скорость овладения новыми компетенциями

$$Обучаемость = \frac{H_{освоивших}}{H_{задействованных}} \times 100\%,$$

где $H_{освоивших}$ – персонал, освоивший новые технологии,
$H_{задействованных}$ – весь привлеченный персонал.

Показатель обучаемости фиксирует способность сотрудников адаптироваться к новым требованиям. Высокие значения (~60%) указывают на институциональную гибкость и качество человеческого капитала. Низкие (<30%) выявляют структурные ограничения образовательной среды и необходимость развития внутренних механизмов передачи знаний.

Идентифицированные барьеры и ограничения указывают на необходимость целенаправленной разработки стратегий, стимулирующих внутреннюю мотивацию сотрудников, укрепление механизмов социального взаимодействия и совершенствование образовательного пространства для эффективного формирования необходимых компетенций.

Таким образом, предложенная система КПЭ представляет собой действенный инструмент мониторинга состояния цифрового преобразования российских предприятий малого и среднего бизнеса, позволяющий формировать эффективные управленческие стратегии и меры, направленные на обеспечение устойчивости и конкурентоспособности предприятий в условиях глобальной экономической динамики.

Выводы

Проведенное исследование показало, что цифровая трансформация оказывает многоуровневое воздействие на деятельность малых и средних предприятий, изменяя организационные структуры, управленческие практики и предпринимательскую культуру. Цифровизация МСП в России развивается неравномерно и сопряжена с множеством институциональных барьеров. Применение неоинституционального подхода к процессам управления МСП показывает, что наряду с техническими и регулятивными факторами большое значение имеют неформальные институты: стихийно сформировавшиеся поведенческие нормы, культурные установки и внутриорганизационные практики. Их влияние зачастую определяет успешность или неудачу внедрения цифровых решений.

Анализ показал ограниченность существующих эмпирических и методологических подходов исследования внедрения и последствий использования цифровых технологий: большинство исследований сводится к изучению технического оснащения и нормативных условий, тогда как социальные аспекты цифровизации остаются недостаточно разработанными. Наши результаты подтверждают необходимость более комплексного анализа, учитывающего региональные и культурные особенности, а также социально-организационные механизмы адаптации.

Важным результатом стало обоснование системы ключевых показателей эффективности (КПЭ), позволяющей оценить институциональную готовность МСП к цифровым изменениям. Разработанный подход сочетает количественные и качествен-

ные критерии, что обеспечивает целостное понимание процессов цифровой трансформации и открывает возможности для сравнительного анализа организаций в разных секторах и регионах.

Таким образом, управленческая деятельность МСП характеризуется взаимодействием формальных и неформальных институтов, а неоинституциональный подход обладает эвристическим потенциалом в исследованиях процессов деятельности организаций в условиях цифровой трансформации всех сфер общественной жизни.

Литература

1. Андрюхин К.В. Анализ процесса цифровизации в секторе МСП // Научная статья года 2024: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса; Пенза, 30 ноября 2024 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 15–18. – EDN KIAZZJ.
2. Антонова О.И., Гилева И.С., Резниченко Д.В. К вопросу о новых возможностях в сфере цифровизации малого и среднего предпринимательства // Russian Economic Bulletin. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 25–33.
3. Бочарова В.О. Основные направления поддержки субъектов МСП в условиях цифровизации экономики // Развитие финансового рынка и предпринимательских структур в современных условиях: материалы Всероссийской научно-практической конференции; Волгоград, 13 декабря 2024 г. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 365–368. – EDN SJAZVN.
4. Гайворонская С.А., Щеглова А.Р. Цифровизация бизнес-процессов малого и среднего предпринимательства в России // Молодой ученый. – 2023. – № 23 (470). – С. 235–237. – EDN: OXXIFK.
5. Каминская А.А. Неформальные институты как фактор предпринимательской активности // Научно-инновационные исследования и разработки: новые вызовы современности: сборник статей II Международной научно-практической конференции; Москва, 09 апреля 2024 г. – Москва: Центр дополнительного профессионального образования «Цифровая академия», 2024. – С. 318–331. – EDN MHHUYV.
6. Кононенко О.Г., Павленко М.Г. Перспективы промышленной автоматизации в России в 2025 году // Инновации и информационные технологии в условиях цифровизации экономики: сборник тезисов III международной научно-практической конференции; Алчевск, 24–25 апреля 2025 г. – Алчевск: Донбасский государственный технический университет, 2025. – С. 86–88. – EDN KRCTOV.
7. Краснопольский Б.Х. Формальные и неформальные институты и устойчивость хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. – 2025. – № 2(111). – С. 51–61. – EDN FEGUXU.
8. Росстат. Малое и среднее предпринимательство в России. 2024: стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 97 с.
9. Матушкина Н.А. Тенденции цифровизации индустриально развитых регионов России // Цифровая трансформация промышленности: тенденции, управление, стратегии: сборник научных статей / отв. ред. В.В. Акбердина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. – С. 137–156. – Электрон. текст. дан. (3,18 Мб).
10. РБК. Более 40% малых и средних компаний внедрили ИТ-технологии в 2023 году // РБК: [интернет-ресурс]. – Электрон. дан. – URL: https://companies.rbc.ru/news/jproyJCLWr/bolee-40-malogo-i-srednego-biznesa-vnedrili-it-tehnologii-v-2023-godu (дата обращения: 23.05.2025).
11. Сумкин С.Г., Жидких В.П. Информационные технологии в системе менеджмента малого и среднего предпринимательства в современных условиях // Восточно-Европейский научный вестник. – 2025. – Т. 21, № 1. – С. 41–43. – EDN.
12. Угурчиев О.Б., Угурчиева Р.О., Угурчиева Х.О. О роли малого и среднего предпринимательства в развитии инновационной деятельности регионов в условиях цифровизации // Управленческий учет. – 2025. – № 3. – С. 44–54. – EDN: PIZCTR.
13. Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Цифровая экономика: 2025: краткий статистический сборник / нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 120 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7598-3025-2 (в обл.).
14. Щербаков К.А., Меликов М.В. Развитие малого и среднего предпринимательства в условиях экономических кризисов: вызовы и механизмы адаптации // Студент года 2025: сборник статей VIII Международного научно-исследовательского конкурса; Пенза, 20 мая 2025 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 41–45. – EDN: GVZHST.
15. Dörr, L. (2023). A taxonomy on influencing factors towards digital transformation in SMEs. Journal of Small Business Strategy, 33(2), 1–22. https://jsbs.scholasticahq.com/article/66283-a-taxonomy-on-influencing-factors-towards-digital-transformation-in-smes
16. Krulčić, E., & Kovačić, M. (2025). A dynamic assessment of digital maturity in industrial SMEs. Journal of Business Research, 164, 113973. https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2023.113973

17. Kumar, V. (2025). The Role of Digital Transformation in Driving Entrepreneurship and Enhancing Organizational Capabilities in Small and Medium-Sized Enterprises. Journal of Information Systems Engineering and Management, 10(22s), 317–325. https://doi.org/10.52783/jisem.v10i22s.3523
18. Li, T. (2024). The joint effects of formal and informal institutions on entrepreneurial startups: a global perspective. International Studies of Management & Organization, 54(4), 306–328. https://doi.org/10.1080/00208825.2024.2354667
19. Maaßen, C., Lopez, T., & Urbano, D. (2025). Institutional enablers for sustainable entrepreneurship: a configurational analysis. Small Business Economics, 1–22. https://doi.org/10.1007/s11187–025–01076–5
20. North, D. C. (1990). Institutions, institutional change, and economic performance. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678
21. Sagala, G. H. (2024). Toward SMEs digital transformation success: A systematic literature review. Information Systems and e-Business Management, 22(4), 839–869. https://doi.org/10.1007/s10257–024–00682–2
22. Zaitsev, S. (2023). Optimizing SME performance through KPI utilization. Journal of Innovations and Sustainability, 7(4), 09. https://doi.org/10.51599/is.2023.07.04.09

NEO-INSTITUTIONAL ASPECTS OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES

Koh I.A., Ladyzhnikova E.V.
Russian Academy of National Economy and Public Administration – Ural Institute of Management (Yekaterinburg)

The development of small and medium-sized enterprises (SMEs) is undergoing a period of dynamic development of digital transformation in all spheres of society. The processes of digitalization in SMEs often differ from classical models of institutional functioning, which creates the need to turn to a more productive research position, which is neo-institutionalism. Based on statistical data, information and communication technologies in the management practice of organizations, as well as factors influencing the success of the digital transformation of enterprises, are considered. Special attention is paid to the interaction of formal and informal institutions in the activities of SMEs: regulations, statistical indicators, cultural norms and management practices. A system of key performance indicators (KPIs) is proposed to assess the institutional readiness of organizations to implement digital technologies. The results obtained reflect the specifics of the institutional adaptation of SMEs and provide the basis for the development of strategies aimed at increasing the sustainability and competitiveness of domestic businesses in the digital economy.

Keywords: digitalization of SMEs, digital technologies, neo-institutional approach, KPIs (key performance indicators), barriers to digital transformation, formal and informal institutions, risks of digital technologies, entrepreneurship.

References

1. Andryukhin K.V. Analysis of the digitalization process in the SME sector // Scientific article of the year 2024: collection of articles of the XVII International scientific research competition; Penza, November 30, 2024. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. – Pp. 15–18. – EDN KIAZZJ.
2. Antonova O.I., Gileva I.S., Reznicenko D.V. On the issue of new opportunities in the field of digitalization of small and medium-sized businesses // Russian Economic Bulletin. – 2023. – Vol. 6, № 3. – Pp. 25–33.
3. Bocharova V.O. Main directions of support for SMEs in the context of digitalization of the economy // Development of the financial market and entrepreneurial structures in modern conditions: materials of the All-Russian scientific and practical conference; Volgograd, December 13, 2024. – Kursk: ZAO “Universitetskaya kniga”, 2025. – Pp. 365–368. – EDN SJAZVN.
4. Gaivoronskaya S.A., Scheglova A.R. Digitalization of business processes of small and medium entrepreneurship in Russia // Young scientist. – 2023. – № 23 (470). – Pp. 235–237. – EDN: OXXIFK.
5. Kaminskaya A.A. Informal institutions as a factor in entrepreneurial activity // Scientific and innovative research and development: new challenges of our time: collection of articles from the II International scientific and practical conference; Moscow, April 9, 2024. – Moscow: Center for Continuing Professional Education “Digital Academy”, 2024. – Pp. 318–331. – EDN MHHUYV.
6. Kononenko O.G., Pavlenko M.G. Prospects for Industrial Automation in Russia in 2025 // Innovations and Information Technologies in the Context of Digitalization of the Economy: Collection of Abstracts of the III International Scientific and Practical Conference; Alchevsk, April 24–25, 2025. – Alchevsk: Donbass State Technical University, 2025. – Pp. 86–88. – EDN KRCTOV.
7. Krasnopolsky B. Kh. Formal and Informal Institutions and Sustainability of Economic Development of the Arctic Territories of the Far East // Power and Administration in the East of Russia. – 2025. – № 2 (111). – Pp. 51–61. – EDN FEGUXU.
8. Rosstat. Small and Medium-Sized Entrepreneurship in Russia. 2024: Stat. Collection / Rosstat. – M., 2024. – 97 p.
9. Matushkina N.A. Digitalization trends in industrially developed regions of Russia // Digital transformation of industry: trends, management, strategies: a collection of scientific articles / ed. V.V. Akberdin. – Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. – Pp. 137–156. – Electronic text data (3.18 MB).
10. RBC. More than 40% of small and medium-sized companies implemented IT technologies in 2023 // RBC: [Internet resource]. – Electronic data. – URL: https://companies.rbc.ru/news/jproyJCL-Wr/bolee-40-malogo-i-srednego-biznesa-vnedrili-it-tehnologii-v-2023-godu (date of access: 23.05.2025).
11. Sumkin S.G., Zhidkikh V.P. Information technologies in the management system of small and medium entrepreneurship in modern conditions // East-European Scientific Bulletin. – 2025. – Vol. 21, № 1. – Pp. 41–43. – EDN.
12. Ugurchiev O.B., Ugurchieva R.O., Ugurchieva Kh.O. On the role of small and medium entrepreneurship in the development of innovative activities of regions in the context of digitalization // Management accounting. – 2025. – № 3. – P. 44–54. – EDN: PIZCTR.
13. Abashkin V.L., Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M., et al. Digital economy: 2025: a brief statistical digest / National Research University Higher School of Economics. – Moscow: ISSEK HSE, 2025. – 120 p. – 300 copies. – ISBN 978-5-7598-3025-2 (in red).
14. Shcherbakov K.A., Melikov M.V. Development of small and medium entrepreneurship in the context of economic crises: challenges and adaptation mechanisms // Student of the Year 2025: a collection of articles from the VIII International research competition; Penza, May 20, 2025 – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2025. – Pp. 41–45. – EDN: GVZHST.
15. Dörr, L. (2023). A taxonomy on influencing factors towards digital transformation in SMEs. Journal of Small Business Strategy, 33(2), 1–22. https://jsbs.scholasticahq.com/article/66283-a-taxonomy-on-influencing-factors-towards-digital-transformation-in-smes
16. Krulčić, E., & Kovačić, M. (2025). A dynamic assessment of digital maturity in industrial SMEs. Journal of Business Research, 164, 113973. https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2023.113973

17. Kumar, V. (2025). The Role of Digital Transformation in Driving Entrepreneurship and Enhancing Organizational Capabilities in Small and Medium-Sized Enterprises. Journal of Information Systems Engineering and Management, 10(22s), 317–325. https://doi.org/10.52783/jisem.v10i22s.3523
18. Li, T. (2024). The joint effects of formal and informal institutions on entrepreneurial startups: a global perspective. International Studies of Management & Organization, 54(4), 306–328. https://doi.org/10.1080/00208825.2024.2354667
19. Maaßen, C., Lopez, T., & Urbano, D. (2025). Institutional enablers for sustainable entrepreneurship: a configurational analysis. Small Business Economics, 1–22. https://doi.org/10.1007/s11187–025–01076–5
20. North, D. C. (1990). Institutions, institutional change, and economic performance. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678
21. Sagala, G. H. (2024). Toward SMEs digital transformation success: A systematic literature review. Information Systems and e-Business Management, 22(4), 839–869. https://doi.org/10.1007/s10257–024–00682–2
22. Zaitsev, S. (2023). Optimizing SME performance through KPI utilization. Journal of Innovations and Sustainability, 7(4), 09. https://doi.org/10.51599/is.2023.07.04.09

Алгоритм анализа цифровых форм политической мобилизации и участия

Хван Данил Андреевич,
независимый исследователь
E-mail: danilkhvan2708@gmail.com

В статье предложен комплексный взгляд на проблему анализа цифровых форм политической мобилизации и участия. Рассмотрено социологическое и политико-коммуникационное понимание политической мобилизации и политического участия. Представлена типология форм политического участия (символическая, инструментальная, программируемая) и уровни цифровой политической мобилизации (ситуативный, повторяющийся, институциональный, симуляционный). Также проведён сравнительный анализ традиционного, гибридного и цифрового политического участия. Ключевым результатом является разработка алгоритма интерпретации цифровой политической мобилизации и цифрового политического участия, основанного на последовательном выполнении трёх этапов: выявлении признаков цифрового поведения, определении типа политической мобилизации и оценке степени влияния. Установлено, что предложенный алгоритм позволяет объединить разнородные проявления цифрового политического участия в единую аналитическую схему, выявлять реальные границы между содержательной политической мобилизацией и её симулятивными формами, а также оценивать перспективы их трансформации в устойчивые институциональные практики.

Ключевые слова: политическая мобилизация, политическое участие, политическая социология, цифровизация, цифровые формы, алгоритм.

Введение

В настоящее время цифровая политическая мобилизация и политическое участие формируются в условиях, когда ценностные ориентиры общества приобретают динамичный характер. В эластичной цифровой среде высокая скорость коммуникации и мозаичность дискурсов изменяют восприятие политики – массовые действия становятся более распространёнными, однако не всегда приводят к результатам [1].

Иными словами, наблюдается противоречие между числом вовлечённых в социально-политические процессы и глубиной их участия, что создаёт необходимость изучения механизмов цифрового поведения.

В отечественной науке подчёркивается, что цифровизация трансформирует политическую коммуникацию и количественно, и качественно [2]. Проблематика политического участия уже не сводится к фиксации отдельных форм активности, так как в ней соединяются символическая реакция в сети и институциональные каналы офлайн-практик, что означает, что политическая мобилизация и политическое участие приобретают гибридный характер, выражающийся в сосуществовании массовых знаковых действий и ограниченных по масштабу форм реального влияния на социально-политические процессы.

Цифровая трансформация власти обостряет вопрос о границах и содержаниях мобилизации и участия. Так, например, для описания ситуации, когда цифровые технологии расширяют пространство вовлечения и формируют механизмы его контроля используется образ «Левиафана» Т. Гоббса [3]. В этих условиях наряду с ростом цифровой активности населения наблюдаются процессы демобилизации, когда цифровые платформы и государственные структуры задают рамки коммуникации, что сокращает политический эффект массовости. В данной статье ставится цель разработать алгоритм анализа цифровых форм политической мобилизации и политического участия, позволяющий выявлять их реальные последствия.

Результаты и обсуждение

Социологический и политико-коммуникационный анализ цифровой политической мобилизации и политического участия выявляет сложное сочетание массовости и ограниченности их проявлений. Со-

временные исследования показывают, что цифровая активность молодежи часто приобретает характер реакции на внешние стимулы и отражает влияние информационной среды [4].

При этом социотехническая организация цифрового пространства задаёт новые условия для взаимодействия власти и общества, что проявляется в алгоритмизации каналов коммуникации и в формировании гибридных форм вовлечённости [5].

Вопрос о том, является ли онлайн-активность продолжением офлайн-участия или самостоятельной формой поведения, решается в контексте дискуссии о мобилизации и теории подкрепления, в рамках которой интернет может как усиливать прежние установки, так и стимулировать новые практики [6].

Для уточнения этих и иных процессов был проведён обзор недавних отечественных исследований, обобщённый ниже (табл. 1 и табл. 2).

Таблица 1. Обзор некоторых российских исследований (ядро РИНЦ) в области анализа цифровых форм политической мобилизации и участия

Источник	Методология	Мобилизация	Участие
[4]	Когнитивное картирование, социо-медийная аналитика, фокус-группы	Государственные цифровые инициативы слабо мобилизуют, оппозиционные – сильнее	Молодежь активнее вовлекается в альтернативные формы цифрового участия
[5]	Экспертное исследование, концептуальный анализ	Алгоритмизация формирует новые формы управляемой мобилизации	Участие всё чаще совмещает онлайн и офлайн
[6]	Концептуальный анализ («подкрепление» vs. «мобилизация»); теория подкрепления	Интернет усиливает прежние установки, однако в ряде случаев мобилизует	Молодежное участие носит двойственный характер – подкрепление и новые практики
[7]	Тематическое моделирование, анализ групп «Вконтакте»	Сетевые сообщества демонстрируют локальные всплески мобилизации	Участие проявляется в цифровых обсуждениях и формировании тем
[8]	Сравнительный анализ, концептуализация	Россия – в авангарде последствий цифровой мобилизации	Цифровое участие трансформирует политическую коммуникацию

Источник: авторское обобщение на основе представленных источников.

Таблица 2. Обзор некоторых российских исследований (ядро РИНЦ) в области анализа цифровых форм политической мобилизации и участия

Источник	Методология	Мобилизация	Участие
[9]	Концептуальный анализ низовой активности	Цифровизация снижает издержки и усиливает спонтанную мобилизацию	Участие приобретает сетевой, неиерархический и персонализированный характер
[10]	Социо-медийная аналитика (IQBuzz), массовый онлайн-опрос	Мобилизация распределяется по ролям (лидеры, активисты, сторонники, зрители)	Цифровое участие молодежи всё чаще проявляется в гражданских, чем в политических формах
[11]	Сетевой, визуальный и лингводискурсивный анализ (социальные сети, СМИ)	Контролируемая мобилизация через цифровую повестку дня	Участие структурируется повесткой и стратегиями вовлечения
[12]	Экспертные опросы (2014–2019), SPSS-обработка	Сетевая мобилизация сопровождается демобилизацией и контрмерами	Участие определяется балансом гражданских и государственных сетевых инициатив
[13]	Анализ медиаэкологии, дискурс-анализ инфлюенсеров	Мобилизация возможна за счёт лидеров мнений и сетевые дискурсы	Участие зависит от соотношения официального и пользовательского дискурсов

Источник: авторское обобщение на основе представленных источников.

Обобщение представленных в таблицах результатов в целом показывает, что исследователи всё чаще трактуют цифровую активность как социальный и коммуникационный процесс с собственными закономерностями.

Социальная природа цифровой мобилизации проявляется в том, что она отражает процесс конструирования групповых идентичностей и норм поведения, а не ограничивается отдельными действиями [8–9]. Цифровое политическое участие становится формой социальной коммуникации, в которой пересекаются символические действия

пользователей и институциональные механизмы управления, что формирует условия для сравнения практик офлайн и онлайн вовлечённости, а также для выделения промежуточных, гибридных форм.

Политико-коммуникационный аспект политической мобилизации и политического участия выражается в изменении соотношения между каналами передачи информации и структурами власти [11], [13]. Цифровая среда позволяет соединять массовую демонстративную активность и точечные институционализированные действия, что открывает возможность для более точного анализа. В связи с этим возникает задача сопоставления данных о политической мобилизации и политическом участии, получаемых в эмпирических исследованиях, и выявления закономерностей, которые определяют реальные последствия цифровой активности населения.

Цифровые формы политического участия описываются в российских исследованиях как совокупность символических действий, инструментальных практик и действий, задаваемых интерфейсами и алгоритмами платформ. Символические формы включают в себя реакции, комментарии и репосты, что отражает перевод общения в сеть и формирование новых норм повседневной политической коммуникации [4], [8–10]. Инструментальные формы связаны с процедурами, имеющими формальный результат, в том числе с электронным голосованием и онлайн-петициями [2]. Действия, задаваемые цифровыми интерфейсами и алгоритмами, описаны через алгоритмизацию власти, ранжирование и фильтрацию информационных потоков [5], а также через медиативную (посредническую роль) лидеров мнений и сетевых дискурсов [13].

Сетевизация практик и «коннективное действие» формируют условия для политической мобилизации, в которой индивидуальные жесты соединяются в общие кампании [5]. Политическое участие при этом зависит от характера повестки дня и используемых каналов – стратегии управления и новостные форматы направляют внимание пользователей и задают рамки коллективного действия [11], [13]. Теория «подкрепления» объясняет случаи, когда цифровая активность укрепляет исходные установки и не приводит к эффекту мобилизации, что важно для разграничения «показного» вовлечения и действия с последствиями [6].

С наблюдаемыми составляющими политического участия в сети соотносится классификация уровней цифровой политической мобилизации. Здесь можно выделить четыре уровня: ситуативный, повторяющийся, институциональный и симуляционный.

Ситуативный уровень описывает кратковременные всплески активности при низких издержках участия, которые возникают как реакция на событие и поддерживаются сетевыми коммуникациями. Так, исследования показывают, что персонализированное общение, отсутствие жёсткой иерархии и снижение организационных барьеров переводят действия в формат быстрых символических жестов, что задаёт краткий горизонт мобилизационного эффекта [8–9]. В частности, для молодёжи ситуативный уровень подтверждается данными о преобладании гражданских форм в цифровой среде и их событийной зависимости [4], [10].

Повторяющийся уровень характеризуется регулярностью тем и поведенческих паттернов, которую возможно установить по данным аналитических платформ. Тематическое моделирование сетевых практик выявляет устойчивые фреймы обсуждения и циклы активности, что отражает переход от разовой реакции к повторяемым практикам политического участия [7]. На этом уровне политическая мобилизация поддерживается повесткой дня – распределение тематических акцентов, работа информационных потоков и коммуникативные форматы усиливают возвратность аудиторий к одним и тем же темам [11].

Институциональный уровень формируется тогда, когда цифровые практики встраиваются в стратегии управления новостной повесткой и взаимодействуют с формальными каналами, в том числе с медиаторами в лице лидеров мнений и различных медиа-редакций, что придаёт действиям организованную форму и расширяет их ресурсную базу [4], [13].

Наконец, симуляционный уровень связан с эффектами цифровой трансформации власти и медиасреды, в рамках которых воспроизводятся знаки участия и множится информационный шум. В частности, предложенный А.Ю. Мамычевым концепт «цифрового Левиафана» раскрывает ситуацию, в которой технологии ранжирования и фильтрации создают видимость согласия и обеспечивают перераспределение внимания, что ослабляет результативность политической мобилизации [3]. Кроме того, основания предоставляет представление о социотехнической реальности и алгоритмизации власти, поскольку цифровые интерфейсы и правила цифровых платформ задают траектории поведения пользователей [5]. К симуляционному режиму примыкают и описанные в научной литературе случаи «цифровизации архаики», когда воспроизводятся формы показной низовой активности, не переходящие в содержательное политическое участие [9].

Таким образом, можно обобщить и сравнить между собой параметры традиционного, гибридного и цифрового политического участия (табл. 3). Представленный теоретический обзор позволяет предложить алгоритм интерпретации цифровой политической мобилизации и цифрового полити-

ческого участия, состоящий из трёх ключевых этапов.

Первый этап направлен на учёт признаков цифрового поведения, которые позволяют отделять информационный шум от релевантной активности политической мобилизации и политического участия. Базовый набор включает в себя частотные показатели публикаций и реакций за интервал времени, способы выражения позиции в формате комментариев, репостов и отметок, а также контекст площадки.

Таблица 3. Сравнение традиционного, гибридного и цифрового политического участия

Параметр	Традиционное	Гибридное	Цифровое
Субъектность	Коллективные структуры (партии, организации)	Сочетание формальных акторов и сетевых сообществ	Индивидуальные действия, объединённые алгоритмами платформ
Продолжи-тельность	Длительные циклы кампаний и процедур	Среднесрочные кампании, поддерживаемые информ-повесткой	Ситуативные всплески и повторяющиеся тематические активности
Канал	Офлайн-мероприятия и институции	Сочетание офлайн-акций и онлайн-коммуникации	Социальные сети, мессенджеры, платформенные интерфейсы
Результат	Институциональное закрепление решений	Совмещение институциональных эффектов и сетевой поддержки	Символическая мобилизация, перераспределение внимания, ограниченное закрепление

Источник: авторская разработка на основе [2–13].

Для коррекции измерений целесообразно использовать тематическое разбиение массивов и сведения об источнике сообщения с разделением на официальные и пользовательские каналы; такая постановка опирается на практику работы с сетевыми корпусами и повесткой дня в отечественных исследованиях [5], [7]; [11]. Компьютерные процедуры включают в себя тематическое моделирование LDA (латентное размещение Дирихле) для выявления доминирующих тем и их динамики, маркеры тональности и поляризации для определения оценки сообщений, а также сетевые метрики узлов и сообществ для оценки структурных свойств обсуждений. Данный набор индикаторов позволяет фиксировать пики и длительность обсуждений, а также соотносить тематические узлы и акторов с проявлениями политической мобилизации и политического участия. Верификация интерпретаций возможна за счёт сопоставления тематических сегментов с эмпирическими данными о ролях и форматах активности пользователей [7], [10].

Контекст цифровой площадки задаёт различия в интерпретации признаков:

– группы и социальные сети предоставляют наблюдаемую структуру сообществ и содержательно насыщенные ветки комментариев;
– мессенджеры (например, Telegram-каналы) смещают акцент на источники и формат ретрансляции;
– потоковые ленты выделяют роль хештегов и коротких сообщений.

И для каждой среды требуется атрибуция канала как «официального» или «пользовательского», что необходимо для последующего разграничения символизма и действий, имеющих институциональные последствия [5], [11].

Второй этап направлен на установление типа политической мобилизации с учётом признаков политического участия, выявленных на предыдущем шаге. Так, спонтанная мобилизация определяется как реакция на событие при низких издержках участия и слабой координации, что отражает сетевую персонализацию общения и быстрые всплески активности [8]. Управляемая (индуцированная) мобилизация связывается с целенаправленным инициированием повестки организованными акторами и с использованием коммуникационных приёмов, которые направляют внимание аудитории и задают траектории включения в действия [11].

Институционально интегрированная мобилизация фиксируется тогда, когда цифровые практики соединяются с официальными каналами и процедурами, а распространение сообщений поддерживается медиаторами в виде инфлюенсеров и редакционных узлов, что укрепляет связь между онлайн-коммуникацией и формальными форматами политического участия, что придаёт действиям устойчивый характер и переводит их в пространство устойчивых процедур [13].

Симуляционная, или псевдомобилизация, описывает случаи, когда знаки участия воспроизводятся средствами цифровой среды, а результат политической мобилизации оказывается ограниченным вследствие фильтрации потоков и перераспределения внимания. В частности, тот же концепт «цифрового Левиафана» позволяет зафиксировать, когда технологии ранжирования формируют видимость согласия и создают эффект насыщения информацией, что снижает преобразующий потенциал действий [3]. Представление о социотехнической организации цифрового пространства также добавляет критерии для распознавания таких случаев, поскольку интерфейсы

и правила цифровых платформ влияют на наблюдаемые траектории политического участия [5].

И, наконец, третий этап. Определение степени влияния цифровой политической мобилизации предполагает измерение вовлечённости участников, последующие действия в форме продолжения активности после пиковых событий и институционального закрепления практик. Вовлечённость характеризуется показателями интенсивности коммуникации, глубиной включения в обсуждения и готовностью переходить к более затратным формам политического участия. Последующее действие выражается в поддержании цифровых каналов коммуникации и в формировании устойчивых сообществ. Институциональное закрепление фиксируется в случае, если цифровые практики становятся частью формализованных процессов, например, встраиваются в электоральные процедуры или официальные механизмы представительства [10].

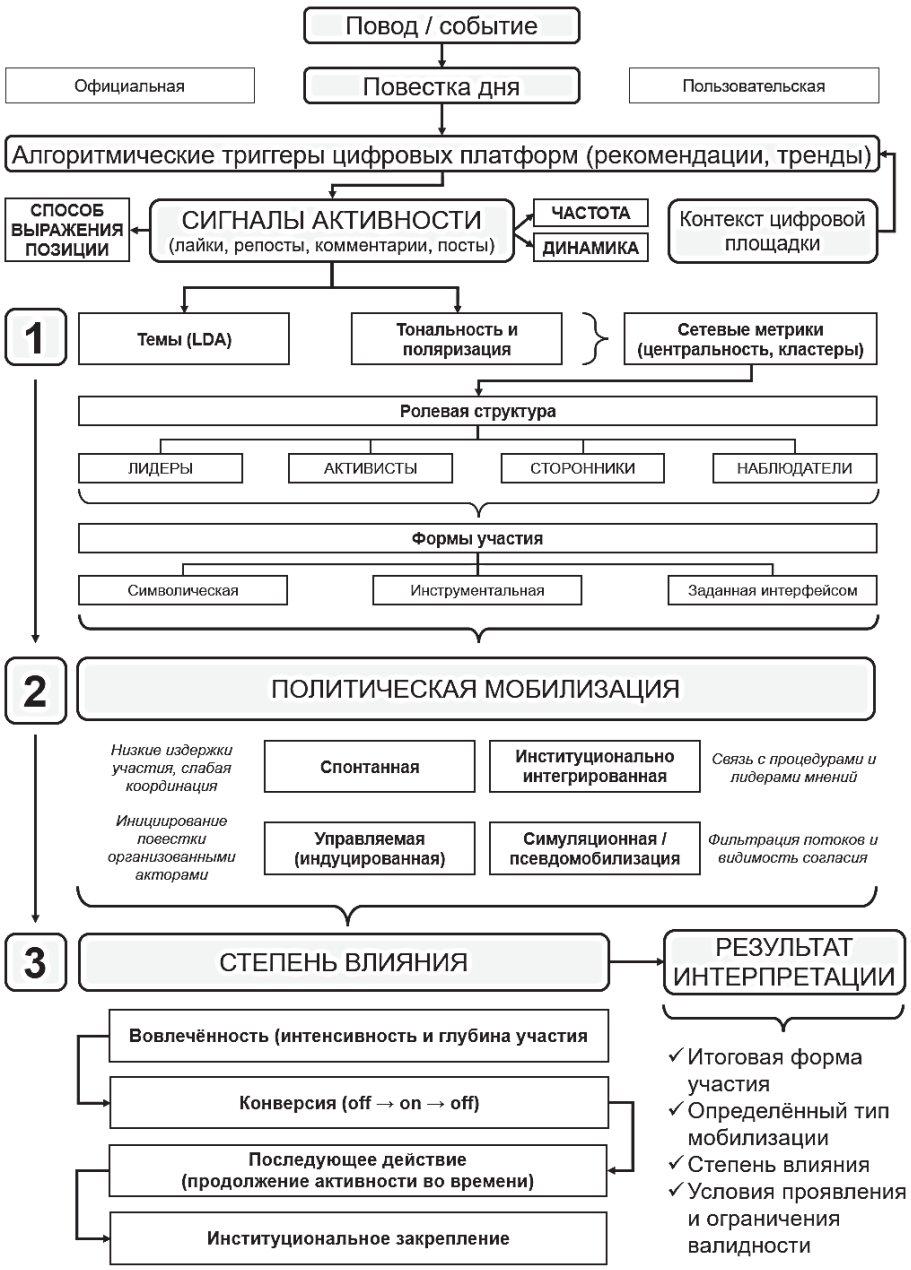

Рис. 1. Алгоритм интерпретации цифровой политической мобилизации и цифрового политического участия

Источник: авторская разработка.

Для оценки воздействия цифровой политической мобилизации значимым параметром является измерение перехода «офлайн-онлайн-офлайн», т.е. способность сетевых действий конвертироваться в офлайн-форматы. Обозначенный цикл предполагает, что первоначальная инициатива в физическом пространстве находит продолжение в цифровой среде и возвращается в форме коллективных действий или институционального давления. Анализ этого перехода позволяет выделить реальные результаты политического участия, от-

личающие эффективную политическую мобилизацию от поверхностных «всплесков» [12].

Не менее значимым элементом алгоритма выступает и установление демобилизационных эффектов. К ним относятся распад сетей вследствие перегрузки коммуникации, усталость участников при длительном информационном давлении, а также подавление инициатив или их перехват крупными акторами цифрового пространства. Данная перспектива поднимает вопрос о границах потенциала мобилизации и о том, каким образом цифровые платформы могут усиливать или ограничивать политическое участие [4].

Таким образом, можно обобщить указанные этапы в виде алгоритма интерпретации цифровой политической мобилизации и цифрового политического участия (см. рис. 1).

Предлагаемый алгоритм строится как последовательная процедура перехода от первичного события или повода к оценке реальных последствий коллективной активности в цифровой среде. На входе фиксируется актуальная повестка, которая может быть инициирована как официальными структурами, так и пользователями, после чего она подвергается алгоритмизации со стороны цифровых платформ.

В результате возникает совокупность сигналов активности (лайки, репосты, комментарии, публикации), которые оцениваются по частоте, динамике и способу выражения позиции. Данные показатели далее интерпретируются в терминах тематических полей, эмоциональной тональности и сетевых метрик, что позволяет реконструировать ролевую структуру участников и выделить группы лидеров, активистов, сторонников и наблюдателей.

На этой основе затем формируются различные формы политического участия – символическая, инструментальная и заданная интерфейсом, которые служат переходом к определению типа политической мобилизации.

Типологизация охватывает четыре варианта мобилизации, соответствующие рассмотренным ранее уровням (спонтанная, управляемая, институционально интегрированная и симуляционная), каждая из которых соотносится с конкретными условиями возникновения и поддержания активности. Заключительный этап алгоритма связан с измерением степени влияния, включающим оценку вовлечённости, конверсии онлайн-акций в офлайн-действия, последующего действия и институционального закрепления, а также фиксацию демобилизационных эффектов в виде распада сетей, усталости участников или перехвата инициатив.

Результатом работы алгоритма является структурированная интерпретация цифровых форм политической мобилизации и политического участия, которая позволяет зафиксировать условия их проявления.

Однако нельзя не выделить и ограничения разработанного алгоритма, которые, прежде всего, связаны с неоднозначностью трактовки цифровой активности, так как одинаковые внешние проявления могут отражать различные мотивы участников и разные уровни их политического участия. Так, интерпретация сигналов всегда остаётся под воздействием специфики той или иной цифровой платформы – контент ранжируется скрытыми алгоритмами, что формирует асимметрию доступа к повестке и смещает границы политической мобилизации [14]. Также усложнение вносит эффект «социального пузыря», когда информационные потоки циркулируют внутри замкнутых сетевых сообществ и создают иллюзию массовой поддержки или консенсуса при отсутствии их за пределами группы [15].

Следует учитывать и эластичность ценностей цифрового общества, проявляющуюся в волатильности моральных оснований, которые обеспечивают легитимацию коллективных действий: те, кто вовлечён в цифровое политическое участие, могут менять ориентации в зависимости от изменений информационной среды, и то, что становится ресурсом политической мобилизации сегодня, завтра может утратить привлекательность [1].

Наконец, в рамках методологического анализа может возникать дуализм между интерпретацией цифровой активности как политической мобилизации и как процесса подкрепления уже существующих установок. Для одних участников цифровое политическое участие является формой включения в новые коллективные практики, для других оно закрепляет прежние представления и ограничивается символическим выражением позиции [16]. По сути, это означает, что любой результат интерпретации должен рассматриваться как условный и зависимый от совокупности внешних и внутренних факторов, что задаёт рамки применимости авторского алгоритма и ограничивает универсальность получаемых выводов.

Также важно обратить внимание на проблему псевдомобилизации. Сетевая псевдомобилизация отражает ситуацию, когда цифровая политическая мобилизация утрачивает связь с политическим участием и превращается в форму, не имеющую институциональных последствий. Действительно, массовые реакции в социальных сетях могут создавать впечатление вовлечённости, однако, по сути, выступать лишь «выпущенным паром» и не иметь конверсии в действия, имеющие результативность в офлайн-пространстве. В частности, в российской науке показано, что подобные формы активности часто носят символический характер и не приводят к закреплению политического участия [12].

Симуляционная или псевдомобилизация проявляется тогда, когда цифровые платформы усиливают алгоритмическое распространение образов

и создают иллюзию массового единства и политической энергии. При этом визуальные и знаковые практики приобретают характер, выраженный в эстетике образов, а цифровые алгоритмы формируют повестку таким образом, что значимыми являются именно реплики и репосты, а не сами действия. Такое смещение, опять же, позволяет говорить о «цифровизации архаики», когда низкая активность выглядит массовой, однако фактически при этом оказывается смоделированной и искусственной [3].

Иными словами, возникает ситуация, когда граница между политической мобилизацией и политическим участием размывается – на уровне сетевых метрик устанавливается высокий уровень вовлечённости, хотя социальные последствия оказываются минимальными. Разрыв обозначает рамочное ограничение для анализа цифровых процессов, поскольку активность может выглядеть масштабной, но псевдополитической. Важно отметить, что подобный феномен уже обсуждается в отечественных исследованиях, в которых внимание, например, уделяется как новым возможностям цифровой среды, так и эффектам демобилизации и симуляции [13].

Также важно отметить, что значимую роль в интерпретации цифрового политического участия играет поколенческий фактор. Молодёжь отражает как реактивное вовлечение в повестку через лайки и репосты, так и формирует устойчивые коллективные идентичности, связанные с цифровыми практиками. Новые нормы общения и способы самоорганизации становятся частью политической мобилизации, задают ей ценностные и культурные рамки [4]. Кроме того, социотехническая среда цифровой политики выступает и фоном, и активным участником процессов мобилизации. Влияние инфраструктуры цифровых каналов формирует специфические траектории политической мобилизации, которые сложно воспроизвести в офлайн-контексте [5].

Цифровая политическая мобилизация развивается стремительно, однако столь же быстро теряет энергию. Онлайн-дискуссии и кампании в социальных сетях создают импульс, который закрепляется только тогда, когда он находит отражение в собраниях, акциях или институциональных процедурах. Поэтому, несомненно, важнейшим условием остаётся сочетание сетевых и традиционных каналов участия [11], [13].

Заключение

В статье предложен целостный способ интерпретации цифровой политической мобилизации и политического участия. Построен рабочий алгоритм от повода и повестки к измеримым признакам поведения и далее к типам мобилизации и степени влияния. Описаны формы участия – символическая, инструментальная, интерфейсно-заданная – и согласованы с типологией политической мобилизации, что устраняет разрывы между описанием действий в сети и их последствиями. Предложены конкретные шаги для анализа тем, тональности, сетевых структур и ролей участников; учтены различия цифровых платформ и источников сообщений с разделением на официальные и пользовательские каналы. Предложена схема оценки охвата, глубины включения и длительного сохранения эффекта политической мобилизации и политического участия, а также тема демобилизационных исходов, которая отражает реальное угасание активности. Авторский алгоритм показывает, что цифровую политическую мобилизацию и политическое участие нельзя рассматривать как набор разрозненных действий. Важно видеть их как последовательный процесс – от появления стимула или повестки, к превращению его в наблюдаемые цифровые практики, и далее – к последствиям, которые могут закрепляться в общественной и институциональной среде.

Литература

1. Сунами А. Н., Павлова Е.В. Моральные основания политики в условиях эластичного цифрового общества: перестанут ли ценности иметь значение? (Часть 1) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20. – № 1. – С. 33–44.
2. Архипов И.А. Основные измерения цифровизации в современных отечественных исследованиях политической коммуникации // Вестник Пермского университета. Политология. – 2025. – Т. 19. – № 2. – С. 154–159.
3. Мамычев А. Ю. «Цифровой левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. – № 3. – С. 367–392.
4. Бродовская Е. В., Склярова Н.Ю., Лукушин В.А. Цифровая активность российской молодежи в условиях новой политической реальности: ключевые риски и возможности их преодоления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2023. – Т. 1. – № 6. – С. 100–123.
5. Володенков С. В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2022. – Т. 18. – № 3. – С. 230–253.
6. Гришин Н. В. «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы на-

родов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 1. – С. 47–59.
7. Кранзеева Е. А., Головацкий Е.В., Бурмакина А.Л., Степанов И.Ю., Донова И.В. Возможности аналитических платформ в исследовании социальной и политической мобилизации // Информационное общество. – 2024. – № 6. – С. 125–136.
8. Пшизова С.Н. Дигитально-опосредованное политическое участие в сравнительной перспективе. Статья 1 // Общественные науки и современность. – 2019. – № 5. – С. 47–59.
9. Пшизова С.Н. Дигитально-опосредованное политическое участие в сравнительной перспективе. Статья 2 // Общественные науки и современность. – 2019. – № 6. – С. 104–115.
10. Пырма Р. В. «Цифровые граждане»: политическое участие российской молодёжи онлайн // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 5 (102). – С. 143–155.
11. Рябченко Н. А., Малышева О.П., Усков С.В. Управление цифровой социально-политической повесткой дня в онлайн-пространстве: субъекты, технологии и результаты // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 5 (107). – С. 74–85.
12. Соколов А. В., Палагичева А.В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 266–297.
13. Тимофеева Л. Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 37–51.
14. Куровский С. В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах Персидского залива // Казачество. – 2025. – № 82 (1). – С. 156–165.
15. Мишин Д. А., Куровский С.В., Смолин П.В. Проблемы и перспективы развития отечественного конституционализма // Современное общество и право. – 2024. – № 4 (71). – С. 45–50.
16. Мишин Д. А., Куровский С.В., Смолин П.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти // Юридическая наука и практика. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 35–44.

AN ALGORITHM FOR ANALYZING DIGITAL FORMS OF POLITICAL MOBILIZATION AND PARTICIPATION

Khvan D.A.
Independent researcher

The article offers a comprehensive view on the problem of analyzing digital forms of political mobilization and participation. The sociological and political-communication understanding of political mobilization and political participation is considered. The typology of forms of political participation (symbolic, instrumental, programmable) and levels of digital political mobilization (situational, repetitive, institutional, simulation) are presented. A comparative analysis of traditional, hybrid, and digital political participation has also been conducted. The key result is the development of an algorithm for interpreting digital political mobilization and digital political participation, based on the non-sequential implementation of three stages: identifying signs of digital behavior, determining the type of political mobilization and assessing the degree of influence. It is established that the proposed algorithm makes it possible to combine diverse manifestations of digital political participation into a single analytical scheme, identify the real boundaries between meaningful political mobilization and its simulated forms, and assess the prospects for their transformation into sustainable institutional practices.

Keywords: political mobilization, political participation, political sociology, digitalization, digital forms, algorithm.

References

1. Sunami A. N., Pavlova E.V. The moral foundations of politics in an elastic digital society: will values cease to matter? (Part 1) // Political expertise: POLITEX. – 2024. – Vol. 20. – № 1. – P. 33–44.
2. Arkhipov I.A. Basic dimensions of digitalization in modern domestic studies of political communication // Bulletin of Perm University. Political science. – 2025. – Vol. 19. – № 2. – P. 154–159.
3. Mamychev A. Y. “Digital Leviathan”: scenarios for the development of the Hobbesian monster in the 21st century // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2022. – Vol. 24. – № 3. – P. 367–392.
4. Brodovskaya E. V., Sklyarova N. Yu., Lukushin V.A. Digital activity of Russian youth in the new political reality: key risks and opportunities to overcome them // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. – 2023. – Vol. 1. – № 6. – P. 100–123.
5. Volodenkov S. V., Fedorchenko S.N., Artamonova Yu.D. Sociotechnical reality of the digital space of modern politics: structure and features // Political expertise: POLITEX. – 2022. – Vol. 18. – № 3. – P. 230–253.
6. Grishin N. V. “Theory of reinforcement” and the study of the influence of Internet technologies on the political participation of modern youth // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2021. – Vol. 23. – № 1. – P. 47–59.
7. Kranzeeva E. A., Golovatsky E.V., Burmakina A.L., Stepanov I. Yu., Donova I.V. The possibilities of analytical platforms in the study of social and political mobilization // Information Society. – 2024. – № 6. – P. 125–136.
8. Pshizova S.N. Digitally mediated political participation in a comparative perspective. Article 1 // Social sciences and modernity. – 2019. – № 5. – P. 47–59.
9. Pshizova S.N. Digitally mediated political participation in a comparative perspective. Article 2 // Social sciences and modernity. – 2019. – № 6. – P. 104–115.
10. Pyrma R. V. “Digital citizens”: political participation of Russian youth online // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. – 2020. – № 5 (102). – P. 143–155.
11. Ryabchenko N. A., Malysheva O.P., Uskov S.V. Management of the digital socio-political agenda in the online space: subjects, technologies and results // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. – 2021. – № 5 (107). – P. 74–85.
12. Sokolov A. V., Palagicheva A.V. Mobilization and demobilization in online political protest // Political Science. – 2020. – № 3. – P. 266–297.
13. Timofeeva L. N., Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. The digital socio-political agenda and its understanding in the context of the new media ecology // Polis. Political research. – 2022. – № 2. – P. 37–51.

14. Kurovsky S. V., Zinchuk M.G., Mishin D.A. Determinants of Russian policy in the coastal countries of the Persian Gulf // Cossacks. – 2025. – № 82 (1). – P. 156–165.
15. Mishin D. A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. Problems and prospects of development of Russian constitutionalism // Modern society and law. – 2024. – № 4 (71). – P. 45–50.
16. Mishin D. A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. The place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of public authority // Legal science and practice. – 2024. – Vol. 20. – № 3. – P. 35–44.

Анализ стратегии доместикации при переводе логоэпистем в сборниках «Басни» И.А. Крылова

Чжан Ваньтай,
магистрант, Пекинский педагогический университет
E-mail: 781319072@qq.com

Статья посвящена исследованию стратегии доместикации при переводе логоэпистем из басен И.А. Крылова на китайский язык. В работе уточняется теоретическая основа понятия «логоэпистема» и проводится классификация основных типов данных единиц, представленных в баснях: оценочные, присловья и побудительные. На материале нескольких китайских переводов проанализированы трудности передачи культурно маркированных выражений и выявлены различия между дословным переводом и доместикацией. Проведенный сравнительный анализ показывает, что доместикация позволяет наиболее полно сохранить культурные коннотации и прагматический эффект оригинала, особенно при переводе оценочных логоэпистем, в то время как присловья и побудительные формулы могут быть переданы как дословно, так и с элементами адаптации. Сделан вывод о том, что системное применение стратегии доместикации способствует обеспечению функциональной эквивалентности и адекватному восприятию басен Крылова китайской аудиторией.

Ключевые слова: И.А. Крылов, басни, логоэпистема, стратегия доместикации, перевод с русского на китайский, межкультурная коммуникация.

Иван Андреевич Крылов по праву считается одним из наиболее значительных представителей русской басенной традиции. Его творчество отличается глубиной содержания и органичным сочетанием художественной формы с народным языком, что позволило писателю выработать уникальный стиль и утвердить за собой репутацию классика жанра. В баснях Крылова ярко проявляется реалистический метод, основанный на использовании аллегории, остродраматических сюжетов, диалогов и монологов. Благодаря этому его произведения не только передают колорит народной речи, но и становятся инструментом сатирического осмысления общественных явлений, позволяя автору вскрывать социальные противоречия и формулировать философские истины о человеческом существовании. Вклад Крылова в развитие русской басенной литературы оказался фундаментальным: его творчество оказало заметное влияние как на отечественную, так и на мировую традицию басенного жанра [1].

В Китае басни Крылова на протяжении последних десятилетий неоднократно становились объектом перевода и исследования. Сегодня существует несколько десятков изданий, включающих как полные собрания сочинений, так и выборочные и детские публикации, среди которых можно выделить: «克雷洛夫寓言精选» (перевод Цюй Хуна и Юэ Яня, 2003 г.), «克雷洛夫寓言全集» (перевод Чжу Сяньшэна и Цю Цзинцзюань, 2008 г.), «克雷洛夫寓言» (перевод Хэ Маочжэна, 2020 г.) [2], «克雷洛夫寓言» (перевод Тун Нин, 2020 г.) [3] и ряд других изданий. Широкое распространение данных переводов свидетельствует о высокой популярности произведений Крылова среди китайских читателей и устойчивом интересе к его наследию со стороны переводчиков.

Однако проведенный сравнительный анализ различных китайских переводов показал, что при сохранении общей сюжетной канвы многие переводчики уделяют недостаточное внимание специфике передачи логоэпистем единиц, аккумулирующих культурно-языковой опыт и отражающих особенности национального мировосприятия. Игнорирование данных элементов неизбежно приводит к снижению глубины восприятия текста в межкультурной коммуникации. В этой связи актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью систематического анализа особенностей перевода логоэпистем и выявления роли

стратегии доместикации как ключевого метода их адекватной передачи в китайском языке. Цель исследования заключается в выявлении и обосновании ведущей роли стратегии доместикации в процессе перевода логоэпистем из басен И.А. Крылова на китайский язык. Предмет исследования специфика функционирования и перевода логоэпистем в китайских переводах басен И.А. Крылова с позиции стратегии доместикации.

Теория логоэпистем

Термин «логоэпистема» состоит из двух частей: «лого» (греч. logos) означающее «язык, речь, учение, смысл», и «эпистема» (греч. episteme) означающее «знание, понимание». Таким образом, «логоэпистему» можно понимать как знание, хранящееся в языковой единице [4].

Теория логоэпистем была впервые предложена В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой в 1995 году. Ученые определяют логоэпистемы как «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в создании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [5]. Использование логоэпистем в тексте отличается высокой активностью и ярко выраженными межкультурными, интертекстуальными и межъязыковыми характеристиками [6].

Обобщая взгляды отечественных и зарубежных исследователей, а также с учетом внутренних и внешних связей текста, практическое применение логоэпистем в историческом и современном контекстах можно рассмотреть на двух уровнях.

Внешний уровень текста требует исследования текста как источника логоэпистем в контексте межтекстовых связей. Под межтекстовыми связями понимаются цитатные отношения к другому конкретному тексту, установленные в данном конкретном тексте с помощью определенных речевых или структурных средств. К традиционным средствам установления межтекстовых связей относятся: центоны, цитатные заглавия, аллюзии, повторяющиеся образы и т.д.

Внутренний уровень текста предполагает анализ непосредственной реализации логоэпистем в текстовом пространстве. Согласно классификации В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, выделяются следующие типы логоэпистем: оценочные логоэпистемы, логоэпистемы-присловья, логоэпистемы побудительного характера и логоэпистемы, отражающие определенную житейскую мудрость [7].

В настоящем исследовании, опираясь на данные четыре категории, в основном применяются три классификации, которые основаны на прагматических функциях. К ним относятся: оценочные логоэпистемы, логоэпистемы-присловья и логоэпистемы побудительного характера.

Что касается четвертой категории «логоэпистемы, отражающие определенную житейскую мудрость», то предполагается, что критерии ее классификации не вписываются в логику трех предыдущих. Данная категория в большей степени ориентирована на содержательные аспекты, такие как культурная коннотация и когнитивная глубина, в отличие от трех предыдущих классификаций, которые основаны на функциональном принципе.

В сборниках «Басни» часто встречаются логоэпистемы, которые отражают житейскую мудрость и могут выполнять различные функции, например, оценочную, разговорную или императивную. Во избежание дублирования классификации и сделать анализ более четким и последовательным, в данном исследовании «логоэпистемы, отражающие определенную житейскую мудрость» выделяются как отдельная категория для анализа. Вместо этого они рассматриваются как важный элемент, который можно исследовать в рамках первых трех функциональных категорий.

Классификация логоэпистем в сборниках «Басни»

Подавляющее большинство логоэпистем в баснях Крылова относится к категории внутритекстовых логоэпистем. В связи с этим, в данной работе классификация языковых единиц осуществляется на внутреннем уровне текста, в соответствии с теорией, предложенной Костомаровым и Бурвиковой. Данный методологический подход позволяет систематизировать исследуемый материал на основе анализа семантико-прагматических функций логоэпистем в художественном пространстве басенного текста. С целью систематизации исследуемого материала представляется целесообразным выделить основные типы логоэпистем и проиллюстрировать их конкретными примерами. Ниже приведена таблица 1, отражающая особенности оценочных логоэпистем, встречающихся в баснях Крылова.

Помимо оценочных выражений, значительное место в художественном пространстве басен занимают логоэпистемы-присловья и логоэпистемы побудительного характера. Для большей наглядности их основные разновидности и семантические характеристики обобщены в следующей таблице 2 и таблице 3.

Представленные в таблицах данные позволяют проследить специфику функционирования логоэпистем различных типов и выявить их культурно обусловленные значения. Данные наблюдения служат основанием для дальнейшего рассмотрения переводческих стратегий, применяемых при передаче этих единиц на китайский язык.

Таблица 1. Оценочные логоэпистемы

Логоэпистема *(источник)*	Семантическая трактовка
«Ждать у моря погоды» *(«Медведь у пчел»)*	Изначально связано с жизнью прибрежных жителей, ожидающих подходящей погоды для выхода в море. В современном употреблении обозначает «пассивное ожидание бездействием» (аналог: «сидеть сложа руки»)
«Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник» *(«Щука и кот»)*	Пословица, подчеркивающая негативные последствия непрофессионального вмешательства в чужую сферу деятельности
«Да наши предки Рим спасли» *(«Гуси»)*	Ссылается на легенду о спасении Рима гусями. В современном языке употребляется для обозначения людей, живущих исключительно заслугами предков

Таблица 2. Логоэпистемы-присловья

Логоэпистема *(источник)*	Семантическая трактовка
«Сыра земля» *(«Старик и трое молодых»)*	Мифологический образ «Матери Сырой Земли», символизирующий плодородие и жизненную силу природы; употребляется в значении «погребение, связь с землей» [8]
«Из огня да в полымя» *(«Госпожа и две служанки»)*	Обозначает переход из одной неблагоприятной ситуации в еще худшую; метафора череды неудач
«Да только воз и ныне там» *(«Лебедь, щука и рак»)*	Характеризует отсутствие прогресса, ситуацию «с мертвой точки»
«А Васька слушает, да ест» *(«Кот и повар»)*	Указывает на поведение человека, который игнорирует чужие советы и продолжает действовать в собственных интересах
«Красное лето» *(«Стрекоза и муравей»)*	В древнерусском языке «красный» = «красивый»; выражение означает «прекрасное лето» и отражает традиционное восприятие лета как времени красоты и изобилия

Таблица 3. Логоэпистемы побудительного характера

Логоэпистема *(источник)*	Семантическая трактовка
«Не плюй в колодезь, пригодится воды напиться» *(«Лев и мышь»)*	Народная мудрость, подчеркивающая важность бережного отношения к окружающим: любое доброе дело или помощь могут вернуться в будущем
«Пой лучше хорошо щегленком, чем дурно соловьем» *(«Скворец»)*	Совет реализовывать собственные возможности в доступной сфере; мысль о том, что лучше достичь успеха в малом, чем потерпеть неудачу, стремясь к недостижимому

Стратегия доместикации при переводе логоэпистем с русского языка на китайский

Немецкий философ Фридрих Шлейермахер выдвинул идею о том, что задача переводчика не «тревожить» читателя, а позволить автору приблизиться к читателю. Вдохновленный этой концепцией, французский переводчик и теоретик перевода Антуан Берман систематизировал двенадцать видов «деформирующих тенденций» в переводе. К ним относятся: рационализация (rationalization), разъяснение (clarification), экспансия (expansion), облагораживание и популяризация (ennoblement and popularization), качественное обеднение (qualitative impoverishment), количественное обеднение (quantitative impoverishment), разрушение ритмов (the destruction of rhythms), разрушение подразумеваемых сетей значения (the destruction of underlying networks of signification), разрушение лингвистических паттернов (the destruction of linguistic patternings), разрушение диалектных сетей или их экзотизация (the destruction of vernacular networks or their exoticization), разрушение выражений и идиом (the destruction of expressions and idioms) и стирание наложения языков (the effacement of the superimposition of languages) [9].

В данной работе применяется метод разрушения выражений и идиом, а именно осуществляется пробный перевод логоэпистем из басен Крылова с использованием эквивалентных идиом родного языка. Таким образом, для передачи иностранных идиоматических выражений используются аналогичные идиомы родного языка, что позволяет выявить глубинные смыслы и культурные коннотации исходного текста. «В китайском языке богатая система устойчивых выражений, включающая идиомы (чэнъюй, сехоуюй) и широкоупотребительные речевые обороты. Они позволяют лаконично и выразительно передать содержание текста, усиливая литературную окраску и эстетическое восприятие языка, а также демонстрируют филологическую подготовку автора» [10].

Стратегия доместикации при переводе оценочных логоэпистем

Оценочные логоэпистемы имеют глубокие исторические, литературные, фольклорные и социальные корни. Метод доместикации при переводе позволяет передать их оценочные оттенки, такие как критика, ирония или похвала, вызвать аналогичную эмоциональную реакцию, а также сделать перевод более естественным и непринужденным.

Пример 1. «**Беда, коль пироги начнет печи сапожник, А сапоги тачать пирожник**».

Существующие варианты перевода на китайский язык:

假如馅饼由鞋匠来烘烤，靴子由厨师来缝制，会是多么糟糕？*(Перевод Тун Нин, «梭鱼和猫»)*

有句俗语叫："内行看门道，外行看热闹。" *(Перевод Хэ Маочжэна, «梭鱼和猫»)*

При переводе данной логоэпистемы Тун Нин выбрала метод дословного перевода, в то время как Хэ Маочжэн применил стратегию доместикации, заменив ее на пословицу из китайского языка: «内行看门道，外行看热闹». Он также добавил дополнительные пояснения, раскрывающие смысл выражения.

В басне «Щука и кот» рассказывается о том, как щука внезапно захотела научиться ловить мышей и попросила кота взять ее с собой на охоту. Кот предупредил ее о возможных опасностях, но щука не прислушалась к его словам. В результате она лишилась хвоста, будучи укушенной мышами. Очевидно, что мораль данной басни заключается в том, что непрофессионалам не следует браться за дело, в котором они не компетентны. Более того, сама логоэпистема «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник» подчеркивает именно эту идею. Таким образом, применение стратегии доместикации является более целесообразным. Предлагается перевести логоэпистему следующим образом: «没有金刚钻，别揽瓷器活». Данный вариант точно передает смысл басни.

Пример 2. «Со светом Мишка распрощался, В берлогу теплую забрался, И лапу с медом там сосет, **Да у моря погоды ждет**».

Существующие варианты перевода:

熊才不在乎判决：它钻进暖和的熊窝，舔着掌上的蜜糖，静待天气转暖的那天。*(Перевод Тун Нин, «熊在蜂房做监工»)*

黑熊也只当没有这回事，它于是辞别了法官，钻到温暖的洞穴里，舔着沾满蜂蜜的熊掌，等待来年暖和的时光。*(Перевод Хэ Маочжэна, «看守蜂箱的熊»)*

При переводе данной логоэпистемы Тун Нин и Хэ Маочжэн применили стратегию форенизации. Они сохранили коннотацию фразы «у моря погоды ждет» в значении «ожидания хорошей погоды», но не передали ее общеупотребительное значение «бездельничать».

Художественной особенностью данной басни является острая сатира. Звери поступили необдуманно, выбрав медведя, известного своей любовью к меду, в качестве сторожа улья. Однако медведь, пользуясь своим положением, не только не выполнял обязанности, но и воровал и поедал мед. В качестве наказания звери решили, что медведь должен провести всю зиму в берлоге, что для медведей является обычным делом.

Таким образом, представляется целесообразным использовать стратегию доместикации, раскрыв узуальное значение «бездельничать», и предложить вариант перевода: «继续过着游手好闲的日子».

Пример 3. «Знаю, И все читал: но ведать я желаю, Вы сколько пользы принесли? **Да наши предки Рим спасли**!»

Существующий вариант перевода:

"我知道，我在书中读到过，但是，我想了解一下，你们自己可立过什么功勋？""我们的祖先挽救了罗马！" (*Перевод Тун Нин, «鹅»*)

В этом предложении Тун Нин использовала стратегию форенизации, сохранив культурный колорит исходного языка и познакомив целевую аудиторию с древней легендой о том, как «гуси спасли Рим». Однако она не сопроводила текст примечанием с полным изложением этой легенды, что может затруднить понимание у большинства китайских читателей и привести к недопониманию при прочтении данной фразы.

В китайском языке существует похожее выражение, которое встречается в классическом тексте «孔子家语·庙制» (*«Кун-цзы цзя юй // Глава: Правила храмов»)* и звучит следующим образом: «古者，祖有功而宗有德，诸见祖宗者，其庙皆不毁». Оно означает, что «нельзя разрушать храмы тех, чьи предки совершили подвиги, а семьи отличались добродетелью». Данное высказывание имеет схожую культурную коннотацию с русской логоэпистемой «Да наши предки Рим спасли» в обоих случаях подчеркивается идея наследования заслуг предков потомками. На основе этого культурного параллелизма предлагается следующий вариант перевода рассматриваемой единицы: «我们的祖上有功，家族有德!».

Стратегия доместикации при переводе логоэпистем-присловий и логоэпистем побудительного характера

В разговорной речи широко используются логоэпистемы-присловья и логоэпистемы побудительного характера, отличающиеся простотой и доступностью восприятия. При их переводе зачастую применяется метод дословного перевода. Примеры дословного перевода следующие.

1. Логоэпистема «Да только воз и ныне там» переведена как «只有车子至今没挪动» *(Перевод Тун Нин, «天鹅、梭鱼和大虾»)*.

2. Логоэпистема «красное лето» переведена как «美丽的夏天» *(Перевод Тун Нин, «蜻蜓和蚂蚁»)*.

3. Логоэпистема «Пой лучше хорошо щегленком, чем дурно соловьем» переведена как «像夜莺那样唱却唱得拙劣，不如像金翅雀那样唱但唱得出色» *(Перевод Ши Госюна, «椋鸟»)* [11].

Однако некоторые логоэпистемы-присловья и логоэпистемы побудительного характера содержат уникальные черты русской культурной специфики, что обусловливает необходимость применения стратегии доместикации при их переводе.

Пример 4. «Кто знает: может быть, что ваш и ближе час, И что **сыра земля** покроет прежде вас».

Существующий вариант перевода:

说不定你们会比我死得更早，在我之前就躺进湿土里睡大觉。*(Перевод Хэ Маочжэна, «老头儿和三个小伙子»)*

Хэ Маочжэн перевел логоэпистему «сыра земля» дословно как «潮湿的大地» и «湿土», что значительно расходится с образом «матери-земли», почитаемой русским народом, и не отражает культурной коннотации данной логоэпистемы. Как видно из контекста, «И что сыра земля покроет прежде вас» означает «посмертное погребение в землю». В связи с этим предлагается вариант перевода: «马上就入土为安了». Выражение «入土为安» передает идею о том, что только после погребения усопший обретает вечный покой, что культурно близко концепту «сыра земля»: оба отражают уважение и глубокую связь с землей.

Пример 5. «Тут поздно девушки узнали, Что **из огня они, да в полымя попали**».

Существующий вариант перевода:

姑娘们后悔，为时已晚，出了狼窝，又入虎穴。*(Перевод Тун Нин, «女主人和两个女仆»)*

Тун Нин применила стратегию доместикации при переводе. Она передала выражения «огонь» и «полымя» как «狼窝» и «虎穴», использовав китайскую идиому «才出狼窝，又入虎穴». Однако данная идиома означает «цепь опасных ситуаций, угрожающее положение», что не полностью соответствует культурной коннотации «из огня да в полымя попали», подразумевающей череду неудач или ухудшение ситуации.

Учитывая, что данная логоэпистема расположена в заключительной части басни «Госпожа и две Служанки» и служит для акцентирования и углубления основной идеи текста, может быть предложен вариант перевода: «人生不如意之事十有八九». Такой перевод не только точно передает смысл исходного выражения, но и подчеркивает философское звучание басни, отражая ее главную мысль. Выражение «十有八九» универсализирует конкретную ситуацию, показывая, что дилемма «чем больше усилий, тем хуже результат» это не просто случайность, с которой столкнулись служанки, а распространенная закономерность. История двух служанок становится олицетворением беспомощности, которую испытывают многие перед лицом судьбы.

Пример 6. «**А Васька слушает, да ест**».

Существующий вариант перевода:

瓦西卡边听边吃，不慌不忙。*(Перевод Хэ Маочжэна, «猫和厨子»)*

Хэ Маочжэн выбрал стратегию дословного перевода, и его версия передает буквальное значение данной логоэпистемы. В басне рассказывается о том, как повар попросил кота Ваську охранять запасы еды от мышей. Однако вместо этого кот съел все продукты. Когда повар вернулся и начал ругать кота, тот, не обращая внимания на его недовольство, доел остатки пищи. Читатели, ознакомившись с переводом, могут понять, что в этом контексте имеется в виду «ненасытная жадность», однако им будет сложно уловить другой скрытый смысл «игнорирование чужого мнения».

Представляется целесообразным перевести данную логоэпистему следующим образом: «瓦西卡边听边吃，厨师不过是在对牛弹琴». В данном варианте используется китайская идиома, которая дословно переводится как «играть на цитре перед быком» (в русском языке ей соответствует выражение «метать бисер перед свиньями»), что означает, что действия повара, который пытается вразумить кота, бессмысленны. Таким образом можно более полно передать культурную коннотацию оригинала.

Пример 7. «**Не плюй в колодезь, пригодится Воды напиться**».

Существующие варианты перевода:

不要往井里吐痰，有一天，你要喝那井中的水。*(Перевод Тун Нин, «狮子与老鼠»)*

不要往井里吐痰，有一天，你对井水会有所需。*(Перевод Хэ Маочжэна, «狮子和老鼠»)*

Тун Нин и Хэ Маочжэн перевели предложение дословно. Смысл обоих вариантов перевода «злодеям воздается по заслугам». Однако мораль басни заключается в том, что в социальных отношениях важно придерживаться золотой середины, не допуская крайностей, чтобы сохранить возможность для дальнейшего общения. Дословный перевод может исказить смысл, который автор хотел донести до читателя.

Данную логоэпистему можно перевести с помощью китайской пословицы, схожей по культурной коннотации: «凡事留一线，日后好相见». Данный подход позволяет точнее передать исходный смысл и соответствует принципам функциональной эквивалентности в переводе.

Проведенный анализ показал, что логоэпистемы, встречающиеся в баснях И.А. Крылова, обладают ярко выраженной культурной спецификой и значительным прагматическим потенциалом. Их перевод на китайский язык демонстрирует устойчивую тенденцию к использованию стратегии доместикации, что позволяет адаптировать выражения к национально-языковому сознанию китай-

ских читателей и тем самым сохранить коммуникативную эффективность текста. В случае оценочных логоэпистем доместикация обеспечивает передачу ценностных установок русской культуры посредством поиска функциональных аналогов в китайской традиции. При переводе логоэпистем-присловий данная стратегия способствует устранению культурных барьеров, облегчая восприятие пословичных формул адресатом. В отношении побудительных логоэпистем доместикация позволяет сохранить экспрессивность и воздействующий характер оригинала, подбирая эквиваленты, близкие к речевым нормам китайского языка. Таким образом, рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что стратегия доместикации выступает ключевым инструментом при передаче логоэпистем в китайских переводах басен Крылова, обеспечивая адекватность и функциональную эквивалентность текста.

Заключение

Логоэпистемы в баснях И.А. Крылова представляют собой концентрированное выражение национально-культурного опыта, что делает их перевод особенно значимым в межкультурной коммуникации. Проведенное исследование показало, что разные типы логоэпистем требуют дифференцированного подхода к выбору переводческих стратегий. Наиболее убедительно стратегия доместикации проявляет себя при передаче оценочных логоэпистем, поскольку именно они содержат наибольший культурный и эмоциональный потенциал: использование функционально эквивалентных китайских идиом позволяет сохранить иронию, сатиру и ценностные установки оригинала, а также вызвать аналогичную реакцию у читателя.

Что касается логоэпистем-присловий, то в большинстве случаев они могут быть переданы методом дословного перевода, так как отличаются простотой и близостью к повседневной речи. Однако там, где они несут выраженную культурную специфику, дословный перевод оказывается недостаточным, и именно стратегия доместикации позволяет избежать искажения смысла и утраты культурной коннотации. Таким образом, сочетание дословного перевода и адаптации к китайской культурной традиции оказывается наиболее продуктивным решением.

Логоэпистемы побудительного характера связаны с устной традицией и отличаются лаконичностью и воздействующей силой. Их перевод требует сохранения краткости и одновременного учета национально-культурных норм китайского языка. В этом случае целесообразным становится комбинированный подход: дословная передача обеспечивает понятность, а элементы доместикации позволяют приблизить текст к речевым моделям, привычным китайскому читателю, сохранив экспрессивность и прагматический эффект оригинала.

В итоге можно заключить, что стратегия доместикации является ключевым инструментом в переводе логоэпистем из басен Крылова. Она особенно эффективна для оценочных выражений, избирательно необходима при передаче присловий и может быть успешно применена в комбинации с дословным переводом для побудительных формул. Такой подход обеспечивает функциональную эквивалентность перевода и способствует адекватному восприятию произведений Крылова китайской аудиторией, что подтверждает исходную гипотезу исследования и открывает перспективы дальнейших исследований в области перевода культурно маркированных языковых единиц.

Литература

1. Сяо Цин. Поэтические особенности басенного творчества И.А. Крылова // Журнал Чанчуньского педагогического университета. – 2022. – Т. 41. № 1. – С. 130.
2. Крылов И. А. / пер. Хэ Маочжэн. Басни И.А. Крылова // Ханчжоу: Чжэцзянское литературное издательство. – 2020. – 185 с.
3. Крылов И. А. / пер. Тун Нин. Басни И.А. Крылова // Куньмин: Юньнаньское народное издательство. – 2020. – 160 с.
4. Костомаров В. Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века // СПб.: Златоуст. – 2001. – С. 33.
5. Костомаров В. Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века // СПб.: Златоуст. – 2001. – С. 39.
6. Пэн Вэньчжао. Логоэпистемы в текстовом диалоге // Русский язык в Китае. – 2006. – № 3. – С. 48.
7. Костомаров В. Г., Бурвикова Н.Д. Жизнь в мимолетных мелочах // СПб.: Златоуст. – 2006. – С. 25–28.
8. Чжан Яна. Концепция экологии в России и политика по охране природных ресурсов // Журнал Яньшаньского университета (философские и общественные науки). – 2010. – Т. 11. – № 2. – С. 129.
9. Се Тяньчжэнь. Введение в современные зарубежные теории перевода (2-е изд.) // Тяньцзинь: Издательство Наньканского университета. – 2018. – С. 102.
10. Жэнь Ланъин, Пэн Сюаньхун. Анализ стратегий перевода английских коротких рассказов на китайский язык с позиций теории доместикации: на примере рассказа «Истина жизни» // Журнал Юэянского профессионально-технического колледжа. – 2022. – Т. 37. – № 4. – С. 85.

11. Крылов И. А. / пер. Ши Госюн. Басни И.А. Крылова // Нанкин: Издательство «Илинь». – 2021. – 206 с.

ANALYSIS OF THE DOMESTICATION STRATEGY IN TRANSLATING LINGUISTIC-CULTURAL UNITS IN I.A. KRYLOV'S FABLES

Zhang Wantai
Beijing Normal University

The article focuses on the study of the domestication strategy in translating logoepistems from I.A. Krylov's fables into Chinese. The theoretical foundations of the concept of "logoepistem" are clarified, and a classification of the main types of these units found in the fables is provided: evaluative, proverbial, and imperative. Based on several Chinese translations, the paper analyzes the challenges of conveying culturally marked expressions and identifies the differences between literal translation and domestication. The comparative analysis demonstrates that domestication most effectively preserves the cultural connotations and pragmatic effect of the original text, particularly when translating evaluative logoepistems, whereas proverbial and imperative forms can be rendered either literally or with elements of adaptation. The study concludes that the systematic use of domestication strategy ensures functional equivalence and facilitates the adequate reception of Krylov's fables by the Chinese readership.

Keywords: I.A. Krylov, fables, logoepistem, domestication strategy, translation from Russian into Chinese, intercultural communication.

References

1. Xiao Qing. Poetic Features of I.A. Krylov's fables. Journal of Changchun Normal University. 2022. Vol. 41, № 1, p. 130.
2. Krylov I.A. Fables of I.A. Krylov / transl. by He Maozheng. Hangzhou: Zhejiang Literature Publishing House, 2020. 185 p.
3. Krylov I.A. Fables of I.A. Krylov / transl. by Tong Ning. Kunming: Yunnan People's Publishing House, 2020. 160 p.
4. Kostomarov V. G., Burvikova N.D. Old wineskins and young wine. From observations on Russian word usage at the end of the 20th century. St. Petersburg: Zlatoust, 2001, p. 33.
5. Kostomarov V. G., Burvikova N.D. Old wineskins and young wine. From observations on Russian word usage at the end of the 20th century. St. Petersburg: Zlatoust, 2001, p. 39.
6. Peng Wenzhao. Logoepistems in textual dialogue. Russian Language in China. 2006. № 3, p. 48.
7. Kostomarov V. G., Burvikova N.D. Life in ephemeral details. St. Petersburg: Zlatoust, 2006, pp. 25–28.
8. Zhang Yana. The concept of ecology in Russia and the policy of natural resource protection. Journal of Yanshan University (Philosophy and Social Sciences). 2010. Vol. 11, № 2, p. 129.
9. Xie Tianzhen. Contemporary Theories in Foreign Translation Studies: An Introductory Reader (2nd ed.). Tianjin: Nankai University Publishing House, 2018, p. 102.
10. Ren Langying, Peng Xuanhong. Analysis of translation strategies of English short stories into Chinese from the perspective of domestication theory: a case study of "The Facts of Life". Journal of Yueyang Vocational and Technical College. 2022. Vol. 37, № 4, p. 85.
11. Krylov I.A. Fables of I.A. Krylov / transl. by Shi Guoxiong. Nanjing: Yilin Publishing House, 2021. 206 p.